ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

СССР И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКИХ НАРОДОВ
РИМСКАЯ КУРИЯ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО
БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ В ПОИСКАХ НОВОГО МЕТОДА
АНГЛИЙСКИЕ РАБОЧИЕ НА ЗАРЕ КАПИТАЛИЗМА
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ
ПРЕДЫСТОРИЯ ПАКТА 1939 ГОДА
1919 ГОД: ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

9

МОСКВА · 1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1972 г.

★

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» · МОСКВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

С. И. Якубовская — Роль Союза ССР в развитии советских наций и народностей (1922—1928 гг.) 3
П. С. Мстиславский — Современный этап развития советской экономики 18
Э. Винтер, действительный член Германской Академии наук в Берлине (ГДР) — Отношение Ватикана к Советскому Союзу . . . 39
Е. В. Гутнова — Евгений Алексеевич Косминский 52
М. А. Барг — Вопросы метода в современной буржуазной историографии 63
Академик Ж. П. Пах (Венгрия) — Барщина и наемный труд в помещичьем домениальном хозяйстве Венгрии в XVI—XVII веках . 82
Н. М. Мещерякова — К положению английского пролетариата в эпоху раннего капитализма 98

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. Н. Воронин, А. Г. Кузьмин — Духовная культура Древней Руси 111

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

И. Ю. Андросов — Накануне второй мировой войны 133
Б. Ф. Федотов — На дальних подступах к Красному Питеру . . . 143

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

И. П. Козлитин — Публикации по истории промышленности и развития методов хозяйствования в СССР 155

Рецензии

И. С. Куликова — В. Д. Есаков. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой 165
Е. А. Луцкий — Н. А. Кравчук. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март — октябрь 1917 г. По материалам великорусских губерний Европейской России) 167

А. А. Преображенский — «Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода» 170
П. С. Ткаченко — П. С. Гусятников. Революционное студенческое движение в России 1899—1907 гг. 173
А. Н. Сахаров — Ф. П. Сергеев. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. 175
Член-корреспондент АН СССР С. Л. Тихвинский — А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае (1925—1927 гг.). . . 178
В. А. Смирнова — Н. Ю. Колпинский. Деятельность Ф. Энгельса в годы 1 Интернационала 180
Ю. Кахк (Таллин), **Э. Тарвел** (Таллин) — А. С. Кан. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция) 182
Новые книги 184
Статьи в советских периодических изданиях 186
Хроникальные заметки 189

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

А. И. Недорезов — «Путь к ленинизму». Документы к истории КПЧ в 1921—1929 гг. 193
З. Н. Шаврова — Франсуа Бийу. Когда мы были министрами . . . 196
И. С. Рыбаченок — П. Якобс. Становление франко-русского союза 1890—1894 199
А. Ю. Шпирт — Грем Джонс. Роль науки и техники в развивающихся странах 202

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах . . 204
Рецензии на советские издания 206
Коротко о книгах 207

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Я. М. Горелик — Выдающийся советский военный деятель 209
Н. И. Кузнецов — Общество попечения о Русском музее в Женеве 213
Н. А. Рабкина — Последний из декабристов 215
ШОТА АМБАКОВИЧ МЕСХИЯ 219
Сведения об авторах 220
Резюме статей на английском языке 221

СТАТЬИ

К 50-летию образования СССР

РОЛЬ СОЮЗА ССР В РАЗВИТИИ СОВЕТСКИХ НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ (1922—1928 гг.)

С. И. Якубовская

Основной целью ленинской национальной политики постоянно было сплочение трудящихся всех советских наций в борьбе за осуществление великих идеалов социалистического и коммунистического строительства. «Главным выразителем тенденции к объединению, ведущей силой этого процесса, как и социалистической революции, выступал рабочий класс»[1]. Образование СССР явилось великой исторической вехой в развитии процесса братского сотрудничества советских народов.

Образование СССР — добровольного государственного союза равноправных и суверенных народов — открыло широкие перспективы для всестороннего развития всех советских наций и народностей, выявления их творческих потенций. Объединение в составе единого союзного государства позволило сплотить советские народы для решения коренных задач социалистического строительства, одной из которых являлось последовательное осуществление интернационалистских принципов ленинской национальной политики. Обширная программа мероприятий в области национальной политики была сформулирована в решениях X и XII съездов Коммунистической партии. Большое внимание в этих решениях уделялось ликвидации такого наследия времен царизма, как фактическое неравенство наций. Выполнение этой задачи было связано прежде всего с ликвидацией многоукладности экономики страны. В разработанной под руководством В. И. Ленина резолюции X съезда РКП(б) ликвидация фактического неравенства наций трактовалась как задача более активного вовлечения в социалистическое строительство народов, находившихся на докапиталистических стадиях развития. Речь шла о социалистическом преобразовании «феодальных и полуфеодальных окраин царской России» в процессе борьбы за победу социализма[2].

Проблема ликвидации фактического неравенства наций в СССР получила известное отражение в трудах советских историков, юристов и философов. Была раскрыта органическая связь ликвидации фактического неравенства наций с борьбой за построение социализма, показано, что решение этой задачи обусловлено закономерностями процесса социалистического и коммунистического строительства. Значительным вкладом в исследование проблемы явились работы, посвященные переходу ранее отсталых народов к социализму, минуя капиталисти-

[1] «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС. М. 1972, стр. 10.

[2] См. там же, стр. 14.

ческую стадию развития. Тем не менее до сих пор отсутствуют монографические исследования о преодолении фактического неравенства наций и народностей в СССР. Вследствие этого отдельные теоретические и конкретно-исторические аспекты проблемы не получили должного освещения. Нет ясного толкования и самого термина «фактическое равенство». Автор данной статьи понимает его как решение формационной задачи, то есть задачи превращения советских наций в однотипные по своей социально-экономической структуре. В статье ставится задача осветить роль союзных органов власти в борьбе за создание благоприятных условий для развития наций и народностей со времени образования СССР по первый год первой пятилетки (1927/28 г.) включительно. 1929 год, в течение которого произошел скачок в осуществлении социальной реконструкции, явился новым историческим рубежом и в процессе развития всех советских наций. Национальная политика Советской власти, как известно, включает в себя ряд аспектов. В статье анализируются мероприятия, направленные на укрепление советской национальной государственности народов и на преодоление их отсталости, унаследованной от времен царизма.

Уже в первых актах союзное государство провозгласило одной из своих главных целей создание максимально благоприятных условий для всестороннего развития и братского сотрудничества всех наций и народов СССР. В обращении Президиума ЦИК Союза ССР «Ко всем правительствам и народам мира», извещавшем об образовании СССР, говорилось: «Созданное таким образом на основе братского сотрудничества народов советских республик союзное государство ставит себе целью сохранение мира со всеми народами. Равноправные национальности в тесном взаимодействии и совместной работе будут рука об руку развивать свою культуру и благосостояние и осуществлять задачи власти трудящихся»[3]. Создание союзных органов власти — ЦИК, СНК, СТО, ВСНХ — и союзных наркоматов обеспечило возможность усилить планомерность в проведении мероприятий по ликвидации фактического неравенства. Это проявилось уже в 1923 г. при распределении ассигнований на развитие различных отраслей народного хозяйства, а также в декрете СНК СССР «О порядке управления промышленными предприятиями союзного значения»[4]. Согласно этому декрету, многие предприятия республик переводились на союзный бюджет.

Ликвидация фактического неравенства наций была сопряжена с преодолением гигантских трудностей, связанных с тем, что народы СССР находились на разном уровне социально-экономического и культурного развития; многие из них ко времени победы Великой Октябрьской социалистической революции были еще на стадии феодального развития, а у отдельных народностей сохранялись даже первобытнообщинные формы. Резкие диспропорции в уровне развития отраслей хозяйства как внутри республик, так и между ними были унаследованы от прошлого, выражая собой действие закона неравномерности развития капитализма и результат политики национально-колониального угнетения, которую проводили господствующие классы царской России.

Историческую роль в ликвидации отсталости ранее угнетенных народов призваны были сыграть помощь русского пролетариата, русского народа и укрепление советской государственности самих народов. В. И. Ленин поставил эти задачи еще в своих дореволюционных трудах. Полемизируя с польскими социал-демократами, он писал в работе «Итоги дискуссии о самоопределении»: «Но где же основания думать, что большая нация, большое государство, перейдя к социализму, не сумеет привлечь маленькой угнетенной нации в Европе посредством

[3] «История Советской Конституции». Сборник документов. М. 1958, стр. 427.
[4] Собрание узаконений (СУ), 1923, ст. 913.

«бескорыстной культурной помощи»? ...Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой «культурной помощи», лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство»[5]. Аналогичные мысли он высказал и в работе «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».

Намечая программу ликвидации фактического неравенства наций, X съезд партии отметил, что ее реализация будет длительным процессом. В решении съезда подчеркивалось, что огромное историческое значение для ликвидации фактического неравенства имеет создание и укрепление советской государственности. Как отмечалось в резолюции съезда, задача партии состояла в том, чтобы «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения»[6]. Решение X съезда РКП(б) ориентировало прежде всего на ликвидацию политической отсталости народов и развитие их общественной самодеятельности, ибо только на основе укрепления диктатуры пролетариата во всех республиках, только на основе роста общественной и трудовой самодеятельности трудящихся всех наций можно было решить задачу социалистического строительства.

Ликвидация политической отсталости народов была органически связана с ликвидацией их экономической отсталости. Эти задачи взаимно обусловливали друг друга. В первые годы существования Советского союзного государства были осуществлены крупные преобразования, направленные на создание и укрепление советской государственности народов, на обеспечение условий для консолидации наций. В Средней Азии в результате проведения национально-государственного размежевания были образованы Узбекская и Туркменская социалистические республики. Истории этого размежевания посвящен ряд работ; первые из них появились еще в середине 20-х годов[7], в последующее время эта проблема затрагивалась в научных трудах по истории советского общества и особенно в коллективных работах и монографиях по истории республик Средней Азии и Казахстана[8]. Проведение национально-государственного размежевания в Средней Азии имело не локальное, а принципиальное международное значение. Воссоединение ранее раздробленных народов было осуществлено на основе их свободного волеизъявления, достигнутого между ними добровольного

---

[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 36.

[6] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Т. 2. Изд. 8-е, стр. 252.

[7] И. М. Варейкис, О. Зелинский. Национально-государственное размежевание Средней Азии. Ташкент. 1925.

[8] См. «История народов Узбекистана». Т. II. Ташкент. 1951; «История Туркменской ССР». Т. II. Ашхабад. 1957; «История Киргизской ССР». Т. II. Фрунзе. 1963. «История таджикского народа». Т. III. Душанбе. 1965; «История Казахской ССР», Т. II (эпоха социализма). Алма-Ата. 1967; А. Нусупбеков. Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической Республике. Алма-Ата. 1953; Х. Т. Турсунов. Образование Узбекской Советской Социалистической Республики». Ташкент, 1957; Э. Воскобойников, А. Зевелев. Туркомиссия ВЦИК и СНК. Ташкент. 1957; А. И. Ишанов. Укрепление государства в Узбекистане в начальный период восстановления народного хозяйства. «Ученые записки» юридического факультета САГУ. Вып. III. 1957; С. Назаров. Из истории деятельности Средазбюро ЦК РКП(б). Ташкент. 1965, и др.

соглашения. Вновь образовавшиеся советские республики — Узбекская и Туркменская — на III Всесоюзном съезде Советов (май 1925 г.) были приняты по их заявлению в состав СССР.

Национальное размежевание сыграло положительную роль в процессе консолидации советских наций Средней Азии, в ликвидации их политической, экономической и культурной отсталости. Президиум Госплана в августе 1925 г. отмечал в своем решении, что национальное размежевание в Средней Азии не только позволяет приступить здесь «к более широкому хозяйственному строительству», но и требует «ускоренного темпа такого строительства». Вследствие этого он принял постановление о проведении мероприятий «по отдельным отраслям народного хозяйства республик Средней Азии в 1925/26 г. в соответствии с принятием ускоренного темпа экономического развития Средней Азии и Казахстана»[9]. По решению президиума Госплана из бюджета Союза ССР отпускалось около 14 млн. руб. на ирригационные работы в Средней Азии и Казахстане, предусматривались ассигнования на строительство здесь текстильных фабрик, электростанций и агрономические мероприятия[10]. Народы Средней Азии наглядно убеждались в положительных результатах создания социалистической национальной государственности и факта вхождения в союзное социалистическое государство.

В результате национально-государственного размежевания значительно увеличилась территория Киргизской (Казахской) АССР, входившей в РСФСР. В состав Киргизской (Казахской) АССР были включены две крупные области: Семиреченская и Сыр-Дарьинская. В процессе размежевания образовались новые советские автономии: Таджикская АССР в составе Узбекской ССР, Кара-Калпакская автономная область в составе Казахской АССР, Кара-Киргизская автономная область в составе РСФСР и Горно-Бадахшанская автономная область в составе Таджикской АССР.

В 1924—1926 гг. на основе соглашения между органами власти РСФСР и БССР и с санкции союзных правительственных органов было дважды проведено укрупнение территории Советской Белоруссии. В результате ее население увеличилось почти в 3 раза[11]. Присоединение к Белоруссии промышленных городов Витебска и Гомеля имело большое значение для развития ее народного хозяйства и повышало удельный вес рабочего класса в составе населения республики. Все расходы, связанные с укрупнением БССР, были покрыты из союзного бюджета на основании специального решения Президиума ЦИК СССР, принятого 7 марта 1924 года[12]. В 1927 г. в связи с присоединением к Белоруссии Гомельского и Речицкого округов республике вновь были предоставлены дополнительные ассигнования из союзного бюджета[13].

Продолжалось образование новых автономий. В 1924 г. было завершено размежевание по национальному признаку Горской республики. В ноябре 1926 г. сессия ЦИК XII созыва утвердила постановление Президиума ВЦИК о преобразовании Киргизской автономной области в Киргизскую АССР. XII Всероссийский съезд Советов (1927 г.) утвердил постановление сессии ВЦИК об образовании Киргизской автономной республики. 12 октября 1924 г. сессия ЦИК УССР приняла постановление об образовании Молдавской АССР в составе Украины. За один год существования Молдавии ее бюджет сравнительно с предшествую-

---

[9] ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 1, д. 233, лл. 175—176.
[10] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 233, лл. 178—179.
[11] «Доклад правительства БССР на III сессии ЦИК СССР». Минск. 1927, стр. 71.
[12] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 102, д. 107, л. 47.
[13] Там же, ф. 3316, оп. 20, д. 561, л. 17.

щим годом увеличился в 2 раза[14]. 50% расходов по этому бюджету составляли расходы на просвещение. Удовлетворяя стремления трудящихся Чувашии, ВЦИК декретом от 21 апреля 1925 г. преобразовал Чувашскую автономную область в Чувашскую АССР. Постановлением Президиума ВЦИК в апреле 1927 г. была образована Черкесская автономная область в составе Ставропольского края.

Основой укрепления и развития государственности являлись Советы. Выборы в них в 1924 г. проходили в условиях острой классовой борьбы. Низкий процент явки избирателей в ряде местностей свидетельствовал об ослаблении в этих районах связи Советов с массами. В октябре 1924 г. при ЦК РКП(б) было проведено совещание секретарей деревенских ячеек по вопросам деятельности Советов. Октябрьский Пленум ЦК РКП(б) в своих решениях выдвинул лозунг «оживления Советов»[15]. В декабре 1924 г. при Президиуме ЦИК СССР было организовано «Совещание по вопросам советского строительства», работавшее под руководством М. И. Калинина. Президиум ЦИК постановлением от 29 декабря назначил новые выборы в тех местностях, где явка избирателей не достигала $^1/_3$ их общего числа[16].

В речи на I Всесоюзном совещании по вопросам советского строительства в январе 1925 г. М. И. Калинин охарактеризовал огромную роль Советов в борьбе за победу социалистической революции. Отмечая, что вовлечение в работу широких масс трудящихся имеет большое значение для преодоления бюрократизма, он говорил: «Почему эти задачи встали перед нами? Ведь Советы имеют столь блестящее прошлое. ...Задачи эти встали перед нами потому, что мы стали замечать, что органы, их выполняющие, окостеневают, начинают костенеть, расчленяясь на разные отрасли, они стали до известной степени бюрократизироваться, что выражается в потере ими массовых симпатий»[17]. М. И. Калинин призывал к укреплению связей с широкими массами беспартийных и расширению социальной базы Советов. На совещании был заслушан ряд докладов с мест (Янушинского сельсовета Звенигородского уезда Московской губ., одного из волисполкомов Усманского уезда Воронежской губернии, Ляликовской сельской рады Полтавской губернии, Низовского сельсовета Нижнемосковской волости Пензенской губернии, Нижегородского горсовета, Тверского горсовета)[18]. Совещание одобрило законопроект «Об укреплении революционной законности» и проект новой избирательной инструкции о выборах в Советы. Второй пленум совещания по вопросам советского строительства состоялся в апреле 1925 года. Он одобрил ряд важных проектов постановлений: «Об укреплении волисполкомов и сельсоветов», «О волостном бюджете», «О городских Советах» — и принял решение считать свою работу законченной[19]. Новая инструкция о выборах в Советы 1925 г. значительно расширяла круг избирателей, уменьшала число лиц, лишенных избирательных прав[20]. Участие избирателей в выборах в Советы активизировалось. Наиболее высокий процент участия избирателей в выборах в сельсоветы был достигнут в 1927 г. в промышленных областях РСФСР, в Азербайджанской и Украинской ССР, самый низкий — в Туркменской ССР.

Политика «оживления Советов» проводилась во всех республиках и в ряде из них имела национальные особенности. В работах историков советских национальных республик показано, как тщательно учитыва-

---

[14] «СССР в период восстановления народного хозяйства». М. 1955, стр. 466.

[15] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 3. Изд. 8-е, стр. 137.

[16] Свод законов (СЗ) СССР, 1925, № 16, ст. 1.

[17] М. И. Калинин. Статьи и речи. М. 1936, стр. 160.

[18] Там же, стр. 449.

[19] Там же, стр. 450.

[20] Там же, стр. 167.

лись эти особенности в ходе советского строительства 20-х годов. В. П. Шерстобитов, например, отмечает, что уже во время выборов в Советы в 1925—1926 гг. в Киргизской автономной области расширилась социальная база Советов. В то же время автор показал, что влияние баев, манапов и кулаков было еще не преодолено. Особое внимание партийные органы уделяли укреплению Советов в кочевых районах. Огромную роль при этом сыграло создание джайлоонных (кочевых) Советов. Первый такой Совет был образован в 1927 г. на крупнейшем джайлоо Киргизии — Сусамыре [21]. Кочевые Советы создавались также в Казахстане и в других национальных районах.

На Крайнем Севере и Дальнем Востоке при создании Советов учитывался родовой принцип. На основе тщательного изучения и сопоставления архивных источников В. А. Зибарев исследовал историю разработки «Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», утвержденного ВЦИК 25 октября 1926 года. Он показал, что в основе этого документа лежали проекты положений, разработанные местными комитетами Севера для окраин страны (Архангельской губернии, Автономной области Коми, Уральской области, Красноярского края, Бурят-Монгольской и Якутской АССР) [22]. Согласно «Временному положению», у народностей Севера вводились советские органы, но они в значительной степени сохраняли родовой принцип. Такими органами являлись родовые собрания, родовые Советы, районные туземные съезды и районные туземные исполкомы. Роды, насчитывавшие менее 100 чел., могли не избирать родовые Советы, а управляться непосредственно родовым собранием. «Положение» оговаривало отстранение от участия в выборах крупных оленеводов, торговых посредников и манапов [23]. В. А. Зибарев считает, что «Временное положение» преувеличивало «значение родовых связей и родового принципа при создании Советов». Он разделяет мнение М. А. Сергеева о том, что родовой принцип организации Советов у малых народностей Севера «был в известной части принципиально ошибочен и не оправдал себя полностью» [24]. Однако тезис о принципиальной ошибочности этого принципа как М. А. Сергеевым, так и В. А. Зибаревым не вполне разъяснен. Если речь идет о том, что нельзя отождествлять социализм как формацию, стоящую на более высокой, нежели капитализм, ступени развития, с примитивными формами коммунизма, то тогда это утверждение верно. Но вряд ли авторы полагают, что составители «Временного положения» хотели ввести социализм на родовой основе. Речь шла об учете особенностей быта, о том, ломать или не ломать роды при создании Советов. Советская власть правильно учитывала отсутствие у малых народностей Севера в тот период должных экономических и политических условий для ломки родовых порядков.

Партийные и советские органы проводили большую работу среди национальных меньшинств. Создавались национальные районы и национальные сельсоветы. В резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» отмечалось, что в РСФСР существуют еще «отдельные текучие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инонациональные компактные большинства и, в большинстве случаев, не имеющие определенной территории» [25]. Съезд подчеркивал, что политика Советской власти по отношению к на-

[21] В. П. Шерстобитов. Ленин и крестьянство Советского Востока. (На материале Киргизской ССР.) Фрунзе. 1969, стр. 596.

[22] В. А. Зибарев. Советское строительство у малых народностей Севера. Томск. 1968, стр. 127.

[23] СУ, 1926, № 73, ст. 575.

[24] В. А. Зибарев. Указ. соч., стр. 132—133; М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народностей. М.-Л. 1955, стр. 231.

[25] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 2, стр. 254—255.

циональным меньшинствам основана на гарантии их свободного развития [26]. В ряде республик национальные меньшинства составляли значительный процент в составе населения. В 1927 г. на территории Белоруссии существовало 23 польских Совета, 22 еврейских, 5 латышских, 2 русских, 2 немецких [27]. Для национальных меньшинств создавались школы, клубы, издавались газеты и книги на родном для них языке. Аналогичная работа проводилась на Украине и в других советских республиках. В 1925 г. на Украине существовало 69 русских сельсоветов, 117 немецких, 61 польский, 19 еврейских, 9 молдавских, 27 греческих, 28 болгарских, 13 чешских. В 1927 г. здесь насчитывалось уже 292 русских, 237 немецких, 139 польских, 78 еврейских, 57 молдавских, 30 греческих, 42 болгарских, 12 чешских, 3 албанских, 4 белорусских и 1 шведский сельсовет [28]. Делопроизводство в них велось на языке национальных меньшинств. Для земельного устройства трудящихся евреев был создан специальный комитет — Комзет. Президиум Совета Национальностей ЦИК Союза ССР в 1928 г. заслушал доклад Комзета о его работе [29].

Вопросы укрепления советской национальной государственности и развития национальных взаимоотношений были в центре внимания партийных и советских органов. На заседаниях Совета Национальностей ЦИК СССР, Президиума ЦИК и Совнаркома регулярно слушались доклады ЦИКов и Совнаркомов республик. В период между III и IУ съездами Советов (1925—1927 гг.) ЦИК заслушал доклады правительств Узбекской и Туркменской ССР. Доклад правительства Украинской ССР был заслушан на 2-й сессии ЦИК Союза ССР 3-го созыва. В резолюции по этому докладу отмечались достижения республики в советском строительстве и подчеркивались задачи дальнейшего укрепления советского аппарата и приближения его к массам [30]. В период между IV и V съездами Советов Совнарком СССР слушал доклады Совнаркомов Белорусской и Узбекской республик. В тот же период Президиум Совета Национальностей слушал доклад президиума ЦИК ЗСФСР. На 4-й сессии ЦИК СССР 4-го созыва был заслушан доклад правительства Узбекской ССР [31]. Решение сессии по докладу предусматривало ряд мероприятий по укреплению и развитию советского строя в республике. Доклады правительств республик в союзных органах власти, их обсуждение и решения по ним играли важную роль в укреплении и развитии национальной государственности народов СССР.

Большое значение для укрепления национальной государственности и приближения советского аппарата к трудящимся всех национальностей имела «коренизация», или, как иногда ее называли тогда, «национализация» аппарата управления. Успешное решение задачи «коренизации» было тесно связано с подготовкой национальных партийных и советских кадров и квалифицированных рабочих из коренного населения. В середине 20-х годов под руководством ЦК РКП(б) происходил перевод в национальные республики из центра работников, знающих национальные языки. В отчете Учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б), опубликованном в 1924 г., отмечалось, что необходима «значительная работа по учету националов, работников губмасштаба, работающих вне своих республик и областей... Особенно остро стоит вопрос о переброске на Украину украинцев, в связи с тем, что во главе многих губернских и республиканских органов Украины стоят работники, не знающие украин-

[26] См. там же, стр. 255.

[27] «Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике». Минск. 1928, стр. 96.

[28] «Год работы правительства (1927/28)». М. 1929, стр. 35.

[29] Там же, стр. 40.

[30] «От съезда к съезду». М. 1927, стр. 95.

[31] Там же, стр. 142.

ского языка». В отчете сообщалось далее, что было проведено обследование Самаркандской партийной организации, которое выявило, что только 10% руководящих работников области являлись узбеками. Данные о работниках, посылаемых в Среднюю Азию, показывали, что большинство из них училось в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) [32].

Подготовка национальных кадров велась как в центре (броня для учащихся национальных республик и областей в вузах и комвузах), так и на местах. Проблемы «коренизации» обсуждались в центральных союзных органах власти. 19 мая 1928 г. Президиум Совета Национальностей ЦИК Союза ССР принял решение по докладу президиума ЦИК Казахской АССР «О коренизации государственного аппарата в Казахской АССР». В решении отмечалось, что, несмотря на ряд трудностей, «в деле коренизации есть уже ряд несомненных достижений, например, перевод делопроизводства низовых Советов, Союза кошчи, судебного аппарата на казахский язык» [33]. В то же время постановление отмечало недостатки в проведении «коренизации». Наименьшие успехи в «коренизации» губернского и республиканского аппарата были достигнуты в Средней Азии. Наибольшие — в республиках Закавказья, в частности в Грузии и Армении, где, по существу, эта проблема остро и не стояла ввиду наличия достаточного количества национальных кадров. Сложнее дело обстояло в Азербайджане, где «коренизация» республиканского аппарата была также недостаточной. Значительными были достижения в «украинизации» аппарата в УССР. В то же время в республике наблюдалась и принудительная «украинизация», когда представителей других национальностей пытались заставить учиться в украинских школах, отказаться от родного языка и т. п. Коммунистическая партия Украины осудила эти попытки и вела борьбу за строгое соблюдение ленинских принципов национальной политики. В марте 1927 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК КП(б)У в решении по докладу Политбюро ЦК КП(б)У подчеркнул, что проведение «украинизации» должно осуществляться «при всемерном обеспечении прав нацменьшинств и решительном исправлении имеющихся извращений, в частности, по отношению к русской части пролетариата» [34]. Характеризуемые годы для большинства республик были начальным периодом в решении задачи «коренизации» государственного аппарата. Решающий перелом в этом вопросе был достигнут в годы пятилеток на основе успехов социалистической реконструкции хозяйства и культурной революции.

Укрепление и развитие советской национальной государственности осуществлялись в условиях острой классовой борьбы, в борьбе с проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма. Коммунистическая партия, руководя этим процессом, уделяла большое внимание воспитанию коммунистов национальных республик и областей в духе пролетарского интернационализма. XII съезд партии подчеркнул необходимость борьбы против великодержавного шовинизма, как главной опасности в тот период, и местного национализма. IV совещание ЦК с работниками национальных республик и областей в резолюции, осудившей антипартийную деятельность Султан-Галиева, подчеркнуло остроту задачи выращивания «подлинно интернационалистских коммунистических кадров из местных людей в республиках и областях, особенно из пролетарских и полупролетарских элементов» [35].

В 1924 г., проверяя выполнение решений XII съезда по национальному вопросу и IV совещания ЦК с работниками национальных респуб-

[32] «Известия ЦК РКП(б)». 1924, № 1.
[33] ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 20, д. 431, л. 115.
[34] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 26, д. 9, л. 8.
[35] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 2, стр. 488.

лик и областей, ЦК РКП(б) заслушал доклады Кутаисского и Ганджинского райкомов (Грузия), Андижанского, Мервского, Ферганского обкомов (Узбекистан), Стерлитамакского канткома (Башкирия), Каракалпакского укома (Киргизия). В директиве о подготовке этих докладов ЦК РКП(б) отмечал, что в них следует осветить вопросы «коренизации» аппарата, использования местной интеллигенции, вовлечения местных рабочих в партию и профсоюзы, борьбы против уклонов от ленинских принципов национальной политики [36].

В 1927 г. ЦК ВКП(б) принял решения по докладам Бакинской, Башкирской, Дагестанской, Киргизской и Туркменской партийных организаций [37]. В этих решениях был дан анализ состояния работы указанных парторганизаций и сформулированы мероприятия по их дальнейшему укреплению. Основной упор ЦК ВКП(б) делал на борьбу за преодоление межнациональной розни, воспитание трудящихся в духе пролетарского интернационализма. В решении по докладу Бакинской парторганизации подчеркивалось, что «организация, продолжая дальнейшую коренизацию аппарата, должна усилить работу по интернациональному воспитанию рабочих, развернуть политическую работу среди интеллигенции (учителя, врачи, инженеры и т. п.), повести систематическую борьбу с попытками муссаватистов распространить свое влияние на отдельные слои рабочих-тюрок, учащихся и интеллигенции» [38].

Заслушав доклад «О состоянии и работе Киргизской областной партийной организации», ЦК ВКП(б) 7 мая 1926 г. оценил это состояние как «совершенно неудовлетворительное» [39]. В решении указывались причины такого положения: крайняя экономическая и бытовая отсталость коренного населения; некоторая ненормальность в отношениях между национальностями, в частности между киргизами и русскими; почти полная политическая и техническая неграмотность членов партии и даже значительной части актива; засоренность низовых Советов и партячеек, а отчасти и окружных партийных и советских органов классово чуждыми элементами; наличие в партийной организации группировок и групповой борьбы, являющихся в значительной мере следствием влияния на коммунистов байско-манапских групп, борющихся между собой за власть; большое количество должностных преступлений и нарушений революционной законности [40]. Серьезность положения в парторганизации свидетельствовала о необходимости коренных социально-экономических реформ в Киргизии. ЦК ВКП(б) подчеркнул важность осуществления земельной реформы, направленной на ликвидацию пережитков феодально-родового строя. Центральной задачей местной парторганизации должна была стать борьба за освобождение трудящихся от влияния баев и манапов. Постановление ЦК ВКП(б) предписывало оформить партячейки в кочевых районах, создать краткосрочные курсы для подготовки партактива из рабочих и батраков. Орграспреду ЦК было поручено откомандировать в Киргизию для усиления партийной и советской работы ряд ответственных работников из центра [41].

Деятельность партийных и советских органов союзного государства не ограничивалась мероприятиями, связанными со становлением, укреплением и развитием национальной государственности. Курс на ускоренную индустриализацию требовал мобилизации всех сил и средств страны. Его нельзя было успешно осуществлять без преодоления экономической и культурной отсталости ряда народов. XIV съезд партии указал на необходимость всемерного развития промышленности на местах (район,

[36] «Справочник партийного работника». Вып. IV. М. 1924, стр. 137.
[37] «Справочник партийного работника». Вып. VI, ч. II. М.-Л. 1928, стр. 224—275.
[38] Там же, стр. 226.
[39] Там же, стр. 227—228.
[40] Там же, стр. 248.
[41] Там же, стр. 250.

округ, губерния, область, республика), подчеркнув, что надо всячески стимулировать местную инициативу [42].

Большую роль в преодолении хозяйственной отсталости ранее угнетенных народов играла финансовая политика союзного государства. Утвержденный 2-й сессией ЦИК 2-го созыва 29 октября 1924 г.[43] закон «О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик» устанавливал единство бюджетной системы Союза ССР и передавал право распоряжения основными источниками доходов союзным органам власти. Это позволило союзному государству мобилизовать средства для решения задач социалистического строительства, включавших и задачу ликвидации фактического неравенства наций. Помощь народам Советского Востока, Крайнего Севера и другим осуществлялась главным образом за счет доходов, поступавших из экономически развитых районов РСФСР и УССР. Доля населения этих республик в составе населения СССР была неизменно выше, нежели их доля в расходной части союзного бюджета. Население РСФСР в 1925 г. составляло 69% населения СССР, а в союзных ассигнованиях доля Российской Федерации равнялась 67%, население УССР составляло 20% населения СССР, а ее доля в союзных ассигнованиях — 17% [44]. Доля населения ЗСФСР в населении СССР в том же году составляла 4%, а ее доля в расходной части союзного бюджета равнялась 7,5%. Расходы на душу населения в среднем по СССР в 1924/25 г. составляли 2 руб. 81 коп., а в ЗСФСР они достигали 5 руб. 39 коп. [45]. Дефициты бюджетов республик покрывались обычно из общесоюзного резервного фонда. По решению ЦИК в бюджете СССР в 1926 г. был образован специальный «фонд помощи отсталым народам» [46]. В том же году были опубликованы постановления ЦИК об оказании помощи кочевникам Киргизии и Казахстана, переходящим к оседлости [47], и об освобождении народностей Крайнего Севера от уплаты налогов.

Необходимость ассигнований для преодоления фактического неравенства наций всегда учитывалась при распределении резервного фонда Совнаркома СССР. В августе 1925 г. президиум Госплана СССР обсуждал вопрос о резервном финансовом фонде. Общая сумма этого фонда равнялась 121 810 тыс. рублей. Президиум Госплана предложил большую часть этого фонда — 88 885 тыс. руб.— оставить в качестве резервного фонда СНК СССР [48]. Такое решение было обусловлено тем, что союзное правительство должно было иметь средства для обеспечения важнейших союзных объектов, покрытия дефицитов бюджетов союзных республик и для чрезвычайных расходов. Случалось, что ассигнования РСФСР приходилось уменьшать, чтобы увеличить их республикам Советского Востока. Так, в марте 1926 г. Президиум Госплана СССР принял решение увеличить ассигнования Узбекской республике на электрификацию за счет уменьшения ассигнований РСФСР [49]. Постоянным было расходование средств из резервного фонда СНК СССР для покрытия дефицитов бюджетов союзных республик. В 1925/26 г. союзный бюджет был сбалансирован без него. По Союзу превышение доходов над расходами составило 65 232 175 рублей, по РСФСР — 65 829 859 рублей. Дефицит бюджетов по остальным союзным республикам был равен 75 731 197 рублей. Наименьший дефицит имел бюджет Украинской ССР

[42] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 3, стр. 247.

[43] «2-я сессия ЦИК 2-го созыва». Стенографический отчет. М. 1924.

[44] «3-я сессия ЦИК Союза ССР 3-го созыва». Стенографический отчет. М. 1925, стр. 168.

[45] Там же.

[46] ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 19, д. 852, л. 182.

[47] СУ, 1926.

[48] ЦГАНХ, ф. 4372, оп. 1, д. 242, л. 36.

[49] Там же, д. 281, л. 148.

(3 млн. руб.), наибольший — ЗСФСР (свыше 36 млн. руб.). Дефицит бюджета БССР составил более 6 млн. руб., Узбекской — свыше 19 млн. руб., Туркменской — свыше 10 млн. рублей [50].

25 мая 1927 г. был опубликован закон о предоставлении в распоряжение республик 99% собранных ими сумм сельскохозяйственно-промыслового и подоходного налогов и определены отчисления в республиканский бюджет от других общесоюзных доходов [51]. Этот закон упрочил финансовую базу республиканских бюджетов. Однако и в 1927/28 и в 1928/29 гг. только РСФСР и УССР сбалансировали бюджеты без дефицитов, с превышением доходов над расходами. Бюджеты других республик имели дефициты, которые ликвидировались за счет союзного резервного фонда. За исключением РСФСР, все республики вплоть до конца первой пятилетки получали дотации из союзного бюджета. Особенно значительными они были в бюджетах ЗСФСР и республик Средней Азии.

Характерной особенностью финансовой политики союзного государства являлась концентрация средств на наиболее важных объектах социалистического строительства и такое перераспределение средств, которое обеспечивало помощь в преодолении экономической и культурной отсталости ряда народов. Строительство Днепрогэса и Турксиба было связано не только с решением задачи реконструкции народного хозяйства СССР в целом, но и с реконструкцией экономики Украинской ССР, Средней Азии и Казахстана. На заседаниях Совнаркома и Президиума ЦИК СССР систематически обсуждались вопросы, связанные со строительством Днепрогэса и Турксиба. 4-я сессия ЦИК Союза ССР 4-го созыва (1927 г.) заслушала доклад председателя Совнаркома Узбекской ССР Ф. Ходжаева. В решении по докладу она поручила правительству Узбекистана разработать план электрификации Средней Азии. ВСНХ СССР было дано указание предусмотреть ассигнования на постройку текстильной фабрики в Фергане и наметить строительство ряда других текстильных фабрик. Совнаркому Союза ССР сессия поручила разработать план промышленного развития республики, который обеспечил бы «подтягивание темпа индустриального развития в Узбекской ССР к общему темпу индустриализации Союза ССР» [52].

Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР в 1927 г. заслушал доклады ВСНХ Союза ССР и ВСНХ РСФСР о состоянии и перспективах развития промышленности в автономных республиках и областях. В докладной записке ВСНХ РСФСР приводились данные, свидетельствующие о том, что уже с 1924/25 г. крупные ассигнования по автономным республикам и областям направлялись на новое строительство. В 1925/26 г. средства, отпущенные на эти цели, составили 48% ассигнований на местную промышленность этих областей и республик, тогда как ассигнования на новое строительство по местной промышленности во всех других районах РСФСР равнялись 18,8% общей суммы ассигнований на ее развитие [53]. Президиум Совета Национальностей в своем решении одобрил линию на индустриализацию автономных республик и областей и обратил внимание на необходимость создания в ряде из них предприятий горнодобывающей и горнообрабатывающей промышленности [54].

Большое значение для развития и консолидации советских наций имела подготовка национальных кадров рабочего класса. Союзное государство осуществляло ряд мероприятий, направленных на решение этой задачи. Создавались ФЗУ для подготовки квалифицированных рабочих, производилось обучение местных кадров на предприятиях центральных районов. Решающую роль в создании квалифицированных национальных

[50] ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 1, д. 349, л. 23.
[51] СУ, 1927, № 23, ст. 48.
[52] «Год работы правительства (1927/28)», стр. 39.
[53] ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 20, д. 216, л. 12.
[54] «Год работы правительства (1925/26)». М. 1927, стр. 39.

кадров рабочих сыграли русские рабочие. Серьезное внимание решению этой проблемы уделяли профсоюзы. На III съезде профсоюзов Киргизской АССР специально обсуждался вопрос о подготовке кадров рабочих из местного населения. В решении съезда указывалось, что «прослойка рабочих местной основной национальности среди членов профсоюза увеличилась с 27% в 1926 г. до 34% в 1928 г.» [55]. В то же время съезд отметил, что не были использованы все возможности для подготовки рабочих коренных национальностей. На заседании Совета профсоюзов Казахской АССР 7 февраля 1928 г. обсуждался вопрос «Об обеспечении рабочей силой Турксиба». Был утвержден план подготовки квалифицированной рабочей силы из коренного населения по профессиям, нужным для строительства и обслуживания этой железной дороги. В решении говорилось: «Исходя из необходимости привлечения на строительство Турксиба рабочей силы из местного коренного населения, предложить Казнаркомтруду при удовлетворении заявок послать на работу минимум 50% из местного коренного населения» [56]. В другом решении Совета профсоюзов Казахстана отмечалось, что базой формирования кадров казахского рабочего класса должны стать строящиеся крупные предприятия и железные дороги (Риддер, Эмба-нефть, Турксиб и др.), и подчеркивалась необходимость расширения сети ФЗУ [57].

Совпроф Чувашской АССР признал необходимым провести «максимальное вовлечение на производство в качестве рабочих чувашей из батрацко-бедняцких слоев, во всяком случае, их должно быть не меньше 70%». Одновременно Совпроф счел «возможным и целесообразным привлечение из промышленных центров таких квалифицированных рабочих, которых нельзя подыскать в Чувашской республике» [58]. Предлагалось прикреплять к рабочим, присланным из центра, выходцев из коренного населения АССР. Съезд профсоюзов Дагестанской АССР в 1928 г. подчеркнул, что «перед профсоюзами Дагестана стоят важнейшие задачи в деле социалистического строительства, поднятия культурного уровня вновь вовлеченных в профсоюзы коренных националов и интернационального их воспитания» [59].

Важнейшим этапом в преодолении отсталости народов Средней Азии и Казахстана явилось проведение реформ, направленных на ликвидацию феодально-родовых пережитков. В условиях советского строя это были мероприятия, подготовившие осуществление коллективизации. Реформы сыграли важную роль в процессе перехода народов Средней Азии, Казахстана и Киргизии к социализму, минуя капитализм. 16 апреля 1926 г. ЦИК СССР принял постановление об ассигновании средств на проведение земельно-водной реформы в Средней Азии [60]. В мае 1928 г. Совнарком СССР заслушал сообщение председателя СНК Узбекской ССР Ф. Ходжаева об итогах земельно-водной реформы в республике и принял предложения Госплана об ассигнованиях для обеспечения землеустройства дехкан, получивших землю [61].

Много внимания Советское государство уделяло преодолению культурной отсталости ранее угнетенных народов, развитию у них национальной по форме, социалистической по содержанию культуры. Партийные и советские органы стремились создать максимально благоприятные условия для подъема культуры всех наций. В 1926 г. Президиум ЦИК принял решение ассигновать дополнительные средства УССР для укреп-

---

[55] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 12, д. 234, л. 7.
[56] Там же, д. 280, лл. 23, 28.
[57] Там же, оп. 13, д. 140, л. 24.
[58] Там же, д. 168, л. 14.
[59] Там же, д. 232, оп. 12, л. 206.
[60] В. П. Шерстобитов. Указ. соч., стр. 359.
[61] ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 1, д. 37, л. 121.

ления и развития сети культурных учреждений, работающих на украинском языке. В решении 3-й сессии ЦИК 3-го созыва по докладу председателя СНК Белоруссии М. А. Голодеда отмечались успехи белорусской культуры, которые нашли выражение в расширении сети школ, создании Белорусского университета, Сельскохозяйственной академии, Института белорусской культуры [62]. ЦИК СССР указал на необходимость начать подготовку к созданию в Белоруссии Академии наук.

Сложный процесс становления и развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов Советского Востока и малых советских наций и народностей требовал постоянного внимания со стороны партийных, профсоюзных и государственных органов СССР. В отчете союзного правительства за 1925/26 г. отмечалось относительно Узбекской и Туркменской ССР, что для них необходимо «в первую очередь позаботиться о создании местной азбуки, местной письменности, подготовке культурных работников и т. п.» [63]. В октябре 1926 г. секретариат ЦИК СССР принял решение передать Узбекской ССР экспонаты, отражавшие историю и культуру узбекского народа, которые находились на территории других союзных республик [64]. В постановлении Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР, принятом в августе 1927 г., намечались мероприятия для ускорения преодоления культурной отсталости туркменского народа.

Во второй половине 20-х годов во всех республиках стал осуществляться переход письменности с арабской графики на латинский шрифт. Подготовка к введению нового алфавита проходила в условиях классовой и идеологической борьбы. Резкое сопротивление этому мероприятию оказывало мусульманское духовенство. По решению Президиума ЦИК СССР был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита. Председателем его был видный деятель Азербайджанской ССР Агамалы-оглы. В состав комитета входили ученые-востоковеды и лингвисты, партийные и советские деятели республик Советского Востока. В одном из приветствий состоявшемуся в декабре 1928 г. в Казани пленуму комитета говорилось: «Мы, рабочие-татары Вахитовского завода, приветствуем от имени татарского пролетариата Казани делегатов, прибывших на III пленум от восточных республик. Считая, что в борьбе с неграмотностью и в татаризации фабзавкомов Яналиф (новый, латинизированный алфавит.— *С. Я.*) является прямым путем, мы просим пленум наметить решительные мероприятия в направлении быстрейшего введения Яналифа в условиях Татарстана» [65]. Необходимость ввести новый алфавит отмечалась и в выступлениях на пленуме представителя Казанского обкома ВКП(б) Исмаева и других [66]. В 1928 г. союзное правительство издало закон о латинизированном алфавите народов арабской письменности. Государственные учреждения должны были впредь пользоваться во всех случаях применения тюркско-татарских языков новым алфавитом [67]. На том этапе это сыграло положительную роль в высвобождении трудящихся из-под влияния мусульманского духовенства, ускорило преодоление культурной отсталости тюркских народов и тем самым содействовало широкому вовлечению их в социалистическое строительство. Дальнейшим шагом в этом направлении был перевод в 30-е годы письменности народов Востока с латинизированного алфавита на русский [68].

---

[62] «Год работы правительства (1926/27)». М. 1928, стр. 36, 40.

[63] Там же, стр. 42.

[64] ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. 19, д. 695, л. 6.

[65] «Стенографический отчет 3-го пленума ВЦК». Казань. 1928.

[66] Там же, стр. 6.

[67] «Год работы правительства (1928/29)». М. 1930, стр. 37.

[68] Подробнее об этом см.: Л. М. Зак, М. И. Исаев. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции. «Вопросы истории», 1966, № 2.

Борьба за преодоление культурной отсталости включала в себя и меры против отсталости в быту, в частности по раскрепощению женщин Востока. Отдел работницы и крестьянки при ЦК РКП(б) систематически проводил совещания их представительниц. В 1925 г. Президиум ЦИК СССР в «Обращении к народностям, населяющим национальные республики и области Советского Востока», разъяснил права трудящихся женщин и подчеркнул необходимость борьбы со всеми видами их закрепощения в экономической и семейно-бытовой областях [69]. В апреле 1925 г. ЦК РКП(б) провел III Всесоюзное совещание работников среди женщин Советского Востока. В нем участвовали представители 16 республик и 10 автономных областей [70]. Был заслушан доклад Е. М. Каспаровой «Задачи партии в области работы среди женщин восточных народностей», в котором намечалась программа борьбы за преодоление отсталости женщин и вовлечение их в производство и общественную жизнь. Совещание отметило, что лучшей формой работы среди женщин Востока является клуб, действующий под партийным руководством, и указало на необходимость создания новых и укрепления существующих при ЦИК восточных советских республик комиссий по улучшению условий труда и быта женщин. В октябре 1927 г. Президиум ЦИК СССР провел совещание Комиссий по улучшению труда и быта женщин Востока. Оно признало необходимым усилить вовлечение женщин в трудовой процесс [71]. Наркомтруду было предложено установить броню для женщин на предприятиях республик Советского Востока, а Центросоюзу, Всекопромсоюзу и Совету Союза сельскохозяйственной кооперации — разработать меры по кооперированию женщин Востока [72]. Президиум ЦИК СССР предложил правительствам соответствующих республик дополнить уголовные кодексы статьями, карающими за преследование женщин, порывающих со старым укладом жизни.

В 1928 г. отдел работниц и крестьянок при ЦК ВКП(б) провел IV Всесоюзное совещание работников среди женщин Востока и нацменьшинств. В нем участвовали делегаты 14 республик, 8 автономных областей и 6 национальных районов, представлявших 22 национальности. Основным был вопрос об издании закона, запрещавшего ношение чадры и паранджи. По нему развернулись горячие прения. Представители Закавказья считали возможным издание такого закона [73]. Большинство, однако, возражало против этого, отмечая, что широкие массы трудящихся в республиках и областях Советского Востока еще не подготовлены к восприятию такого закона и его осуществление в административном порядке лишь осложнит работу партии. После совещания вопрос обсуждался в ЦК ВКП(б). В постановлении указывалось, что Центральный Комитет партии, «учитывая крайне сложную обстановку на Востоке в деле фактического раскрепощения женщин, предлагает Заккрайкому, Средазбюро ЦК, Казкрайкому и Дагобкому до издания декрета на местах развернуть широкую разъяснительную работу среди населения и обсуждение проектов законов на массовых собраниях трудящихся с предварительным представлением в ЦК ВКП(б) материалов, характеризующих подготовленность масс к восприятию издаваемых законов» [74]. Постановление предусматривало усиление наказаний для тех, кто мешал женщинам снимать чадру и паранджу. В специальной резолюции совещание наметило формы работы среди женщин-нацменок, прожи-

---

[69] «История Советской Конституции». М. 1957, стр. 491.

[70] «Материалы к итогам 3-го совещания работников среди женщин Советского Востока». М. 1925, стр. 3—4.

[71] «Комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока». М. 1927.

[72] «Год работы правительства (1927/28)», стр. 41.

[73] «Материалы IV Всесоюзного совещания работников среди женщин Востока и нацмен». М. 1929, стр. 3.

[74] Там же, стр. 4.

вавших вне национальных образований, и меры по повышению их трудовой и общественной активности[75]. Фактическое раскрепощение женщин Советского Востока проходило в условиях острой классовой борьбы. На совещаниях работников среди женщин Востока приводились данные об убийствах баями и манапами женщин-активисток, об издевательствах над женщинами, снявшими чадру и паранджу. Но это не могло остановить процесса вовлечения женщин Востока в социалистическое строительство.

Таким образом, можно заключить, что в 1922—1928 гг. партийные и советские органы, последовательно осуществляя ленинскую национальную политику, создавали максимально благоприятные условия для развития и укрепления национальной государственности всех советских наций и народностей. Это был важнейший этап в процессе ликвидации пережитков феодализма и патриархально-родового строя. Ликвидация докапиталистических хозяйственных и общественных форм являлась органической частью борьбы за построение фундамента социалистической экономики. Устранение фактического неравенства наций было обусловлено закономерностями развития по пути к победе социализма в одной стране. Базой индустриализации национальных республик являлись русские промышленные области, и в этом процессе первостепенную роль сыграл русский рабочий класс. Мероприятия союзного государства, направленные на укрепление государственности советских наций, на развитие их политической активности и общественной самодеятельности, сыграли важную историческую роль в укреплении братского сотрудничества советских народов в борьбе за решение созидательных задач социалистического строительства.

В 1922—1928 гг. были достигнуты первые успехи в выравнивании уровней экономического, социально-политического и культурного развития всех наций и народностей СССР. За полвека существования союзного государства накоплен богатейший опыт сплочения советских наций и народностей в борьбе за осуществление великих идеалов социализма и коммунизма. В резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу Центрального Комитета партии подчеркивается, что «необходимо и впредь неуклонно проводить ленинский курс на укрепление Союза Советских Социалистических Республик, исходя из общих интересов Советского государства, а также учитывая условия развития каждой из образующих его республик, последовательно добиваясь дальнейшего расцвета всех социалистических наций и их постепенного сближения»[76]. Союз ССР и на современном этапе осуществляет свою великую историческую миссию, являясь добровольным содружеством равноправных и суверенных наций и народностей.

[75] Там же, стр. 18.

[76] «XXIV съезд КПСС». Стенографический отчет. Т. II. М. 1971, стр. 232—233.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

П. С. Мстиславский

XXIV съезд КПСС глубоко раскрыл закономерности и особенности современного развития советского общества. Коренное значение для их познания и практического использования имеет положение о построении в нашей стране развитого социалистического общества и утвержденная съездом программа дальнейшего его продвижения по пути к коммунизму.

Стадию развитого социалистического общества предвидел В. И. Ленин [1]. Но в то время он считал невозможным определить, как скоро пойдет развитие советского общества [2].

Как показывает исторический опыт, развитой социализм не кратковременный этап, а длительный период развития коммунистической общественной формации, который органически неразрывно связан как с предшествующей стадией социализма, так и с высшей фазой коммунизма. Социализм 30-х годов, развитое социалистическое общество и полный коммунизм имеют общие принципиальные основы. К ним относятся прежде всего: общественная собственность на средства производства, отсутствие эксплуатации человека человеком, отношения коллективного товарищеского сотрудничества, единое народнохозяйственное планирование, высший тип общественной организации труда, трудовое соревнование, сочетание общественных интересов с личными, подчинение развития экономики высшей цели — обеспечению благосостояния и всестороннего развития всех членов общества. В. И. Ленин не отделял социалистическое общество от коммунистического как особый способ производства или особую социально-экономическую формацию. Наоборот, он подчеркивал, что социализм — это «низшая фаза (ступень, этап) коммунистического общества», когда «коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым». Это «*не* полный коммунизм», но и к нему применимо слово «коммунизм» [3]. О коммунистическом обществе В. И. Ленин писал, что оно есть «социалистическое общество в развернутом виде», «законченный социализм», «высшая ступень социализма», и к нему он применял слово «социализм», имея в виду более высокую дальнейшую ступень «вырастающего из капитализма нового общества» [4].

Диалектика развития коммунистического общества в том и заключается, что каждая предыдущая его стадия создает условия для более высокой ступени общественного прогресса и перерастает в высшую ступень. Так, развитое социалистическое общество представляет собой не только дальнейшее развитие производительных сил и совершенствова-

---

[1] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 139; т. 40, стр. 104.
[2] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 96; т. 40, стр. 104.
[3] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 33, стр. 91, 98.
[4] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 36, стр. 65; т. 39, стр. 14, 380; т. 45, стр. 263.

ние социалистических отношений, но и одновременное создание базы и развитие предпосылок их превращения в полностью коммунистические. В этом суть ленинского учения о неизбежности перерастания социализма в коммунизм [5].

Развитой социализм отличается от социализма 30-х годов многими существенными чертами. Важнейшими из них являются: новая, неизмеримо более высокая ступень развития производства, развертывание научно-технической революции, означающие процесс последовательного построения материально-технической базы коммунизма; зрелость социалистических производственных отношений, означающая полноту действия экономических законов социализма, образование новой исторической общности людей — советского народа, развитие процессов преодоления существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, углубление и совершенствование сотрудничества и экономической интеграции социалистических стран; высокий уровень и ускоренный подъем народного благосостояния и всестороннее развитие членов общества, повышение их сознательности и степени активного участия в общественном управлении; общенародное государство при возросшей роли Коммунистической партии и других общественных организаций во всех областях общественной жизни.

Перечисленные черты развитого социалистического общества были всесторонне проанализированы в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. На их основе были определены стратегия и задачи партии на предстоящий период. Не ставя целью статьи дать полную характеристику современного этапа развития экономики Советского Союза, рассмотрим важнейшие новые экономические явления и процессы в сравнении с этапом победы социализма в СССР.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии отмечалось, что длительное время наши экономические возможности в силу известных исторических причин были ограниченны. Мы были вынуждены сосредоточиться на самом первоочередном, на том, от чего зависело само существование молодого Советского государства. Теперь положение стало иным, возможности серьезно расширились, и это дает партии основание поставить вопрос о том, чтобы в еще большей степени нацелить хозяйственное строительство на улучшение жизни народа, сосредоточивать все больше сил и средств на решении задач, связанных с повышением благосостояния советских людей. Вместе с тем современное производство предъявляет быстро растущие требования к работникам. Успешный труд в значительной мере зависит от уровня жизни, от того, насколько полно удовлетворяются материальные и духовные потребности трудящихся. «Таким образом, и наши цели, и возросший экономический потенциал, и потребности развития народного хозяйства делают возможным и необходимым более глубокий поворот экономики к решению многообразных задач, связанных с повышением благосостояния народа» [6].

Концентрированно отражает эту особенность современного этапа определенная XXIV съездом КПСС главная задача текущей пятилетки. Эта задача, говорится в решениях съезда, **«состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда»** [7]. Как подчеркивается в докладах и постановлениях XXIV съезда КПСС, этот курс определяет ориентацию развития советской экономики на длительную перспективу,

[5] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 180.
[6] «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. I. М. 1971, стр. 65—66.
[7] Там же. Т. II. М. 1971, стр. 249—250.

то есть является главной закономерностью ее движения на современном этапе коммунистического строительства.

Первоосновой действия этой закономерности выступает всесторонний и быстрый прогресс материального производства. В результате успешного выполнения четвертой — восьмой пятилеток в нашей стране созданы новые колоссальные производительные силы. Основные производственные фонды качественно, технически полностью обновились и в 1970 г. по стоимостному объему превысили уровень 1940 г. в 7,5 раза, в том числе в промышленности — почти в 11 раз, в сельском хозяйстве — более чем в 4 раза, на транспорте — в 6,2 раза, в строительстве — в 24,3 раза. Коренным образом изменилась и главная производительная сила — трудящиеся. При увеличении населения, занятого в народном хозяйстве, в 1,4 раза, численность имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование возросла в 5,3 раза, специалистов всех специальностей — в 7 раз, в том числе инженеров — в 8,4, научных работников — в 9,4 раза. Были разведаны и вовлечены в экономический оборот новые огромные природные богатства во всех районах страны. Рост квалификации работников и улучшение их технической вооруженности обеспечили повышение производительности труда в промышленности в 4,9 раза, в общественном сельском хозяйстве — в 3,2, в строительстве — в 4,5 раза. Все это увеличило экономическую мощь Советского Союза по производству национального дохода в 8,7 раза, валового общественного продукта (совокупной продукции материального производства) — в 8,14 раза, в том числе промышленной продукции — в 11,9 раза, сельскохозяйственной — в 2,2 и строительной — в 12,6 раза [8].

Производимая ныне продукция существенно отличается от продукции первых пятилеток и в качественном отношении, позволяя значительно эффективнее вести хозяйство и полнее удовлетворять возросшие потребности населения. Во всех областях производства все большее влияние оказывает развертывание научно-технической революции и превращение науки в непосредственную производительную силу. Это влияние проявляется в многократном росте производительности и скоростей действия новых орудий труда, в создании и применении открытых наукой принципиально новых материалов с практически любыми заданными свойствами (синтетические материалы, монокристаллы и т. п.), принципиально новых источников энергии (ядерная, термоядерная), новой технологии производства с широким использованием ЭВМ, применением последних для замены многих видов умственного труда и для комплексной автоматизации процессов, в научной организации производства и труда.

Научно-техническая революция, отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— огромная сила, благоприятствующая социализму, и ею надо по-настоящему овладеть, органически соединить ее достижения с преимуществами социалистической системы хозяйства [9]. Такое соединение заключается прежде всего в том, что наука и научно-технические исследования и разработки благодаря заботе социалистического общества ускоряются и их результаты применяются для повышения уровня народнохозяйственного планирования, для обеспечения сбалансированного и наиболее эффективного пропорционального развития экономики, для быстрого внедрения и распространения лучших образцов техники, технологии и организации производства, для наиболее полного удовлетворения потребностей народа. Социалистическое общество выделяет на науку огромные и все возрастающие средства. В СССР сейчас армия научных работников крупнейшая в мире — ¼ всех научных работников земного шара. В текущей пятилетке затраты

---

[8] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.». М. 1971, стр. 56, 60, 508, 510, 523, 524, 656.
[9] См. «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. I, стр. 82.

на науку увеличатся еще более чем в 1,6 раза по сравнению с восьмой пятилеткой.

Девятая пятилетка явится новым крупным шагом в создании материально-технической базы коммунизма. Пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. предусматривает устойчиво высокие темпы роста всех отраслей производства и значительное увеличение абсолютных приростов продукции и производственных фондов.

Динамика производства СССР (в сопоставимых ценах) [10]

	Единицы измерения	Объемы производства		Абсолютные приросты годового объема за периоды			Во сколько раз прирост за 1971—1975 гг. больше, чем за 1929—1940 гг.
		1940 г.	1970 г.	1929—1940 гг.	1966—1970 гг.	1971—1975 гг. (план)	
Национальный доход	млрд. руб.	33,4	289,9	26,5	89,9	113,0	4,3
Продукция промышленности	»	31,5	374,3	26,1	125,0	174,0	6,7
в том числе: электроэнергетика	млрд. квтч	48,3	740,9	43,3	234,2	324,1	7,5
машиностроение	млрд. руб.	3,0	84,8	2,8	36,2	60,9	21,2
химическая промышленность	»	0,8	21,1	0,7	9,3	15,2	21,7
легкая промышленность	»	15,9	76,5	11,2	27,4	35,5	3,2
пищевая промышленность	»	18,3	78,8	13,6	19,3	28,2	2,1
Продукция сельского хозяйства	»	39,6	87,0	4,8	16,1	20,0	4,1
Грузооборот транспорта	млрд. ткм.	487,6	3 829,2	368,1	1 065,2	1 342,8	3,6
Пассажирооборот транспорта	млрд. пас. км.	106,3	548,9	79,4	182,3	233,4	2,9
Капитальные вложения	млрд. руб.	6,5	82,0	5,6	25,0	31,6	5,7

При этом абсолютные приросты выпуска продукции и увеличения производственных фондов за одно пятилетие теперь в несколько раз превышают их приросты за все довоенные пятилетки, вместе взятые.

Такое сочетание огромных масштабов производства с неуклонно высокими темпами его подъема означает интенсивный тип воспроизводства и повышение его эффективности. Об этом свидетельствует нарастание доли продукции, получаемой за счет роста производительности труда. В настоящее время 3/4 прироста национального дохода получается за счет повышения производительности труда [11]. В восьмой пятилетке доля этого фактора в приросте промышленной продукции составляла 73%, в целом в довоенных пятилетках — лишь 48%, а в 1971—1975 гг. составит 87% [12].

Намеченное в девятой пятилетке повышение эффективности производства, его отдачи на благо народа возможно только на основе существенных качественных изменений в структуре и техническом уровне хозяйства, улучшения использования материально-технических, природных и трудовых ресурсов.

Во-первых, повышается доля общественного продукта и национального дохода, создаваемого и используемого для народного потребления.

---

[10] «СССР в цифрах в 1971 г.». М. 1972, стр. 37, 79, 80, 84, 87, 95, 106, 108, 149, 150, 165, 166, 203; «Народное хозяйство СССР в 1962 г.». М. 1963, стр. 226; «Страна Советов за 50 лет». М., 1967, стр. 28; «Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы». М. 1972, стр. 23, 28, 29, 75, 206, 208, 346.

[11] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 46.

[12] «Государственный пятилетний план...», стр. 87; «Страна Советов за 50 лет», стр. 29.

Промышленное производство предметов потребления начиная с 1968 г. по темпам опережает производство средств производства. В текущем пятилетии намечено в еще большей степени усилить эту тенденцию [13]. При этом все больше товаров для населения выпускают предприятия тяжелой индустрии. Осуществляется разработанная партией долговременная комплексная программа развития сельского хозяйства. Изменяется и направление капиталовложений. В производственных капитальных вложениях систематически повышается доля вложений в отрасли, непосредственно обслуживающие население,— в производственные фонды сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности. В 1971—1975 гг. при общем росте капитальных вложений на 41,6% государственные капитальные вложения в сельское хозяйство увеличатся более чем на 76%, в легкую промышленность — на 90% и в мясо-молочную — в 1,8 раза [14].

Во-вторых, в промышленном производстве в результате опережающих темпов существенно поднялась и продолжает быстро расти роль отраслей, определяющих технический прогресс и повышение производительности труда. За период с 1940 по 1971 г. при общем росте промышленной продукции в 12,8 раза выработка электроэнергии увеличилась в 20 раз, продукция химической и нефтехимической промышленности— в 29,8 раза (в том числе выпуск синтетических смол и пластмасс — в 170 раз), продукция машиностроения и металлообработки — в 31,5 раза (в том числе производство приборов, средств автоматизации и запасных частей к ним — более чем в 164 раза) [15]. Директивами XXIV съезда КПСС в текущей пятилетке предусмотрено еще более быстрое увеличение продукции этих отраслей (на 67% при общем росте промышленной продукции на 47%) [16]. На основе опережающего развития электроэнергетики и машиностроения во много раз повысилась и продолжает быстро нарастать энерго- и электровооруженность труда, а также степень механизации и автоматизации процессов. В сравнении с 1940 г. энерговооруженность труда в промышленности в 1971 г. была больше в 5,6 раза, электровооруженность — в 5,5 раза. Только за 1970—1971 гг. машиностроению поставлено 1 214 комплектов автоматических и полуавтоматических линий. В сельском хозяйстве парк тракторов (в переводе на 15-сильные) в конце 1971 г. увеличился до 4,5 млн. штук против 684 тыс. в 1940 г., грузовых автомобилей — соответственно до 1 262 тыс. против 228 тыс. штук, а потребление электроэнергии возросло в 84 раза [17]. В новой пятилетке энергетические мощности колхозов и совхозов возрастут в 1,5 раза, а потребление электроэнергии в сельском хозяйстве практически удвоится [18].

В-третьих, опережающими темпами расширялось и расширяется во всех отраслях производство экономически более эффективных видов продукции. В топливном балансе 1940 г. уголь составлял 59,1% всех топливных ресурсов, дрова, торф и сланцы — 20,3%, а наиболее эффективные виды топлива — нефть и природный газ — лишь 20,6%. В 1970 г. при увеличении добычи угля и других менее эффективных видов топлива в 2,7 раза добыча нефти и газа поднялась более чем в 15 раз и составила 60,4% всего добываемого топлива. В девятой пятилетке эта тенденция усилится [19]. В черной металлургии возрастает доля

---

[13] «Государственный пятилетний план...», стр. 76.

[14] Там же, стр. 224—225.

[15] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 84, 89, 91.

[16] «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. II, стр. 19; «Правда», 25. XI. 1971.

[17] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 91, 101, 138, 139.

[18] «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. II, стр. 34.

[19] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 183; «Государственный пятилетний план...», стр. 99.

наиболее эффективных видов продукции — листового проката и труб. В 1940 г. в продукции прокатных станов они составляли 28%, а в 1970 г. — 42%. Машиностроение с 1940 по 1970 г. увеличило выпуск металлорежущих станков (в оптовых ценах 1967 г.) в 14,4 раза, а более эффективных видов металлообрабатывающего оборудования — кузнечно-прессовых машин — в 38 раз. При увеличении годового выпуска тракторов с 1940 по 1970 г. в 14,5 раза производство более быстроходных универсальных колесных тракторов расширилось в 47 раз [20]. В приборостроении и производстве средств автоматизации и средств управления только за восьмую пятилетку продукция обновилась за счет лучших видов на 60%, а в текущей пятилетке обновится еще на 70% [21].

В-четвертых, опережающими темпами развиваются принципиально новые отрасли производства, опирающиеся на научные достижения, революционизирующие технику и открывающие перспективы многократного повышения производительности труда: атомная энергетика, реактивная энергетика, электронно-вычислительная техника, производство монокристаллов, лазеры и т. п. В девятой пятилетке 12% прироста мощности электростанций СССР предполагается обеспечить за счет строительства атомных электростанций. Только за 1966—1970 гг. выпуск вычислительной техники возрос в 4,2 раза. В текущей пятилетке намечается ее рост еще в 2,8 раза [22].

В-пятых, в каждом виде производства постоянно осуществляется переход к более высококачественным, более продуктивным и экономичным разновидностям и маркам продукции: в металлургии — к более прочным маркам сталей, сплавов, пресспорошков, к полупроводниковым, магнитным и чистым материалам, более сложным профилям проката, к трубам большего диаметра; в нефтепереработке — к высокооктановым бензинам, малосернистым мазутам и т. д.; в машиностроении — к более мощным, эффективным, надежным и удобным в эксплуатации машинам (в течение последнего десятилетия в СССР ежегодно создавалось 2 700—3 400 новых, более совершенных типов машин и оборудования) [23]; в производстве цемента — к лучшим его маркам; в легкой промышленности — к более прочным видам волокна, более красивым моделям изделий; в пищевой промышленности — к продуктам более питательным и более подготовленным к потреблению; в сельском хозяйстве — к более питательным и сбалансированным концентрированным кормам, более продуктивному скоту, высокоурожайным семенам и т. д.

В-шестых, на основе внедрения улучшенных видов продукции и прогрессивной технологии достигается сокращение удельных расходов сырья, топлива и материалов.

В-седьмых, на основе успехов в разведке полезных ископаемых и последовательно проводимого освоения природных богатств экономически менее развитых районов шире и комплекснее используются новые, более эффективные ресурсы восточных районов Советского Союза, промышленность размещается ближе к источникам сырья и новым районам потребления.

★

На базе быстрого развития производительных сил и во взаимодействии с ними в СССР происходит дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений. Новый уровень производства неразрывно связан с более высокой ступенью развития социалистической собственности, социально-классовых отношений, общественной ор-

[20] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 192, 209, 218.

[21] См. «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. II, стр. 201, 204.

[22] «Государственный пятилетний план...», стр. 126; «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 210.

[23] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 221.

ганизации производства, системы товарно-денежных и распределительных отношений.

В настоящее время в сравнении с этапом победы социализма фундаментально упрочились позиции общественной собственности в целом и прежде всего общенародной (государственной) социалистической собственности. В производственных фондах и в продукции народного хозяйства значительно повысился удельный вес государственных предприятий. В 1940 г. более половины общественного труда осуществлялось на базе кооперативных производственных отношений. В сельском хозяйстве колхозная собственность составляла $^3/_5$ всех общественных производственных фондов. В промышленности кооперативные предприятия выпускали около $^1/_{10}$ всей продукции. В кооперативной торговле была продана $^1/_4$ всех товаров народного потребления. Значительный удельный вес имел и колхозный рынок (8,7% потребительских товаров в пересчете на государственные цены и 14,3% в фактических ценах). В 1970 г. вся промышленная продукция производится государственными предприятиями. Доля колхозов в производстве валовой сельскохозяйственной продукции сократилась до $^2/_5$, а доля кооперативной торговли и колхозного рынка в общем розничном товарообороте составила соответственно 29 и 1,6% (в фактических ценах доля колхозного рынка — 2,6%). Доля государственной розничной торговли поднялась с 62,7 до 68,6% [24].

Изменения в формах собственности и системе хозяйства, происшедшие за последние 30 лет, нашли соответствующее отражение в классовом составе населения.

Классовый состав населения СССР
(в % к итогу)[25]

	1939 г.	1959 г.	1970 г. (оценка)
Рабочие и служащие	50,2	68,3	80
в том числе рабочие	33,5	49,5	58
Колхозное крестьянство, кооперированные кустари	47,2	31,4	20
Крестьяне - единоличники и некооперированные кустари	2,6	0,3	

Сравнение данных 1939 и 1970 гг. раскрывает изменения, характерные для перехода к развитому социалистическому обществу. Если с победой социализма в 30-х годах рабочий класс стал преобладающим экономически (по сосредоточенному в его руках общественному богатству и производству), то в 60-х годах он стал преобладающим во всех сферах общества, в том числе и в населении страны. Крестьянство, преобладавшее в населении СССР до 30-х годов и создававшее в тот период основную часть национального дохода, в настоящее время составляет лишь $^1/_5$ населения; соответственно меньше стала его доля и в экономике, хотя абсолютно создаваемый им продукт возрос.

Для системы социально-экономических отношений имеет значение также распределение населения между городом и селом. В период

[24] «Промышленность СССР». Статистический сборник. М. 1957, стр. 14; «Страна Советов за 50 лет», стр. 118; «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 277, 382, 576.
[25] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 23.

строительства развитого социалистического общества численность крестьянства сокращалась не только относительно, но и абсолютно [26]. Весь прирост населения «преобразовывался» в увеличение рабочего класса, специалистов и служащих и сосредоточивался в городах. Доля городского населения быстро увеличивалась. Если в 1940 г. оно составляло 33%, то в 1959 г.— 48%, а в конце 1971 г.— 58% всего населения СССР [27]. Вместе с тем меняется и социальное лицо сельского населения. Если в прошлом оно было почти сплошь крестьянским, то в 1970 г. крестьянство составляло менее половины сельского населения. Преобладающая его часть состоит из рабочих и служащих совхозов, промышленных, строительных, ремонтных, транспортных и торговых предприятий, размещенных в сельской местности, а также работников просвещения и здравоохранения, обслуживающих сельское население. Следовательно, и на селе государство заняло преобладающее место в экономике. Возникли также колхозно-государственные предприятия. Такое изменение привело к новым социальным процессам глубокого исторического значения. В селах много семей, в составе которых имеются одновременно колхозники, рабочие и служащие. Если учесть, что и в городе между семьями рабочих и интеллигенции нет строгих граней и представители разных социальных групп соединены в одних семьях, то можно сделать вывод, что с развитием социализма не только происходит уменьшение социально-экономических различий между классами и социальными группами, но и идет процесс их постепенного слияния.

Если в 1939 г. в государственном секторе была занята половина населения, то в настоящее время — $^4/_5$. Это означает существенное усиление планового централизованного руководства, укрупнение производства, более рациональное ведение хозяйства, лучшее применение социалистического принципа распределения по труду, улучшение социального обеспечения трудящихся и другие преимущества, которые более полно действуют на государственных предприятиях. Вместе с тем как в государственном, так и в колхозном производстве поднялся уровень планирования и хозяйственного руководства, более совершенной стала система оплаты труда, система социального страхования и пенсий, финансово-кредитная система. Лучше стали использоваться материальные и трудовые ресурсы.

Современная советская экономика отличается максимальным вовлечением в общественную орбиту имеющихся трудовых ресурсов, в том числе женщин. По данным переписи 1970 г., из 130,5 млн. человек трудоспособного возраста в народном хозяйстве (учитывая и личное подсобное хозяйство) и учебой было занято 120 млн., или 92,4%. Кроме того, из 40,1 млн. пенсионеров трудились 7 миллионов. Это очень высокий уровень занятости. Женщины составляют 50,8% населения в трудоспособном возрасте, и таков же их процент среди занятых в народном хозяйстве. Среди специалистов доля женщин также близка к их удельному весу в населении [28]. Это значит, что на современном этапе развития советского общества женщины сравнялись с мужчинами как по степени участия в общественном труде, так и по среднему образованию и почти достигли такого же уровня в получении высшего образования.

---

[26] С 1940 по 1970 г. численность работников совхозов и подсобных сельскохозяйственных предприятий возросла с 1,8 до 9,8 млн., а занятых в общественном хозяйстве колхозов сократилась с 29 млн. до 17 млн. человек («Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 404).

[27] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 7.

[28] Доля женщин в общей численности рабочих и служащих СССР возросла с 39% в 1940 г. до 51% в 1970 году. В общей численности учащихся средних специальных учебных заведений женщины составляли в 1970/71 учебном году 54%, в высших учебных заведениях — 49% («Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 13, 24, 516, 650).

Современный этап развития советской экономики характеризуется также переходом к более высокому уровню социалистического планирования, развитием его научных основ, применением более совершенных методов обоснования планов и контроля за их выполнением, повышающих реальность планов и их направляющее значение.

В настоящее время наиболее существенное влияние на качество и общественную силу планирования оказывают: улучшение нормативной и информационной базы планирования, изучения потребностей, конкретного технико-экономического обоснования элементов затрат и других показателей с учетом новейших достижений науки и техники; развитие и совершенствование балансового метода планирования, широкого использования более детальных межотраслевых стоимостных и натуральных балансов народного хозяйства, построение динамических балансов и т. д.; развитие метода вариантных расчетов с оценкой и выбором оптимального варианта на основе анализа показателей эффективности производства и изучения последствий для народного хозяйства каждого варианта плана; использование вычислительной техники и экономико-математических методов; углубленная разработка научно-технических и социальных аспектов плана, различных сторон повышения материального и культурного уровня жизни населения; внедрение комплексного подхода в планирование, разработка комплексных программ развития отраслей, комплексов отраслей, экономических районов; более тщательная подготовка планов путем детальных расчетов по научной методике и обсуждения в государственных и партийных органах, а также на собраниях трудящихся; доведение директив съезда партии до разработки сбалансированного государственного плана на пятилетие, с разбивкой по годам, утверждаемого Верховным Советом СССР и приобретающего силу закона; доведение пятилетнего народнохозяйственного плана до каждого предприятия, до каждого коллектива; разработка перспективных долгосрочных планов, рассчитанных на 10—15 лет, и прогнозов на еще более отдаленные сроки; более полное увязывание планов СССР с планами развития стран — членов СЭВ.

Во всем этом выражается более полное применение экономического закона планомерного, пропорционального развития социалистического хозяйства. Усиление его действия обеспечивается также переходом к более совершенной системе управления. Развитие ленинского принципа демократического централизма в управлении народным хозяйством на современном этапе означает сочетание усиления централизованного планового руководства с более широкой творческой инициативой средних и низших звеньев управления на основе предоставления им более широких хозяйственных прав и планомерного использования системы экономических рычагов — заработной платы, премий, цен, прибыли, кредита. Новый этап в развитии управления начался на основе решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС и соответствующего постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о переходе к новым методам планирования и экономического стимулирования в промышленности. XXIV съезд КПСС предусматривает в своих решениях дальнейшее развитие и совершенствование этой системы по следующим основным направлениям: а) совершенствование структуры и методов работы отраслевых министерств, усиление хозрасчетных принципов их деятельности; б) развитие системы производственных хозрасчетных объединений и комбинатов, включающих группы предприятий, и сокращение промежуточных звеньев управления [29]. Как отметил съезд, в перспективе эти объединения и комбинаты «должны стать основными хозрасчетными звеньями общественного производства» [30]. В целях повышения эффективности этих объединений в них могут включаться также научные и проектно-

[29] См. «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. II, стр. 50—51.
[30] Там же. Т. I, стр. 93.

конструкторские организации; в) повышение роли партийных и профсоюзных организаций в управлении производством, активизация производственных совещаний, рабочих собраний, общих собраний колхозников; г) развитие системной информации, ее обработки, введение системы автоматического выбора правильных оперативных решений и подачи команд механизмам; создание автоматизированных систем информации и управления.

Совершеннее становится использование в социалистическом хозяйствовании товарно-денежных отношений и закона стоимости. В 1967 г. была проведена реформа оптовых цен промышленности, которая приблизила цены к общественно необходимым затратам, обеспечила рентабельность всех отраслей промышленности, необходимую для внедрения новой системы экономического стимулирования. Во всех отраслях промышленности были введены фиксированные отчисления в государственный бюджет за производственные фонды и в ряде отраслей рентные платежи за пользование природными богатствами, которые явились новыми распределительными каналами, регулирующими доходы предприятий и в определенной мере стимулирующими лучшее использование их ресурсов. В текущей пятилетке будет осуществлено дальнейшее совершенствование системы оптовых цен в целях лучшего отражения в них общественных затрат и повышения их роли в стимулировании технического прогресса и улучшении качества продукции. Розничные цены в отличие от первых пятилеток стабильны.

Последовательно проводились в прошлой и проводятся в текущей пятилетке мероприятия по совершенствованию системы заработной платы, обеспечивающие создание более правильных пропорций в оплате труда в соответствии с различиями в квалификации, интенсивности и тяжести труда. В девятой пятилетке будет повышена роль тарифной системы, предусмотрен более высокий процент увеличения ставок для квалифицированных рабочих и специалистов. Особо следует отметить увеличение и распространение на большие районы и отрасли надбавок для лиц, работающих на Севере и Востоке. Существенно повышается роль премиальных фондов. Если в 1965 г. в фонды экономического стимулирования предприятий и хозяйственных организаций отчислялось только 6% их прибыли, то в 1970 г. эти отчисления достигли 14%. Поскольку за это время прибыль значительно увеличилась, фонды стимулирования, использованные предприятиями и организациями, за 5 лет возросли в 5,8 раза. В 1970 г. вместе с премиями рабочим, входящими в фонд заработной платы, использованные фонды экономического стимулирования превысили 15 млрд. руб.[31], что составляет около 170 руб. в среднем на одного рабочего и служащего в год. Более четверти всего прироста заработной платы рабочих и служащих в промышленности в восьмой пятилетке получено за счет этих фондов. В текущей пятилетке отчисления в фонды экономического стимулирования увеличатся в 1,7 раза[32]. На новые методы планирования и экономического стимулирования перейдут все отрасли народного хозяйства. В эту систему будут внесены изменения, повышающие ее действенность. Эти мероприятия обеспечивают лучшее применение социалистического закона распределения по труду.

Осуществляется переход к более высокой ступени социалистической организации труда: трудовые процессы все в большей степени организуются на научной основе. Широко разрабатывается и внедряется научная организация труда, системные графики; расширяется обмен передовым опытом между коллективами предприятий (различные формы информации, курсы повышения квалификации, встречи мастеров и коллективов однородных предприятий).

[31] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 704, 726.
[32] «Государственный пятилетний план...», стр. 46.

На более высокую ступень поднялись социалистические отношения коллективизма и товарищеского сотрудничества на производстве, расширилось массовое социалистическое соревнование, принявшее новые формы, прежде всего форму движения бригад за коммунистическое отношение к труду. Насколько более массовым стало это соревнование, можно судить по тому, что в довоенные пятилетки соревнованием было охвачено примерно 10 млн. трудящихся, в движении стахановцев и ударников принимало участие несколько больше половины рабочих промышленности, то есть около 4,5 млн. человек [33]. В 1971 г. в социалистическом соревновании участвовали 71 млн. человек, причем более половины из них — в составе бригад, борющихся за коммунистическое отношение к труду [34]. Придавая этому большое значение, ЦК КПСС в 1971 г. принял постановление «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования» [35]. В постановлении положительно оценивается многообразие форм соревнования и его общая направленность на перевыполнение планов во всех областях труда и быта народа; подчеркивается, что социалистическое соревнование в условиях научно-технической революции призвано сыграть качественно новую роль в развитии народного хозяйства и воспитании трудящихся; в постановлении детально раскрыты имеющиеся недостатки и поставлены задачи дальнейшего улучшения организации соревнования. Особое внимание обращено в нем на такие закономерные для современного этапа формы соревнования, как разработка коллективных и личных творческих планов, соревнование по профессиям, движение многостаночников, шефство опытных рабочих и коллективов над молодыми, конкурсы мастерства, общественные смотры резервов производства, личные счета экономии.

Для развитого социалистического общества характерно возрастание творческой активности трудящихся, которое находит свое отражение в инициативе по изысканию все новых резервов на предприятиях, в развитии массового изобретательства. Поток изобретательских и рационализаторских предложений в СССР из года в год нарастает, и, что особенно важно, все большая их доля внедряется в производство. Если в 1940 г. по Советскому Союзу поступила 591 тыс. изобретений и рационализаторских предложений, то в 1971 г.— 4,8 млн., из них в 1940 г. было внедрено 34%, в 1971 г.— 75%. Число внедренных изобретений и рационализаторских предложений за этот период возросло почти в 18 раз. Количество изобретателей и рационализаторов, подавших предложения в 1970 г., превысило 3,6 миллиона [36].

Для развитого социалистического общества закономерно экономическое единство и планомерное сотрудничество народов и национальностей, населяющих Советский Союз, существенное сближение социально-экономического положения и культурного уровня населения разных республик и районов. Доля населения прежде отсталых национальных окраин в общем населении Советского Союза значительно повысилась, и в еще большей степени увеличился их удельный вес в промышленном производстве и в численности рабочих и служащих. Это характеризует интенсивный процесс индустриализации экономически менее развитых районов, продолжающийся и в наше время. Особенно выделяются в этом отношении Казахстан, Прибалтийские республики, Молдавия, Киргизия и Армения. В соответствии с высокими темпами индустриализации во всех республиках значительно возросло и в большей их части стало

[33] Рассчитано по данным «Статистического справочника ВЦСПС». Вып. III, ч. II. М. 1939, стр. 16; вып. IV, ч. II. М. 1940, стр. 21—24.

[34] «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. II, стр. 109.

[35] «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования». Постановление Центрального Комитета КПСС. М. 1971.

[36] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 62; «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 45.

преобладающим городское население. Наиболее существенные изменения в этом отношении достигнуты в Казахстане, Литве и Армении. Доля городского населения в этих республиках поднялась с 23—30% в 1940 г. до 51—60% в 1971 году. Во всех республиках достигнут высокий уровень образования населения (свыше 50—71% имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование против 5—16% в 1939 году) [37].

Роль крепнущей дружбы и взаимодействия классов и национальностей была особо подчеркнута на XXIV съезде КПСС. «В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту,— говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии,— родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества. Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества» [38]. В развитом социалистическом обществе эти отношения, это единство упрочиваются на основе проведения ленинской политики Коммунистической партии и Советского государства, направленной на подтягивание отстающих до уровня передовых, на всесторонний расцвет и сближение всех социалистических наций и народностей. Это единство постоянно усиливается в процессе решения общих задач дальнейшего экономического и культурного подъема Советской Родины.

Закономерной особенностью современного этапа развития советского общества является постоянное углубление различных форм общения между людьми. Все шире, разностороннее и теснее связи между городом и деревней, между разными социальными группами, между республиками. Об этом говорят расширение совместного обучения в культурных центрах людей разных районов и национальностей, фестивали, радио- и телевизионные передачи, объединяющие представителей культуры разных республик. Об этом свидетельствуют и мощные потоки пассажиров на всех видах транспорта.

Усилившееся общение советских людей и сближение условий их труда и культурного уровня создали еще одну очень важную особенность современного советского общества: интересы и потребности различных классов и социальных групп, наций и народностей поднялись на новый качественный уровень и при этом весьма сблизились. Трудноразличимыми, во многом почти неразличимыми стали потребности рабочего, колхозника и служащего, горожанина и сельского жителя. Различия в потребностях людей разных национальностей все более сводятся к национальным традициям или к запросам, связанным с природно-климатическими особенностями отдельных районов нашей страны. Такое сближение потребностей на основе социалистического строя и усиливающегося общения людей служит фактором дальнейшего прогрессивного роста потребностей.

В. И. Ленин, как известно, именно общению людей, сплоченности трудового народа, связям города и деревни придавал большое значение, анализируя действие общесоциологического закона возвышения потребностей [39]. Общая тенденция качественного развития социалистического образа жизни в современном советском обществе определяется еще одной характерной закономерностью — преодолением узкопрофессионального развития людей, расширением их кругозора, круга интересов, постепенным формированием нового, всесторонне развитого и высокосознательного человека, достойного члена будущего коммунистического общества.

---

[37] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 11, 25.
[38] «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. I, стр. 101.
[39] См. В. И. Ленин. ПСС, Т. 1, стр. 101.

Одним из новых факторов развития потребностей и расширения возможностей их удовлетворения стала в настоящее время мировая социалистическая система хозяйства. Внутри этой системы сложился новый тип международных отношений, который включает не только взаимовыгодный товарный обмен, обмен научно-техническими достижениями, подготовку квалифицированных кадров и совместную оборону, но и все более полную координацию государственных планов экономического развития, рациональную производственную специализацию, эффективное международное разделение труда, планомерную совместную работу в области науки и техники, в решении крупных хозяйственных и культурных задач. Новым вкладом в развитие этих отношений является «Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ», принятая ими в августе 1971 года. В ней разработаны общие для всех социалистических стран цели и задачи экономического развития и международного сотрудничества, а также пути их реализации через координацию планов, совместное планирование ряда отраслей и отдельных производств, расширение международной специализации и кооперирования в области производства, науки, техники, объединение усилий разных стран в изыскании и разработке полезных ископаемых, в строительстве производственных объектов, проведении научных исследований. Углубление и совершенствование социалистической экономической интеграции усиливает преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической.

★

Новая ступень развития производительных сил и зрелость социалистических производственных отношений обусловливают на современном этапе более полное достижение высшей цели социалистической экономики — значительного прогресса в удовлетворении растущих материальных, духовных и социальных потребностей трудящихся. Курс партии на существенный и всесторонний рост благосостояния советского народа определил одну из важных особенностей решений XXIV съезда КПСС и разработки текущего пятилетнего плана: первое место в них заняла широкая программа социальных мероприятий. Программа эта, равно как и итоги восьмой пятилетки, ярко отражает закономерности повышения уровня жизни советских людей в современный период.

Для нынешнего этапа развития характерным прежде всего является ускорение темпов роста материальной обеспеченности населения нашей страны. Такая установка была дана еще XXIII съездом КПСС. Она была успешно выполнена. В сравнении с предшествующими пятилетками рост заработной платы, доходов колхозников и в целом реальных доходов населения резко ускорился и превысил задания XXIII съезда партии. XXIV съезд КПСС поставил задачу закрепить и развить этот успех.

Отчетные и плановые данные означают, что по темпам прироста доходов трудящихся восьмая пятилетка значительно превосходит седьмую (33% вместо 19%); абсолютные приросты всех источников доходов и реальных доходов из пятилетки в пятилетку нарастают; доходы колхозников растут значительно быстрее, чем рабочих и служащих, что обеспечивает приближение уровня жизни крестьянства к уровню жизни тружеников города; прирост реальных доходов на душу населения за 5 лет теперь по абсолютной величине больше, чем весь реальный доход, полученный в 1940 году. При этом только прирост реальных доходов рабочих и служащих за 1966—1970 гг. составил 60% полного реального дохода 1940 г., крестьян — 130% их полного реального дохода на одного работающего в 1940 году. В 1971—1975 гг. прибавка реальных доходов всех трудящихся будет еще больше. Такое значительное повышение материальной обеспеченности советского народа имеет своим источником

опирающийся на подъем производства рост розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, который в 1970 г. превзошел уровень 1940 г. в 6,5 раза; накопление основных фондов жилищно-коммунального и культурно-бытового хозяйства (в 1970 г. они превысили объем 1940 г. в 4,9 раза) и расширение различных услуг для населения (они возросли в сравнении с 1940 г. также в несколько раз).

Рост доходов трудящихся [40]

Виды доходов	1950 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г. (план)
Основные источники доходов (в руб.):				
а) рабочих и служащих — средняя заработная плата в месяц	80,6	96,5	122,0	149,3
прирост за пятилетие	8,8	15,9	25,5	27,3
б) колхозников—среднемесячная оплата труда в общественном хозяйстве	28,0	52,0	74,9	98,0
прирост за пятилетие	свед. нет	26,0	22,9	23,1
в) выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления на душу населения в год	127,0	182,0	263,0	353,0
прирост за пятилетие	39	55	81	90
Реальные доходы:				
а) рабочих и служащих на одного работающего (1940 = 1)	2,1	2,3	2,9	3,7
прирост за пятилетие (1940 = 100)	34	20	60	80
б) крестьян (1940 = 1)	2,4	3,4	4,7	6,6
прирост за пятилетие (1940 = 100)	74	100	130	190
в) на душу населения (1940 = 1)	2,5	3,0	4,0	5,2
прирост за пятилетие (1940 = 100)	свед. нет	50	100	120
прирост за пятилетие (предыдущее пятилетие = 100)		19	33	30,8

Другой важной закономерностью подъема уровня жизни советского народа в современный период является более ускоренный рост оплаты труда менее квалифицированных групп трудящихся с целью преодоления их малообеспеченности. В последние три пятилетки Коммунистическая партия и Советское государство последовательно осуществляют политику повышения минимальной заработной платы рабочих и служащих. До 1956 г. законом не было установлено минимального уровня заработной платы (фактически же она равнялась в 1937 г. 11—11,5 руб. и в 1956 г. — 22 — 22,5 руб. в месяц в современных рублях). С 1 января 1957 г. такой минимум был введен в размере 35 руб. в городах и 27 руб. в сельской местности. В последующие годы рост минимальной заработной платы сопровождался повышением необлагаемого уровня оплаты труда и снижением налогов с менее оплачиваемых трудящихся. Этот процесс ускоряется в текущей пятилетке [41].

Минимальная заработная плата, составлявшая 15 лет назад $^1/_3$ средней, теперь превышает половину средней заработной платы рабочих и служащих, что характеризует известное уменьшение дифференциации доходов различных семей (фактически она меньше, чем по соотношениям оплаты труда отдельных работников, так как в семье обычно работающих двое, и они имеют разную квалификацию и оплату труда).

[40] «Народное хозяйство СССР в 1958 г.». М. 1959, стр. 100; «Народное хозяйство СССР в 1960 г.». М. 1961, стр. 160; «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 537; «СССР в цифрах в 1965 г.» М. 1966, стр. 143; «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 185, 140, 141; «Государственный пятилетний план...», стр. 282, 286, 289, 291.

[41] Ф. М. Майер. Заработная плата в период перехода к коммунизму. М. 1963, стр. 109, 113; П. С. Мстиславский. К полному благосостоянию и всестороннему развитию человека. М. 1969, стр. 64; «Государственный пятилетний план...», стр. 60.

	Минимальная заработная плата	Необлагаемый минимум заработной платы	Снижение налогов при заработной плате до
	(руб. в месяц)		
1960—1962 гг.	40—45	60	70
1968 г.	60	60	80
1971—1975 гг. (план) .	70	70	90

Последовательно преодолеваются и сложившиеся в прошлом резкие различия в оплате труда в колхозах. Главный путь — это организационно-хозяйственное и материально-техническое укрепление колхозов и повсеместное (с 1968 г.) введение гарантированной ежемесячной оплаты труда колхозников. С этой целью было проведено в основном еще в 1958—1963 гг. укрупнение колхозов, а часть колхозов по решениям общих собраний колхозников превращена в совхозы [42]. Большую роль в укреплении хозяйственного положения колхозов сыграли повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и совершенствование их территориальной дифференциации, проведенные по решениям мартовского (1965 г.) и октябрьского (1968 г.) Пленумов ЦК КПСС. В результате мер по повышению доходов колхозов и преодолению отставания отдельных групп колхозов за 1965—1970 гг. число колхозов, имеющих валовой доход до 5 тыс. руб. на 100 га, сократилось с 14,4% до 3,5% общего числа колхозов [43].

На основе значительного приращения реальных доходов населения на современном этапе развития советского общества достигнута сравнительно высокая степень удовлетворения важнейших материальных потребностей трудящихся. Питание советских людей уже много лет обеспечивает физиологическую норму в среднем 3 тыс. килокалорий в сутки на человека. Количество ежегодно приобретаемых одежды, белья, обуви, других промышленных товаров, хотя далеко не полностью удовлетворяет потребности, но намного выше прошлого и по ряду товаров выше среднедушевого потребления трудящегося населения западноевропейских стран. Семья из 4 человек в 1970 г. в среднем приобрела тканей, одежды и других изделий из тканей (в переводе на ткани) более 121 кв. м, 21 шт. трикотажных изделий и 12 пар кожаной обуви. Это превышает обеспеченность, которая была в 1940—1950 гг., по количеству потребляемых тканей и одежды в 1,8 раза, по обуви — в 2,7, верхнего и бельевого трикотажа — в 4,8 раза [44]. Это больше, чем современное потребление тканей и обуви в ФРГ, Франции и Италии. Все более улучшаются жилищные условия. В 1971 г. средняя обеспеченность общей (полезной) жилплощадью в городах и поселках городского типа достигла 11,2 кв. м на человека против 6,5 кв. м в 1940 году [45].

При современном уровне удовлетворения основных материальных потребностей и дальнейшем увеличении доходов советских людей на первый план все больше выступает качественная сторона потребляемых благ. В этом состоит одна из главных особенностей нынешнего этапа развития советского общества. Наблюдается своеобразный качественный скачок в потребностях. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии отмечалось, что теперь в связи с ростом денежных доходов трудящихся и увеличением их спроса на товары более острой становится проблема качества [46]. Все настоятельнее встает вопрос о том, чтобы пи-

[42] С 1958 по 1963 г. число колхозов в связи с этими мерами сократилось с 67,7 тыс. до 38,8 тысячи. «Народное хозяйство СССР в 1963 г.». М. 1964, стр. 341.

[43] «Народное хозяйство СССР в 1965 г.», стр. 406; «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 385.

[44] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 561.

[45] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 7, 211.

[46] См. «XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет». Т. I, стр. 75.

тание по своему составу соответствовало научным требованиям, пища была вкусной и разнообразной, одежда и обувь — красивыми, модными, жилище — рациональным по планировке и со всеми видами современных удобств. Учитывая растущие запросы народа, XXIV съезд партии поставил задачу своевременно обновлять и расширять ассортимент товаров, улучшать качество и внешний вид продукции легкой промышленности, повышать питательную ценность и вкусовые достоинства пищевых продуктов[47]. Качественно новая ступень в организации питания советского народа заключается прежде всего в существенном увеличении потребления продуктов, наиболее ценных в физиологическом и вкусовом отношениях: мяса, рыбы, молока и разнообразных продуктов из них, яиц, овощей и фруктов. Эта тенденция должна усилиться в текущем пятилетии.

Потребление основных видов продовольствия и промышленных товаров[48]

	1950 г.[49]	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г. (план)
А. **Продукты питания** (в кг на душу населения в год)					
Мясо и сало (включая птицу и субпродукты)	26	40	41	48	59
Рыба и рыбопродукты	7	9,9	12,6	15,4	22
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)	172	240	251	307	340
Яйца (штук)	60	118	124	152	192
Сахар	11,6	28,0	34,2	38,8	43
Картофель	241	143	142	130	120
Овощи и бахчевые . . .	51	70	72	83	109
Хлебные продукты (хлеб в пересчете на муку, крупа и бобовые, макаронные изделия) . .	172	164	156	149	144
Б. **Основные непродовольственные товары** (приобретение на душу населения в год)					
Ткани, одежда и белье из тканей в переводе на ткани (кв. м) . . .	16,5	26,1	26,5	30,4	35,0
Трикотаж верхний и бельевой (штук) . . .	1,1	2,9	4,2	5,3	7,2
Обувь кожаная (пар) . .	1,1	1,9	2,4	3,0	3,6
В. **Обеспеченность предметами длительного пользования** (штук на 100 семей)					
Телевизоры	–	8	24	51	72
Холодильники	–	4	11	32	64
Стиральные машины . .	–	4	21	52	67

Потребление мяса, молока и овощей в настоящее время по сравнению с 1940 г. на душу удвоилось, а рыбы, яиц и сахара примерно утроилось. Вместе с тем сократилось потребление менее ценных продуктов питания — картофеля и хлебных изделий. В современный период эти прогрессивные изменения ускоряются. Так, потребление мяса и мясопродуктов за 15 лет (1951—1965 гг.) увеличилось на душу населения

[47] См. там же. Т. II, стр. 268, 269.

[48] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 561; «Государственный пятилетний план ...», стр. 300, 301.

[49] Уровень потребления в 1950 г. был несколько выше, чем в 1940 году.

в год на 15 кг, за 5 лет (1966—1970 гг.) — еще на 7 кг и в текущей пятилетке должно возрасти на 11 килограммов. По некоторым видам продуктов (хлеб, сахар, рыба, подсолнечное и сливочное масло и др.) уровень потребления близок к научному рациону, и спрос удовлетворяется в количественном отношении полностью. Прогресс в обеспеченности населения продукцией легкой промышленности состоит не только в росте числа и качественном улучшении изделий, но и в увеличении выпуска готовой одежды и трикотажных изделий, что сберегает домашний труд по пошиву и вязанию. При увеличении среднедушевого приобретения тканей в сопоставимых ценах за период с 1940 по 1970 г. в 2,2 раза покупка одежды и белья из тканей возросла в 7 раз, а трикотажных изделий — в 15 раз.

Коренное улучшение происходит в обеспечении населения мебелью, электробытовыми товарами и другими предметами домашнего обихода. Продажа мебели на душу населения в 1970 г. превысила уровень 1940 г. в 14,5 раза (в сопоставимых ценах), часов — в 9,1, радиоприемников — в 30,3, посуды — в 5,3, велосипедов, мотовелосипедов и мопедов — в 16,9 раза. В 1975 г. производство мебели увеличится на 65%, фарфоро-фаянсовой посуды — в 2 раза, выпуск легковых автомобилей — в 3,7 раза [50]. В 1970 г. более половины семей имели все основные предметы культурно-бытового назначения (исключение составляли холодильники). К 1975 г. этот показатель возрастет примерно до $^2/_3$. При таком уровне обеспечения и здесь происходит сдвиг спроса в сторону более высококачественных изделий — крупноэкранных и цветных телевизоров, холодильников большой емкости, автоматизированных стиральных машин.

Вместе с тем, как отмечалось на XXIV съезде КПСС, еще далеко не весь спрос населения удовлетворяется в должной степени как в количественном, так и особенно в качественном отношениях. Недостаток значительных масс товаров и услуг или неполное их соответствие спросу населения находят свое выражение в накоплении больших средств в сберегательных кассах (к началу 1972 г. эти накопления составили 53 млрд. руб., что равно почти 4-месячному объему розничного товарооборота). Одновременно в розничной торговле в начале 1971 г. скопилось переходящих запасов только непродовольственных товаров на 25,3 млрд. рублей [51]. Обеспечение полного соответствия выпуска товаров спросу населения съезд рассматривает как одну из актуальнейших задач текущей пятилетки. Для реализации этого решения ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1971 г. приняли постановление «О мерах по обеспечению дальнейшего развития производства товаров массового спроса», которое предусматривает увеличение их выпуска в 1971—1975 гг. в 1,9 раза [52]. Постановление обязывает промышленность неукоснительно выполнять заказы торговых организаций, руководствоваться спросом, договорами, заключенными на ежегодных ярмарках и путем прямых связей торговых организаций и магазинов с промышленными объединениями, предприятиями.

Одна из основных закономерностей повышения благосостояния советского народа в современный период состоит в возрастании значения и качественного уровня сферы обслуживания населения. Об этом можно судить прежде всего по непрерывному повышению удельного веса занятых в этой сфере. Если в 1940 г. в непроизводственных отраслях работало 11,7% всех занятых в народном хозяйстве, то в 1970 г.— уже более 22,6% [53], а к концу пятилетки этот показатель достигнет $^1/_4$. Социально-

[50] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 7, 218; «Государственный пятилетний план...», стр. 347, 349.

[51] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 591; «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 221.

[52] «Правда», 29.X.1971.

[53] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 508. Эти данные не включают работников розничной торговли и общественного питания.

историческое значение развития сферы обслуживания состоит не только в более полном удовлетворении разнообразных потребностей людей, но и в создании дополнительных условий для их ускоренного культурного роста, для всестороннего развития человека. Общественное обслуживание освобождает от утомительного, мелкого и однообразного домашнего труда, несет, по выражению В. И. Ленина, полное освобождение женщине, на деле уничтожает неравенство ее с мужчиной по ее роли в производстве и в общественной жизни [54]. Развитие сферы обслуживания вместе с насыщением домашнего хозяйства электробытовой техникой означает подлинную реконструкцию быта.

Первое место в обслуживании населения и улучшении быта занимают розничная торговля и общественное питание. Их развитие было в прошлом недостаточным. Насколько существенно увеличилась торговая сеть за последние пятилетки, можно судить по тому, что в сравнении с 1940 г. численность работников торговли на 1 тыс. жителей в 1970 г. удвоилась [55]. Для улучшения обслуживания населения имеет значение также переход на прогрессивные формы торговли — самообслуживание, продажа фасованных товаров, открытая выкладка товаров и свободный доступ к ним, доставка товаров на дом, предварительные заказы и т. д. В 1970 г. примерно $^1/_4$ всех торговых предприятий перешла на прогрессивные формы торговли [56]. В девятой пятилетке дальнейшее расширение сети предприятий розничной торговли и общественного питания и внедрение прогрессивных форм обслуживания значительно улучшат этот участок быта.

В подъеме благосостояния народа все большую роль играет развитие и качественное улучшение жилищно-коммунального хозяйства. Советский Союз в последние 15 лет развернул крупнейшее в мире жилищное строительство. В течение 1957—1971 гг. ежегодно вводилось в строй свыше 2,2 млн. благоустроенных квартир, что давало возможность улучшать жилищные условия примерно 11 млн. человек. За 20 лет 199,4 млн. человек, или $^4/_5$ всего населения СССР, получили жилплощадь в новых домах или улучшили жилищные условия в ранее построенных домах [57]. В девятой пятилетке строительство новых жилых домов должно обеспечить улучшение жилищных условий ежегодно 12 млн. человек. Жилищное хозяйство и строительство в настоящее время отличаются тем, что каждой семье предоставляется, как правило, отдельная квартира (в последние годы 90% семей вселяются в отдельные квартиры); улучшается планировка квартир, увеличивается вспомогательная площадь, применяется более совершенная отделка квартир и домов (до последнего времени она еще не соответствовала современным требованиям); старые дома реконструируются, оборудуются всеми удобствами, перепланируются для предоставления каждой семье отдельной квартиры; города и поселки застраиваются по новым генеральным планам, предусматривающим современную планировку, полный комплекс коммунального и культурно-бытового обслуживания, озеленение, обводнение, сохранение ценных памятников старины; в районах, где имеется много мелких поселений и хуторов, строятся крупные благоустроенные поселки. Девятая пятилетка должна в основном решить задачу централизованного водоснабжения и канализации городского фонда. Газификация жилого фонда городов поднимется до 65—70%, а сел — до 50%. Большие работы будут проведены по улучшению санитарного состояния населенных пунктов и окружающей среды.

Исключительно высокими темпами развивается ныне бытовое обслуживание населения. Сеть мастерских по ремонту домашнего инвен-

---

[54] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 186; т. 39, стр. 25, 201—202.
[55] См. «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 7, 595.
[56] Рассчитано по данным журнала «Вестник статистики», 1971, № 8, стр. 88.
[57] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 545.

таря, ателье индивидуального пошива одежды, химчисток, прачечных, парикмахерских и других бытовых предприятий за 1961—1970 гг. расширилась в 1,8 раза, а объем бытовых услуг (в фактических ценах) возрос в 4 раза. В девятой пятилетке объем бытовых услуг еще удвоится [58].

На современном этапе коммунистического строительства закономерно возрастает роль государства в улучшении всех условий жизни. В строительстве жилищ удельный вес государственных и кооперативных (без колхозов) затрат повысился с $^2/_3$ в первой — шестой до $^3/_4$ — в седьмой и $^5/_6$ — в восьмой пятилетках [59]. Все большая часть государственного бюджета СССР расходуется на социально-культурные мероприятия: просвещение, науку, здравоохранение, социальное обеспечение и социальное страхование. В восьмой пятилетке эти расходы составили 37,5% государственного бюджета против 25% в 1929—1940 годах. Благодаря этому Советский Союз в настоящее время по системе социально-культурных мероприятий значительно превосходит наиболее развитые капиталистические страны. Даже прежде отсталые среднеазиатские республики ныне лучше обеспечены, чем крупные капиталистические страны. Высокой стала в последнее время и обеспеченность госпитализацией больных. Число больничных коек на 10 тыс. человек населения увеличилось с 40 в 1940 г. до 80 в 1960 г. и 111 в 1971 году. В 1975 г. этот показатель достигнет 117. Следует отметить, что и в этой области уменьшаются различия между республиками и районами страны. Если в 1940 г. отклонения от среднесоюзной обеспеченности врачами достигали 50% и по больничным койкам — 40%, то теперь эти различия сократились соответственно до 40% и 23%. Для современного периода характерно систематическое снижение заболеваемости. Средняя продолжительность предстоящей жизни населения в 1970—1971 гг. увеличилась до 70 лет против 47 в 1938—1939 годах [60].

Все большую широту приобретает помощь многодетным семьям. Численность детей, воспитываемых в детских учреждениях бесплатно или на льготных условиях (ясли, детские сады, интернаты, школы и группы продленного дня), возросла с 2 млн. в 1940 г. до 16 млн. в 1970 г., в том числе в дошкольных учреждениях до 9,5 млн., что составляет примерно $^1/_3$ всех детей в возрасте от одного до семи лет. В 1975 г. в детских учреждениях намечено воспитывать 18 млн. детей, в том числе в дошкольных — 11,5 млн. При этом увеличатся льготы при пользовании этими учреждениями. Предусмотрено еще одно важное новое мероприятие. Семьи, имеющие детей, при совокупном доходе до 50 руб. на одного человека будут с 1974 г. получать ежемесячные пособия на детей и платить пониженные налоги [61].

Современный этап развития советской экономики отличается также существенным улучшением обеспечения нетрудоспособных. После Закона о государственных пенсиях, принятого сессией Верховного Совета СССР 14 июля 1956 г. и значительно улучшившего социальное обеспечение рабочих, служащих, инвалидов и потерявших кормильца, осуществлен ряд новых мероприятий. С 1965 г. были введены пенсии и пособия по временной нетрудоспособности колхозникам. В 1968 г. дополнительно получили право на пенсию по старости некоторые категории работников при достижении 50 лет вместо обычных 55 (женщины) и 55 лет вместо 60 (мужчины). На 30—50% повышены пенсии многим категориям инвалидов из числа военнослужащих, снижен возраст, даю-

---

[58] «Народное хозяйство в СССР в 1970 г.», стр. 621; «Государственный пятилетний план...», стр. 62.

[59] «Народное хозяйство СССР в 1969 г.», стр. 501, 504—505.

[60] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 49, 223; «Государственный пятилетний план...», стр. 320.

[61] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 49, 193; «Государственный пятилетний план...», стр. 293.

щий им право на получение пенсий. Повышены размеры пенсий членам колхозов. Насколько широко и значительно по влиянию на доходы населения развилось социальное обеспечение, можно судить по тому, что в 1971 г. число пенсионеров достигло 41 млн. человек, что в 10 раз больше, чем в 1940 г., а сумма выплачиваемых пенсий составила 16,3 млрд. руб., то есть в 54 раза больше, чем в 1940 году. Пособия по социальному страхованию за этот же период увеличились более чем в 12 раз [62]. В девятой пятилетке будет произведено дальнейшее повышение размеров пенсий. Минимальные размеры пенсий по старости для рабочих и служащих увеличены в 1971 г. в 1,5 раза (до 45 руб.) и для колхозников — на $^2/_3$ (до 20 руб.); на колхозников распространен порядок начисления пенсий, установленный для рабочих и служащих.

Развитая социалистическая экономика обеспечивает неуклонный расцвет, сближение и взаимообогащение культуры всех классов и социальных групп, всех социалистических наций и народностей. Если в период построения социализма была решена задача ликвидации неграмотности и введения всеобщего начального обучения с основами политехнических знаний, то в настоящее время решается задача обеспечения за счет общества всеобщего среднего образования и политехнического обучения. Насколько существенны достижения в этой области, можно судить по следующим данным:

Уровень образования населения на 1 тыс. человек, занятых в народном хозяйстве [63]

Имели образование	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1972 г.
Среднее (полное и неполное)	110	400	588	623
Высшее	13	33	65	74
Всего среднее (полное и неполное) и высшее	123	433	653	697

В сравнении с довоенным периодом рост уровня образования огромный. Уже сейчас 80% оканчивающих 8-й класс продолжают учиться в 9 — 10-м классах. В несколько раз сократились различия по уровню образования между классами и социальными группами. Общая численность учащихся по всем видам обучения возросла в 1971/72 г. до 79,7 млн. человек против 47,6 млн. в 1940/41 г., в том числе в средних и высших специальных учебных заведениях достигла 9 млн. вместо 1,8 млн. человек. Особенно примечательно, что высокий уровень образования получили все, даже наиболее в прошлом культурно отсталые народы. В Узбекистане в 1939 г. лишь 6,1% населения имели высшее и среднее (полное и неполное) образование, теперь — 66,1%; в Таджикистане соответственно — 4,5% и 60,2%; в Туркмении — 7,8% и 68,2%; в Киргизии — 5,6% и 64,5%; в Казахстане — 9,9% и 65,5%. Лишь в республиках, особенно сильно пострадавших от гитлеровского нашествия и позднее вступивших в Советский Союз (западные районы Белоруссии, Литва, Молдавия), люди с высшим и средним (полным и неполным) образованием составляют несколько менее 60% населения [64].

Советский Союз занимает первое место в мире по численности специалистов всех отраслей знаний. Располагая 7% населения земного шара, СССР имеет более $^1/_4$ общего мирового количества инженеров, вра-

[62] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 537, 569.
[63] «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 21.
[64] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 25; «СССР в цифрах в 1971 г.», стр. 191, 192.

чей, научных работников. Особенно примечателен рост армии научных работников. В начале 1972 г. их численность составила почти 1 млн., а с учетом вспомогательного персонала в настоящее время научными исследованиями в нашей стране занято 3 млн. человек.

Новых объемов достигли в СССР все современные виды культурного обслуживания населения. С 1940 по 1970 г. число массовых библиотек выросло с 95,4 тыс. до 128 тыс., число киноустановок — с 28 тыс. до 157 тыс. (в том числе в сельской местности — с 19,5 тыс. до 133,2 тыс.), годовое производство кинофильмов (включая короткометражные) — с 252 до 1 392, общий тираж (млн. экземпляров) книг — с 462 до 1 362, журналов — с 245 до 2 622, газет (разовый тираж) — с 38 до 141, число телевизионных центров и ретрансляционных станций — с 2 до 1 233, количество действующих телевизоров — с 400 до 34,8 млн. штук, радиоприемников — с 1,1 млн. до 48,6 млн. штук, число стадионов (с количеством мест для зрителей 1,5 тыс. и более) — с 378 до 2 918, туристских баз и альпинистских лагерей — с 81 в 1950 г. до 611 в 1970 году [65]. Существенно поднялся и качественный уровень культурного обслуживания населения, улучшилась идейно-художественная сторона произведений советской литературы и искусства. В девятой пятилетке намечено дальнейшее развитие всех областей культуры.

★

Современные условия жизни советских людей означают новый, значительно более высокий и быстро повышающийся уровень их жизни. Советская экономика максимально нацелена на дальнейший всесторонний подъем народного благосостояния. В этом находит свое проявление действие основного экономического закона социализма в единстве со всей системой экономических законов, присущих развитой социалистической экономике. Вместе с тем основные закономерности современного развития советской экономики суть закономерности создания материально-технической базы и других условий высшей фазы коммунизма. Новая историческая общность людей — советский народ — развивается в направлении постепенного преодоления различий между классами, городом и деревней, людьми физического и умственного труда в направлении всестороннего прогресса и сближения всех наций и народностей Советского Союза, формирования товарищеской ассоциации всесторонне развитых, коммунистически сознательных людей. Совершенствование народнохозяйственного планирования, управления и системы экономических рычагов подготавливает систему коммунистического управления хозяйством, воспитывает бережливость, обучает эффективно использовать ресурсы. Подъем уровня жизни народа приближает советское общество к полному благосостоянию и всестороннему развитию всех его членов. Девятая пятилетка является новым крупным шагом к этой великой исторической цели.

[65] «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», стр. 663, 675, 677.

ОТНОШЕНИЕ ВАТИКАНА К СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ*

Э. Винтер,
действительный член Германской Академии наук в Берлине

Свержение царизма весной 1917 г. пробудило в Ватикане большие надежды на то, что теперь папству удастся осуществить свое давнишнее стремление — включить Россию в сферу своего влияния. Временное правительство укрепило эти чаяния. Его посланник в Ватикане Лысаковский прибыл в Рим незадолго до начала Великой Октябрьской социалистической революции и оставался там и после нее, продолжая свою деятельность в качестве аккредитованного Колчаком посла при Ватикане. Уже этот факт проливает свет на отношение Ватикана к молодому Советскому государству. Однако не считаться с его реальным существованием папа Бенедикт XV, решительный противник всякой революции, не мог, хотя и питал надежды на то, что новая власть окажется недолговечной. Поэтому связи со Страной Советов не исключались из планов Ватикана; напротив, их явно пытались установить.

Экзарх русской католической церкви Леонид Федоров обратился с этой целью к В. И. Ленину, хотя и не непосредственно по поручению Ватикана, но как представитель католической церкви в Советской России. Федоров полагал, что настало время, когда Советское правительство предоставит здания русской православной церкви в распоряжение католиков. Однако 31 марта 1919 г. В. Д. Бонч-Бруевич от имени Советского правительства отклонил такое вмешательство в церковные дела, так как подобные действия противоречили политике отделения церкви от государства. Он напомнил, что Советская Россия является строго антиклерикальным государством, которое не вмешивается ни в какие религиозные вопросы, и подчеркнул, что Советское правительство не интересует будущее всех религий вообще [1]. Это было одновременно и ответом Ватикану, полагавшему, что католическая церковь сможет теперь прибрать к рукам наследство русской православной церкви.

Следует помнить, что Ватикан представлял собой, с одной стороны, самостоятельное суверенное государство, а с другой — вселенскую католическую церковь, издавна претендовавшую на распространение своей юрисдикции и на православную церковь. Маневрирование этими двумя позициями всегда осуществлялось с большой виртуозностью. Дипломатические представительства Ватикана в различных государствах одновременно преследовали и чисто церковные интересы.

В тяжелые годы интервенции и гражданской войны Ватикан не скрывал, на чьей стороне находятся его симпатии, какие надежды он возлагает на разгром коммунизма в России. 14 октября 1919 г. Лысаковский сообщал правительству Колчака: «Папский престол относится с симпатией к [белогвардейской] России и поддерживает ее борьбу про-

---

* В данной статье изложены основные положения третьего тома труда автора «Россия и папство». Сокращенный вариант первых двух томов был издан на русском языке: Э. Винтер. Папство и царизм. М. 1964.

[1] См. В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Т. I. М. 1959, стр. 351—355.

тив большевизма, с которым она прежде всего борется»[2]. 20 января 1920 г. он информировал об аудиенции у Бенедикта XV, в ходе которой папа, как всегда, повел речь о необходимости борьбы с большевизмом. Аналогичным был и отчет баварского посланника при папском престоле Риттера от 25 января 1920 года[3]. Чехословацкий посланник Крофта охарактеризовал стратегию Ватикана следующим образом: «Адаптация демократического духа на Западе, поддержка монархического в Средней Европе, духовная колонизация в Восточной Европе»[4]. Следуя этому курсу, папа через кардинала статс-секретаря Гаспарри заявил В. И. Ленину протест против «преследований служителей бога Вашими приверженцами». В ответе Советского правительства, переданном через Г. В. Чичерина, подчеркивалось, что в Советской стране церковь отделена от государства, в силу чего религия рассматривается как частное дело. Посему не может быть и речи о преследовании служителей церкви за их религиозные убеждения. «Что же касается тех из них, которые участвовали в заговорах против Советского правительства и против власти рабочих и крестьян, мы исходили из точки зрения, что они должны подчиняться тем же законам, как и все другие граждане», и что в отношении к закону не существует никакой разницы между духовными лицами и мирянами[5].

Несмотря на враждебность, которую в годы интервенции и гражданской войны Ватикан проявлял к Советскому правительству, последнее все же изъявило готовность установить с ним дипломатические отношения[6]. Но в те годы Ватикан не помышлял об этом, так как папа усматривал в коммунизме анархию, которая долго не продержится[7]. Однако, вопреки ожиданиям Ватикана, Советское государство, преодолевая неисчислимые трудности, выстояло в годы интервенции и гражданской войны. Но хозяйство страны понесло тяжелый урон, усугубившийся неурожаем 1921—1922 гг. и голодом. Используя трудное положение Советской России, Ватикан решил приступить к осуществлению духовной колонизации под маркой ватиканской «миссии помощи», тем более что капиталистические державы пытались держать Советскую Россию в кольце политической изоляции.

Приняв предложение участвовать в Генуэзской конференции весной 1922 г., Советское правительство было намерено разорвать это кольцо. В таком духе и была составлена инструкция, которую получил Г. В. Чичерин для ведения переговоров в Генуе. В создавшейся обстановке дипломатическое признание Советской России папским престолом имело бы существенное значение, поскольку Ватикан пользовался большим влиянием во всем мире. В интересах своей «восточной миссии» римская курия теперь также была не прочь вступить в переговоры со Страной Советов. 22 апреля 1922 г. состоялась встреча Г. В. Чичерина с генуэзским архиепископом Синьори на итальянском военном корабле в генуэзском порту. Тосты, которыми обменялись партнеры при встрече, несмотря на то, что они ни к чему не обязывали, казались для Ватикана многообещающими. Вскоре, однако, выяснилось, что противоречия между Ватиканом и Советским правительством достаточно велики. Г. В. Чичерин подтвердил, что Советское правительство стоит за свободу вероисповедания и религиозных культов, но оно не может пойти на удовлетворение требования Ватикана о возврате церковных имуществ. А именно этому вопросу Ватикан придавал большое значение и намеревался употребить все силы, чтобы добиться его решения в свою пользу. Это полностью

---

[2] ЦГАОР СССР, ф. 3696, д. 22.
[3] Bayrisches Staatsarchiv München (im folgenden: Bayr. StA), Heiliger Stuhl.
[4] Archiv ministerstva zahraničných věci, Praha (далее — AMZ).
[5] «Документы внешней политики СССР». Т. 2. М. 1958, стр. 95, сл.
[6] Bericht vom 1. Juli 1920. AMZ Vatikan.
[7] Ср. Berichte Lysakovskijs a. a. O.

отвечало интересам капиталистических стран, требовавших от Советского правительства признания долгов царской России.

Рапалльский договор от 16 апреля 1922 г., по которому Германия и Советская Россия отказывались от взаимных претензий, стал для Ватикана бельмом на глазу, несмотря на то, что 12 мая 1922 г. на пресс-конференции Г. В. Чичерин еще раз подчеркнул готовность Советской России начать переговоры с Ватиканом [8]. Австрийский посланник в Ватикане Пастор, который состоял в дружеских отношениях с только что избранным папой Пием XI и с кардиналом статс-секретарем Гаспарри, сообщил 1 мая 1922 г., что Рапалльский договор вызвал в ватиканских кругах серьезные опасения [9]. Высказывались предположения, что установление дипломатических отношений с Советской Россией в этих условиях вызовет недовольство со стороны держав-победительниц, как это произошло в отношении Германии. Впрочем, в Ватикане по-прежнему не верили в прочность советского строя. Кроме того, подготовлявшаяся Ватиканом «миссия помощи», руководители и сотрудники которой наделялись широкими правами дипломатической неприкосновенности, гарантировала, по мнению Ватикана, успешное проникновение в Советскую Россию и без ее дипломатического признания.

Поэтому все свои дальнейшие планы Ватикан связывал именно с этой «миссией помощи». Первый ее руководитель, американский иезуит Уолш, был открытым врагом Советской России и делал все возможное, чтобы воспрепятствовать ее сближению с США [10]. К тому же отношения Ватикана с Советской Россией весной 1923 г. были осложнены так называемым процессом Цепляка. Этому католическому архиепископу, его генеральному викарию Будкевичу и другим католическим священникам было предъявлено обвинение в оказании сопротивления Советской власти. Цепляк и Будкевич были приговорены к смертной казни. В 1924 г. Цепляк был помилован и отправлен в Рим. Австрийский посланник при Ватикане Пастор утверждал, что Цепляк по поручению Советского правительства пытался найти возможность для установления контактов между СССР и Ватиканом [11].

В том же духе, что и Уолш, действовал с января 1924 г. немец Германн — новый руководитель ватиканской «миссии помощи». Как следует из донесений германского посла в СССР Брокдорфа-Рантцау своему правительству, германское посольство в Москве в лице Германна (за спиной которого стоял нунций при имперском правительстве Пачелли) превратилось почти в дипломатическое представительство Ватикана в Советской России. В то же время, будучи руководителем папской «миссии помощи», Германн поддерживал с кардиналом Гаспарри прямую связь, минуя германское посольство. Брокдорф-Рантцау (по своей должности, но не по убеждениям) являлся посредником между папской «миссией помощи» и Ватиканом. Участвовать в двойной игре Ватикана (то есть в осуществлении миссионерской деятельности без дипломатического признания Советского Союза) и в то же время пользоваться дипломатической неприкосновенностью было не по душе Брокдорфу-Рантцау, ибо он понимал, что это может отрицательно сказаться на германо-советских отношениях [12]. Но влияние партии центра, направляемой нунцием, было весьма сильным в имперском правительстве Германии.

14 декабря 1923 г. австрийский посланник при папском престоле Пастор сообщал, ссылаясь на «достоверные круги», что Советское пра-

[8] См. «Katholische Kirchenzeitung Salzburg». Nr. 20/1922, S. 157.

[9] Österreichisches Staatsarchiv (далее — StA) Wien, Heiliger Stuhl.

[10] Ср. E. Walsh. The United States of America and Soviet Russia. Washington. 1924.

[11] См. Geheimes Chiffretelegramm Brockdorff-Rantzau vom 16. April 1924. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — AAA) Bonn, Kurie.

[12] См. ibid.

вительство поставило государственный секретариат Ватикана в известность о своей готовности установить дипломатические отношения [13]. О том же сообщал в Прагу 15 апреля 1924 г. чехословацкий посланник Паллиер [14]. 31 июля 1924 г. Брокдорф-Рантцау безуспешно разъяснял, что Ватикану следовало бы признать Советский Союз и послать официального представителя в Москву [15]. Он считал более чем высокомерным заявление одного из сотрудников папской «миссии помощи», иезуита Роя, о том, что о дипломатическом признании Советского Союза можно будет говорить лишь тогда, когда он «покажет себя достойным» этого (эти слова были подчеркнуты послом).

О том, как расценивал Германн ватиканскую «миссию помощи» в Советском Союзе, свидетельствует его секретное итоговое донесение папе по окончании этой миссии от 12 ноября 1924 г. [16], которое он лично передал в Риме 25 марта 1925 года. В тот же день копия этого донесения была вручена для сведения ватиканскому министру иностранных дел с пометкой, чтобы она ни в коем случае не попала в руки Советского правительства. В этом донесении не было и речи о деятельности ватиканской «миссии помощи»; напротив, оно содержало выпады против Советского правительства. Характерно, что в своих расчетах на падение Советской власти Германн возлагал большие надежды на Троцкого. В заключение своего донесения Германн призывал папу «выступить против господствующего в России коммунизма, объявить его порочным и предать осуждению». В этом донесении и содержалась основная концепция «тридцатилетней войны» Ватикана против Советского Союза.

Но в начале 1925 г. дело еще не зашло так далеко. После завершения деятельности первой папской «миссии помощи» в СССР Ватикану пришлось искать новые пути для продолжения попыток распространять свое влияние в Советском Союзе. Уже 20 февраля германский посол при папском престоле фон Берген [17] писал о переговорах, начавшихся в Берлине между нунцием Пачелли и дипломатическим представителем Советского Союза Н. Н. Крестинским. В лице Германна Пачелли имел секретаря, обладавшего опытом в «восточных делах». Брокдорф-Рантцау был заинтересован в благополучном исходе этих переговоров и через своего брата организовал летом 1925 г. встречу Пачелли с Г. В. Чичериным в Берлине.

Предпосылкой советско-ватиканских переговоров в Берлине было, разумеется, дипломатическое признание Советского Союза рядом капиталистических стран. Но Ватикан по-прежнему возлагал надежды на то, что ему удастся обеспечить свое проникновение в СССР и без дипломатического признания. Эти чаяния папской курии активно поддерживал и французский иезуит д'Эрбиньи, который с 1922 г. возглавлял папский институт Востока, созданный 15 октября 1917 г. с целью «научной подготовки» восточной католической миссии. Осенью 1925 г. д'Эрбиньи принял приглашение на конгресс так называемой обновленческой русской церкви в Москве. После его оптимистического сообщения о перспективах католической миссии в Советском Союзе 11 февраля 1926 г. папа возвел его в сан епископа, после чего д'Эрбиньи приступил к осуществлению своих миссионерских поездок в Советский Союз. В его обязанности входило посвящение католических деятелей в епископский сан и активизация католической церкви в Советском Союзе.

Одновременно с миссионерскими поездками д'Эрбиньи весной и летом 1926 г. в СССР Пачелли продолжал переговоры с представителем Советского правительства в Берлине. Предложенная в циркуляре Чи-

[13] StA Wien, Heiliger Stuhl.
[14] AMZV Praha, Vatikan.
[15] AAA Bonn. Büro des Reichsministers, Kurie.
[16] Ibid.
[17] Ibid.

черина легализация католической миссии в СССР в рамках советского законодательства была признана Ватиканом по совету Пачелли и Германна слишком недостаточной, чтобы ответить на это дипломатическим признанием. В ноябре 1926 г. явно обозначился провал переговоров [18]. С того времени все попытки Ватикана нелегально осуществить свою восточную миссию, возродить и расширить влияние в СССР католической церкви терпели неудачи. Из Советской страны были высланы иезуиты Ледит и Швайгль, прибывшие туда осенью 1926 г. с целью организовать под руководством д'Эрбиньи католический семинар священнослужителей в Ленинграде. Еще в конце августа был вынужден покинуть Советский Союз и сам д'Эрбиньи. Восточная миссия Ватикана была официально пресечена.

После этого римская курия решила, что в результате открытой борьбы она сможет добиться того, чего не удалось получить путем переговоров. Концепция Германна стала претворяться в жизнь: началась «тридцатилетняя война». 29 января 1927 г. Пастор [19] доносил в Вену, «с каким удовлетворением» было встречено в Ватикане посещение папы Черчиллем. Там поддерживалось мнение, что «уже давно пора европейским государствам наладить между собой честные и искренние мирные отношения, особенно учитывая опасность, грозящую со стороны большевизма». Ватикан приветствовал в связи с этим враждебные действия английского правительства против Советского Союза и пытался через партию центра заставить правительство Германии отказаться от политики Рапалло. Сотрудник германского министерства иностранных дел Дирксен, судя по его записям от 21 марта 1927 г. [20], был «весьма обеспокоен... изменившимся отношением партий центра к вопросам германской восточной политики», иными словами, попытками Англии с благословения Ватикана вовлечь Германию в антисоветский фронт.

Заявление русской православной церкви 29 июля 1927 г. о лояльности к Советской власти перечеркнуло надежды Ватикана на использование русской эмиграции, часть которой подпала под влияние католической церкви, для проведения через своих знакомых и родных, находившихся в СССР, какой-либо деятельности в духе католической восточной миссии.

Политическая борьба Ватикана против Советского Союза осуществлялась вначале косвенным путем. Папский престол давал указания католическим партиям центра (в Германии) и христианско-социалистической партии (в Австрии) оказывать антисоветское влияние на свои правительства. Отдел печати канцелярии бундесканцлера в Вене обратился, например, в августе 1927 г. к министерству иностранных дел в Берлине с просьбой усилить и согласовать антисоветскую кампанию в печати. Наличие давления партии центра на германское правительство в подобном направлении выше уже отмечалось. В 1927 г. начались официальные переговоры Ватикана с фашистской Италией, а 11 февраля 1929 г. состоялось подписание Латеранских соглашений, в соответствии с которыми Ватикан и итальянский фашизм объединились для борьбы против коммунизма вообще, а следовательно, против Советского Союза.

Будучи старейшей автократией в Европе, Ватикан обладал естественной склонностью к авторитарным режимам, в особенности когда последние давали ему возможность как-то приобщиться к власти. Заключив союз с фашистской Италией, Ватикан счел себя достаточно сильным, чтобы осмелиться выступить фронтально против коммунизма и Советского Союза. 15 августа 1929 г. папа учредил в Риме коллегию «Руссикум», тесно связанную с папским институтом Востока. Коллегия

---

[18] Месячное донесение за ноябрь чехословацкого посланника Паллиера от 6 декабря 1926 года. StA Wien.

[19] StA Wien, Heiliger Stuhl.

[20] AAA Bonn. Geheimakten Nr. 73.

должна была стать сборным пунктом русской эмиграции, центром подготовки восточной миссии в крупных масштабах. Идеологическое руководство ею находилось в руках иезуитов, которые возглавляли также и папский институт Востока.

Имея такую политическую и идеологическую опору, 2 февраля 1930 г. папа назначил на 19 марта в соборе св. Петра «покаянную мессу» с осуждением коммунизма, которая должна была сыграть роль антикоммунистической и антисоветской демонстрации в мировом масштабе. Этот акт означал открытое объявление идеологической войны Советскому Союзу, хотя его и старались изобразить как чисто религиозную акцию. Именно таким германский посол в Москве Дирксен должен был изобразить этот акт Советскому правительству. Но 21 марта 1930 г. после беседы с народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым Дирксен сообщил, что в Москве позиция папы воспринята как политическая акция. При этом Литвинов сослался на заявление патриаршего местоблюстителя русской православной церкви Сергия, с которым тот выступил по поводу начатого папой антисоветского похода [21].

В папской энциклике «Quadragessimo anno» от 15 марта 1931 г. последовали новое проклятие коммунизма и новые нападки на Советский Союз. Одновременно Ватикан старался создать антисоветский фронт, о чем свидетельствуют сообщения посланников при папском престоле своим правительствам в 1930—1935 годах. Он поддерживал сотрудничество Италии с Германией, а также уделял особое внимание сплочению против Советского Союза, Польши, Австрии, Венгрии и Румынии.

В этой связи становится понятным конкордат Ватикана с третьим рейхом от 4 июля 1933 года. Еще 25 ноября 1931 г. чехословацкий посланник при папском престоле Радимский сообщал в Прагу, что национал-социализм предлагает Ватикану свои услуги в качестве союзника в борьбе против коммунизма, а влиятельный помощник ватиканского статс-секретаря Пиццардо благосклонно относится к этому сближению, рекомендованному берлинским епископом Шрайбером [22]. Врагом номер один как для Гитлера, так и для Пия XI были коммунизм и Советский Союз. Кроме того, Ватикан надеялся с помощью конкордата приобщиться к власти в Германии, как в результате Латеранских соглашений в Италии, которые, несмотря на ряд неудач, в этом смысле себя оправдали. После прихода Гитлера к власти события стали развиваться значительно быстрее. 13 марта 1933 г. папа объявил коммунизм в СССР «миссией антихриста, сына тьмы», а 15 марта, выступая в рейхстаге, Гитлер специально подчеркнул значение борьбы христианской религии против коммунизма. Австрийский посланник Кольрус писал 22 марта об отношении в Ватикане к национал-социализму: «Нужно признать, что Гитлер, единственный из всех глав правительств, обладал мужеством, чтобы энергичным образом покончить с коммунизмом и движением безбожников» [23]. Хорошо информированный баварский посланник Риттер сообщал 24 апреля 1933 г., что Пачелли, «вне всякого сомнения, одобряет сотрудничество католиков в содействии и руководстве национальным движением в Германии в рамках христианского мировоззрения» [24]. Именно общая позиция Ватикана и Гитлера в отношении коммунизма и Советского Союза привела к их сближению, завершившемуся 4 июля 1933 г. заключением конкордата. 15 июля должно было состояться подписание пакта четырех держав — Италии, Германии, Франции и Англии, которого добивался Ватикан. Предшествовавшее этому заключение конкордата казалось Муссолини наилучшей рекомендацией гитлеровской Германии как партнера по пакту

[21] AAA Bonn IV — Russland 826/4.
[22] AMZ Praha, Vatikan.
[23] StA Wien, Heiliger Stuhl.
[24] Bayr. StA München, Heiliger Stuhl.

четырех держав[25]. Однако Пачелли и Папен подписали конкордат слишком поспешно, до того как была внесена полная ясность в ряд его пунктов. В скором времени это вызвало трения между Ватиканом и гитлеровской Германией. Но ненависть к коммунизму и СССР оказалась сильнее этих противоречий. Совершенно секретный дополнительный протокол к конкордату отводил должное место заботам католических пастырей о спасении душ воинов вооружавшегося и готовившегося к выступлению вермахта.

Еще до подписания конкордата между Ватиканом и фашистским рейхом австрийский канцлер Э. Дольфус 5 июня 1933 г. заключил такое же соглашение с римской курией. Вследствие своего положения в Европе и признания католицизма государственной религией Австрия всегда играла важную роль в дипломатии Ватикана. Во время празднования «дня католика» в августе 1933 г. папский легат в Вене назвал Австрию оплотом христианства, многозначительно напомнил об освобождении Вены от турецкой блокады в 1683 г. и заявил, что враг снова угрожает с Востока. Ватикан крайне отрицательно реагировал на установление дипломатических отношений между СССР и США, о чем доносили в декабре 1933 г. своим правительствам австрийский посланник при папском престоле Кольрус и германский посол в Ватикане фон Берген[26]. Пакт о ненападении, заключенный Пилсудским с третьим рейхом 26 января 1934 г., также отвечал духу ватиканской дипломатии и встретил с ее стороны существенную поддержку[27]. Хорошо осведомленный в делах германский посол при папском престоле фон Берген в своем сообщении от 30 ноября 1934 г.[28] писал даже о фашистском «восточном фронте», в котором отводилась важная роль Польше, Австрии и Венгрии.

В 1935—1936 гг. борьба католической церкви против коммунизма и СССР вступила в новый этап. С этого времени «Руссикум» в Риме выпускал информационный бюллетень «Lettres de Rome», главной задачей которого была антикоммунистическая и антисоветская пропаганда. Состоялись многочисленные международные католические конгрессы и конференции, целью которых было усиление борьбы с коммунизмом и Советским Союзом. В посланиях польских епископов (1936 г.) верующим, инспирированных Римом, говорилось о коммунизме и его господстве в СССР как о болезни «души» и о необходимости сделать все возможное против его распространения.

Настроения, господствовавшие в Ватикане, метко охарактеризовал епископ Худаль: «Сближение с национал-социализмом все же лучше, чем заключение пактов с большевизмом»[29]. В 1936 г. вышла книга Худаля «Национал-социализм и католическая церковь», в которой говорилось, что последняя якобы ведет борьбу на два фронта — против фашизма и против коммунизма. В соответствии с такой тактикой и были составлены две нашумевшие в то время папские экциклики — «Mit brennender Sorge» от 15 марта и «Divini Redemptoris» от 19 марта 1937 года. В одной действительно высказывалась озабоченность относительно антикатолических акций национал-социализма, зато другая резко осуждала коммунизм, воплощенный в советском строе. Эти акты Ватикана определили его тактику и на время второй мировой войны, когда папой был Пий XII (Пачелли), в 20-е годы являвшийся нунцием, а в 30-е годы возглавлявший внешнеполитическое ведомство Ватикана.

---

[25] См. AAA Bonn, Büro des Reichsministers, Bd. 70.

[26] StA Wien, Heiliger Stuhl; AAA Bonn, Kurie.

[27] I. Jurkiewicz. Watykan a stosunki polsko-niemeckie w latach 1918—1939. Wybór materiałów. Warszawa, 1960.

[28] AAA Bonn, Büro des Reichsministers, Kurie.

[29] Ср. Bericht vom 18. November 1936; StA Wien, Heiliger Stuhl.

Накануне войны папский престол в своих восточных планах возлагал большие надежды на Польшу, Венгрию, а также Румынию как на свой плацдарм в борьбе против коммунистической идеологии. Несмотря на все усилия, Ватикану не удалось предотвратить столкновение гитлеровской Германии с Польшей, хотя в последний момент он и оказал давление на Польшу, настаивая, чтобы она приняла германские требования. В то же время Ватикан в июле 1939 г. через папского посланника Годфри предостерегал Лондон от заключения соглашения с СССР [30].

Называя свою позицию нейтральной, папский престол продолжал считать благом пакт четырех держав 1933 года. Поэтому Пий XII в конце 1939 — начале 1940 г. поддержал попытку шефа германской военной разведки адмирала Канариса спасти пакт четырех держав, ликвидировав Гитлера путем военного переворота [31]. Папа пытался воздействовать в антисоветском духе и на США [32]. Однако в своем ответе Пию XII 23 декабря 1939 г. Рузвельт писал о «блоке христианских наций», направленном как против фашизма, так и против коммунизма. При посещении Ватикана весной 1940 г. Риббентроп изложил в общих чертах дальнейшие намерения Гитлера, которые могли бы послужить своего рода приманкой для Ватикана. За «умиротворением» Европы должно было последовать нападение на Советский Союз под флагом крестового похода [33]. Официально же Ватикан продолжал твердить о своем нейтралитете.

Между тем сетования ватиканского радио по поводу действий гитлеровцев в Польше внезапно прекратились 22 июня 1941 г., и это с удовлетворением было отмечено гитлеровским послом в Ватикане [34]. Но Муссолини все же не удалось добиться от папы объявления крестового похода на Восток. Такой шаг был невозможен уже потому, что причинил бы тяжелый урон западным державам, которые вошли в антигитлеровскую коалицию и в которых Ватикан видел противовес антикатолическим поползновениям нацистов. Кроме того, папская курия готовилась к вторжению фашистов в Советский Союз задолго до лета 1941 г., что видно из информационного листка «Руссикума» — «Заметки» — за 1939—1940 годы. 15 апреля 1941 г. было даже достигнуто соглашение с генеральным штабом германской армии о содействии последнего восточной миссии Ватикана. Хотя после преступного нападения гитлеровской Германии на СССР руководство нацистской партии и министерство безопасности третьего рейха объявили его недействительным, восточная миссия все же осуществлялась. И делалось это с благословения папы, что явствует из письма кардинала Тиссерана от 22 декабря 1941 г. униатскому митрополиту А. Шептицкому, на которого Ватикан возложил руководство данной миссией в Советском Союзе [35]. Униатские епископы Западной Украины во главе с Шептицким приветствовали вступление фашистских полчищ на территорию Советской Украины, расценивая его как «начало новой эпохи». В 1943 г. Шептицкий наделил формировавшуюся дивизию СС «Галиция» девизом крестоносцев «угодно богу»; на ноябрьском униатском синоде 1943 г. он призывал к борьбе против Советского Союза до победы [36]. Как высоко оценил папа

---

[30] Th. Morgan. The Listening Post. N. Y. 1944, pp. 164 a. o.

[31] S. Fiedländer. Pius XII. et l'III. Reich. P. 1964, pp. 76, 88 e. s.; см. также «Известия», 22. I. 1940.

[32] Письмо Пия XII президенту Рузвельту от 1.XI. 1939. C. M. Taylor. Wartime Correspondence between President Roosevelt and Pope Pius XII. N. Y. 1947 (далее — Wartime Correspondence).

[33] Le Saint Siège et la Guerre en Europe. «Actes et documents du Saint Siège relatifs à la seconde guerre mondiale». Пока вышло три тома: 1965, 1967, 1969.

[34] AAA Bonn, Kurie.

[35] См. «Правда про унію». Львів. 1968, № 205.

[36] См. там же, №№ 193, 195. 242, 243.

Пий XII подобные действия своего верного слуги, видно из того, что, несмотря на полное фиаско восточной миссии, он в 1955 г. принял решение о канонизации Шептицкого.

Несмотря на некоторые расхождения между верхушкой нацистов и Ватиканом, врагом номер один для них продолжал оставаться Советский Союз. Недаром германское посольство в Ватикане с удовлетворением информировало правительство рейха о позиции папы [37]. Пий XII неодобрительно отнесся к декларации, принятой в Касабланке в январе 1943 г., в которой говорилось о том, что США и Англия будут вести войну до полного поражения гитлеровской Германии. Он проявлял все возраставшее беспокойство в связи с успехами Советского Союза [38]. В ходе секретных переговоров начальника генерального штаба венгерской армии Сомбатхея с Пием XII, состоявшихся 13 апреля 1943 г., папа намекнул своему собеседнику на излюбленную идею Ватикана о Дунайской конфедерации «умеренно авторитарных» католических государств, в которой Венгрии отводилась важная роль [39]. Однако в центре внимания римской курии оставалась Польша. Разрыв польским буржуазным эмигрантским правительством в Лондоне отношений с Советским Союзом 25 апреля 1943 г. был с удовлетворением воспринят в Ватикане. Апостолический легат Годфри в Лондоне 14 мая 1943 г. был назначен официальным папским представителем при польском эмигрантском правительстве. Упрочение позиций последнего в самой Польше стало предметом особых забот Ватикана, надеявшегося на создание упомянутой конфедерации на западных границах Советского Союза. Но эти планы папы расходились с империалистическими планами гитлеровцев.

В 1943 г. Ватикан объявил всеобщую молитву против СССР под лозунгом — или католическая восточная миссия завершится успехом и добьется обращения России в католичество, или же наступит «конец света». Но эта антисоветская акция была воспринята нацистской службой безопасности как конкуренция гитлеровскому рейху [40].

Однако когда над гитлеровской Германией нависла катастрофа, это не помешало Ватикану делать все возможное, чтобы спасти или по меньшей мере добиться пощады для нее. В то же время все попытки президента США Рузвельта изменить отношение папы к Советскому Союзу потерпели неудачу [41]. Не увенчались успехом и действия, предпринятые в этом направлении умеренной группой в Ватикане под руководством кардинала Тиссерана. В свете этого становится понятным, почему польский ксендз Орлеманьский, посетивший в 1944 г. Советский Союз и встретивший здесь дружественный прием, после возвращения в США не без ведома Ватикана подвергся «духовному распятию» [42].

После занятия Рима союзниками 20 июня 1944 г. Пия XII по-прежнему больше всего волновала «коммунистическая опасность, нависшая над Европой» [43]. Эту мысль папа пытался настойчиво внушить чрезвычайному посланнику Рузвельта Тейлору [44]. Она настолько явно прозвучала в рождественской речи главы католической церкви, что «Правда» 7 января 1945 г. решительно выступила против такого заявления. Ватикан взял под свое покровительство некоторых военных преступников и способствовал их тайному бегству в Южную Америку [45].

---

[37] См. AAA Bonn, Kurie.
[38] См. «Journal de Genève», 21.V.1943.
[39] См. DZA Potsdam, Archiv des Kirchenministeriums, Vatikan.
[40] AAA Bonn, Inland — D Italien Kirche 1. 2. 3.
[41] См. Roosevelt — Pius XII. Wartime Correspondence.
[42] «People's Voice» (Detroit). 30.V.1944.
[43] Bericht des deutschen Gesandten in Bern vom 14. Juli 1944. AAA Bonn. Inland— D Amerika — Kirche 1—4.
[44] Wartime Correspondence.
[45] W. Brockdorff. Flucht vor Nürnberg. München—Wels. 1969.

После окончания войны насущной заботой папского престола стало создание нового «санитарного кордона» у границ Советского Союза. При этом снова гальванизировалась идея Дунайской конфедерации. Убеждениям Ватикана полностью соответствовали высказывания американского дипломата католика Р. Мэрфи [46] и государственного секретаря США А. А. Дина [47] в 1945 г. относительно того, что коммунизм необходимо подавить прежде всего на оккупированной западными державами территории Западной Германии, а советское руководство «обезвредить», в случае надобности даже с помощью насилия. Стремление папы найти в лице Черчилля и Трумэна более надежных для себя, чем Гитлер, союзников в борьбе против коммунизма казалось близким к осуществлению. 5 марта 1946 г. Черчилль, как известно, произнес в Фултоне речь, выдержанную в антисоветском духе. А незадолго до этого Пий XII вручил в Риме кардинальскую шапку епископу Мюнстерскому графу Галену, бывшему в третьем рейхе самым активным глашатаем крестового похода на Восток. 16 сентября 1946 г. из Ватикана последовала директива епископам США — неустанно твердить о вреде, который может принести США сотрудничество с Советским Союзом [48].

Послание президента США Трумэна папе от 6 августа 1947 г., в котором он писал, что «длительный мир должен зиждиться на христианских принципах» и «не может существовать в оковах лжи и в цепях одной организации, коллективизирующей жизнь», нашло восторженное одобрение Пия XII. 28 августа он в ответ писал: «Там, где государство отвергает бога, человек становится рабом, подвергающимся эксплуатации в эгоистических целях одной группы, в руках которой находится власть»[49]. Эти злобные антикоммунистические заявления были выдержаны в духе начавшейся «холодной войны». Сборник документов ватиканского государственного секретариата «Секретные документы о дипломатии Ватикана», вышедший в 1948 г. в Лугано, свидетельствует об усилении сотрудничества Ватикана с США и о настойчивых попытках создать антисоветский фронт в 1946—1948 годах. Эта публикация проливает свет на линию ватиканской дипломатии в данные годы. Само название первого тома сборника «Папа против мира во всем мире» точно характеризует все издание в целом.

В рождественском послании 1948 г. Пий XII призывал народы к антикоммунистической солидарности, запрещающей «вести себя в рамках нейтралитета и оставаться простым зрителем». Кардинал Фригс на праздновании «дня католика» в Пассау в августе 1950 г. комментировал это высказывание следующим образом: «По мысли папы, ведение войны против несправедливости не только справедливо, но и является долгом всех государств». И далее, еще более ясно: «Подлинный мир может покоиться только на установленном богом порядке». Там же, где он подвергается нападкам, народы должны силой оружия восстановить нарушенный порядок [50]. В то же время Ватикан готовился к нанесению удара по коммунизму в среде самих католиков — к осуждению его «конгрегацией за чистоту веры» 1 июля 1949 г., когда каждый коммунист и всякий, кто каким-либо образом сотрудничал с коммунизмом, был отлучен от церкви. В 1949 г. был создан Северо-Атлантический пакт (НАТО), а спустя некоторое время в нарушение Потсдамских соглашений на Западе начали уже поговаривать о ремилитаризации ФРГ и ее последующем включении в НАТО. Орган Ватикана «Osservatore Romano» от 24 декабря 1950 г. превозносил НАТО как лучшее средство защиты от атеизма и враждебных богу сил.

---

[46] E. Deuerlein. Aus Politik und Geschichte. Hf. 8. Bonn. 1963.
[47] D. J. R. Deane. Ein seltsamer Krieg. Wien. 1946.
[48] «Documenti segreti della diplomazia Vaticana». Bd. I. Lugano. 1948.
[49] См. C. M. Taylor. Correspondence between Truman and Pius XII. N. Y. 1951.
[50] «Neue Zeitung», 24.VIII.1950.

Но от Ватикана не могло ускользнуть, насколько быстро после войны восстанавливается экономика СССР и укрепляются его оборонная мощь и международный авторитет. Примерно с 1954 г. в Ватикане наметился спад «холодной войны». Усилилось внимание папской курии к событиям в СССР. После того как было опубликовано Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г., в котором говорилось, что «всякого рода административные меры и оскорбительные выпады против верующих и церковнослужителей могут принести лишь вред, привести к закреплению и даже усилению у них религиозных предрассудков»[51], Ватикан откликнулся на него в «Osservatore Romano» уже 13 ноября[52]. Но в то же время в рождественском послании от 24 декабря Пий XII весьма критически отозвался о предложенном Советским Союзом мирном сосуществовании государств с различным общественным строем. Т. Бреза (с 1955 по 1958 г. атташе по делам культуры польского посольства в Риме) говорил, что в эти годы в Ватикане царила растерянность относительно того, как в дальнейшем относиться к СССР и коммунизму[53]. Однако Пий XII был не в состоянии принципиально изменить тактику Ватикана.

Это попытался сделать его преемник Иоанн XXIII. Учитывая почтенный возраст бывшего кардинала Ронкалли, никто не ожидал, что он введет новые порядки в римской курии. Но его избиратели в какой-то мере просчитались. В тактике римской курии наступил перелом. Вновь избранный папа незамедлительно принял предложение об участии в борьбе за сохранение мира. Советское правительство сочло целесообразным направить официальное приветствие Иоанну XXIII по случаю его 80-летия. 26 ноября 1961 г. папа прислал ответ, в котором выразил пожелание, чтобы всеобщий мир был упрочен[54]. Показательно, однако, что все та же «Osservatore Romano» опубликовала эти телеграммы лишь 17 декабря и то на самом незаметном месте. В одном из первых январских номеров 1962 г. журнала ордена иезуитов «Civilta cattolica» говорилось, что обмен телеграммами — всего лишь «выражение традиционной вежливости папского престола», а боннское католическое информационное агентство 20 января назвало этот обмен телеграммами «отвлекающими маневрами Кремля». Однако Иоанн XXIII, по-видимому, хотел идти по другому пути в отношениях с Советским Союзом. Когда 7 марта 1963 г. комитет, в который входили и представители СССР, вручил папе премию мира имени Больцано, он дал его представителям частную аудиенцию. Этот шаг Иоанна XXIII вызвал бурю негодования в консервативных кругах как в самом Ватикане, так и далеко за его пределами.

В то же время среди католиков росло убеждение, что необходима коренная реформа католической церкви. Именно этим объясняется созыв папой II Ватиканского собора осенью 1962 года. Возник так называемый «левый католицизм», сторонники которого настойчиво подчеркивали необходимость наверстать упущения церкви в социальной программе. Они признавали, что самым важным для человечества является сохранение мира, а посему католики в борьбе за это должны идти в одной шеренге с коммунистами. Левые католики приветствовали пасхальное послание Иоанна XXIII от 11 апреля 1963 г. и энциклику «Pacem in terris» («Мир на земле») от 13 апреля 1963 г., в которой указывалось, что христианин не может быть марксистом-ленинцем, поскольку их взгляды на религию принципиально различны, но как христианин он должен со всей решительностью выступать за мир и бороться за лучшее государственное устройство. «Osservatore Romano» от 16

[51] «Вопросы идеологической работы». М. 1961, стр. 73.
[52] M. Mourin. Der Vatikan und Sowjetunion. München. 1967. S. 206.
[53] T. Breza. Das Bronzetor. «Römisches Tagebuch». B. 1962, S. 80 ff.
[54] M. Mourin. Op. cit., S. 295.

апреля 1963 г. сочла, однако, необходимым подчеркнуть, что энциклика отнюдь не дает каких-либо «авансов коммунизму и ему подобным». Вскоре, 2 июня, папа скончался. О том, насколько сильным было сопротивление католических консервативных кругов взятому Иоанном XXIII курсу на достижение взаимопонимания с СССР, говорит памфлет, изданный на многих языках Европейским центром документации в Мадриде под весьма характерным заголовком: «Заговор против католической церкви». Близкие соратники папы из прогрессивных кругов, например, кардинал Беа, были названы в этом пасквиле «сателлитами на службе коммунизма и масонства», пытающимися превратить католическую церковь в «синагогу сатаны» [55].

В этих условиях особое значение приобретали выборы нового папы. Занявший это место Павел VI был совсем иным человеком, чем его предшественник. С юношеских лет Монтини состоял на службе в римской курии и прошел школу Пачелли. Затем он стал одним из ближайших сотрудников Пия XII. Иоанн XXIII возвел Монтини в кардиналы. Оказавшись на папском престоле, Павел VI пытался придерживаться той же тактики по отношению к Советскому Союзу, что и Иоанн XXIII. Однако свойственная Ватикану двойственность в этом вопросе стала очевидной уже с самого начала его понтификата. Он послал ответ на официальное поздравление Советского правительства по случаю избрания папой, но текст послания на русском языке отличался от итальянского перевода, распространенного на Западе. Враждебность Ватикана по отношению к коммунизму снова проявилась более резко, чем при Иоанне XXIII. 16 сентября 1963 г., вручая высший орден Ватикана — орден Христа — тогдашнему канцлеру ФРГ и ярому противнику мирного урегулирования европейских и мировых проблем Аденауэру, папа чествовал его как государственного деятеля, действовавшего в духе Ватикана.

Однако перегруппировка сил в пользу социалистических государств не давала возможности Ватикану вернуться в отношениях с Советским Союзом к тактике времен «тридцатилетней войны». Поддержка предложений СССР, направленных на сохранение мира во всем мире, явилась основой для нормализации отношений с Советским Союзом и социалистическими государствами, начало которой положил Иоанн XXIII. В этом духе Павел VI выступил на заседании ООН 4 октября 1965 г., закончив свою речь призывом: «Никогда не быть больше войне, никогда!..». Вслед за тем, 27 апреля 1966 г., состоялась первая официальная встреча папы с А. А. Громыко во время пребывания министра иностранных дел СССР в Риме. В центре беседы находился план Советского правительства по созыву мирной конференции всех европейских стран без различия их государственного строя. В рождественском послании 1966 г. Павел VI высказал пожелание, чтобы перемирие во Вьетнаме из кратковременного — рождественского и новогоднего — стало постоянным. Правда, против этого тут же выступил американский кардинал Спеллман, который заявил: «Только полная победа США во Вьетнаме означает мир». 20 января 1967 г. Ватикан посетил Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный [56]. Советская сторона расценила эту встречу как дающую возможность марксистам и христианам обсудить вопросы борьбы за предотвращение новой войны [57].

В 1967 г. Павел VI поручил институту Востока откликнуться на 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Такой отклик появился лишь в последний день юбилейного года в «Osservatore Romano» и был озаглавлен «Перспективы отношений между коммунизмом и религией спустя 50 лет с начала русской революции». Статья

[55] «Verschwörung gegen die katholische Kirche». Wien, 1963, S. 8.
[56] «Ежегодник БСЭ», Вып. 12, 1968, стр. 65.
[57] См. «Новости», 17. I. 1967.

заканчивалась призывом к ревизии марксизма-ленинизма, в частности в области его отношения к религии. Поскольку такого рода выступления отнюдь не способствовали нормализации отношений с СССР, папа стал меньше доверять институту Востока в вопросах восточной политики, а все более сосредоточивать последнюю в государственном секретариате Ватикана. Значение института Востока и «Руссикума» в годы понтификата Павла VI явно пошло на убыль. Уже тот факт, что из 20 кандидатов восточной миссии только 5 были допущены к посвящению в сан, а другие либо сами отказались от этого, либо были признаны недостойными посвящения, говорит о том, сколь неудовлетворительным было положение в «Руссикуме». Чем активнее становились связи русской православной церкви с римско-католической (с конца 1969 г. было установлено общение между ними), тем сильнее сужалась роль восточной миссии Ватикана.

Католическая церковь испытывает в настоящее время внутренний разлад. Противоречия между консервативными и прогрессивными католиками уже нельзя замолчать. Первые заигрывают с неофашизмом, который сулит церкви причастность к власти; вторые ратуют за «полевение» церкви и нередко присоединяются к революционным движениям. Причиной внутреннего кризиса католицизма являются закономерные общественные и политические процессы, происходящие в современном мире. Но католическая церковь все еще представляет собой большую силу, с которой нельзя не считаться. Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г. подчеркнуло, что общность всех сил мира в борьбе против военной опасности является главным звеном в цепи совместных действий не только международного рабочего класса, но и всех миролюбивых государств и общественных организаций, независимо от их философских и религиозных убеждений и взглядов [58]. Однако это не является призывом к идеологическому примирению с Ватиканом, ибо нельзя забывать, что под влиянием происходящих событий меняется лишь тактика Ватикана, антикоммунистическая же стратегия его остается прежней.

---

[58] «Документы Международного Совещания коммунистических и рабочих партий, 5—17 июня 1969 г.». Прага. 1969, стр. 27—28.

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСМИНСКИЙ

Е. В. Гутнова

Евгений Алексеевич Косминский — один из видных представителей старшего поколения советских историков, закладывавших основы марксистско-ленинской исторической науки в СССР. Особенно значителен его вклад в развитие советской медиевистики — той области истории, которая была его главной и любимой специальностью.

Со дня смерти Е. А. Косминского (24 июля 1959 г.) прошло более тринадцати лет, срок как будто бы не очень большой, но насыщенный многими событиями в развитии советской исторической науки, и в частности медиевистики. За эти годы заметно расширилась и обогатилась проблематика исследований в области средневековой истории: гораздо бо́льшее внимание, чем раньше, уделяется аспекту социальных отношений, истории духовной жизни средневекового общества — его культуре, социальной психологии и идеологии этого времени. Наряду с изучением таких крупных социальных структур, как классы, сословия, сословные группы, особое внимание ученых стали привлекать микроструктуры — родовые, семейные, внутриобщинные отношения. Успешно развиваются новые методы исторических исследований, в частности математические. Из года в год растет поток научной информации, получаемой нашими медиевистами из новой литературы, на международных и всесоюзных конгрессах, конференциях, симпозиумах. С высоты этих новых достижений особенно наглядно выступает большой вклад, внесенный Е. А. Косминским в построение фундамента, на котором стали возможны эти успехи, и прежде всего то непреходящее, живое в его творчестве, что и сегодня помогает нашей науке двигаться вперед.

Разбираясь в наследии советской исторической науки, мы обязаны строго соблюдать принцип историзма в отношении к советским ученым — ушедшим из жизни медиевистам старшего поколения, к которому принадлежал Е. А. Косминский вместе с большой группой талантливых ученых — А. Д. Удальцовым, Н. П. Грацианским, В. В. Стоклицкой-Терешкович, А. И. Неусыхиным, научное наследие которых и сегодня не утратило своего познавательного и теоретико-методологического значения.

Евгений Алексеевич Косминский родился 2 ноября 1886 г. в Варшаве, в семье директора гимназии. По окончании средней школы он поступил в 1904 г. в Варшавский университет, а затем с 1905 по 1910 г. учился в Московском университете, где после окончания историко-филологического факультета был оставлен при кафедре всеобщей истории. С этого времени он с небольшими перерывами проработал в МГУ до 1952 года. С 1934 по 1949 г. Евгений Алексеевич возглавлял кафедру истории средних веков созданного в 1934 г. исторического факультета МГУ. Преподавал он также в МИФЛИ, Институте красной профессуры и других учебных заведениях. Параллельно Е. А. Косминский работал в научно-исследовательских учреждениях, сначала в Институте истории РАНИОН, затем в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦК ВКП(б) и в Институте истории Комакадемии. Но наиболее плодотворная пора

его научной деятельности была связана с Институтом истории АН СССР, где он работал начиная с 1936 г. и вплоть до своей смерти и где в течение ряда лет заведовал сектором истории средних веков (1947—1952 гг.), а позднее — сектором византиноведения. В 1946 г. Е. А. Косминский был избран действительным членом АН СССР.

Жизнь Евгения Алексеевича была небогата внешними событиями, но вместила в себя исключительно многогранную и разнообразную деятельность. Время, которое, по собственному его выражению, «лихорадочно ковало новую жизнь» [1], постоянно требовало его участия во многих научных, педагогических, общественных начинаниях. И ученый неизменно живо откликался на эти требования. Помимо своих основных исследовательских работ и многогранной педагогической деятельности, Е. А. Косминский являлся участником и организатором многих коллективных трудов советских медиевистов. Известна его огромная роль в создании первого марксистско-ленинского курса истории средних веков для вузов (в 1935—1938 гг.), на базе которого были созданы затем первые советские учебники по этой дисциплине для высших учебных заведений и средней школы, выдержавшие по нескольку изданий. Он участвовал в написании «Истории дипломатии» (первое издание — 1941 г.), в составлении остроактуального для своего времени сборника «Против фашистской фальсификации истории» (М. 1939), в подготовке томов «Всемирной истории», посвященных средневековому периоду, в создании двухтомной истории английской революции [2]. В конце 20-х и особенно в 30-е годы Евгений Алексеевич сделал очень много для публикации переводов средневековых источников, необходимых для проведения семинарских занятий в вузах, работал над программами и учебно-методическими пособиями по истории средних веков в средней школе. В 1938—1946 гг. при его непосредственном участии были расшифрованы, переведены и подготовлены к печати хранившиеся в ИМЭЛ конспекты К. Маркса по всеобщей истории — «Хронологические выписки» и марксов конспект работы английского историка Д. Р. Грина «История английского народа» [3]. В течение многих лет Е. А. Косминский был членом редколлегии журнала «Вопросы истории»; с 1942 г. до конца жизни — ответственным редактором периодического сборника «Средние века», всесоюзного органа советских медиевистов. Когда этого потребовала политическая обстановка, он в 1952 г., практически уже в конце своей жизни, стал главным редактором журнала «News», издававшегося в Москве на английском языке и сыгравшего в свое время значительную роль в развитии советско-английских культурных связей. Евгений Алексеевич многократно и успешно представлял советскую историческую науку на международных исторических конгрессах — в Осло в 1928 г. и в Риме в 1955 г., где он выступил с докладом «Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке» [4], а также на англо-советских коллоквиумах в Москве и в Лондоне. Он был неутомимым пропагандистом за рубежом достижений советской медиевистики, читал на эту тему лекции в Оксфордском университете, выступал с докладами, публиковал статьи в иностранных журналах и много способствовал знакомству с нею зарубежных историков. В силу своей исключительной талантливости и не менее исключительной добросовестности Евгений Алексеевич все, за что он брался, выполнял неизменно с блеском и глубиной. В первую очередь он был ученый-исследователь. Его притягивала, как

---

[1] Е. А. Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М. 1963, стр. 60.

[2] «Английская буржуазная революция XVII века». Под ред. академика Е. А. Косминского и кандидата исторических наук Е. А. Левицкого. Тт. I—II. М. 1954.

[3] См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. V. 1938; т. VI. 1939; т. VII. 1940; т. VIII. 1946.

[4] См. Е. А. Косминский. Указ. соч.

он любил говорить, повторяя слова своего учителя А. Н. Савина, «романтика архива», «пыльная и старая тайна». Евгений Алексеевич являлся учеником двух крупных русских медиевистов дореволюционного периода — Д. М. Петрушевского и А. Н. Савина. Оба они никогда не были марксистами и не стали ими в советское время. В студенческие годы Е. А. Косминского и тот и другой стояли на позициях экономического материализма, наиболее прогрессивных в буржуазной историографии того времени, и испытывали на себе влияние отдельных марксистских положений. Особый интерес Е. А. Косминского к социально-экономической, в частности аграрной, истории родился у него отчасти под влиянием научных интересов и вкусов его учителей. В дальнейшем, уже в советский период, когда, собственно, началась самостоятельная научная деятельность Е. А. Косминского (его первые печатные работы относятся к 1918 г.), ученый довольно быстро эволюционировал в направлении марксистского понимания истории. Этому способствовала и его работа в Институте Маркса и Энгельса, где он в 1924—1926 гг. заведовал кабинетом по истории Англии, участвуя уже тогда в подготовке к печати рукописного наследия основоположников марксизма. Быстрая эволюция ученого в сторону марксизма отразилась на его учебных пособиях конца 20-х годов, где он уже твердо стоит на почве теории общественных формаций, использует произведения классиков марксизма-ленинизма, широко применяет марксистские формулировки. Его первая большая исследовательская работа «Английская деревня в XIII в.» (1935 г.) и его лекционные курсы (1935—1937 гг.) знаменовали окончательный переход ученого на последовательно марксистские позиции. Развитие Е. А. Косминского в этом направлении еще более обострило и углубило его интерес к социально-экономической проблематике, который он разделял со всеми советскими медиевистами своего поколения. Е. А. Косминскому всегда было свойственно стремление к максимальной точности и достоверности выводов, которое определяло и его излюбленные методические приемы, в том числе широкое применение им статистического метода.

История для Е. А. Косминского была «строгой музой». В своих исследованиях он был всегда новатором в лучшем значении этого слова, ибо его новаторство всегда опиралось на глубоко продуманные и проверенные аргументы, и того же он требовал от других. Поэтому он весьма скептически относился к новаторству ради новаторства, к непродуманным, скороспелым гипотезам, не подтвержденным конкретным материалом. Такая «погоня за «новым»,— по его словам,— вещь опасная». Главное — давать не просто новое, но «веское, научное, проверенное, продуманное» [5]. Вместе с тем Евгений Алексеевич меньше всего был похож на ученого-педанта, рабски следующего только за фактами. Экономическая и социальная история и тем более статистические подсчеты никогда не были для него самоцелью. В них, как всякий настоящий историк-марксист, он видел средство познания, с одной стороны, господствующих тенденций исторического развития в целом, с другой стороны, всей сложности исторической действительности далекого прошлого. Этот вывод подтверждают его работы, особенно его вторая монография — «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» (М.-Л. 1947 г.), где за статистическими таблицами чувствуется живое дыхание жизни. Монография содержит социальные, а иногда даже и индивидуальные портреты крупных церковных и светских феодалов, мелких вотчинников, собирающих по кусочкам свои земельные владения, рачительных хозяев и мелких хищников, зависимых крестьян-вилланов, отягощенных непомерными повинностями, ведущих повседневную борьбу в судах и на общинных

[5] Письмо Е. А. Косминского Е. В. Гутновой 9 декабря 1942 г. Архив АН СССР, ф. 1514, оп. 3, д. 4.

землях за свои права, наемных рабочих, связанных со своими нанимателями сложными внеэкономическими путами.

Будучи мастером применения статистического метода, Евгений Алексеевич никогда не фетишизировал его ни в смысле абсолютизации своих подсчетов, ни в смысле исключения других методов. Свои цифровые данные он всегда старался корректировать источниками юридического характера, живыми примерами и богатыми деталями, во многом проясняющими значение и достоверность произведенных им подсчетов. Ему было чуждо стремление к полной формализации исторического материала, которое, создавая иллюзию точности, в то же время обесцвечивает и обезличивает историческую действительность. Из пестрой картины этой действительности Евгений Алексеевич умел извлечь достаточно широкие, принципиальные обобщения, которые, однако, всегда были чужды какого-либо схематизма, ибо он был непримиримым врагом общих фраз, верхоглядства и абстрактного социологизирования.

Именно поэтому многие из его обобщений сохраняют свою ценность и сегодня и, вероятно, сохранят ее долгие годы. Это в первую очередь относится к исследованиям Евгения Алексеевича в области аграрной истории Англии в XIII—XV вв.— к его двум названным уже монографиям об английской деревне XIII в. и многочисленным статьям на эту и смежные темы.

Когда в 1916 г. Е. А. Косминский обратился к этой области исследований, она была захвачена общим кризисом буржуазной исторической мысли и науки. Классическая вотчинная — для Англии «манориальная» теория,— а также и «общинная» теория были подорваны или даже вовсе разрушены историками «критического направления», которые, однако, не смогли создать взамен каких-либо новых обобщающих концепций. Английская деревня XI—XIII вв. представлялась в тогдашней литературе как нагромождение противоречивых экономических и социальных отношений, в которых растворялись какие-либо общие закономерности. Феодальная природа этих отношений многими учеными вообще отрицалась, некоторые же прямо утверждали их капиталистический характер. В этом сумеречном хаосе явлений трудно было двигаться вперед.

Е. А. Косминский сумел вывести историографию аграрной, а вместе с тем и вообще социально-экономической истории средневековой Англии из этого тупика. Опираясь на ранее не использовавшиеся, в значительной мере архивные источники (в основном на «Сотенные свитки» и «Посмертные расследования»), собранные во время научной командировки в Англию (в 1925—1926 гг.), на массовые подсчеты, ранее не применявшиеся для изучения столь ранней эпохи, как XIII в., главное же — на марксистско-ленинскую методологию, Евгений Алексеевич вернул исследование этой проблемы на путь широких обобщений, от которых, по существу, отказалась буржуазная историография того времени. Он восстановил в правах понятие феодальной вотчины — «манора», наполнив его новым, прежде всего социальным содержанием. В ней он увидел форму эксплуатации мелкого хозяйственно-самостоятельного крестьянства, независимо от того, какова была ее внешняя структура и какие виды ренты в ней господствовали; он обнаружил возможность самых различных проявлений существования этой социальной организации. Это позволило ученому не только описать, но и научно объяснить пестроту социально-хозяйственной жизни английской средневековой деревни XIII в., а отчасти и XIV в., доказать, что она не имеет ничего общего с капитализмом и вполне укладывается в рамки феодальных производственных отношений и вотчинного строя в новом, широком значении этого понятия. Тем самым советский ученый открыл возможность для дальнейшего плодотворного исследования этой тематики.

Вывел Е. А. Косминский из тупика историографию аграрной истории средневековой Англии и в другом отношении. Когда он начинал свои

исследования, старая натурально-хозяйственная теория феодализма изжила себя в результате непрерывных атак историков «критического направления», которые, собрав большой материал о развитии рыночных связей, городов, ремесла в средние века, особенно в XI—XV вв., тенденциозно трактовали эти факты как доказательство развития капитализма в этот период и даже его извечности. Подойдя к вопросу с марксистских, диалектических позиций, Евгений Алексеевич показал, во-первых, что развитие рынка и товарного производства в Англии этих столетий, хотя и было значительным, долгое время сосуществовало с натурально-хозяйственной основой производственных отношений феодализма, подрывая их лишь очень медленно и постепенно; во-вторых, он один из первых в науке установил на примере Англии, что товарно-денежные отношения действовали на феодальную экономику очень неоднозначно, иногда в самом деле разлагая ее, иногда, напротив, консервируя самые тяжелые и грубые формы феодальной эксплуатации. С этих позиций Е. А. Косминский подходил к решению всех основных спорных вопросов проблемы — об эволюции ренты, расслоении и личном освобождении крестьянства, о развитии «наемного труда» в английской деревне, о «феодальной реакции» XIII в., о классовой борьбе крестьянства. Позднее в статьях по аграрной истории XIV—XV вв. этот диалектический подход позволил Евгению Алексеевичу правильно решить вопрос о кризисе и упадке английской экономики в XIV—XV веках. В противоположность буржуазным ученым, безоговорочно признававшим наличие такого упадка, Е. А. Косминский высказал убедительно обоснованное положение о том, что в этот переходный период в экономической и социальной жизни Англии явления упадка и кризиса сосуществовали с явлениями противоположного, прогрессивного характера, так как одни слои общества (верхушка класса феодалов и высшие слои старых инкорпорированных городов) разорялись, другие (мелкие и средние феодалы-джентри, свободное крестьянство, купечество нового склада), напротив, процветали. Е. А. Косминский справедливо подчеркнул, что экономический прогресс общества продолжался и в эти столетия, хотя и происходило оскудение его наиболее хозяйственно-консервативных элементов — и прежде всего церковных и светских крупных землевладельцев [6]. Так, Евгений Алексеевич впервые в советской медиевистике поставил во всей полноте вопрос о роли товарно-денежных отношений в период развитого феодализма и наметил на английском материале важнейшие пути его решения с марксистско-ленинских позиций, подготовил дальнейшее исследование этой узловой проблемы в советской исторической науке применительно к другим странам.

Можно спорить с его отдельными выводами, проверять, уточнять и дополнять их, но одно бесспорно: исследования Е. А. Косминского по аграрной истории Англии XI—XV вв. до сих пор «работают» в нашей науке, служат отправным пунктом и образцом для изучения аграрной, а шире — социально-экономической тематики применительно к периоду развитого феодализма не только в Англии, но и в других странах — Франции, Италии, Испании, Венгрии, Чехии, Византии и др.

Исследования Евгения Алексеевича по аграрной истории получили широкое признание и высокую оценку зарубежных медиевистов, особенно Англии, США, Японии. На английское издание его монографии «Исследования по аграрной истории Англии XIII в.» (вышла в Лондоне в 1956 г.) появилось 17 рецензий в журналах многих стран. Даже буржуазные критики, выражавшие несогласие с марксистской методологией Е. А. Косминского, вынуждены были признать большую научную ценность этой работы и убедительность ее основных выводов. Известный

[6] См. Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? В кн.: «Проблемы английского феодализма и историографии средних веков».

английский медиевист-аграрник Э. Миллер писал, что исследования Е. А. Косминского «в области английской аграрной истории за последние 20 лет и более внесли в изучение этого предмета огромный вклад, сравнимый по его значению только с вкладом, сделанным в героические годы Сибома, Мэтланда, Виноградова», и заставивший современных английских историков «пересмотреть ряд основных положений, с которыми они приступали к изучению этого предмета» [7]. Другой ведущий английский историк-аграрник, М. Постан, писал о книге Е. А. Косминского, что ни в одной другой работе после книги П. Г. Виноградова «Вилланство в Англии» (1892 г.) «основные проблемы средневекового общества не рассматривались с таким глубоким знанием и пониманием вопроса» [8]. Признанием научных заслуг Евгения Алексеевича в Англии явилось его избрание в 1955 г. почетным членом Британской исторической ассоциации и присуждение ему в 1956 г. звания почетного доктора Оксфордского университета.

Значение работ Е. А. Косминского по аграрной истории намного шире, чем это может показаться на первый взгляд. Хотя они специально посвящены экономическим и социальным сюжетам, но ближайшее знакомство с ними убеждает, что в этих проблемах ученый искал ответа на гораздо более широкий круг вопросов. Отталкиваясь от аграрных отношений, он стремился подойти ко многим другим важнейшим аспектам истории средневековой Англии и сумел поэтому наметить дальнейшие перспективы ее комплексного, всестороннего изучения. Работы Евгения Алексеевича по этой тематике имеют интереснейшие «выходы» в историю английских городов, феодального государства, права, идеологии. Он был пионером в постановке и разработке истории классовой борьбы крестьянства в Англии XIII—XIV веков. При этом он обнаружил не только факт этой борьбы, которую, по существу, игнорировали его предшественники, не только установил ее экономические предпосылки, но подчеркнул и обратное ее воздействие на аграрную эволюцию страны, в частности роль восстания Уота Тайлера в дальнейшем разложении манориальной системы [9]. Е. А. Косминский положил начало в советской медиевистике изучению структуры и эволюции английского класса феодалов, выделив в среде английского господствующего класса XIII—XIV вв. различные группы по их экономическому положению, социальному весу и их роли в развитии общества [10]. Ученый впервые обратил особое внимание на связь между социально-экономической эволюцией Англии и развитием английского феодального государства в направлении сословно-представительной монархии, открыв возможности для изучения последней с новой точки зрения [11]. В противоположность большинству буржуазных историков он сумел вскрыть реальное содержание юридической теории вилланства XIII в. как отражения в праве явлений «феодальной реакции»; но он же не менее убедительно показал, что, раз возникнув, эта теория стала сама влиять на судьбы крестьянства в качестве одного из рычагов этой «феодальной реакции» [12].

Многосторонность интереса Евгения Алексеевича к истории английского феодального общества особенно наглядно проявилась в его статье «Вопросы аграрной истории Англии XV века» («Вопросы истории», 1948, № 1). Поставив здесь ряд узловых и спорных проблем собственно аграр-

---

[7] «Economic History Review», 2 Ser., vol. 9, 1957, № 3, p. 501.

[8] «English Historical Review», vol. 73, 1958, № 289, p. 663.

[9] См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. гл. VIII.

[10] См. там же, гл. III, VI.

[11] Там же, стр. 400—403; Е. А. Косминский. О некоторых характерных чертах английского феодализма. В кн.: «Проблемы английского феодализма и историография средних веков», стр. 361—369.

[12] См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в., стр. 403—412.

ной истории, он отмечал значительное воздействие на эту последнюю таких факторов, как политика государства, Столетняя война, феодальный «гангстеризм» XV в., и в частности «война роз», восстание Джека Кеда. Поставил он в этой статье также вопрос о воздействии на общественную жизнь страны лоллардизма как идейного течения, выдвинув этот вопрос в качестве важной проблемы для будущих исследований.

Так в работах Евгения Алексеевича по аграрной истории была намечена обширная программа изучения истории средневековой Англии, на выполнение которой он направил усилия своих учеников и коллег. Эта программа, до сих пор далеко не исчерпанная, во многом и в настоящее время определяет направление исследований советских специалистов по истории средневековой Англии. В 40—50-е годы эта программа определила общее направление, проблематику, принципы подхода и методику советских исследований по социально-экономической истории средневековья в целом, открыла ряд новых перспектив в этой области.

Уже в самом конце жизни Е. А. Косминский мечтал написать историю английского крестьянства с англосаксонских времен до XVIII в., в которой он хотел отразить все стороны жизни этого класса, в том числе и его духовную жизнь и присущие ему идеи. К сожалению, этот интересный замысел ученый не успел выполнить.

Об интересе Евгения Алексеевича к духовной и идейной стороне истории и о его мастерстве в исследовании этих сложных явлений особенно ярко свидетельствуют его историографические работы — лекционный курс по истории медиевистики, читавшийся им в МГУ в 1938—1947 гг. и опубликованный посмертно (в 1963 г.) [13], и его многочисленные статьи об отдельных русских и зарубежных медиевистах. В этой области исторической науки Е. А. Косминский также выступил как новатор, заложивший основы марксистско-ленинского подхода к этой сложной тематике, тесно связанной с острейшими идеологическими проблемами. Не имея в советской литературе по этому вопросу предшественников, он должен был в своих историографических работах опираться в основном на собственные исследования. Все эти работы отличаются широкой постановкой проблем в связи с историей философии, экономической и политической мысли, намечают научную периодизацию истории медиевистики и общую методологию и методику ее изучения. В этих работах Е. А. Косминского привлекает их глубокий историзм и отсутствие какой-либо вульгаризации и модернизации в сочетании с точным классовым критическим анализом творчества каждого ученого. Начиная свои лекции по историографии средних веков, Е. А. Косминский подчеркивал, что «критическое отношение к историографическому материалу является первым и основным требованием, которое следует предъявлять к данному курсу. Нашей первой задачей является вскрытие тех классовых пружин, которые так или иначе двигали историками предшествующих формаций в их построениях». Однако вместе с тем советский ученый справедливо называл «глупостью и непростительной политической ошибкой огулом зачеркивать всю буржуазную историографию, не учитывая ее достижений», ибо «историография не есть только более или менее адекватное отражение общественной борьбы или чистая публицистика. Она в то же время располагает определенными методами исследования, базируется на определенном материале, добивается в той или иной степени объективного познания прошлого...» [14].

Такой диалектический подход к изучению историографии, которому учил Е. А. Косминский своих слушателей еще в конце 30—40-х годов, во

---

[13] См. Е. А. Косминский. Историография средних веков. V — середина XIX в. М. 1963.

[14] Там же, стр. 7, 9.

многом определил дальнейшую разработку историографических проблем в советской медиевистике, которая в настоящее время ведется весьма широким фронтом. Он позволил и самому Евгению Алексеевичу глубоко понять и научно-объективно охарактеризовать творчество и наследие целых историографических течений и отдельных их представителей. Его историографические исследования характеризуют яркость и глубина индивидуальных характеристик отдельных крупных историков прошлого, которые создают живой и самобытный облик каждого из них. В них Е. А. Косминский выступает как мастер живого индивидуального портрета, тонкий психолог и прекрасный стилист, заставляющий читателя любить или ненавидеть своих героев, но и в том и в другом случае надолго запомнить нарисованные им образы: подвижничество Т. Н. Грановского, широту мыслей и построений, остроумие и задор просветителя Вольтера, романтическую взволнованность Ж. Мишле, сухой рационализм Ф. Гизо, яркий, хотя и поверхностный блеск Ранке, грубоватый демократизм Шлоссера, глубину и добросовестность А. Н. Савина [15] и еще многие другие портреты. Нельзя забывать и того, что Евгений Алексеевич стал пионером в изучении истории русской дореволюционной медиевистики и — что особенно важно — советской медиевистики. Первый относительно подробный ее набросок он сделал в 1955 г. в уже упоминавшемся докладе на X Римском международном конгрессе историков, где он выделил основные ее направления и наметил дальнейшие ее перспективы [16]. Перу Е. А. Косминского принадлежат также острокритические мастерские портреты ряда современных ему буржуазных историков — А. Пиренна и А. Тойнби [17], а также Г. Хоменса [18].

Будучи в основном медиевистом, Евгений Алексеевич на протяжении всей своей творческой жизни интересовался и даже специально занимался проблемами новой истории [19]. Свою преподавательскую деятельность в Московском университете он начал чтением специальных курсов по истории Англии XVI—XVIII вв. и по истории европейского крестьянства, которую он доводил до начала XIX в. (он читал эти курсы в 1912 г.). Позднее, уже в 20-е годы, он вел в МГУ специальные семинары по истории Западной Европы периода 1789—1871 гг., а также по истории Парижской коммуны. Во время своей научной командировки в Англию Е. А. Косминский изучал там не только средневековые архивы, но и протоколы Генерального совета Первого Интернационала за 1866—1889 гг., результатом чего явилось его сообщение об этих документах, опубликованное в третьей книге «Архива Маркса и Энгельса» за 1927 год. В дальнейшем Е. А. Косминский в связи с публикацией работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» написал обзор буржуазной литературы по этой теме «Английский рабочий в эпоху промышленного переворота. Обзор новой литературы» [20], а также статьи «Об источниках «Положения рабочего класса в Англии» [21] и «Энгельс и Бюре» [22]. В последней он охарактеризовал тот материал, который использовал в

---

[15] См. Е. А. Косминский. Памяти Т. Н. Грановского; его же. Вольтер и историческая наука; его же. Исследования А. Н. Савина по истории Англии. В кн.: «Проблемы английского феодализма...»; его же. Историография средних веков. V—середина XIX в., стр. 332—357, 382—397, 401—410.

[16] Е. А. Косминский. Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке. В кн.: «Проблемы английского феодализма...».

[17] Е. А. Косминский. А. Пиренн — историк Бельгии; его же. Реакционная историография Арнольда Тойнби. В кн.: «Проблемы английского феодализма...».

[18] Е. А. Косминский. Классовая борьба в английской деревне в XIII—XIV веках (Очерки новейшей историографии). Там же.

[19] Специально об этом см.: К. Н. Татаринова. Заметки о трудах Е. А. Косминского по новой истории. Сб. «Средние века». Вып. VIII. М. 1956.

[20] «Архив Маркса и Энгельса». Кн. 3. 1927.

[21] Опубликована в качестве предисловия к книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». М. 1928.

[22] «Архив Маркса и Энгельса». Кн. 4. 1929.

своей книге Ф. Энгельс из работ современного ему автора Бюре. Особенно много сделал Евгений Алексеевич для марксистской разработки истории английской буржуазной революции XVII века. В 1949 г. он возглавил работу большого коллектива советских исследователей над историей этого важнейшего события, стоящего на рубеже между средневековьем и новым временем. Эта работа завершилась в 1954 г. изданием двухтомного капитального труда «Английская буржуазная революция XVII века», где обобщены выводы советской историографии по этой проблеме, дана исследовательская разработка не изученных ранее вопросов, намечены перспективы дальнейших исследований. Сам Евгений Алексеевич написал в этом издании вводную и историографическую главы, а также заключение. Этот труд, получивший высокую оценку советских и прогрессивных английских историков, и в наши дни сохраняет свое научное значение и служит фундаментом для дальнейшего углубленного и детального изучения этой важной в марксистской исторической науке проблемы.

Портрет Евгения Алексеевича был бы неполным, если бы мы ничего не сказали о нем как об учителе и воспитателе молодых ученых. В этой области он также обладал ярким талантом. В период между 1935 и 1952 гг., когда он работал во многих вузах и прежде всего в МГУ, ему приходилось вести занятия самого разного рода. Он читал общий курс истории средних веков до конца XV в., специальные курсы по истории Англии, курсы по историографии, источниковедению, латинской палеографии, вел специальные семинары на старших курсах, занимался с дипломниками и аспирантами. Лекции Е. А. Косминского были исключительно содержательны, насыщены глубокой творческой мыслью и захватывали большинство студентов удивительным умением лектора развивать спираль своего повествования от отдельного исторического факта или явления, находящегося как бы на поверхности событий, к его углубленному социальному истолкованию. Те, кто слушал эти лекции в 1935—1938 гг., были свидетелями того, как буквально на их глазах постепенно вырисовывались контуры новой, марксистской трактовки истории феодального общества, которая легла затем в основу первых советских учебников по этому предмету.

Несколько иной характер носили специальные курсы Е. А. Косминского: уже упоминавшийся курс по историографии средних веков, его лекции по источниковедению и особенно по истории Англии XI—XV вв., читавшиеся им неоднократно. В них он выступал как мастер исторической детали, социально-психологической характеристики, умевший двумя-тремя штрихами, удачно подобранной цитатой из источника воссоздать колорит эпохи, представления и идеи своих героев. Но и здесь всегда присутствовала наряду с этим строгая мысль ученого, его анализ и синтез. Используя красочные детали, он умел развернуть перед своими слушателями социальную характеристику эпохи в целом.

Нагляднее всего педагогический талант ученого раскрылся в его семинарских занятиях, в индивидуальной работе со студентами-дипломниками и аспирантами. Евгений Алексеевич превыше всего ценил самостоятельную работу своих учеников, не стеснял их мелочной опекой. Единственно, чего он требовал неукоснительно от них,— истинно научной добросовестности, внимания к историческим реалиям, аргументированности выводов, более всего порицая верхоглядство и легкомыслие в отношении к источникам. Но зато он всегда был готов помочь своим ученикам и добрым советом и критическим разбором их работ. Все, кто учился у него, помнят, что он мог ответить на любой вопрос, относящийся к истории средних веков не только Англии, но и других стран, назвать по любому вопросу на эту тему целую серию книг и статей, никогда не ошибаясь в характеристике их содержания. Заботливый учитель, он живо интересовался работами своих учеников и в период учебы и тогда, когда они

уже становились самостоятельными исследователями, гордился их успехами, огорчался их неудачами. Он считал, что «для учителя нет бо́льшей радости, чем видеть, как его ученики делаются самостоятельными работниками (из его учеников делаются его товарищами), чем наблюдать их первые самостоятельные шаги» [23]. В конце жизни он с удовлетворением заметил, что, «уходя со сцены, утешительно видеть, что на ней выросли дарования, и можно думать, что, может быть, тут есть прямая преемственность» [24]. Все, кто когда-либо имел счастье учиться у Евгения Алексеевича, никогда не забудут его исключительную внимательность, благожелательность, приветливость и заботу, которую он им неизменно и щедро дарил.

Много сделал Евгений Алексеевич и для преподавания истории в средней школе. Это было не просто данью необходимости. Он чрезвычайно высоко ценил учительский труд. Вспоминая о своей кратковременной деятельности в качестве учителя истории и русского языка еще в дореволюционной гимназии, он писал: «Преподавание в средней школе, особенно в старших классах, может дать большое нравственное удовлетворение преподавателю и быть очень полезным для будущего ученого и лектора. Учитель ближе к ученикам, он не может с докторальным видом проскользнуть мимо вопросов, в которых не сумел или не успел разобраться... Он должен довести каждую мысль до предельной ясности, прежде всего для самого себя. Наконец, возможность воздействия нравственного и общекультурного в средней школе несравненно выше, чем в вузе» [25]. Это отношение большого советского ученого к школьному образованию и преподаванию подчеркивает широкое общественное звучание его деятельности, его убежденность в важных просветительных задачах исторической науки.

История и современность в представлении Е. А. Косминского были всегда неразрывно связаны друг с другом. Крупный ученый-исследователь, он никогда не замыкался в тиши своего кабинета и всегда живо ощущал во всем, что он делал, биение пульса текущих событий. Это особенно отчетливо проявилось в деятельности Е. А. Косминского во время Великой Отечественной войны, когда он работал сначала в Казани, затем в Ташкенте. В эти тяжелые для страны годы Е. А. Косминский полностью переключился на выполнение наиболее актуальных для того времени задач исторической науки: наряду с лекционными курсами для студентов он читал публичные лекции и доклады на темы: «Фашистская фальсификация истории», «Германская агрессия на востоке в средние века», «Борьба чешского народа с немцами в XV веке» и др., посвященные разоблачению фашистской идеологии, историческим корням гитлеризма. Е. А. Косминский стремился насытить свои публичные выступления патриотическими чувствами и донести их до своей аудитории. Он требовал от себя и от своих коллег-историков особенно волнующих слов, нового проникновения в историю даже далекого прошлого, чтобы иначе осветить ее и для слушателей. В августе 1941 г. он писал: «Как надо учиться не только объяснять и излагать, но и любить и ненавидеть, жалеть и презирать... Какими безжизненными и тусклыми представляются мне все читанные ранее курсы и как хочется новых небывалых интонаций мысли и слова, которых у нас, историков, еще нет... Чувствую, что надо учиться заново» [26]. В октябре 1941 г. Евгений Алексеевич писал, что «в последнее время становится трудно работать спокойно и живешь буквально от радио до газеты и от газеты до радио... Сейчас трудно пи-

[23] Письмо Е. А. Косминского Е. В. Гутновой 7 января 1943 года. Архив АН СССР, ф. 1514, оп. 3, д. 4.

[24] Там же.

[25] Письмо Е. А. Косминского Е. В. Гутновой 6 сентября 1941 года. Там же.

[26] Письмо Е. А. Косминского Е. В. Гутновой 31 августа 1941 года. Архив АН СССР, ф. 1514, оп. 3, д. 4.

сать о себе — все то, чем мы вместе с великим множеством людей болеем и мучимся, возросло до высочайшего напряжения и захлестнуло самых близких людей. Москву ощущаешь как живое существо, над которым занесена преступная рука» [27].

В переписке Е. А. Косминского 1941—1943 гг. события, происходившие на фронтах Отечественной войны, их осмысление и переживание тесно переплетены со всей научной и педагогической деятельностью ученого, как определяющий ее общий лейтмотив и фон.

В заключение нельзя не сказать особо и о некоторых личных качествах Евгения Алексеевича. Его внешний вид, вид человека, несколько суховатого, сдержанного и замкнутого, иногда смущал людей, мало его знавших. Однако за ним скрывались присущие ему в действительности живость, эмоциональность, подвижность мысли и чувств. Разносторонность его интересов была очень велика. Он был превосходным художником, и притом в разных жанрах: ему хорошо удавались и сатирические рисунки, близкие к шаржу и карикатуре, и настоящие серьезные портреты. Обладал Е. А. Косминский и поэтическим талантом: он легко писал сатирические латинские стихи в стиле средневековых вагантов, и стилизованные миниатюры в духе восточных газелей, и белые стихи. Было у него и артистическое дарование, которое Евгений Алексеевич в 30-е — начале 40-х годов охотно демонстрировал на студенческих и аспирантских вечерах в МГУ. Казавшийся иногда строгим и даже недоступным, в действительности он был простым и скромным человеком. Он неизменно очень объективно оценивал свои научные труды и заслуги, а порою был даже чрезмерно взыскателен к себе. В этом отношении он всегда подавал пример и своим ученикам. В этой взыскательности заключалось одно из важных условий творческих достижений и успехов Е. А. Косминского. Евгений Алексеевич был хорошим товарищем и много помогал и словом и делом не только своим ученикам, но и коллегам по работе и ученикам своих коллег. В отношении ко всем, с кем ему приходилось работать, он отличался исключительной объективностью, никогда не давал в своих деловых контактах с людьми волю личным симпатиям и антипатиям.

Все, кто сталкивался с Евгением Алексеевичем в работе и в жизни— его ученики, друзья, коллеги и сотрудники всех рангов,— навсегда сохранили к нему глубокое уважение как к ученому и испытали на себе обаяние его незаурядной личности.

---

[27] Письмо Е. А. Косминского Е. В. Гутновой 17 октября 1941 г. Архив АН СССР, ф. 1514, оп. 3, д. 4.

ВОПРОСЫ МЕТОДА В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. А. Барг

В происходящей в сегодняшнем мире острой идеологической борьбе историография отнюдь не является только свидетельницей, она активно участвует в ней, сражаясь на свойственном ей языке и с помощью специфических для нее познавательных средств. Но для того, чтобы «вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» [1], марксистской историографии необходимо пристально следить за сдвигами, происходящими время от времени в теоретико-познавательных основаниях современного буржуазного историзма, за столкновениями в нем весьма противоречивых тенденций, по-своему отражающих всю сложность объективно-исторического процесса наших дней [2].

Перед нами та область исторического знания, которая находится на стыке по крайней мере трех дисциплин: истории исторической науки, теории исторического познания и социологии. Эту область, особенно актуальную для научной ориентации в историографическом процессе, происходящем в странах Запада, можно было бы назвать теоретической историографией, но дело не в названии. Важно лишь то, что именно она открывает путь к действительно научному объяснению, а не только фиксированию и чисто внешнему суммированию тех на первый взгляд хаотических и противоречивых явлений в выборе и постановке исследовательских проблем, в отборе и методиках препарирования источников и т. д. и т. п., которыми отмечен историографический процесс в указанных странах. Теоретическая историография как специальная область исследования оправдана, разумеется, лишь при одном условии — если выявление регулирующих указанный процесс закономерностей признается ее первоочередной научной задачей. Цель настоящей статьи весьма ограниченна: она заключается в том, чтобы попытаться проанализировать развернувшуюся в начале 60-х годов и продолжающуюся по сей день международную (в рамках буржуазной историографии) дискуссию по вопросу об отношении истории и социологии и рассмотреть важнейшие теоретико-познавательные тенденции, которые наметились в выступлениях как историков, так и социологов.

Однако прежде чем обратиться к интересующим нас тенденциям, следует хотя бы вкратце указать на факторы, которыми обусловлены отчетливо наблюдаемые сдвиги в послевоенной буржуазной историографии. Прежде всего речь должна идти о новом всемирно-историческом опыте, мимо которого не могут пройти историки. Разгром фашизма, образование и укрепление мировой социалистической системы, ставшей решающим фактором исторического прогресса, великое освободительное движение, развернувшееся в странах Азии, Африки и Латинской Амери-

---

[1] В. И. Ленин. ПСС. Т. 18, стр. 364.

[2] Своеобразная антология этих тенденций представлена в «The Varieties of History». Ed. by F. Stern. N. Y. 1958.

ки и завершившееся крахом колониальной системы и возникновением десятков независимых государств, рост социальных противоречий и обострение классовой борьбы в странах Западной Европы и США — таковы важнейшие аспекты этого опыта.

В поисках причин упомянутых сдвигов нельзя пройти и мимо несомненного влияния, которое оказывает на буржуазную историографию марксистская теория исторического познания, марксистская — и прежде всего советская — историография в частности. Признаков этого влияния множество: они прослеживаются и в проблематике исследований, в особенности в области экономической истории, и в возросшем внимании к социальному подтексту исторических событий, в привлечении новых типов источников и т. д.[3]. Конечно, заимствуя отдельные и разрозненные элементы чуждой им методологии, буржуазные историки в общем и целом остаются на почве идеалистического историзма, но тем не менее внутри него нельзя не различать тенденции прогрессивные и тенденции откровенно реакционные по своей направленности. Наконец, далеко не безразличным для историографии является и опыт, извлекаемый из новейшей истории науки в широком смысле слова. Поразившие воображение современников успехи естественных наук не могли не сказаться на подходе к общим вопросам методологии и логики науки значительной части современных буржуазных историков.

Едва ли даже далекий от марксизма, но просто добросовестный профессиональный историк стал бы оспаривать то положение, что теоретический фундамент, на котором долгие десятилетия зиждилась буржуазная историография, а именно наследие Дильтея, Виндельбанда и Риккерта, лежит ныне в развалинах. Опыт самой историографии XX в., опыт смежных с нею общественных наук самым недвусмысленным образом опроверг неокантианскую методологию истории как находящуюся в полном противоречии с общим направлением развития науки, исторической в частности. Ориентация исследователя на познание единичного (при условии, что под таковым имеются в виду разрозненные факты) вместо общего, случайного вместо необходимого, на простое описание вместо научного анализа, на отнесение к «ценностям» вместо количественных и качественных измерений, на погоню за «неповторимым» вместо типологической процедуры — эта ориентация полностью себя изжила и если и встречается в современной методологии науки, то это звучит, даже по признанию историков, далеких от марксизма, как «дикий анахронизм».

Не удивительно, что констатация глубокого «кризиса оснований» «традиционной» историографии стала на Западе обычным явлением. Уже в 50-х — начале 60-х годов такие авторитеты современного буржуазного историзма, как Ф. Бродель во Франции[4], Г. Барраклоу в Англии[5], Д. Поттер в США[6], такие социологи и методологи, как О. Андерле в ФРГ[7], П. Лебрюн в Бельгии[8], В. Канман и А. Босков в США[9], и многие другие во всеуслышание отвергли установки полностью обанкротившейся идиографической (индивидуализирующей) историографии. Справедливости ради следует заметить, что о «кризисе историзма» на Западе впервые заговорили не сегодня и не вчера, а еще в конце XIX в. в ходе

[3] Наиболее зримо это влияние сказалось в формировании направления «Анналов» во французской историографии и примыкающих к нему школах экономической истории в национальных историографиях других стран.

[4] F. Braudel. Histoire et sciences sociales. «Annales. Economies. Sociétés. Civilizations». 1958, oct.—dec.

[5] G. Barraclough. History in a Changing World. Oxford. 1957.

[6] D. Potter. Explicit Data and Implicit Asumptions. «Generalisations in History». Ed. by L. Gottschalk. Chicago. 1963.

[7] O. Anderle. Theoretische Geschichte «Historische Zeitschrift», 1958, Bd. 185.

[8] P. Lebrun. Structure et quantification. «Revue de l'institut de sociologie», 1963, № 4.

[9] «Sociology and History». Ed. by W. Cahnman and A. Boskoff. N. Y. 1964.

методологической дискуссии между приверженцами традиций Ранке, с одной стороны, и адептами позитивизма — с другой. Вторично та же ситуация была отмечена в 20-х — начале 30-х годов нашего столетия [10]. Однако если в первом случае речь шла о кризисе объективно-идеалистических и провиденциалистских установок, то во втором случае уже имелся в виду кризис историографии, основывавшейся на классическом позитивизме XIX в. и рассматривавшей социальную эволюцию и ее факторы чисто натуралистически. В те годы, когда главная идеологическая установка германской буржуазии заключалась в преодолении «духа пессимизма и апатии», верно служившая ей историография избрала в качестве своего оружия именно методологию неокантианства, несколько подновленную идеями Ницше и Шпенглера [11]. В наши дни имеет место третья фаза кризиса буржуазного историзма, проявляющаяся в широко распространенном разочаровании «наследием» неокантианства и все более явном осознании необходимости методологической переориентации историографии, конечно же, в рамках того же идеализма и эклектицизма. И в этом — объяснение нового «мятежа». Как это уже отмечалось, поиски нового метода, нового видения истории, ставшие столь настоятельными в современном буржуазном историзме, находятся в прямой связи с растущим влиянием историзма марксистского, истинность которого подтверждается всем ходом развития общества. Но именно это обстоятельство заставляет буржуазную историографию как целое, то есть как одну из форм классовой идеологии буржуазии, занимать позицию противоборства, противостояния марксизму. Очевидно, что при этом она руководствуется соображениями и интересами, весьма далекими от науки. Как справедливо отметил социолог Г. Уизи, «ни одна наука никогда не находилась в столь глубокой и постоянной зависимости от политических целей, как историческая» [12]. Но если поиски метода в буржуазной историографии продиктованы подобными целями, то совершенно очевидно, что их результаты могут принести ей только новые и неизбежные разочарования. Тем не менее нам небезразлично, в каком направлении ведутся эти поиски и какие перспективы открывают они для конкретно-исторических исследований.

Итак, отправным пунктом предстоящего анализа является признание того, что буржуазный историзм, до недавнего времени базировавшийся на неокантианской методологии, пребывает в состоянии глубокого кризиса. В самом деле, при всей пестроте суждений, встречающихся в современной западноевропейской и американской литературе, нельзя не уловить по крайней мере одну, явно преобладающую в ней мысль: былое положение «блестящей изоляции» исторической науки, гордой своей древней и устоявшейся традицией и равнодушно взирающей на «поиски метода», наблюдающиеся в неизмеримо более молодой поросли общественных наук, ее окружающих, безвозвратно для нее миновало. И служители Клио, серьезно обеспокоенные судьбами своей науки, вынуждены более внимательно присматриваться и прислушиваться к тому, что происходит в среде смежных с ней «наук о человеке», а зачастую далеко за их пределами [13].

Три факта из новейшей истории «социальных наук» особенно содействовали распространению критических взглядов на современное состояние историографии: во-первых, успехи лингвистики, во-вторых, разви-

---

[10] См. C. Antoni. Vom Historismus zur Sociologie. Übers. von W. Goetz. Stuttgart. 1953, p. 59; K. Heussi. Die Krisis des Historismus. Tübingen. 1932.

[11] См. E. Troeltsch. Der Historismus und seine Probleme. Tübingen. 1922.

[12] H. Withy. What is the Point of History? «Journal of Contemporary History». Vol. 3, 1968, № 2, p. 13.

[13] См., например, указанный номер «Journal of Contemporary History», целиком посвященный вопросам методологии истории, а также «History and Sociology». Ed. by R. Hofstadter and L. Lipset. N. Y. 1968; ср. G. Zeller. Historie et sociologie. P. S. d.

тие так называемой культурантропологии и, наконец, появление историко-социологических исследований. Внедрение в «науки о человеке» количественных методов, оперирование категорией синхронии в области, где до тех пор господствовал линейный эволюционизм, всколыхнули молодое поколение историков и вызвали смятение среди столпов традиционной гуманистики. «Поверьте мне,— обращался к своей аудитории американский историк К. Ван Вудворд,— я боюсь абстракций, равно как и безапелляционных заключений относительно проблем темных и непроницаемых... Но я вынужден предупредить моих коллег-историков, что их гуманистическая антипатия к количественным методам не приведет к исчезновению последних. Из этого следует исходить» [14]. Аналогичное убеждение преобладает в современной буржуазной историографии и в отношении всех других исследовательских методов, заимствованных в последние годы исторической наукой из таких наук, как культурантропология, эконометрика, психология и др., причем независимо от того, рассматриваются ли эти сдвиги на ниве исторического исследования как «благо» или только как «неизбежное зло». Даже известный своей приверженностью к «традиционной гуманистике» западногерманский историк и методолог Т. Шидер был вынужден признать, что историческая наука уже невозможна без заимствованных у социальных наук «понятийных инструментов», служащих для анализа социальных явлений [15].

Различия во мнениях, еще разделяющие современную буржуазную историографию по вопросу об отношении к методам смежных с нею общественных наук, могут быть сведены к трем главным пунктам: 1) чем вызван этот очевидный поворот буржуазной историографии в сторону структурных, количественных и т. п. методов — недостаточностью, научным банкротством методологии «индивидуализирующей историографии» или только изменившимся «умонастроением», «читательским вкусом», «исследовательской модой» (что, кстати, также требует объяснения)? 2) каков объем и характер допустимых с точки зрения специфики истории как науки заимствований «чужеродных» методик, в частности из арсенала социологии? И, наконец, 3) как соотносятся эти новые методики с традиционным «историческим методом»? Изучение литературы, в которой отражена оживленная дискуссия 50—60-х годов, приводит к заключению, что именно ответы на только что перечисленные вопросы определяют и тем самым позволяют выявить основные теоретико-познавательные направления, сталкивающиеся в современной буржуазной историографии.

Центрами движения за «обновление» исторической науки с помощью методов современных «социальных наук» — разумеется, по различным причинам и с различной научной ориентацией — являются Франция и США. Как известно, во Франции «социологическое направление» в историографии имеет давние корни, восходящие еще к школе «исторического синтеза», сложившейся в начале нашего столетия под влиянием А. Берра [16]. В 20 — 30-х годах это направление получило новый импульс в связи с работами М. Блока и Л. Февра [17]. Основанная ими историческая школа «Анналов» за истекшее без малого полустолетие не только стала господствующим направлением во французской историографии, но и содействовала кристаллизации близких к ней направлений в национальных историографиях других стран Запада. Отправным принципом этой школы является стремление к комплексности исторического иссле-

[14] «Journal of Contemporary History», Vol. 3, 1968, № 2, p. 5.

[15] Th. Schieder. Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte. «Historische Zeitschrift». 1962. Bd. 195, S. 277.

[16] H. Berr. La synthèse en histoire P. 1911. Под его редакцией начал с 1903 г. издаваться журнал «La Revue de synthèse historique».

[17] M. Bloch. Apologie pour l'histoire ou le métier d'historien. P. 1964, pp. 2, 9, 72; L. Febvre. Combats pour l'histoire. P. 1953.

дования, объемности и многоплановости исторического видения. Из этого вытекало, во-первых, что традиционные сюжеты буржуазной исторической науки (политика, право, политические институты, духовная культура) должны быть дополнены и такими аспектами общественной жизни, как материальное производство и естественная среда, народонаселение и миграции, хозяйственный оборот и социальная структура, в последние же годы особый упор делается на социально-психологическую проблематику (вплоть до ее фрейдистской интерпретации), во-вторых, что независимо от того, каким сюжетом занимается историк, он должен постоянно помнить об эшелонированности исторического процесса «в глубину и вширь». Отсюда требование осознать сложность и комплексность любого аспекта истории, любой исторической проблемы. В истории, неоднократно подчеркивал М. Блок, нет простых и односложных явлений. Каждое явление имеет много граней и связей, только в совокупности раскрывающих его суть. Наконец, в-третьих, поскольку общественные институты отнюдь не совпадают с государственными границами, постольку в изучении истории первостепенную важность приобретает сравнительно-исторический метод, который один только и позволяет судить о мере общности или, наоборот, неповторимости того или иного явления [18].

Эти отправные установки школы «Анналов» современный ее глава Ф. Бродель сжато выразил следующим образом: «Для меня история — это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрений». И как практический вывод: необходимость объединения усилий специалистов разных областей социально-исторического познания. «После долгих лет,— отмечал тот же Ф. Бродель,— в течение которых мы следили за их (то есть специалистов в области социальных наук.— *М. Б.*) работами и исследованиями, подтягивались к ним или просто контактировали с ними, перед исторической наукой зажегся огонь надежды — нового дня». И далее: «Историк нового типа (то есть социологического направления прежде всего.— *М. Б.*) внимательно следит за всеми науками о человеке. Именно это делает границы истории такими расплывчатыми и интересы историка такими широкими. Итак, не устанавливайте между историками и специалистами в области социальных наук... барьеров и различий... Все науки о человеке, включая историю, взаимосвязаны друг с другом, а поэтому они по крайней мере могут говорить на одном языке» [19]. Таково «кредо» современной школы «Анналов», и ей, очевидно, нельзя отказать в убежденности и последовательности. Что же касается содержательной стороны этого «исповедания», то речь о ней впереди.

Барьеры между отдельными «науками о человеке» и в особенности между историей и социологией штурмуются в последние годы не менее упорно и по другую сторону Атлантики. Правда, имеется различие, которое заключается в том, что в США ведущая роль в этом «штурме средостений» принадлежит не историографии, а социологии. Социологи в специальных изданиях и на своих конгрессах не перестают убеждать историков в «необходимости», «плодотворности» и даже неотвратимости «кооперации» усилий на ниве исторического исследования. Значительная же часть современных историков США (в особенности старшего и среднего поколения), со своей стороны, продолжает «присматриваться» и при этом высказывает немало скептических замечаний о методах американской эмпирической социологии. Отдельные же историки вообще решительно возражают против всякого сближения — по методу — истории с социологией (с таких именно позиций выступил на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. американский историк Дж. Хекстер [20]. Иначе говоря, расстановка сил во Франции и США по

[18] M. Bloch. Op. cit., pp. 41, 114.

[19] F. Braudel. Ecrits sur l'Histoire. P. 1969, p. 55.

[20] J. A. Hexter. History, Social Sciences and Quantification (XIII International Congress of Historical Science. Moscow. 1970).

интересующему нас вопросу прямо противоположна: в первом случае активной, инициативной стороной в диалоге между историей и социологией являются историки, во втором — почти все выступления в пользу «взаимодействия» и «взаимопроникновения» этих двух дисциплин исходят из среды социологов. Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить два суждения о положении вещей в американской гуманистике. Вот мнение социологов о том, в каком направлении двигается современная социология США: «Современная социология стремится найти среднюю линию между Сциллой жестких обобщений и Харибдой чистого эмпиризма. В течение двух последних десятилетий более широкое и тонкое использование сравнительного материала и типологических схем направило энергию многих исследователей на осуществление работ, одновременно являющихся и социологическими по своей ориентации и историческими по своему характеру» [21]. Однако ничего подобного не могут сказать историки о положении вещей в американской историографии. Если исключить немногочисленных историков, группирующихся вокруг журнала «Comparative Studies in Society and History», и еще меньшее число приверженцев так называемой «школы новой экономической истории», то типичным для умонастроений американских историков следует считать предубеждение, согласно которому уже сам по себе «акт письменного изложения своих идей равнозначен для историка акту самопохорон». По мнению того же автора, историки, выступающие за «незыблемость традиции», сохраняют перед лицом «агрессивности» социологии «торжественность и величие обреченных». Наконец, даже более «гибкая» часть профессиональных историков и та проявляет «защитительную отчужденность» [22].

На вопрос, почему в США, где еще со времен Бирда и Тернера существует влиятельная и общепризнанная «социологическая» традиция, сложилась такая расстановка сил, ответить не так-то легко. Подробный анализ причин этого примечательного факта потребовал бы самостоятельного исследования, ибо пришлось бы учесть и социально-политическую ситуацию в этой стране, и тенденции как в современной американской философии, так и в социологии, а равно и историографические традиции, историю распространения неокантианской и неопозитивистской методологии в историографии США и т. д. Рассмотрение всей совокупности сторон данной проблемы не может не натолкнуть читателя на мысль: не является ли столь явно преобладающая приверженность американской историографии к идиографизму таким же проявлением методологического кризиса этой науки, как и обращение социологии к историзму — выражением тупика, в который завела последнюю абсолютизация структурно-функционального метода? Не случайно, что американская эмпирическая социология ждет гораздо большего от «сотрудничества с историками», нежели последние ждут от сотрудничества с социологами [23]. Состояние социологии их явно на это не вдохновляет [24]. Наконец, в привлекшем наше внимание факте проявляется еще одна любопытная деталь: американская социология в значительной мере перехватила у историографии ее былую идеологическую и мировоззренческую функцию, чем в значительной мере обесценила ее в «общественном мнении». Не является ли консерватизм историографии формой «защитной реакции» на угрозу полного возобладания социологии не только в области «совре-

[21] W. Cahnman and A. Boskoff. Op. cit., p. 21.

[22] Ср. L. Thrupp. A Working Alliance among Specialists. «International Social Science Journal». Vol. 17, 1965, № 4, p. 654.

[23] См. «American History and Social Science». Ed. by E. N. Saveth. Glencoe. 1964, p. 9 ff.; C. Bridenbaugh. The Great Mutation. «American Historical Review». Vol. 68, 1963, № 2, p. 318.

[24] A. Schlesinger Jr. A Humanist Looks at Empirical Social Research. «American Historical Review». Vol. 67, 1962, № 6, p. 768 ff.

менной истории», но и в изучении истории далекого прошлого? [25]. Так или иначе, но эмпирическая социология занимает в американском обществознании такое же ведущее положение, какое историографии принадлежит во французском обществознании. Известно, что, стремясь продемонстрировать универсальность своих методов в области социального познания, американская социология не остановилась перед границами историографии, вторгшись в области традиционно-исторического исследования [26]. Это вызвало необходимость в теоретическом обосновании плодотворности социологических методов на этой новой ниве. С другой стороны, многие социологи, озабоченные статичностью функционалистской картины мира, обратились к историографии в поисках «способов преодоления недостатков функционализма», то есть способов «изучения механизма социальных изменений» [27]. И чем больше проявляется разочарование в универсальности «методов эмпирической социологии», тем больше растет престиж исторической точки зрения среди социологов [28].

Что же касается современной американской историографии, то в ней перед лицом угрозы «экспансии» эмпирической социологии происходит глубокое размежевание. Одни историки — их меньшинство — готовы вообще перейти в «чужую веру», то есть ценой отречения от исторического взгляда на мир превратиться в «исторических социологов», «антропологов», «психоаналитиков» и т. п. Другие же — их большинство — занимают критическую позицию, то есть согласны идти на сближение с «социальными науками», но только до определенной грани, по-прежнему считая, что задачи и цели исторического исследования глубоко отличны от задач и целей социологии. Первые решительно ориентируются на математизацию исторического исследования [29], вторые не менее убежденно отстаивают индивидуализирующий метод описательной историографии. Как бы мы ни оценивали конкретные условия, в которых ныне оказалась та или иная национальная историография в странах Запада, одно по крайней мере не подлежит сомнению: ведущей тенденцией в современном буржуазном историзме является стремление отряхнуть прах неокантианства, обратившись к междисциплинарным связям как некоей замене цельной методологии исторического исследования. Многократно испытанное разочарование в широковещательных «общих» и «специальных» методологиях истории привело к тому, что современная буржуазная историография проявляет явное безразличие к теории познания вообще и исторического познания в особенности. Она написала на своем знамени: «Метод — вот в чем нуждается историк» (как будто метод нейтрален к теории, не отягощен теорией, не «подсказан» теорией). Этот своего рода методологический прагматизм и вылился в тенденции к «сотрудничеству» истории с другими «науками о человеке». Так или иначе, но перед нами знаменательный факт: буржуазная историография пытается преодолеть былую изолированность и становится на путь комплексных исследований.

Очевидно, что в основе этой тенденции лежит убеждение, что для объяснения «дел человеческих» равно важно знание всего, что может бросить свет на жизнь человека: характер его потребностей и способ их удовлетворения, его поведение и способ его объяснения и т. д. и т. п.[30].

---

[25] Ср. J. A. Hexter. Op. cit.

[26] См., например, R. N. Bellah. Tokugawa Religion. N. Y. 1957; N. Jacobs. The Origin of Modern Capitalism in Easter Asia. Hongkong. 1958; L. Benson. The Concept of Jacksonian Democracy. Princeton. 1961; J. Goldthrope. The Development of Social Policy in England 1800—1914. Washington. 1962; «The Reformation Crisis». Ed. by Y. Hurstfield. L. 1965.

[27] См. «American History and the Social Sciences». Glencoe. 1964.

[28] G. Tundor. The Neccessity of Historicism. «American Political Science Review». Vol. 5, 1961, № 3.

[29] См. «Quantification». In «International Encyclopaedia of Social Sciences» (1969).

[30] См. «History and Sociology». Ed. by R. Hofstadter and L. Lipset. N. Y. 1968, p. 119.

Нетрудно, однако, убедиться в том, что под понятием «комплексности» исторического исследования в данном случае скрывается весьма вульгарная, «мультифакторная» концепция исторического процесса. Оперируя понятием абстрактного человека (хотя он и наделяется «материальными» и «психологическими» чертами определенной эпохи и ареала), буржуазная историография остается верной себе: она продолжает игнорировать классовый подход к анализу общественных явлений. В лучшем случае она готова на «уступку», подставляя вместо первичных классовых делений вторичные, то есть вместо классов, определяемых отношением к средствам производства, «классы», определяемые функцией в «регулирующей» общество системе.

Итак, стремление вооружить историю логико-методологическими средствами современных гуманитарных и естественных наук должно рассматриваться и как отход от принципов изжившего себя индивидуализирующего историзма (что, несомненно, представляет собой явление положительное) и как отрешение от специфических познавательных задач исторической науки и ставящей эти задачи научной теории исторического познания (что, безусловно, должно расцениваться как признак глубокого кризиса буржуазного историзма). Внутренняя противоречивость этой тенденции вырисовывается достаточно ясно.

Как же сами участники анализируемой методологической дискуссии объясняют только что охарактеризованный поворот в западной историографии? Уже упоминавшийся английский историк Г. Барраклоу видит главную его причину в отставании исторической науки, основанной на методологии неокантианства, от запросов времени — отставании теоретическом, логическом и методологическом. «История,— заключает он,— все еще находится на донаучном уровне познания». Причина этого отставания — в гальванизации отживших свой век философско-исторических концепций неокантианства. В то время, продолжает Барраклоу, как неокантианство давно вышло из моды в области философии, историки продолжают рассматривать его как «самоновейшую» теорию и методологию исторического познания. И как вывод: приближение истории к науке, не говоря уже о превращении истории в науку, невозможно без освобождения от пут неокантианства [31].

Приблизительно такой же ответ на поставленный выше вопрос дает и Ф. Бродель. «Наука о человеке,— пишет он,— переживает сейчас общий кризис. Все они (науки.— *М. Б.*) тяжело обременены фактом своего собственного прогресса». В качестве толчка к пересмотру «традиционного метода» в историографии послужили, по его мнению, успехи «социальных наук», таких, как лингвистика, антропология, экономика и др. Эти успехи открыли многим глаза на отставание методики исторического исследования. Это пробуждение от многолетней самоуспокоенности проявилось в постепенном освобождении историков от «коварной концепции гуманитарного знания» (имеется в виду неокантианство). Накопление громадного фактического материала поставило общественные науки перед задачей синтеза. Каждая из этих наук, продолжает Бродель, более или менее осознанно задает себе один и тот же вопрос: «каково ее место?» — и тем самым: как соотносятся в ней синтетическое и специфическое (для данной науки) определение объекта изучения [32].

Очень близкое суждение высказал по интересующему нас вопросу английский историк Д. Пламб. Научно-техническая революция, проникновение естествознания во все сферы жизни, потрясения второй мировой войны — все это, подчеркивает он, поколебало веру в способность общественных наук адекватно отражать действительность. Эти науки превратились в окаменелость и утратили соприкосновение с жизнью. В ре-

[31] См. G. Barraclough. The Scientific Method and the Work of the Historian. «Proceedings of 1960 International Congress». Ed. by E. Nagel et. al. Stanford. 1962.
[32] F. Braudel. Écrits.., pp. 41—44.

зультате историк оказался перед дилеммой: либо слепо держаться своих традиционных позиций, делая вид, что функции его науки остались неизменными, либо изменить облик своей науки, приспособив ее к запросам общества [33]. Что же касается мнений большинства участников дискуссии по данному вопросу в ФРГ, то в «кризисе гуманистики» они склонны винить все что угодно: и засилье технологии, и естествознание, и «возобладание материалистического духа», и «моду на социологию, отодвинувшую историю на задний план», но только не методологические основания традиционной «гуманистики». Так, по мнению уже упоминавшегося Т. Шидера, методология — всего лишь функция времени, его запросов, диктата, одним словом, это «мода», которой нужно отдать дань [34]. Поскольку же в действительности метод науки объективно диктуется ее предметом, то очевидно, что в этом заключении разорвана связь между методом и предметом, иначе пришлось бы признать, что «идиографический метод» не отвечал самому предмету исторической науки. Традиционный историзм «пал жертвой» внешних обстоятельств, а не внутренних пороков — такова квинтэссенция рассуждений Шидера, Историзм XIX в., пишет он, основывал свое научное самосознание на методологической независимости от естественнонаучных методов и получил «всеобщее признание» (!) как раз потому, что его теория исторической индивидуальности была созвучна времени [35]. Но этот вывод равносилен отрицанию истории как науки, отрицанию объективной обусловленности ее методов прежде всего ее предметом, познавательными задачами, внутренним развитием. Если уж говорить о «власти времени», то она в первую очередь распространяется на проблематику, направленность исследования, на его цель. Но в таком случае куда правомернее было бы заключить, что «индивидуализирующий метод» полностью раскрыл свою несостоятельность в связи с тем, что наступил период, когда даже перед буржуазной историографией возникла задача перейти на другой, более глубокий уровень исторического познания. Общая же ситуация в системе современных наук в целом, попросту говоря, превратила этот «метод» в анахронизм.

Итак, вместо того, чтобы превратить острое недовольство положением исторической науки в современном обществознании и еще шире — в современной системе наук — в энергию, направленную на самокритику традиционного историзма, на пересмотр его явно обветшалого методологического «основания», господствующее в западногерманской историографии направление занялось «штопаньем прорех» [36]. Для этого направления научная функция историографии отступает на задний план перед функцией чисто политической, которой наиболее соответствует «традиционный метод». Соответственно в современном буржуазном историзме четко определились три основные точки зрения по вопросу о путях выхода из общепризнанного кризиса «традиционной» гуманистики. Одна из них, представленная школой «Анналов», призывает к немедленной перестройке исторической науки. Под этим, как мы уже видели, Ф. Бродель имеет в виду линию на интеграцию — по методу — истории и социальных наук. Что же касается собственно философии истории, то Бродель придает ей, по-видимому, не очень большое значение. «Всякая философия истории хороша,— пишет он,— лишь бы одна не исключала другую» [37]. В чем историческая наука, по мнению Броделя, действительно нуждается, так это в пересмотре того, что должно являться ее

---

[33] J. P l u m b. The Historians Dilemma. «Crisis in the Humanities». Ed. by J. Plumb. L. 1964.

[34] E. P i t z. Geschichtliche Strukturen. «Historische Zeitschrift», 1964, Bd. 198, S. 245; Th. S c h i e d e r. Op. cit., S. 277.

[35] Th. S c h i e d e r. Op. cit., S. 277.

[36] Ср. O. A n d e r l e. Theoretische Geschichte. «Historische Zeitschrift», 1958, Bd. 185.

[37] См. его предисловие к книге: E. C a l l o t. Ambiguités et antinomies de l'histoire. P. 1962, p. 8.

предметом. Другими словами, стоит историографии по-новому увидеть свой предмет, и половина ее бед исчезнет сама собой. Вторая же половина исчезнет благодаря объединению усилий всех «наук о человеке». Но позволительно спросить: на какой методологической основе должно произойти это объединение, разве эта основа несущественна при определении многоразличия сторон предмета? Этот вопрос Бродель выносит за скобки. Традиционная история, пишет он,— это история событийная, и, поскольку она обращает внимание почти исключительно на короткие промежутки времени, в поле ее зрения оказывается индивидуальное событие. Однако это отнюдь не единственный из возможных способов расчленения исторического времени. Существует множество масштабов исторического времени, которые олицетворяются в «событиях» различной длительности: от коротких (почти мгновенных) промежутков, вычленяемых политической историей, до десятилетних, двадцатилетних, пятидесятилетних, вековых циклов, вычленяемых историей социальной и экономической. Итак, время — важнейшее измерение масштаба исторического объекта. «Мгновение» и «большая» (вековая) длительность, почти неподвижность — таков диапазон градаций исторического времени (а соответственно и типов исторических объектов). Бродель подчеркивает онтологический, то есть объективный, характер этих «отрезков различной длительности», поскольку в них отражена диалектика «живого времени». История на различных глубинах течет с различной быстротой — вот идея, подчеркивает Бродель, которая совершенно чужда «индивидуализирующей» историографии. Событие, разумеется, не обязательно тождественно мгновению, хотя чаще всего с ним идентифицируется. Но даже в таком ограниченном понимании событие может служить для характеристики циклов гораздо большей длительности. История только на первый взгляд заполнена массой мелких, кратковременных фактов, которые представляют интерес только для хроникера, журналиста, но в таком понимании время не охватывает действительности на всю ее глубину. Именно поэтому традиционная историография и проходила мимо огромной толщи этой действительности. Вместе с тем Бродель не считает, что история «событийная» (отождествляемая с историей политической) должна оставаться историей «кратковременных событий». Чтобы соответствовать сегодняшним требованиям, она должна самоё кратковременность разрабатывать в хронологических масштабах различной длительности [38]. Таково вкратце новое видение исторического объекта, предложенное Броделем.

Нельзя не признать определенную научную плодотворность концепции «большой длительности». Благодаря ей предмет исторической науки приобретает многомерность, каждое явление — скрытую за поверхностью глубину. Но не случится ли непредвиденное: предмет истории может потерять свою смысловую (объективную) целостность, выступить как простая совокупность различной частоты «ритмов», ибо в концепции Броделя нет ни малейшего указания на то, что́ их («ритмы») связывает, на единство, которое в каждом из них выражено, как принцип существования. И далее, если наиболее глубинные, сущностные слои предмета исторической науки — это «ритмы наибольшей длительности», то есть, попросту говоря, неподвижность, то не оказываемся ли мы перед парадоксом: предмет научной истории аисторичен? Во всяком случае, из концепции «большой длительности» никак не видно, каким образом в общественной жизни происходят глубинные перемены, где находятся предпосылки таких всеобъемлющих общественных переворотов, как социальные революции. Вместе с тем концепция «большой длительности» является, насколько известно, первой попыткой анализа историком

[38] См. F. B r a u d e l. Écrits.., p. 56 sq.

структуры исторического времени, и в качестве одного из аспектов исторического метода она представляет ценный вклад в историческое мышление. Надо лишь остерегаться опасности принять грань (параметр) целого за его сущность.

Прежде чем перейти к рассмотрению других направлений в современной буржуазной историографии, следует хотя бы вкратце остановиться на понятии «структура», которое привлекло столь пристальное внимание Броделя. Как историк он попытался, и это вполне естественно, перевести это понятие на язык своего предмета, в результате оно предстало перед ним как «архитектура явления», устойчивая и медленно меняющаяся. Структуры различаются по степени устойчивости. Но все они в одно и то же время и опора и препятствие историческому движению. Человек — пленник исторических структур. «Аристотелевская картина мира господствовала вплоть до Галилея, Декарта и Ньютона». Еще более устойчивы структуры, обусловленные географическими, естественными и т. п. условиями жизни. И хотя экономические структуры вычленяются труднее всего, тем не менее XIV—XVIII века (эту эпоху Бродель вычленяет на основе так называемых «экономических циклов», игнорируя при этом развитие общественно-экономической формации, определяющее эти циклы), по его мнению, обнаруживают черты той связной и устойчивой структуры, которая была разрушена только промышленной революцией. Принять такой ракурс исторического видения, по мысли Броделя, равносильно готовности историка «принять новую концепцию социального». Это значило бы привыкнуть ко времени, текущему настолько медленно, что оно кажется почти неподвижным. Историю в целом можно понять только из этой неподвижности [39].

Спорность этого заключения лежит на поверхности, ибо суть исторического исследования заключается в том, чтобы открыть законы движения истории, законы развития общества или, если угодно, самоё «базовую неподвижность» исторического времени представить как источник самых глубоких и радикальных перемен и «разрывов» в истории, в самой «неподвижности» увидеть воплощение диалектического единства непрерывного изменения. Итак, до тех пор, пока речь идет о раскрытии сложности структуры категории исторического времени, концепция Броделя представляется весьма убедительной. Однако она оставляет историка «наедине с самим собой» перед главной трудностью — перед задачей представить структуры «различной временной длительности» как целостность, в их динамическом сочленении и изменении. Ведь именно на этом рубеже вся концепция исторического времени, предложенная Броделем, проходит проверку на историзм, именно здесь раскрывается опасность «обособления структур», то есть метафизики и аисторизма [40]. Вместе с тем как реакция на описательность «традиционной школы» (знавшей только один масштаб времени, масштаб событийной истории) со стороны историка, в общем, далекого от марксизма, концепция Броделя представляет собой, несомненно, важный опыт познавательной переориентации одного из направлений современного буржуазного историзма, опыт, который с необходимостью подводит вплотную к проблеме причинности, исторического закона.

Как уже отмечалось, в США программу преодоления «кризиса гуманистики» составили не историки, а социологи. Это обстоятельство, довольно точно отразившее место исторической науки в иерархии «социальных наук» США, определило специфику и направление, в котором развивалась за океаном интересующая нас дискуссия. Основная ее особенность заключалась в том, что на первый план был выдвинут вопрос

---

[39] F. Braudel. Écrits.., pp. 54, 65 etc.

[40] См. критику концепций «длительного времени»: Э. Сестан. История событий и история структур. М., 1970, стр. 11—12

(который, кстати, в концепции Броделя не нашел никакого отражения), а именно: нуждается ли историческая наука в осознанной (эксплицитной) теории, допускает ли так называемый исторический метод концептуализацию данных источника, какова «допустимая» форма исторического обобщения? Хотя уже сама постановка этих вопросов лучше и красноречивее многих объемистых трактатов показывает, на каком уровне находится современная американская (и не только американская) буржуазная историография, вместе с тем в них нельзя не видеть свидетельства происходящего в ней сдвига — несомненного брожения и недовольства в среде историков, по крайней мере той их части, которой нынешнее положение вещей в историографии представляется нетерпимым.

Своеобразное сочетание «традиций» так называемой «научной», то есть объективистской, истории (наследие Ранке) [41], релятивизма, воспитанного философией неопозитивизма, и, наконец, прагматизма не смогло не сказаться на основных направлениях, в которых развивались суждения профессиональных историков по указанным выше вопросам. Предмет дискуссии отчетливее других сформулировал известный историк И. Хейзинга: «Должны ли историки стремиться к познанию особенного или общего, конкретного или абстрактного, уникального или повторяющегося? Должно ли историческое знание быть выражено в графах или в понятиях? Является ли целью исторического метода анализ или синтез?» [42]. Нас не может, разумеется, удивить то, что Хейзинга увидел формально-логическое противоречие там, где существует противоречие диалектическое; поучительно другое — то, что им довольно точно указаны полярности, между которыми движется историческое познание и суть которых находится ныне в центре внимания буржуазной методологии истории. Например, «полюс», олицетворяющий «классическое наследие», то есть подход к истории как к методу sui generis, равно далекой как от концептуализации, так и от качественных и количественных измерений прошлого, убежденно защищал на годичном собрании Американской исторической ассоциации в 1962 г. К. Брайденбо. Прежде всего он резко восстал против призыва идти на сближение с социальными науками (антропологией, психологией, социологией и др.). Методы этих наук, подчеркивал Брайденбо, «дегуманизированы». Им недостает понимания человека. Особенно это относится к социологии. Социолог имеет дело с «единицами отсчета», «тенденциями», из которых он стремится вывести «законы общества». Историк же рассматривает факты как уникальные и неповторимые, и это удерживает его от попыток укладывать их в готовые рамки. Дело историка — «рассказать историю», оставляя теорию другим [43].

Если, с одной стороны, трудно поверить, что все это говорилось в 60-х годах нашего столетия, то, с другой стороны, этой позиции нельзя отказать в последовательности. И следует заметить, что в современной американской историографии так думает не один Брайденбо — он представляет довольно многочисленный отряд профессиональных историков США. И это не удивительно, подобную позицию может в равной мере разделять и объективист, и релятивист, и приверженец прагматизма. Первому теория не нужна по той простой причине, что он полагается полностью на «исторический метод», который исходит из посылки, что истина заключена в готовом виде в источниках; для того же, чтобы ее

---

[41] G. G. Iggers. The Influence of Ranke in American and German Historical Thought. «History and Theory». Vol. II, 1962, № 1.

[42] J. Haizinga. The Idea of History. «Varieties in History», p. 291.

[43] C. Bridenbaugh. The Great Mutation. «American Historical Review». Vol. 68, 1963, № 2, p. 316 ff. Нетрудно видеть, что эта концепция, если быть последовательным, приводит к абсурду. И такой вывод был сделан: «Исторический метод индивидуален, как стиль художника: у каждого — свой» (Ibid., p. 327).

из них извлечь, нужна не теория, а техника — критика источника. По мнению же релятивиста, объективной истины в исторической науке по самой ее природе нет и быть не может. Исторические построения во всех случаях субъективны. Но если это так, то всякая теория и обещаемые ею объективные методы — только дань времени, отмеченному поразительным взлетом точных наук. Наконец, историк-прагматик — убежденный враг всякой явной теории, в которой он усматривает «барьер» на пути к «пониманию свидетельства источника». Он предпочитает «не иметь никаких убеждений» из-за опасений, что они легко могут превратиться в предубеждения.

Некую среднюю позицию в ходе занимающей нас дискуссии попытался сформулировать историк А. Шлезингер (младший) [44]. Он не склонен отрицать плодотворность методов эмпирической социологии. Его лишь беспокоят ее притязания на то, чтобы рассматривать свои методы как единственно научные. Шлезингер же полагает, что к истине ведет множество путей, среди которых методы социологии — лишь один из них. Приблизительно такую же точку зрения по данному вопросу — хотя и из других побуждений — высказал небезызвестный логик и методолог К. Поппер. Методы социальных наук, утверждал он, применимы скорее для объяснения процессов, а не тенденций (направлений развития). Ими следует пользоваться для ответа на вопрос «как?», а не на вопрос «почему?». Они правомерны при формулировках номиналистского характера (то есть для описания, классификации, анализа материала), но они недопустимы при научном формулировании законов. В последнем случае социологические методы угрожают «лишить историографию свободы» [45]. К такой в целом позиции близки многие видные американские историки (Дж. Хекстер, Т. Кокрен, Р. Палмер и др.). Вообще самое понятие «исторического закона» остается пугалом для абсолютного большинства участников дискуссии по ту сторону океана. Нет ничего более компрометирующего доброе имя историка в их глазах, нежели открытое признание им своей приверженности к идее объективной исторической закономерности. По-видимому, в качестве своего рода противоядия против ее распространения в последнее время было пущено в ход понятие «закона неопределенности» как единственного и основного закона истории [46].

Наряду с этим, как уже отмечалось выше, в американской историографии существует и влиятельная социологическая традиция, связанная с именами Бирда и Тернера. Дж. Тернер еще в начале нашего века писал: «Сколько-нибудь удовлетворительное понимание истории американского народа невозможно, если не привлекать на помощь многие науки и методы, до сих пор слабо использованные в американской историографии» [47]. В последние годы убеждение в правоте этих слов настолько распространилось в США, что историк П. Лэслитт, разумеется, преувеличивая, заметил: историки учатся у социологов, они становятся социологическими историками [48]. Во что это выливается на деле, мы увидим несколько ниже. Здесь же нужно отметить несомненно возросший интерес историков к теории и методологии истории. Все чаще и громче раздаются голоса, что историку нужна не скрытая, а явная и осознанная теория, что наличие последней неизбежно хотя бы потому, что на практике историк вынужден давать причинное объяснение событий прошлого. Последнее же предполагает наличие «теории» хотя бы на уровне «обыденного сознания». Эту точку зрения наиболее недвусмысленно выразил историк

[44] A. Schlesinger Jr. Op. cit., p. 768.
[45] K. Popper. The Open Society and Its Enemies. Vol. II. L. 1957, p. 259.
[46] См. «American History and Social Sciences», p. 5.
[47] Ibid.
[48] Ср.: «Social Science Research Council». Bul. 54. «Theory and Practice in Historical Study». (N. Y.). 1946.

Д. Поттер [49]. «Исторический метод», подчеркивает он, многие десятилетия остается без изменений, хотя философская концепция, вызвавшая его к жизни, давно уже изжила себя и отброшена. Этот метод основан на убеждении, что история сама раскрывает свое содержание и сама себя интерпретирует, если только ее свидетельства аутентичны и упорядочены во времени. Следовательно, проблематика «исторического метода» сводится к процедурам верификации данных исторических источников, в то время как центральная проблема историка — объяснение истории. Между тем эту важнейшую область методологии «исторический метод» уступил как не имеющую к нему отношения другим дисциплинам: проблему причинности — философии, проблему мотивации поступков, поведения — психологии, проблему стратификации — социологии. Но это была поистине безрассудная щедрость! Отсюда напрашивается вывод: метод традиционной, «событийной» историографии недостаточен, историку предстоит перевооружение (точнее — обзаведение новыми логическими инструментами). В этом ему могут помочь социальные науки. Итак, заключает Поттер, если историк приступает к изучению циклов, которые регулярно повторяются, основополагающих связей, которые всегда проявляются, и, наконец, параллелей между различными цивилизациями, ему не обойтись без теории [50].

Нетрудно убедиться, что ход мыслей Поттера очень близок к приведенной выше точке зрения Броделя, однако вывод, который делает американский историк, гораздо радикальнее и определеннее. Интеграция истории и социальных наук не может произойти ни путем механического соединения систем знаний, отражающих различные стороны объекта в одном и том же плане (например, эмпирическом), ни путем установления внешней связи между знаниями, принадлежащими к различным планам (скажем, теоретическому и эмпирическому). Больше всего история страдает от отсутствия словаря понятий, общепризнанных фиксированных терминов. Социология же испытывает наибольшие трудности в связи с традиционным для нее игнорированием исторического метода. Поистине знаменательно, что после долгих лет засилья в американской историографии «идиографических» концепций часть американских историков провозгласила наличие явной исторической теории высшим принципом социально-исторического познания. Разумеется, и эти историки еще очень далеки от того, чтобы увидеть такую теорию в материалистическом историзме, здесь речь идет только о декларации принципа, а отнюдь не о его реализации. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что вне марксизма этих историков ждут новые разочарования. В этом убеждает исторический опыт идеалистического историзма: от скольких историко-философских доктрин пришлось уже отказаться буржуазной историографии, сколько «философских камней» она вышвырнула за борт! И вот теперь в поисках исторической теории она обращается к «социальным наукам», представители которых, как известно, сами признаются в отсутствии у них цельной теории общественного развития [51]. В особенности это характерно для современной американской эмпирической социологии, которая отождествляется с так называемым функционализмом. Она знает теорию абстрактных «социальных систем», принципом функционирования которых являются «равновесные состояния», она наблюдает лишь их «нарушения» и «восстановления», но совершенно не может объяснить социальные изменения и развитие. Правда, безграничный в своих претензиях бихевиоризм обещает создать в будущем «общую теорию социальных действий», которая должна включать и объяснение социальных изменений, «начиная с малейшей клетки в человеческом организме..., переходя ко

[49] D. Potter. Op. cit., p. 178 ff.

[50] Ibid.

[51] P. L. van den Berge. Dialectic and Functionalism. «American Sociological Review». Vol. 28, 1963, № 5.

все более сложным системам, как, например, человеческий организм, человеческая личность, малые группы..., макросистемам типа обществ и совокупности обществ, поскольку эти системы управляются гомологическими (тождественными.— *М. Б.*) процессами»[52]. Не удивительно, что в ответ на подобные обещания, как метко выразился один из участников дискуссии по проблеме «История и социология», остается только пожимать плечами. Историку ведь нужны не космические законы, а законы исторические!

Тем временем в тех самых социальных науках, к которым теперь «поворачивается лицом» историография, наряду с направлением историческим все больше укрепляется направление ахроническое (антиисторическое). Создается впечатление, что социологические «теории» уже не нуждаются в прошлом, в истории, что прошлое все больше и больше «удаляется от настоящего» и теряет для него всякое значение. Исторически ориентированная социология Вебера постепенно вытесняется функционализмом, точно так же, как исторически ориентированная «политическая наука» (восходящая к традициям Эйхгорна и К. Ф. Савиньи) все больше уступает место бихевиоризму[53]. Так, политолог Х. Арендт сомневается, может ли история вообще дать что-либо для понимания современной политики. Наконец и социолог задается вопросом: «Какая польза ныне от хронологии и генеалогии... к примеру, в динамическом обществе Америки, где люди редко умирают там, где они родились. Такие люди тратят свою жизнь не на благоговение перед прошлым, а на то, чтобы прозреть будущее... Никто не нуждается в знании того, что делали великие люди в прошлом, надо знать, что простые люди должны будут делать в будущем»[54]. Разумеется, в таких воззрениях на историю в значительной мере сказывается характер самой американской буржуазной историографии, но подобные взгляды симптоматичны для характеристики общего «духа» «социальных наук».

Методика изучения «малых» групп, принятая в современной буржуазной социологии, может, очевидно, быть использована историками, например, при исследовании некоторых форм исторических общностей, но, разумеется, лишь как вспомогательная, поскольку буржуазная социология проходит мимо общества как целого. Выступая же как макросоциология (как общая теория функциональных систем), эта социология по необходимости строится как чисто дедуктивная логическая теория, витающая так высоко над действительными задачами «социальных наук» вообще, и исторической науки в частности, что «направлять» практику исследования совершенно не в состоянии. И это естественно: ведь такого рода теория должна создавать впечатление, что она основана на исчерпывающей (в логическом отношении) классификации всех возможных факторов различных классов. Однако при этом она не замечает, что в самой этой претензии на «исчерпывающий характер» подобной классификации ярче всего проявляется ее полная безжизненность и спекулятивность. Если с точки зрения функциональной социологии основной недостаток истории как науки заключается в том, что она не базируется «на систематическом методе анализа структур», что, разумеется, правильно, если говорить о буржуазной историографии, то, в свою очередь, основной недостаток социологии, с точки зрения историка, заключается в том, что она не знает способа объяснить изменения всей системы — это во-первых, и, во-вторых, в том, что источник изменения

---

[52] «The Limits of Behavioralism». Ed. by J. C. Charlesworth. Philadelphia. 1963, p. 17.

[53] R. T. Holt and J. E. Turner. The Methodology of Comparative Research. N. Y. 1970, p. 1 ff.

[54] «American History and Social Sciences», p. 5; A. L. Kroeber. Kulture. A Critical Review. Cambridge (Mass.). 1952; D. Lerner. The Human Meaning of Social Sciences. N. Y. 1959. p. 14. Наиболее резкую критику «высокой теории» см.: C. W. Mills. The Sociological Imagination. N. Y. 1959, ch. 2.

она вынуждена «вводить» в систему извне (рост народонаселения, смена культурных ценностей и т. п.). Но что же в таком случае остается делать тем представителям «социальных наук», которые желают наставлять историков «в своей вере»? Остается одно: оставив в стороне туманные высоты своих «теорий», демонстрировать, как «работают» их специфические методы на ниве исторического исследования. Именно в этом пункте на историка обрушивается такой поток предложений, который явно превышает спрос.

Все основанные на тех или иных идеалистических концепциях социальности частные «науки о человеке» и в особенности те из них, которые в последние годы достигли достаточной степени формализации, чтобы оказаться «переведенными» из разряда описательных наук в разряд наук, призванных устанавливать законы (генерализирующих — по неокантианской терминологии), как-то: структурная лингвистика, эконометрия, некоторые направления культурантропологии, психологии и др. — также поспешили «на помощь» истории, предлагая ее вниманию свои концепции, свои методы «изучения человека». Очевидно, что вместо искомой цельной теории исторического процесса буржуазной историографии предлагаются всякого рода «заменители» (хотя нельзя отрицать и тот факт, что ряд эмпирических методов и понятий социальных наук может оказаться плодотворным в практике исторического исследования). Все дело в том, на какой теоретической базе будет усвоен историками весь этот арсенал методик и процедур, какой руководящий принцип будет положен в основу «нового исторического синтеза».

В заключение нельзя не остановиться на суждениях западногерманских буржуазных историков по проблеме, нас занимающей [55]. Они весьма характерны для определенных течений современной западной историографии в целом. Главное, что объединяет все их суждения в единый, так сказать, тип, заключается в полной удовлетворенности нынешним состоянием исторической науки — идиографической и событийной. В них нет ни намека на критику индивидуализирующего «исторического метода», ни малейшей попытки рассмотреть этот метод в свете логики и методологии современной науки. Зато они пекутся о том, как бы новые, социологические тенденции, проявившиеся в исторической науке в последнее время, не нанесли ущерба «классическому наследию». Именно этим продиктованы, с одной стороны, открытая оппозиция тому направлению в исторической науке Запада, которое представлено школой «Анналов», с другой — попытка такой трактовки категории «структуры», которая была бы совместима с концепцией истории «великих личностей». Именно поэтому в направлении «Анналов» историков ФРГ меньше всего устраивает массовость исторического факта, «масса» как «коллективная историческая личность», их пугает угроза замены «великих личностей» повседневным человеком, ибо именно «его заботы» создают то основание устойчивого и непрерывного, которое концептуализировано в понятии «длительность». Но в то же время эти историки вынуждены признать, что в этом сдвиге исторического мышления отразились новые общественные условия. Этого обстоятельства не может не учитывать и традиционная историография. «Историческая наука,— подчеркивает Е. Питц,— вынуждена перед лицом подобной угрозы заняться этим вопросом... у нее нет никаких оснований сдавать свои позиции...» [56]. Если учесть, какую «историческую науку» имеет в виду Питц, то его позиция станет совершенно ясной — это страх перед вторжением в историю «законоподобных факторов» и «роковых сил», то есть, попросту говоря, категории исторической закономерности. Отсюда задача принять на вооружение основное понятие современного аналитического мышления —

[55] T. Schieder. Op. cit.; E. Pitz. Op. cit.; K. Bosl. Der soziologische Aspekt. «Historische Zeitschrift», 1965, Bd. 201, S. 613.

[56] E. Pitz. Op. cit., S. 265.

«структура», вместе с тем лишив его того пафоса объективизации исторического знания, который позволяет видеть в нем — при всех его недостатках — воплощение социологической тенденции в буржуазном историзме.

Над решением этой задачи и трудились в меру сил Т. Шидер, К. Босл и Е. Питц. Т. Шидер[57] начал с критики (и не без оснований) принятого на Западе термина «структура». Это понятие, подчеркивает он, слишком расплывчато для того, чтобы быть использованным историками: до сих пор не исследованы виды и свойства исторических структур, не указаны способы их обнаружения и вычленения. Да и вообще, утверждал Шидер, в категории «структура» нет ничего нового и неожиданного для исторической науки, по крайней мере со времени Ранке она оперировала сверхиндивидуальными, «роковыми» силами, правда, не употребляя при этом самого термина «структура». Для того же, чтобы «бросить тень» на данный термин, Шидер связывает его с именем К. Маркса. Со времени Маркса, замечает Шидер, общественное существование человека стало проблемой всех проблем. Социальные структуры, продолжает он, превратились в «принудительные формы» исторического поведения человека, в определяющие реальности истории. И, наконец, заключает Шидер, нет жесткой антиномии между историей структур и историей личностей. Традиционную «историю великих личностей» при желании можно прочесть в терминах структурной методологии, то есть как воплощение определенных психологических и духовных «реальностей». Эту изложенную Шидером программу попытался реализовать Питц в работе, озаглавленной «Исторические структуры»[58].

Подведем некоторые итоги. Изучение литературы по рассматриваемому вопросу за последнее десятилетие убеждает в том, что в современной буржуазной историографии, в условиях новой фазы ее методологического кризиса, сосуществуют и сталкиваются друг с другом три тенденции.

Одна из них, представленная направлением «Анналов» (его приверженцы весьма многочисленны по обе стороны Атлантики), видит выход из методологического кризиса в восприятии историографией всех исследовательских методов, выработанных в смежных «науках о человеке», с тем, чтобы сделать исследовательский аппарат историка более адекватным представлениям современной гуманистики. Обращает на себя внимание, что проблемы теории и методологии исторического познания отгесняются этим направлением на задний план. Явно усилившийся в нем прагматический подход к указанным вопросам не может не настораживать. Не отсюда ли явная — в последние годы — погоня «Анналов» за общей «человековедческой» проблематикой в ущерб традиционному направлению интересов журнала — собственно исторических, составивших основу его достижений.

Вторая тенденция представлена наиболее отчетливо в западногерманской историографии главным образом журналом «Historische Zeitschrift». Признавая под давлением неопровержимых фактов кризис «традиционной школы историописания», это направление готово винить в этом все, что угодно, но только не методологическую (неокантианскую) основу этой школы. Она и ныне представляется как наиболее «соответствующая» духу историзма. Будучи вынужденным уступить велению времени и включить в арсенал понятийного аппарата историографии категории, заимствованные из смежных общественных наук, прежде всего социологии, указанное направление преследует задачу истолковать эти категории в «традиционном духе» наследия Ранке и Риккерта.

---

[57] Th. Schieder. Op. cit.; ср. Т. Шидер. Различия между историческим методом и методом социальных наук. М. 1970.

[58] E. Pitz. Geschichtliche Structuren. «Historische Zeitschrift», 1964, Bd. 198.

Наконец, третья тенденция наиболее отчетливо представлена в историографии США. Во имя «сохранения самобытности» истории как науки о «единичном и неповторимом» историки этого направления решительно сопротивляются сближению историографии — по методу — с «социальными науками».

Все три охарактеризованные выше тенденции в современном буржуазном историзме, как и следовало ожидать, проявились на XIII Международном конгрессе исторических наук. Пожалуй, слабее всего прозвучали мотивы французской школы «Анналов» по той простой причине, что она вообще слабо была представлена на конгрессе. Точку зрения второго направления — умеренных сторонников внедрения социологических методов в историческое исследование — отразили доклады Э. Сестана и Шидера. Доклад итальянского историка Сестана «История событий и история структур» ярко отразил взгляды тех буржуазных историков, которые хорошо сознают недостатки традиционной «истории событий» и вместе с тем не склонны поддаваться увлечениям моды. Успехи так называемых «структурных наук» не могут скрыть недостатков, заключенных в жесткой синхронии. Отсюда осторожность при отборе того, что из арсенала этих наук может быть перенесено в историческое исследование. «История только одних событий,— пишет Сестан,— как бы она ни интерпретировалась, явно продемонстрировала свое несовершенство, свою односторонность и несоответствие перед лицом идеальной комплексной истории». С другой стороны, если структуральная история большой длительности способна, по мнению Сестана, «завоевать безграничное одобрение читателя», то исследования событий тем же методом «разочаровывают». Структуры сплошь и рядом остаются «неподвижными и нейтральными» по отношению к повседневной жизни, которая была все же отражена в этих «презренных» событиях. И тем не менее Сестан заключает: «Нравится это кому-либо или нет, но не вызывает сомнения, что структуральная историография, несмотря на риск скатиться до идентификации ее с социологией исторического прошлого, является передовой историографией нашего времени»[59].

Иную позицию в этом вопросе занял Шидер. Многозначительной была уже сама по себе формулировка темы его доклада: «Различия между историческим методом и методом социальных наук». Выступив под благовидным предлогом, что «история не должна отказываться от роли самостоятельной науки», Шидер по существу отстаивал позиции «идиографической» историографии. При этом он исходил из следующих положений: 1) «прошлое не может быть реконструировано как реальность», поэтому все исторические построения имеют лишь спекулятивную ценность; 2) теория исторической науки колеблется между целью «понимания» и целью «объяснения»; первой соответствует так называемый «метод вживания», ведущий к осмыслению «структуры личности»; преднамеренность поведения, мотивы могут быть поняты только иррациональным путем; 3) одной из основных «единиц исторического процесса» является «власть» — средоточие «сильных энергетических или волюнтаристских элементов»; 4) можно лишь установить условия, в которых протекали действия людей, но не их причины; 5) истории свойственно служить гарантией непрерывности, откуда, по Шидеру, и вытекают различия между историей и социальными науками (в данном случае он опирается, очевидно, на опыт, по его выражению, «национально-немецкой историографии», понимающей исторический процесс как мотивированное самовыражение «великих личностей»). И тем не менее Шидер вынужден был в заключение признать неотвратимость сближения (даже «брака») истории с социологией[60].

---

[59] Э. Сестан. Указ. соч., стр. 10—11.
[60] Т. Шидер. Указ. соч., стр. 1—2.

Третью тенденцию, то есть полностью нигилистическую позицию в этом вопросе, выразил американский историк Д. Хекстер. Его доклад «История, социальные науки и количественный метод» — образец того, с каких позиций ведется эта «защита традиционной истории» от угрозы социологизации ее методов. Достаточно привести краткий перечень аргументов Хекстера: 1) состояние исторических источников таково, что не допускает применения при их изучении априорных схем, формул, исчислений; 2) с другой стороны, чем сложнее становится математический аппарат социальных наук, тем менее доступен он для историка; 3) предмет истории — «духовный мир человека — его сознание, надежды, стремления, целенаправленные поступки, многое ли здесь увидит гомогенный глаз компьютера?»; 4) стремление самой социологии к свободному от ценностей знанию разбивается вдребезги, наталкиваясь на пронизанную ценностями терминологию; 5) обремененная ценностными суждениями риторика истории неизбежна для нее, если она стремится корректно сообщить другим наукам, чем она является; 6) если процесс создается целенаправленными действиями людей, то понятия ответственности, обязательств, совести и т. п. неизбежны для гуманистической интерпретации процесса. И вывод: история как способ осмысления человеческого опыта, сталкиваясь с современной социологией, не оказывается перед проблемой научной стратегии, в лучшем случае речь идет о частных, тактических задачах.

Таково вкратце современное состояние проблемы «История и социология», таковы основные тенденции, сталкивающиеся в современной буржуазной историографии. Если преобладающим мотивом до сих пор еще ведущейся по этой проблеме дискуссии следует признать острое недовольство значительной части современных буржуазных историков положением дел в представляемой ими историографии, то ход ее и вырисовывающийся исход определяются современным состоянием все той же буржуазной историко-философской мысли. Буржуазная историография все острее нуждается в цельной общественной теории, проверенной всемирно-историческим опытом. В поисках такой теории историография обращается к социологии. Последняя же, щедро предлагая историкам свои разрозненные методики, сама лишена даже подобия такой теории. Одним словом, каким бы тесным в перспективе ни становился альянс «наук о человеке», включая и историческую науку, он не только не заменит последней цельную научную теорию исторического познания, но сделает ее необходимость еще более настоятельной. Однако, как показал долгий опыт истории исторической науки, на базе идеалистической историософии такая цель вообще недостижима. И по мере того как сознание этой истины будет все шире распространяться в среде профессиональных историков, они — логикой своей науки, логикой самой жизни — будут подведены к вопросу: если критерием истины является практика, то не свидетельствует ли направление изменений, происшедших в мире в одном только XX в., о научной неопровержимости марксистского историзма?

В этой перспективе проанализированная выше дискуссия представляет интерес, несомненно выходящий за рамки обсуждаемой проблемы.

БАРЩИНА И НАЕМНЫЙ ТРУД В ПОМЕЩИЧЬЕМ ДОМЕНИАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВЕНГРИИ В XVI—XVII ВЕКАХ

Академик Ж. П. Пах

Подавляющее преобладание крестьянского хозяйства (главным образом в форме наделов) в рамках феодальной земельной собственности — такова главная черта аграрной структуры Венгрии в XV веке. Барщина как натуральная форма феодальной земельной ренты в рассматриваемую эпоху имела ограниченный характер, но важную роль еще продолжала играть продуктовая рента. Одновременно на первый план все больше выдвигалась денежная форма ренты. Крестьяне, испытывавшие бремя внеэкономического принуждения — власть помещика, давно уже перестали быть сервами, сумев освободиться от личной зависимости, характерной для раннего этапа феодализма; теперь они пользовались правом (хотя и ограниченным наличием феодального произвола) перехода и относительно прочного держания своих наделов. Они были главными представителями развивавшегося сельскохозяйственного товарного производства и держали в своих руках значительную часть рынка сбыта аграрной продукции. Подобно тогдашним английскому манору, французской сеньории и германскому грундхерршафту, венгерское крупное поместье не представляло собой крупного хозяйства, а являлось конгломератом мелких крестьянских хозяйств, организацией, обеспечивающей выполнение феодальных повинностей. Во второй половине XV в. собственные помещичьи запашки по-прежнему терялись в безбрежном море крестьянских хозяйств.

В XVI—XVII вв. в сельском хозяйстве Венгрии начинает проявляться, все более усиливаясь и укрепляясь, противоположная тенденция. В отличие от стран Западной Европы в венгерских поместьях наблюдается увеличение барской запашки (фольварков, доменов, или, по тогдашней терминологии, аллодиумов, аллодиатуры). Существенные изменения происходят также в структуре феодальной ренты, в социальном и правовом положении сельского населения и в других сферах аграрных отношений.

Изучением этой тенденции, которая в XVI—XVII вв. проявила себя не только в Венгрии, но и в других странах Центральной и Восточной Европы, историческая наука занималась довольно много, особенно с тех пор, как еще в 1887 г. Г. Ф. Кнаппом были изложены некоторые общие черты этого процесса в Пруссии и определены категории «грундхерршафт» и «гутсхерршафт» [1]. Указанный круг проблем в настоящее время имеет уже обширную литературу [2], в том числе и по Венгрии.

---

[1] См. G. F. Knapp. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Teilen Preussens. Bd. I. München—Leipzig. 1927.

[2] Значительная часть наиболее важных работ учтена в статье С. Д. Сказкина «Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе» («Вопросы истории», 1958, № 2).

Отдельные факты развития помещичьего домениального хозяйства в Венгрии были известны еще в конце прошлого века прогрессивному венгерскому историку-экономисту И. Ачади, но по-настоящему внимание венгерских исследователей круг этих вопросов стал привлекать главным образом начиная с 1930-х годов. Именно в это время по инициативе Ш. Домановского было начато издание серии «Исследований по истории венгерского сельского хозяйства». Уже несколько работ по истории поместий, появившихся в этой серии, позволили судить о некоторых чертах проблематики аллодиумов в Венгрии XVI—XVII веков [3]. Однако господствовавшая тогда в стране буржуазная концепция не позволила авторам этих работ вскрыть важные взаимосвязи, в особенности роль классовой борьбы между помещиками и крепостным крестьянством, борьбы, которую сильно обострило развитие домениальной системы. Результаты этого первого этапа исследований по данной теме были обобщены И. Сабо уже после освобождения страны [4].

Применение марксистско-ленинской методологии дало новый толчок изучению указанных проблем, сопровождавшемуся выявлением большого количества новых источников. Л. Маккаи, Ф. Макшаи, Э. Варга и не в последнюю очередь видные словацкие историки Р. Марсина и М. Кушик [5] опубликовали ряд урбариев и других хозяйственных документов, а также материалы судебных процессов по делам крепостных. Дальнейшему расширению источниковедческой базы послужили многочисленные локальные исследования [6], а также относящиеся к данной проблематике монографии, вышедшие из-под пера Ф. Макшаи, Ж. П. Паха, В. Зимани и Я. Варга [7] за последние 10—15 лет.

В этих работах был поставлен и решен широкий круг вопросов, связанных с данной проблемой. Хотя по некоторым из затронутых вопросов (например, по вопросу об оценке характера и размеров экспроприации крестьянских наделов в ходе создания помещичьих доменов) они содержат различные точки зрения, в самом подходе к анализу проблематики наблюдаются важные общие черты. Один из таких моментов, объединяющих упомянутых авторов, заключается в обращении к сравнительно-историческому методу исследования. Процесс расширения барской запашки в Венгрии рассматривается ими не изолированно, а в тесной органической связи с ходом подобного процесса в других странах Восточной и Центральной Европы и одновременно в сопоставлении его с развитием аграрных отношений в Западной Европе. Другой важный момент, по

[3] Acsády I. Közgazdasági állapotaink a XVI. es XVII. században. Budapest. 1889; ср. A. Domanovszky. Zur Geschichte der Gutsherrschaft in Ungarn. «Festschrift Dopsch». Baden—Wien. 1938; Komoróczy Gy. Nádasdy Tamás és a XVI. zsázadi nagybirtok gazdálkodása. Budapest. 1932; Tholt J. A sárvári uradalom major gazdálkodása a XVII. század elsö felében. Budapest. 1934; Berlász J. A Thurzó-birtokok a XVII. század elsö harmadában, különös tekintettel a jobbágyok gazdasági helyzetére. Budapest. 1936; Ruzsás L. Az egri vár gazdálkodása a XVI. században. Budapest. 1939.

[4] Szabó I. Az uradalmi gazdálkodás és jobbágybirtok a XVI—XVII. században. Tanuilmányok a magyar parasztság történetéből. Budapest. 1948.

[5] «I. Rákóczi György birtokainak gazdasági iratai (1631—1648)». Sajtó alá rend. és bev. Makkai L. Budapest. 1954; «Urbáriumok. XVI—XVII. század». Szerk. és bev. Maksay F. Budapest. 1959; «Üriszék. XVI—XVII. századi perszövegek». Szerk. Varga E. Budapest. 1958; «Urbáre feudálnych panstiev na Slovensku. XVI—XVII. storočie». Red. R. Marsina — M. Kušík. I—II. Bratislava. 1959. Что касается развития аграрных отношений в Трансильвании, то значительный интерес представляет труд румынского ученого: D. Prodan. Iobăgia în Transilvania în secolul al XVI-lea. I—II. Bucureşti. 1967—1968.

[6] См. об этом: «A magyar történettudomány válogatott bibliográfiájá 1945—1968». Összeállitotta a Magyar Tudományos Akadémia Történettudományi Intézetének munkaközössége. Budapest. 1971. 222—227, 231—235. old.

[7] Maksay F. Parasztság és majorgazdálkodás a XVI. századi Magyarországon. Budapest. 1958; Pach Zs. P. Nyugat-európai és magyarországi agrárfejlödés a XV—XVII. században. Budapest. 1963; Zimányi V. A rohonc-szalonaki uradalom és jobbágysága a XVI—XVII. században. Budapest. 1968; Varga J. Jobbágyrendszer a magyarországi feudalizmus kései századaiban. 1556—1767. Budapest. 1969.

которому взгляды венгерских исследователей совпадают, заключается в том, что распространение собственно помещичьего хозяйства анализируется ими как часть процесса «вторичного закрепощения» и интерпретируется в качестве не только правового, но и социально-экономического явления. При этом обращается внимание на значительную распространенность помещичьих аллодиумов [8], преобладание натуральных форм ренты (включая продуктовую и отработочную), личную зависимость непосредственного производителя, а также ограниченность и слабость развития города и деревни и крайне неблагоприятное с точки зрения перспектив буржуазных преобразований соотношение классовых сил.

Именно такие условия сложились в венгерской экономике к первой половине XVII в.: система так называемого наследственного крепостничества как своеобразная венгерская разновидность «второго издания крепостничества». Эти условия резко отличались от тех, которые характеризовали венгерскую деревню XV в. в целом и даже второй его половины.

Каким образом и почему в течение одного-полутора столетий произошло это решающей важности изменение и результатом какого рода столкновений противоборствовавших сил оно явилось — такова ключевая проблема экономической истории рассматриваемой эпохи. Цель настоящей статьи, являющейся как бы дополнением к предыдущим работам ее автора [9],— проанализировать один, причем весьма важный, аспект этой большой проблемы, а именно вопрос о соотношении барщинного (отработочного) и наемного труда в хозяйстве помещика. С этой целью изучены памятники, характеризующие структуру рабочей силы в собственных домениальных хозяйствах: урбарии (описи крестьянских повинностей), инструкции владельцев имений своим управляющим и другие документы.

Интенсивная тенденция к ведению феодалами собственного хозяйства впервые отмечается в Венгрии в 1530—1540 годах [10]. Обработка все более увеличивавшихся помещичьих запашек велась, с одной стороны, на основе барщинного труда крепостных, использовавших свой собственный инвентарь и тягло, что привело ко все более возраставшему применению феодалами отработочной ренты. Если во втором и третьем десятилетии XVI в. однодневная (в неделю) барщина, введенная парламентскими законами после кровавого подавления крестьянской войны 1514 г., большей частью оставалась еще неиспользованной [11], то к середине столетия положение стало меняться. Закон 1548 г. охватил барщинной повинностью пять видов работ: пахоту, сев, сенокос, жатву, работы на виноградниках, а также перевозку вина и иных пищевых продуктов. Закон предоставлял помещику право использовать 2 барщинных дня в неделю для работы на виноградниках, а также для сенокоса и жатвы (эти дни, однако, должны были засчитываться за другие недели, так чтобы общее количество барщинных дней не превышало 52 в году). Об изменении положения свидетельствует и ряд других данных. Урбарий Дюлайского поместья за 1525 г. предписывал только 2 барщинных дня для покоса и 1 день для жатвы, тексты урбариев 1559 и 1561 гг. говорят

[8] В середине XVII в. в Венгрии количество земель, принадлежавших собственно помещичьим хозяйствам, равнялось приблизительно 15—30% земли, находившейся в пользовании крестьян.

[9] Сокращенный вариант указанной в сноске 7 монографии автора данных строк опубликован на немецком языке в двух частях: «Das Entwicklungsniveau der feudalen Agrarverhältnisse in Ungarn in der zweiten Hälfte des XV. Jahrhunderts». «Studia Historica Acad. Scient. Hung.». 46. Budapest. 1960; «Die ungarische Agrarentwicklung im 16—17. Jahrhundert. Abbiegung vom westeuropäischen Entwicklungsgang». «Studia Historica Acad. Scien. Hung.». 54. Budapest. 1964.

[10] Подробнее см. M a k s a i F. Op. cit., 17. old.; P a c h Zs. P. Op. cit. 152. old.

[11] См., например, Országos Levéltár (Государственный архив Венгрии; далее — OL). DL. 37007; «A zichi és vásonkeöl gróf Zichy-osalád idösebb ágának okmánytára» (далее — «Zichy-okmt.»). XII. k. Budapest. 1931. 343—364. old.

уже о том, что крепостные в большинстве случаев были «обязаны всеми работами и службами», «пахать, сеять и выполнять другие повинности» [12]. Урбарий Канижской провинции 1530 г. указывал на относительно еще ограниченные барщинные повинности: обработка плугом 2 хольдов осенних и одного хольда весенних посевов, 1—2 дня косьбы в течение каждой недели (хотя во многих местах уже «должны косить по воле управителя»). Однако письма крепостных 50-х годов XVI в. содержат уже (наряду с жалобами на частые захваты земли) сетования на невыносимое увеличение барщины. В Пожоньском поместье призамковые бобыли отрабатывали раньше 7 дней в году, а в 1574 г.— 60. В Капуварском поместье, где урбарий 1507 г. включал барщинную повинность только по перевозке вина, а в 1518—1519 гг. кое-где была отмечена барщина по косьбе и ремонту мостов; урбарий 1584 г. уже предписывал, чтобы во всем округе Раба и во всех владениях господина «ходили одну треть... и далее, начиная от Иванова дня до дня св. Богородицы одну половину». Эта «треть», то есть барщина в каждую третью неделю, и «половина», то есть барщина в каждую вторую неделю летом во время уборки, дополнялись работой по строительству крепостей и ремонту мостов в течение трех недель в году [13].

С другой стороны, с расширением домениального хозяйства в более или менее широких масштабах стал применяться и наемный труд и использоваться помещичий инвентарь, причем наемные работники — садовники, пастухи, а также жнецы-поденщики — частично набирались из числа крепостных и бобылей поместья. Упоминания о помещичьих поденщиках, слугах содержатся в законах и других документах, относящихся еще ко времени ранее 1526 года. В последующие десятилетия они часто встречаются под разными наименованиями в хозяйственных отчетах (например, по владениям Надашди за 1540—1550 гг.), в урбариях, в распоряжениях по поместью. Большей частью они упоминаются рядом с помещичьим инвентарем (например, «батрак с плугом»). Поместные наемные работники и пастухи, садовники и виноградари набирались главным образом из числа бобылей. Иногда среди них встречались и крестьяне, владевшие полным наделом, оставлявшие свое хозяйство и уходившие внаем в другое село, но бывали и крестьяне с наделом или с половиной надела, которые на это время службы освобождались от феодальных повинностей (становились «свободными») [14].

Управляющий Сатмарским казенным имением в 1572 г. предложил Сепешской палате, чтобы дополнительно в четырех доменах поместья, где широко применялась барщина, содержались три батрака с 8 волами и 4 плугами, причем, отмечал он, не обязательно, чтобы все батраки были взрослыми, так как «всегда найдутся два-три подростка, которых можно нанять» [15]. Помимо постоянной челяди, феодалы использовали сезонных и временных рабочих на виноградниках и на пашне: поденщиков, жнецов, косарей, издольщиков-молотильщиков, окапывателей винограда. Согласно предписанию канижского помещика 1564 г., окапывание производилось частично поденщиками, частично барщинными крестьянами. Как свидетельствует инструкция для имения замка Мункач от 1570 г., виноград здесь возделывался «отчасти бесплатным трудом подданных.., отчасти же за плату... с помощью нанятых рабочих» [16].

---

[12] «Gyula város oklevéltára 1313—1800». Budapest. 1938. 88., 289., 348. old.

[13] «Urbáriumok. XVI—XVII. század.». (Далее — «Urbáriumok»). 133—142., 194. old.; «Jobbágylevelek». Budapest. 1951, 25—31. old.; OL DL. 36 992, 36 994, 36 983, 37 007; (Urbaria et conscriptiones). 56 : 33.

[14] Закон 1. 1522 г.; закон 24. 1523 г.; «Gyula város oklevéltára 1313—1800». 86. old.; «Kultúrtörténeti szemelvények a Nádasdyak 1540—1550-es számadásaiból». II. k. Budapest. 1959. 11., 14., 31., 36., 196. old.; OL Urbaria et conscriptiones. 56 : 33.

[15] OL Városi és kamarai iratok. Fol. Lat. 913.

[16] «Magyar Gazdaságtörténelmi Szemle» (далее — «M. Gt. Sz.»), 1894, 68. old.; 1896. 68. old.

Если выше отмечалась практика, когда один и тот же землевладелец одновременно использовал и барщину и наемный труд, то здесь нужно упомянуть и те случаи, когда одни и те же крестьяне выполняли одни виды работ бесплатно, а другие — за плату. Два основных типа трудовых отношений были связаны между собой множеством переходных форм. В одних местах деньгами или натурой оплачивался непосредственно барщинный труд, в других — только отработанное сверх установленной барщины время; иногда барщина отрабатывалась с помощью господского тягла; иногда домениальные наемные работники переводились в категорию крестьян с наделом и т. д. Урбарий 1525 г. предписывал бобылям местечка Дьюла обмолот домениального урожая пшеницы в счет барщины, но при этом гарантировал им десятую его часть. Согласно Вилагошскому урбарию того же года, наемные работники состояли из «добрых крепостных». По эстергомским урбариям 1527 и 1553 гг. за выполняемые для монашеского ордена сервитов косьбу, уборку сена, жатву полагалось платить деньгами. В Гедерварском урбарии 1554 г., устанавливавшем, «помимо недельной работы», барщину взамен денежного взноса (чинша) в дни св. Георгия и св. Михаила, отмечалось, что сельскохозяйственные работы, не предусмотренные «предписанной барщиной», крепостные выполняют «за деньги господина». Эгерский урбарий 1558 г. большей частью предписывал бесплатные работы, однако за перевыполнение их (например, при косьбе) полагалась плата (которую зачисляли в чинш дня св. Михаила); кроме того, определенные работы выполнялись за поденную денежную или натуральную плату. Комаромские крестьяне в 1562 г. за барщину на косьбе ежедневно получали кусок соли. В Надьбаньском поместье в 1566 г. за ту же работу платили продуктами, за дополнительную — деньгами (хотя и в меньших размерах, чем нанятым батракам). Согласно Пожоньскому урбарию 1574 г., отдельные селения должны были выставлять косцов и переносчиков сена за поденную плату (хотя и меньшую, нежели обычная).

Дальнейшее распространение домениального хозяйства в первой половине XVII в.[17] сопровождалось не возрастающим применением оплачиваемого труда, а значительно увеличивающимся присвоением результатов барщинного труда крестьян. Расширение барщины, с одной стороны, устранило остатки того характерного для второй половины XV в. положения, когда отработочной ренте вообще придавалось мало значения: она не фигурировала среди крестьянских повинностей или же фиксировалась урбариями в незначительных по количеству и качеству формах. С другой стороны, этот процесс далеко перешагнул предписания, зафиксированные в законе 1514 г. (1 день барщины в неделю). Введение так называемой третьенедельной или же второнедельной системы (что в пересчете означает 2—3 дня барщины в неделю) все больше способствовало неограниченному применению барщинного труда. В это время у крепостных уже «нет никакой заранее определенной работы, но, когда мы того пожелаем, они обязаны исполнить по приказу барщину» [18].

Неограниченная произвольная барщина появилась во многих местах начиная с 70-х годов XVI века. Урбарий Таполцского аббатства 1570 г. уже содержал распоряжение о том, что крепостные крестьяне «обязаны ко всем службам по желанию господина», и помещик в Краснахорке в 1578 г. «заставлял их трудиться столько раз, сколько раз были работы». Крестьяне имения Лева «согласно решению славного господина должны

---

[17] В отличие от ранее существовавшего тезиса об упадке помещичьего хозяйства ныне в венгерской историографии положение о прогрессе аллодиального хозяйства в первой половине XVII в. является общепризнанным. См. «Agrártörténeti Szemle» (далее — «At. Sz.»), 1961, I. sz., 137. old.

[18] Этими словами выразил точку зрения господствующего класса адвокат поместья Баттяни на судебном процессе 1651 г. по делу о пропуске барщины болфайскими крепостными (комитат Ваш). «Úriszék. XVI—XVII. századi perszövegek». 176. old.

выполнять все необходимые работы» (1589 г.); крепостные сатмарских поместий «служат по желанию капитанов и провизоров... без всякого возражения» (1592 г.). Жители крепостных сел Сепешварского поместья «должны все работы..., когда им приказано, выполнять» (1596 г.) [19]. Бесчисленное количество такого рода случаев может быть отмечено позднее на протяжении XVII века. Подобные свидетельства содержат, в частности, Мадайский урбарий 1601 г., Чабраг-ситняйский 1602 г., Шарвар-капуварский 1608 г., Адорьянский 1625 г., Деренченьский 1632 г., Четнекский 1636 г., Шеркейский 1643 г., Мураньский 1672 г., Надьбаньский 1688 г. и изданный в 1690 г. Сендрейский урбарий, относящийся к середине века. Следует добавить, что и там, где урбарии в соответствии со временем или производительностью труда устанавливали размеры барщины, практика ведения помещичьими приказчиками хозяйства выходила за рамки предписаний. Приговоры господских судов прямо утверждали, что никакого рода правила или обычаи не могут ограничивать права землевладельца по отношению к крепостному, занятому на барщине со своим скотом или без него.

Правда, и на протяжении XVII в. встречаются формы наемного труда или переходного к нему, применяемого в домене, обрабатываемом барщинниками. В этих случаях либо заключались годовые соглашения «с челядью, служащей внутри поместья». о работе с использованием помещичьего инвентаря в полеводческом хозяйстве и животноводстве, либо временные работники-поденщики привлекались на виноградарские работы, жатву, косьбу. Однако значение всех этих форм оплачиваемого труда в хозяйстве помещиков Венгрии в XVII в. падало, причем в сравнении не только с чрезвычайно возросшими масштабами принудительного бесплатного труда, но и с размерами наемного оплачиваемого труда середины предшествующего столетия. Во многих местах наблюдался определенно выраженный регресс: те виды работ, которые прежде частично или полностью выполнялись за плату, теперь осуществлялись за счет принудительной бесплатной барщины. Там, где раньше во время господской работы крестьянам давали продукты или деньги, ныне поместье использовало бесплатную барщину; где раньше помещики оплачивали производство сверх предписанного барщиной, платежи прекратились и все повинности должны были выполняться бесплатно; там, где уже содержали батраков и проводили пахоту и вывозку деревьев «наемными плугами и повозками» или использовали поденщиков в виноградарстве, почти все эти виды работ со временем были переложены на барщинных крестьян [20].

Сокращение оплачиваемого труда в домениальном хозяйстве — явление, характерное не только для XVII, но и для последних десятилетий XVI в. (начиная с 1570-х годов). В XVII в. этот регресс охватил новые области, проявившись главным образом в основной для домена производительной области — посевном хозяйстве, но наблюдался и при выращивании винограда, где особенно отчетливо было заметно преимущество оплачиваемого труда, его более высокая производительность в сравнении с принудительным бесплатным. В этом отношении положение в поместьях Дьердя Ракоци I было еще сравнительно более благоприятным: значительная часть его огромных виноградных плантаций обрабатывалась при помощи наемного труда. Но признаки регресса могут быть отмечены и здесь: например, в Шарошпатакском поместье при предшествующем землевладельце в некоторых местах «во время сбора винограда каждый рабочий человек получал 16 динар платы в день и как

[19] OL Urbaria et conscriptiones. 61 : 71, 82 : 29, 16 : 5, 49 : 17; «A nagykárolyi grófi Károlyi-család oklevéltára (далее — «Károlyi-oklt.»). III. k. Budapest. 1887. 501—502. old.

[20] OL Thurzó-lt. Irregestrata. Fasc. 13. fol. 50.; OL Nádasdy-lt. Számadások. Fasc. H. fol. 47—55; «M. Gt. Sz.», 1900, 3., 13., 16—17. old.; Maksay F. Op. cit., 84—85. old.; Pach Zs. P. Op. cit., 235. old.

магарыч один бочонок вина, а сторож, охранявший виноград,—вдоволь хлеба и несколько пудов пшеницы.., а теперь [1632 г.]... не дают ничего другого... только как магарыч каждый получает одну бутыль вина»[21].

В селах замка Адорьян (комитат Бихар) в то же время возделывание винограда «за деньги» встречалось только изредка: по урбарию 1625 г. можно очень живо представить этот процесс, в ходе которого землевладелец прежнюю наемную работу (с рекоммутацией чинша дней св. Георгия и св. Мартина) преобразовал в барщинную повинность. В Дерше, Сенте, Месеше в барщину включалась и посадка винограда в качестве «долга господину». При этом колья и лыко, необходимые для посадки, крестьяне должны были доставать сами и не могли требовать платы за них[22]. В Шарвар-капуварском поместье единственным редким исключением был случай, когда вследствие разорения крестьян в результате войны виноград обрабатывался за деньги; в другое время подобное и не могло произойти. С выдвижением в виноградарстве на первый план барщины с ее преобладающим или исключительным использованием можно было часто встретиться и в других местах: в частности, в Давидценке (комитат Шопрон), в Кашбарате (комитат Дьер), в Гернадском поместье Ж. Капи, в Мадском поместье П. Ракоци[23], в Эчедском поместье, на виноградных плантациях Сент-миклошского имения.

★

Тот факт, что различные формы оплачиваемого труда в помещичьем хозяйстве Венгрии XVI в. применялись довольно часто, а начиная с его последних десятилетий все более оттеснялись на второй план, несомненен. Подобные, в большей мере сходные или полностью совпадающие тенденции были присущи и процессу формирования аграрных отношений того времени в Польше и Чехии. Польские историки особо выделяют период развития фольварочного хозяйства в XVI в., когда наряду с барщиной в отдельных поместьях, а также в отдельных областях страны в значительной степени применялся и наемный труд. Этот период отличался от последующего, когда основная масса собственных помещичьих хозяйств почти полностью основывалась на барщинном труде[24]. В Чехии и Моравии в первой половине XVI в. собственное помещичье хозяйство, за исключением рыболовства, находилось еще на низком уровне: вследствие этого и тяжесть барщинных повинностей была сравнительно невелика, тем более что землевладельцы-помещики в необходимых случаях использовали наемный труд. Исследование же второй половины XVI — начала XVII в. свидетельствует о значительном развитии в различных областях страны домениального производства зерна с применением возросшей барщины, а частично и наемного труда[25].

---

[21] «I. Rákóczi György birtokainak gazdasági iratai». 219. old.

[22] «Oklevéltár a grófi Csáky-család történetéhez» (далее — «csáky-oklt.»). I. 2. k. Budapest. 1919. 629—646. old. Рекоммутация — обратный перевод денежной ренты в *отработочную или продуктовую ренту.*

[23] Здесь на господских виноградниках крепостные обязаны были бесплатно выполнять «все работы в течение года без всяких недостатков», наряду с этим помещик желал, чтобы «возделанный за деньги» виноград был ими же собран, сок отфильтрован, а вино вывезено («M. Gt. Sz.». 1903. 463—464. old.).

[24] J. Rutkowski. Pańszczyżna i praca najemna w organizacji folwarków królewskich w Prusach Królewskich za Zygmunta Augusta. Roczniki Historyczne». T. 4. Poznań. 1928; A. Wyczański. O folwarku szlacheckim w Polsce XVI stulecia. «Kwartalnik Historyczny», 1954, № 4, s. 183—188; Е. Тополь ски. Исследования по аграрной истории в народно-демократической Польше. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959 г.». М. 1961, стр. 426.

[25] A. Míka. Problém počatků nevolnictví v Čechách. «Československý Časopis Historický», 1957, № 2, s. 226; «K otázce počatků původni akumuláce kapitálu v Čechách». Ibid., № 4, s. 632; F. Matejek. Z feudální problematiky moravské predbělohorského

Однако специалисты по-разному оценивают эти факты. Одни ссылаются на тот (сам по себе правильный) вывод, согласно которому наемный труд как побочное, дополнительное явление может наблюдаться во все эпохи, на протяжении всей истории феодализма; это положение сохраняется и для помещичьего хозяйства XVI века [26]. Однако для решения вопроса недостаточно подчеркивать этот общий тезис, необходимо исследовать, каковы предпосылки проявления оплачиваемого труда в различные исторические периоды, на какой экономической почве он пускает корни и какую роль при этом играет. В этом случае становится ясным, что речь идет о закономерном следствии распространения денежной ренты в рассматриваемое время. Становится очевидным и то, что довольно значительную функцию наемного труда в XVI в. в венгерских, чешских, польских помещичьих хозяйствах нельзя ставить на одну доску ни с его гораздо более узким значением, наблюдаемым в ранние периоды феодализма (когда денежная форма феодальной ренты еще не вышла на первый план по сравнению с натуральными повинностями), ни с его существенно снизившейся ролью в XVII в. (когда денежная рента уже была оттеснена на второй план продуктовой рентой и барщиной и основывавшееся на барщине помещичье хозяйство еще не стало медленно перерастать в хозяйство капиталистическое, то есть так называемое капиталистическое развитие по прусскому пути еще не началось).

Другие подчеркивают то обстоятельство, что землевладельцы-феодалы использовали внеэкономическое принуждение и тогда, когда барщинным крепостным крестьянам выдавали денежную или натуральную плату; следовательно, в данном случае все равно мы имеем дело с феодальной рентой [27]. С этим представлением, согласно которому факты, о которых идет речь, признаются незначительными, также нельзя согласиться. Верно то, что в венгерских помещичьих хозяйствах можно было неоднократно встретиться и с тем, что помещики платили за барщину, средствами внеэкономического характера принуждая зависевших от них крепостных к наемному труду. Но (не говоря уже о других упомянутых формах оплачиваемого труда) разве нет разницы, в первую очередь именно с точки зрения крепостных, между бесплатно выполняемой и оплачиваемой барщиной, даже если в последнем случае помещик и определял наперед более низкую, чем при свободном поденном найме, плату? Крепостные крестьяне позднее не без оснований жаловались на ликвидацию этих платежей. Разве случайно, что помещики именно в этот период прибегли к этому процессу, разве из гуманных побуждений они прибегали к сочетанию принудительной барщины и оплачиваемого труда и разве их самих не принуждали к этому обстоятельства? Впоследствии, когда эти условия изменились, они все больше порывали с данной практикой.

Наконец, есть и такой взгляд, согласно которому применение оплачиваемого труда объясняется тем, что «помещики все более ясно осознавали» его бóльшую производительность по сравнению с принудительным бесплатным трудом; однако позже из-за отсутствия средств они должны были все же отказаться от него и вновь возвратиться к барщине [28]. Со

---

obdobi. «Časopis Matice Moravské». 1954, s. 220; J. Radimský. Produkce obilí na Moravě na sklonku XVI. století. Ibid., 1956, № 1—2, p. 153.

[26] D. L. Pohilevics. «Kapitalista» útvesztők a feudális földbirtok történetében. «At. Sz.», 1962, 1—2. sz.

[27] J. Válka. Některé otázky vývoje feudálního pozemkového vlastnictví na Moravě v období rozvinutého a pozdního feudalismu. «Časopis Matice Moravske», 1956, № 3—4, s. 339.

[28] Так полагает Ф. Макшаи, который первый обратил внимание на значительную роль наемного труда в помещичьем хозяйстве Венгрии в середине XVI в. и оттеснение его на второй план в последние десятилетия века (Maksay F. Op. cit., 38. old., «Urbáriumok». Bevezetés. 30. old.).

своей стороны, мы не можем полностью согласиться и с этим объяснением и вернемся к этому вопросу ниже, там, где нами предпринята попытка истолковать данный процесс.

★

В качестве основной предпосылки исследуемого процесса и отправного пункта его объяснения необходимо указать на тот уровень развития, которого достигли аграрные отношения в Венгрии во второй половине XV в., главным образом на структуру феодальной земельной собственности и феодальной земельной ренты. В то время, как уже упоминалось выше, земля, находившаяся в собственном хозяйстве помещиков, занимала незначительное пространство; решающий перевес крестьянского хозяйства был главным фактором аграрной структуры. Среди натуральных форм феодальной ренты барщина играла ограниченную, а продуктовая рента — более важную роль; денежная же рента все более выступала на первый план.

На этой ступени развития, на стадии бурного распространения денежной ренты, с необходимостью выступили определенные формы оплачиваемого труда. Эту закономерную связь между развитием денежной ренты и появлением наемного труда, выявленную К. Марксом относительно зажиточных крестьянских хозяйств [29], можно с уверенностью распространить и на помещичьи хозяйства. В венгерских источниках второй половины XV в. во многих случаях уже можно встретить указания на господские плуги, повозки и волов, упоминаются и батраки, использующие при пахоте господские плуги и телеги [30].

Дошедшие до нас фрагменты хозяйственных отчетов отдельных поместий содержат более связные факты, указывающие на элементы наемного труда в рамках помещичьего хозяйства. В хозяйстве Кишвардайского имения в 1453 г. за денежное и натуральное вознаграждение служило 5 наемных пастухов, в 1470—1471 гг.— батраки, в том числе 5 работавших с господским тяглом пахарей, 2 свинопаса и виноградари, которым «в качестве ежегодной платы» давались деньги и продукты; помимо того, здесь использовались поденщики-виноградари, рабочие при дворе, жнецы; в отдельных случаях деньгами платили за косьбу, перевозку вина. В поместье эгерского епископа, система рент которого покоилась главным образом на денежных доходах, в 1493—1495 гг., когда произошло определенное расширение помещичьего домена и потребовалось привлечь рабочую силу для обработки пашен, садов, виноградников, обслуживания рыбных заводей (помимо центра также в Пустасиксе, Шайохидвеге, Дьёндьёшпюшпеке, Полгаре), сочли совершенно естественным «для нового домена» использовать не барщинников, а главным образом наемных работников. Новый администратор поместья обеспечил «наемные телеги», погонщиков волов, нанял хозяйственных работников, батраков, а кроме того, работающих за деньги окапывателей, косарей, рабочих на виноградниках, жнецов, рубщиков леса, перевозчиков свиней, вина и соли, женщин для очистки зерна, детей для огородных работ и т. д. Управляющий Баттяньским поместьем Б. Баттяни, согласно данным отчета за 1502 г., не только держал постоянных батраков и табунщиков, но и часто нанимал на поденную работу с оплатой косарей, углежогов, вязальщиков снопов, скирдовщиков, жнецов, рабочих на виноградниках, перевозчиков вина и других товаров. Между прочим в горячий летний период найти поденщика было нелегко: казначей из Баттяна выезжал в Фехервар, чтобы «созвать жнецов», затем отправлялся

---

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 363.

[30] «Zichy-okmt.» X. k. 366—367. old.; XI. k. 158. old.; «Károlyi-oklt.» II. k. 491. old.; Békefi R. A pilisi apátság története. I. k. Oklevéltár. Pécs. 1891. 438. old.; Balázsy F. Heves vármegye története. I. k. Oklevéltár. Eger. 1897. 287. old.

в Лепшены, чтобы «найти и нанять молотильщиков», но все это удавалось не сразу [31].

Связь между денежной рентой и домениальной наемной работой бросается в глаза особенно в тех случаях, когда заработную плату выплачивали непосредственно из денег, внесенных крепостными крестьянами. Так было, например, в Вилагошварском поместье, где, по свидетельству урбария 1525 г., на крепостных накладывалась особая денежная повинность (так называемые «наемные деньги») для оплаты наемных рабочих [32]. То же происходило и в Сендрейской провинции, где урбарий 1570 г. сообщает о том, что раньше крепостные крестьяне сверх чинша должны были нести денежную повинность для оплаты труда наемных батраков.

На данной стадии феодального аграрного развития большую часть доходов помещиков составляла денежная рента, наемный труд финансировался из этого источника. Наемный труд вообще, конечно, был довольно ограничен до тех пор, пока барские запашки охватывали небольшую территорию.

Закономерное, но еще ограниченное применение наемного труда в домене только тогда приобрело большое значение, когда появились условия, стимулировавшие отдельные группы феодального класса к расширению собственного хозяйства, и когда помещики получили возможность это осуществить. Именно такие условия стали складываться начиная примерно с 1530—1540-х годов главным образом в Польше, но также и в Венгрии. В Польше, как известно, сильное стимулирующее влияние на этот процесс оказали быстро возраставшие возможности зерновых поставок, особенно в страны Западной Европы, главным образом по Висле до Гданьска, оттуда через Балтийское, а затем Северное море в Амстердам [33]. В Венгрии же, которая из-за отсутствия соответствующих водных, ведущих на запад речных, а также связанных с ними морских путей не могла долгое время включиться в международный зерновой рынок, частично подобное стимулирующее влияние оказывала конъюнктура, возникавшая в результате турецких войн,— казенные поставки зерна и фуража для военных целей. Расширение возможностей для реализации сельскохозяйственной продукции в Польше и в Венгрии сопровождалось повышением цен, было связано с началом так называемой революции цен, которая отразилась в первую очередь именно на стоимости сельскохозяйственных продуктов.

Наряду с благоприятными рыночными торговыми возможностями был еще один импульс, который стимулировал венгерских феодалов к ведению домениального хозяйства,— возросшие вследствие военных и прочих обстоятельств потребности господских усадеб и крепостей, находившихся в частном и казенном владении, ибо благодаря расширению собственного помещичьего хозяйства стало возможным обеспечивать продовольствием не только постоянно увеличивавшееся население, но и собственную военную силу и наемные отряды большей частью без рыночных закупок, что имело особенно большое значение во время повышения цен на продукты.

---

[31] «Zichy-okmt.». XI. k. 67—79. old.; XII. k. 221.; 292—294., 325. old.; «Bakócs-codex vagy Bakócs Tamás egri püspök udvartartási számadó könyve 1493—1496. évekről. Adatok az egri egyházmegye történelméhez». II. 3. k. Eger. 1887, 355., 362., 368—371., 373., 375., 378—379., 381., 405—407., 409., 413., 416—417., 424., 430. old.; OL DL. 104 125.

[32] Здесь в число наемных работников казначей включил «хороших крестьян» (владельцев наделов). — OL DL. 37 000.

[33] L. Rutkowski. La genèse du règime de la corvée dans l'Europe Centrale depuis la fin du moyen âge. «La Pologne au VIe Congres International des Sciences Historiques». Varsovie. 1930; M. Malowist. Le commerce de la Baltique et la problème des luttes sociales en Pologne aux XVe et XVIe siècles. «La Pologne au Xe Congrès International des Sciences Historiques». Varsovie. 1955; ejusd. Z zagadnień popytu na produkty krajów nadbałtyckich w Europie zachodniej w XVI wieku. «Przegląd Historyczny». 1959, № 4.

На разнообразные стимулы развития собственного помещичьего хозяйства проливает свет одно из распоряжений, данное Георгом Бранденбургским в 1520 г. управляющему двора и крепости Дюла и как бы открывающее ряд более подробных экономических инструкций: «Новый управляющий должен обращать возрастающее внимание на обработку пашни, обеспечить больший, чем до этого, засев... улучшить состояние доменов, обеспечить земледелие и животноводство, чтобы не надо было сплошь и рядом покупать за деньги, напротив, чтобы мы могли продавать и, благодаря этому, получать прибыль.., чтобы в крепости всегда был запас продовольствия, достаточный на год»[34]. Если известный магнат второй трети XVI в. Т. Надашди в первую очередь форсировал продажу продовольствия, причем иногда даже был склонен забывать о потребностях населения крепости[35], то инструкция находившегося в казенном ведении Мункачского поместья от 1570 г., напротив, на первый план выдвигала мотив самообеспечения продуктами; при этом необходимость развития помещичьего домениального хозяйства прежде всего обосновывалась тем, что «главным образом именно от этого зависит пропитание населения местности и что за счет этого обычно обеспечивается снабжение крепостной охраны». Если все же оставался значительный избыток продовольствия, то оно использовалось для снабжения охраны других крепостей или продавалось (главным образом во время голода и дороговизны). Инструкция предписывала развитие животноводства, птицеводства и садоводства с той же целью — обойтись без «излишних закупок»[36].

Таким образом, начиная с 30—40-х годов XVI в. все более выдвигались на первый план материальные факторы, которые стимулировали венгерских феодалов к ведению собственного хозяйства. Но каковы же причины того, что потребность феодальных поместий в рабочей силе в то время только частично удовлетворялась путем увеличения барщины и почему именно в этот период получил значительное применение наемный труд и переходные к нему формы? Это явление, как уже говорилось выше, отдельные исследователи склонны объяснять тем, что помещики все более отчетливо признавали, что оплачиваемый труд более продуктивен, нежели бесплатная барщина. Действительно, источники свидетельствуют, что помещики (конечно, только некоторые из них или, скорее, отдельные дальновидные хозяйственные служащие) в большей или меньшей степени понимали преимущества наемного труда. В их числе можно назвать, например, провизора Сатмарского казенного поместья Ф. Медвея и провизора Рохонц-салонакского поместья Д. Йоббадя; первый в 1572 г., а второй в середине следующего века предлагали нанять рабочую силу главным образом по договорам на год. Даже в 1684 г. в хозяйственной инструкции князя И. Тёкёли подчеркивалось: «Наемные телеги с животными чаще могут быть применяемы на наиболее тяжелых и срочных работах»[37]. Итак, такого рода данные источники дошли до нас как от XVI, так и от XVII в., хотя в XVII в. оплачиваемый труд и отошел на второй план. Это, однако, означает, что если даже допустить, что преимущества наемного труда получили признание широкого круга феодалов, то и в этом случае от других факторов, от объективных условий зависело, могли ли помещики действовать в соответствии с этим признанием. Возможно, что отдельные помещики сознательно использовали оплачиваемый труд, понимая его преимущества. Достоверно известно, однако, что в большинстве случаев

---

[34] «Gyula város oklevéltára». 77—79. old.

[35] Komoróczy Gy. Nádasdy Tamás és a XVI. századi magyar nagybirtok gazdálkodása. Budapest. 1932. 102. old.

[36] «M. Gt. Sz.», 1896, 67—68., 70., 75. old.

[37] OL Városi és kamarai iratok. Pol. Lat. 913; Zimányi V. Majorsági gazdalkodás a rohonc-szalonski társuradalomban a XVII. század derekán. «At. Sz.», 1962, 31—32. old.; «M. Gt. Sz.», 1894, 155., 245. old.

они вынужденно вступали на этот путь, поскольку в данных исторических условиях не могли отказаться от использования наемного труда и оплачиваемой барщины. Помещикам, хотели они того или нет, необходимо было считаться с тем, что барщинную повинность, которая в течение предшествующего столетия и в начале XVI в. вообще играла довольно ограниченную роль, нельзя было сразу увеличить в такой степени, чтобы она полностью соответствовала новым потребностям, появившимся с возникновением домениального хозяйства. В их памяти были еще живы события крестьянской войны 1514 г., они не могли рисковать, резко увеличивая барщину, если не хотели вновь вызвать острую оппозицию крепостного крестьянства. Все прежнее направление развития нельзя было единым разом повернуть назад и изменить коренным образом традиционную систему крестьянских повинностей.

Таким образом, нельзя согласиться с мнением тех, кто утверждает, что барщинно-домениальные хозяйства XVI в. испытывали минимальную потребность в наемном труде или совершенно не имели таковой[38]. Верешкейский урбарий 1543 г., например, который наглядно иллюстрирует рассматриваемый период развития помещичьего хозяйства со всеми видами работ, указывает, что наряду с барщиной имелась необходимость и в использовании оплачиваемого труда. Делается это с таким обоснованием: должно быть оплачено то, что сверх «обычая, бывшего до сих пор»; покосы принадлежат барину, но поскольку «на них барщина не распространяется, они должны обрабатываться за деньги»[39].

В таких условиях помещики в начальный период развития домениального хозяйства могли лишь частично удовлетворять свои возрастающие потребности в рабочей силе путем увеличения барщины, другая часть обеспечивалась путем более широкого применения наемного труда и переходных к нему форм. Так, составитель урбария сеньерского поместья 1524 г. (комитат Шомодь) определенно подчеркивал, что предписывается такая барщина, которую необходимо выполнять «без платы»; в описании эгерских поместий, относящемся к середине XVI в., замечается вместе с тем: в отношении покоса и извоза с крестьянами «следует договориться о денежной оплате». Урбарий того же поместья 1558 г. предписывал сверх бесплатной работы поденную оплату за добавочную барщину при косьбе, однако в регистре повинностей того же года зафиксированы жалобы отдельных сел на неполучение этой оплаты.

В некоторых местах в этом процессе играла роль военная ситуация. Например, в Канижском округе, где в 1564 г., несмотря на непосредственную угрозу со стороны Турции, образовалось 7 доменов, вдова Т. Надашди, принимая во внимание приближение турок, распорядилась снизить барщину крепостных до уровня 1530 г. и возникшую в связи с этим потребность в рабочей силе покрыть за счет поместных батраков и наемных поденщиков, а барщинникам-мотыжникам «оказывать помощь во всей еде и во всем питии»[40].

Новое расширение помещичьего домена приходится на первую половину XVII в., но уже с 1570-х годов оплачиваемые формы труда все более оттесняются на второй план. Об этом свидетельствует, как упоминалось выше, не только появление и распространение нелимитированной произвольной барщины, но и ряд таких данных, которые говорят непосредственно о том, что применявшуюся ранее оплату ограничивали или заменяли барщиной. Сендрейский урбарий 1570 г. свидетельствует, что там, где в середине века содержали господский инвентарь, наемные плуги, «которыми обрабатывали барские земли вместе с привлечением

---

[38] «XVI. századi dézsmajegyzékek». Szerk. N. Kiss I. Budapest. 1960. 1049., 1066., 1072., 1077. old.

[39] «Urbáre feudálnych panstiev na Slovensku». T. I, s. 101, 152—155.

[40] «Adatok az egri egyházmegye történelméhez». I. k. Eger. 1885. 430. old. «M. Gt. Sz.», 1894, 66., 68., 71. old.; «At. Sz.», 1957, 1—2. sz. 30—35. old.

наемных рабочих за плату», теперь на крепостных крестьян возложена «нетерпимая барщина»: крестьянам приходится столько работать на помещика, что у них нет времени обрабатывать собственные виноградники и пашни. Так называемая книга св. Альберта Эстергомского епископства от 1571 г. содержит упоминание о ранее проводившихся денежных платежах. Согласно Пожоньскому урбарию 1574 г., призамковые бобыли прежде во время барщины получали плату продуктами, но со временем эта практика была прекращена. Из Токайского урбария 1581 г. выясняется, что ранее господские виноградари только часть работы выполняли в качестве барщины, за другую часть помещик платил; «теперь же их заставляют работать без денег, что им очень обременительно». Эрдед-сатмарский урбарий 1592 г. упоминает о господском винограднике, который «возделывается ныне бесплатным трудом крестьян, а прежде — за деньги», а также о домениальных пашнях, «для возделывания которых держали два плуга с волами, теперь же возделывают крестьянскими волами» и т. д. [41].

Встает вопрос: действительно ли причиной этого процесса была нехватка денег у помещиков? Как отмечалось выше, распространение наемного труда некоторые исследователи объясняли тем, что для помещиков была очевидна бóльшая производительность оплачиваемого труда в сравнении с трудом барщинным, а последующее возвращение мотивировали таким образом: «Напрасно было признание многими помещиками преимущества использования оплачиваемого труда и напрасно предпринимались ими во многих местах шаги по внедрению его в практику» [42], так как вследствие нехватки денег они не могли идти дальше по этому пути. С этим объяснением нельзя согласиться; ведь именно в 1570-е годы, когда обратная тенденция начала становиться очевидной, «революция цен» была в самом разгаре и в Венгрии. Цены на сельскохозяйственные продукты достигли наиболее высокого за все предшествующее время уровня, образовались широкие «ножницы» между ценами на сельскохозяйственные и ремесленные товары. Это явление имело место как в западноевропейских, так и в восточноевропейских странах, в частности в Венгрии [43]. В этих условиях венгерские помещики, жадно устремившиеся в торговлю сельскохозяйственными продуктами, получали богатые барыши и высокую прибыль. Следовательно, они легко могли бы получить денежные средства, необходимые для использования наемного труда. Более того, «революция цен» сделала бы выгодным для помещиков применение наемного труда: ведь «ножницы» образовались не только между аграрными и промышленными ценами, но и между ценами и платой за труд, разумеется, последняя отставала от повышения цен.

Однако все же можно установить прямую причинную связь между изменением форм труда в помещичьем хозяйстве и «революцией цен» [44], но не по линии образования доходов и оплаты труда, а по линии формирования рент. «Революция цен» и в Венгрии сопровождалась большой инфляцией [45] и вследствие этого быстрым снижением стоимости крестьянских денежных повинностей. Но о том, чтобы ввести нечто подобное

[41] «Károlyi-okit.» III. k. 501., 543. old.; «Urbáre feudálnych panstiev na Slovensku». T. I, s. 288, 294—296; «Urbariumok», 194., 450—452, 455—458., 461., 740., 744., 748. old.

[42] Maksay F. Op. cit., 38. old.

[43] F. P. Braudel, F. Spooner. Prices in Europe from 1450 to 1750. «The Cambridge Economic History of Europe». Vol. IV. «The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries». Cambridge, 1967, p. 391; S. Hoszowski. The Revolution of Prices in Poland in the 16th and 17th Centuries. «Acta Poloniae Historica», 1959, № 2, p. 3; Zimányi. V. A XVII. század válságáról. «Századok», 1971, 2. sz. 407 old.

[44] См. Wittman T. Az «árforradalom» és a világpiaci kapcsolatok Aezdeti mozzanatai 1599—1618. Budapest. 1957, 53—56. old.; Maksay F. Op. cit., 68., 84. old; «Urbáriumok». Bevesetés. 30. old.

[45] Horváth T. A. A magyar aranyforint értékváltozása 1490—1700. «Numizmatikai Közlöny», 1959—1960. 33—50. old.С конца 50-х годов XVI в. в источниках появляются

«подвижной шкале» денежной ренты, которая позволила бы помещику компенсировать снижение стоимости денежных повинностей периодическим увеличением их размеров, не могло быть и речи. В этой ситуации очевидным противоядием сокращения денежных доходов оказалось форсированное использование натуральных форм феодальной ренты, главным образом отработочной.

Эту связь помогает проследить урбарий Чабраг-ситняйского поместья 1602 г., который установил сравнительно низкий (на уровне 1558 г.) денежный чинш для крестьян, но предписывал неограниченную барщину (и сдачу части урожая). Можно привести материал источников по поместьям Турзо, который (особенно для имений и замков Шемпте, Галгоц, Теметвень) фиксирует весьма низкие в сравнении с ценами первой трети XVII в. и фактически неизменные в сравнении с денежными платежами конца XV — начала XVI в. размеры денежной ренты, но одновременно указывает на неограниченное применение барщины (и на распространение натурального оброка). Сходные мотивы играли роль и в упоминавшемся уже процессе, когда помещики полностью отказывались от обесцененного денежного чинша: они обращались к барщине (или натуральным повинностям). Урбарии Токайского поместья от 1581 и 1640 гг. свидетельствуют о том, что ракамазские и токайские крестьяне раньше платили чинш, но помещик позже разрешил взамен него обрабатывать господские виноградники. В Бихарском урбарии 1625 г., на который мы уже ссылались, много раз встречается выражение, говорящее о том, что крепостные (которые, между прочим, «обязаны всеми барщинными повинностями») «ничего не платят», а взамен (например, вместо выплаты чиншов в дни св. Мартина и св. Георгия) обрабатывают виноградники.

«Революция цен» дала толчок применению наемного труда в хозяйствах капиталистических арендаторов и предпринимателей. Так случилось в Англии, где, как писал К. Маркс, «непрерывное падение стоимости денег было очень выгодно для фермеров», ведь они платили обесценивающимися деньгами заработную плату рабочим и теми же деньгами денежную ренту (цену найма) владельцам земли. «Таким образом он (фермер.— *Ж. П.*) обогащался одновременно и за счет своих наемных рабочих и за счет своего лендлорда» [46]. «Революция цен» отбросила назад тот же самый процесс применения наемного труда в венгерских (и центрально- и восточноевропейских) помещичьих хозяйствах, ибо помещики в лучшем случае были «начинающими капиталистами», но в основе своей — потребителями феодальной ренты. В условиях инфляции на оплате труда они также могли бы выиграть, но на денежной ренте проигрывали, а между тем их система мышления была связана не с платой и прибылями, а с получением рент.

Таким образом, «революция цен», хотя и в сходном для всей Европы направлении, повлияла на взаимное отношение цен, а также на формирование соотношения между ценами и платой, оказала различное влияние на формирование производственных отношений в Западной и в Восточной Европе.

★

Если инфляция денег ориентировала помещиков на использование натуральных форм феодальной ренты, если они стремились к компенсации недостаточной ценности денежной ренты главным образом путем последовательного увеличения отработочной ренты, то у них имелись уже все возможности, чтобы это осуществить.

жалобы на обесценение денег: «Какую бы сумму мы ни получали, почти ничего невозможно купить на нее»,— писали, например, цеховые ремесленники города Кашша (Кошице). «Történelmi Tár», 1889. 781. old.

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 754.

В сравнении с начальным периодом развития помещичьего хозяйства (1530—1540 гг.) социально-экономические и политические условия существенно изменились. В то время крестьянскую барщину, которая в течение XV в. занимала довольно ограниченное место, нельзя было сразу увеличить во много раз. С той поры отработочная рента постоянно повышалась, практика неограниченной барщинной повинности стала все более распространенной. В королевской Венгрии вновь стабилизировалась и сословно-феодальная государственная организация и аппарат угнетения, направленный против крепостного крестьянства. 1514 год не повторился; крестьянские восстания ограниченного, локального характера близ Дебрецена, в Славонии и в других местах потерпели поражение как раз в начале 1570-х годов. В этих новых условиях, при изменившемся соотношении классовых сил, для помещиков уже не было необходимостью значительное применение оплачиваемого труда, поскольку подавляющую часть рабочих операций в помещичьих доменах стало возможным выполнять за счет бесплатной барщины.

Таким образом, наряду с воздействием «революции цен» основная причина оттеснения на второй план наемного труда и форм, переходных к нему, кроется в том, что развитие собственного помещичьего хозяйства в последние десятилетия XVI — начале XVII в. органически совпало по времени с полным формированием так называемого наследственного крепостничества—венгерской разновидности «вторичного закрепощения». Это неблагоприятно повлияло на возникновение и распространение отношений наемного труда и привело к трансформации уже существовавших отношений переходного к капитализму характера в феодальные формы.

С этой точки зрения заслуживает внимания также то, что уже достигнутые ранее формы наемного труда большей частью сами по себе не позволяют говорить о чисто капиталистических отношениях: имевшие место отдельные случаи привлечения рабочей силы со стороны лично свободных работников носили спорадический характер; помещик использовал главным образом рабочую силу зависимых от него крепостных крестьян и бобылей за поденную плату, за часть урожая или по соглашению на год. Так, в Маковицком домене молотильщики, получавшие десятую часть продукции, набирались из бобылей местности, в Чейтейском поместье поденщики — косари и углежоги — нанимались лишь из таких неимущих крестьян, «которые появляются только во время виноградных работ, жатвы и выжигания угля» [47].

В еще большей степени это относится к постоянно используемым нанятым по годовому договору помещичьим слугам и батракам; рекрутируемые главным образом из рядов крепостных и бобылей соответствующего поместья, они получали освобождение от всех крепостнических повинностей на то время, которое работали на домене за оплату. В 1608 г. в Порданьском домене поместья Капувара крепостной с наделом служил батраком, бобыль — пастухом, в Боршмоношторе бобыль —помещичьим садовником, в 1625 г. в Саларде «безлошадный крестьянин» — пастухом; в Упорском домене в 1631 г. батрачили бобыль с женой; по урбарию Эчедского поместья 1648 г., «свободные» состояли на службе или в соответствующем селе или в окрестных доменах, выполняя различные наемные работы [48]. С точки зрения капуварской помещицы, распространение наемного труда не было желательным как раз потому, что вследствие этого уменьшалось число «служащих крепостных». «Домениальные работники и батраки, пахари, не должны быть из числа наших крепостных»,— предупреждала она провизора; они «должны

[47] «I. Rákóczi György birtokainak gazdasági iratai». 100. old. (1631). «Urbáriumok». 257—258. old. (1695).

[48] OL Urbaria et conscriptiones. 37 : 56; «Urbáriumok». 92. old.; «Csáky-okit.» I. 2. k. 630. old.; «I. Rácóczi György birtokainak gazdasági iratai». 100. old.; «Károlyi-okit.». IV. k. 302., 305., 316., 320., 328., 330. old.

быть бобыли, не владеющие мастерством.., а не крепостные крестьяне»[49],— вторила этому инструкция Сендрейского управляющего. Таким образом, укрепление крепостного строя и по этой линии препятствовало распространению оплачиваемого труда и в особенности тенденции к образованию рынка свободной рабочей силы.

Этот процесс затем был как бы увенчан, но не обусловлен прекращением «революции цен», наступлением «аграрной депрессии», многочисленные признаки которой появились уже в первой половине XVII в., но которая полностью дала себя знать в середине этого столетия[50]. В обстановке сильного колебания, застоя и даже падения цен на сельскохозяйственные продукты теперь уже действительно могло случиться, что помещики столкнулись с денежными затруднениями. Во всяком случае, они часто жаловались на отсутствие денег и (что служит «подтверждением» этому) иногда до самой смерти оставались в долгу перед своими батраками и слугами[51]. При этом они все же тратили значительные, порою огромные суммы на феодальные цели: на покупку имений, ювелирных изделий, дорогую одежду, оружие, на приданое дочерям и т. д. На капиталистические же цели, на наемный труд денег у них не хватало, ибо социально-экономические условия их к тому уже не побуждали и еще меньше принуждали.

Поэтому уволили шарварского казначея, когда он принял на работу за деньги рубщиков капусты, заявив ему при этом, «что есть достаточное количество крепостных крестьян, которые могли бы это сделать»; поэтому лишили платы крепостных, занятых на тяжелых работах при монетном дворе в Надьбанье, и сделали и эту повинность бесплатной барщиной[52]; поэтому помещики стремились к ограничению числа оплачиваемых работников и батраков. «В поместьях не содержат напрасно и бесполезно много челяди, а только тех, кто необходим и может принести пользу»,— гласит Чичваварский урбарий 1636 года. «Поместной челяди и слугам, батракам зря не платить»,— предписывал Сендрейский урбарий 1652 года. Холическая инструкция (около 1660 г.) содержит пожелание, чтобы, «кроме необходимых, не содержалось больше слуг» (было еще характерное дополнение: «и те, кого будете содержать, должны быть знакомыми, такими, какие будут ему [господину] нравиться, смирных») [53]. Такого рода призыв к экономии исходил, естественно, не от сельскохозяйственного капиталистического предпринимателя, стремившегося к снижению производственных расходов, а от феодала, обладавшего неограниченным правом распоряжаться бесплатной рабочей силой крестьян-барщинников. С его точки зрения, «наемные работники не вырабатывают и на столько, сколько проедают, так что им много платить не за что» [54], ибо мерилом для сравнения в его глазах служил ничем не оплачиваемый, безвозмездный труд крепостного. При этом сопоставлении понятие «производительность труда» теряло всякий смысл, так как всего важнее стала дилемма, как вести хозяйство: «за деньги или бесплатно».

[49] «M. Gt. Sz.», 1905, 282. old. (1633); 1901, 120., 123. old. (1652).

[50] D. H. Slicher van Bath. The Agrarian History of Western Europe A. D. 500—1850. L. 1963, p. 206; W. Abel. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. Eine Geschichte der Land- und Ernährungswirtschaft Mitteleuropas seit dem hohen Mittelalter. 2. Hamburg—B. 1966. S. 145.

[51] «Károlyi-oklt.» IV. k. 214. old. (1626); «Csáky-oklt.» I. 2. k. 717—720, 751—758. old. (1646, 1675); «A Héderváry család oklevéltára». II. k. Budapest. 1922. 320 old. (1681).

[52] Tholt J. Op. cit., 60. old.; «Urbáriumok», 626. old.

[53] «M. Gt. Cz.», 1895, 305. old.; 1897. 341., 470. old.; 1901. 119. old.

[54] Цит. по: Tholt J. Op. cit., 25. old.

К ПОЛОЖЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ЭПОХУ РАННЕГО КАПИТАЛИЗМА

Н. М. Мещерякова

В советской литературе неоднократно отмечался повышенный интерес современных историков на Западе к проблемам генезиса капитализма[1]. Их постоянное внимание к социальному аспекту зарождения буржуазного общества, особенно в Англии XVI—XVIII вв., связано с тем, что они прямо или косвенно продолжают выступать против марксистской концепции становления последней антагонистической формации, концепции, основное значение в которой придается экспроприации и жестокому угнетению народных масс — так называемому первоначальному накоплению. До сих пор буржуазные историки-«оптимисты»[2] пытаются опровергнуть выводы ученых-марксистов о существенном ухудшении жизни английского пролетариата в ходе промышленной революции — завершающего этапа генезиса капитализма[3]. Продолжаются дискуссии также по проблемам массового пауперизма, резервной армии труда в Англии XVIII — первой трети XIX в. и по другим проблемам этого же цикла[4].

Буржуазные специалисты пытаются доказать «преимущества» капитализма с самого его возникновения и тем самым «продемонстрировать» народам молодых независимых государств, освободившихся от колониального гнета, «лучший путь» дальнейшего развития. Отсюда сравнение, например, Англии XVII в. с современной Нигерией[5]. При этом всячески приукрашивается положение народных масс, пауперов (экспроприированных!), рабочих путем восхваления английской системы благотворительности, схоластических подсчетов номинальной заработной платы и другими методами.

По данной проблеме советскими специалистами опубликовано много работ[6]. В настоящей статье предпринята попытка ввести в науч-

---

[1] М. А. Барг. Некоторые вопросы генезиса капитализма в Западной Европе в современной буржуазной историографии. «Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве». М. 1965; Н. М. Мещерякова. Формирование пролетариата в освещении К. Маркса и его новейших буржуазных «критиков». «Вестник Московского университета». История. 1968, № 3, и др.

[2] См., например, Ph. Deane. The First Industrial Revolution. Cambridge. 1965.

[3] Историографию проблемы см.: Н. А. Ерофеев. Положение английских рабочих в эпоху промышленного переворота. Сборник памяти А. М. Панкратовой. «Из истории рабочего класса и революционного движения». М. 1958; см. также E. J. Hobsbawm and R. M. Hartwell. The Standard of Living during the Industrial Revolution: A Discussion. «Economic History Review», 1963, August.

[4] M. Blaug. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New. «Journal of Economic History». Vol. XXIII, 1963, № 2; ejusd. The Poor Law Report Reexamined. «Journal of Economic History», Vol. XXIV, 1964, № 2; J. S. Taylor. The Mythology of the Old Poor Law. «Journal of Economic History», Vol. XXIX, 1969, № 2.

[5] B. E. Supple. Economic History and Economic under Development. «The Canadian Journal of Economics and Political Science», Vol. 27, 1961, № 4.

[6] Е. Д. Воробьева. Формирование резервной армии в Англии в первой половине XVII века. «Ученые записки» Калининградского педагогического института, 1956,

ный оборот новый материал, подтверждающий правоту марксовой концепции генезиса капитализма, в частности раскрывающий губительные последствия для рабочих политики имущих классов Англии на стадии зрелой мануфактуры. Предмет исследования — закон об оседлости 1662 г. и его влияние на положение английских пролетариев в период раннего капитализма. Автор оперирует данными, относящимися в большинстве своем к первой половине XVIII века.

Ситуация, созданная в Англии действием закона об оседлости, представляет большой теоретический интерес. Свойственная и необходимая для капитализма подвижность рабочего люда сознательно пресекалась этим законом, принятым буржуазно-дворянским парламентом. Парадокс соединения как будто бы несовместимых явлений представляет собой нелегкую задачу для историков и экономистов, обращавшихся к данному сюжету. Тема привлекает внимание еще и потому, что позволяет расширить наши представления о методах внеэкономического принуждения рабочих и пауперов. В эпоху мануфактурного капитализма, как подчеркивал Маркс, нормальное действие механизма господства капитала над трудом осуществляется не только «слепой силой экономических отношений», но и непосредственным принуждением[7]. В арсенале методов прямого насилия, использованных молодой английской буржуазией, закону об оседлости принадлежит совершенно особое место[8].

Еще до буржуазной революции середины XVII в. утверждение капиталистического уклада ознаменовалось целым рядом процессов, радикально изменявших облик английского общества. Рост пауперизма, особенно вследствие усиленных огораживаний, расширял потенциальный рынок наемного труда. Открытие рудников, копей, возникновение новых центров обрабатывающей промышленности, выделение специализированных районов повлекли за собой приток населения в промышленность. Уже тогда происходила внутренняя колонизация северных графств, главным образом Нортумберленда и Дарэма, увеличение населения каменноугольного района вокруг Ньюкасла и сукнодельческого Йоркшира[9]. Мобильность рабочего люда, миграция ремесленников, «бродяг» в промышленные области, колоссальный приток их в Лондон, число жителей которого возросло за полвека почти вдвое (1545 г.— 80 тыс., 1600 г.— 150 тыс.)[10],— все это бросалось в глаза современникам, отмечавшим «текучесть населения, перемещение его из города в город, из графства в графство»[11].

Главные результаты революции — подрыв основ феодальной собственности на землю, а позже — завоевание верхушкой буржуазии политической власти предопределили успешный генезис капитализма с конца XVII века. Это признают и буржуазные историки. «Незаметный

вып. 2; Е. Б. Черняк. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М. 1962; Н. А. Ерофеев. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М. 1962; Н. М. Мещерякова. Налоговый пресс и положение рабочих в Англии первой половины XVIII в. «Проблемы новой и новейшей истории». М. 1972, и др.

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 23, стр. 280, 747, 748, 750.

[8] См. Н. М. Мещерякова. Внеэкономическое принуждение в английских законах против рабочих и пауперов конца XVII — первой половины XVIII в. «Вестник Московского университета». История, 1970, № 5.

[9] J. Nef. The Rise of the Coal of Great Britain. Vol. I. L. 1932, p. 230; L. Deshesne. L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre. P. 1900, p. 54; Н. М. Мещерякова. О промышленном развитии Англии накануне буржуазной революции XVII века. Сборник «Средние века». Вып. 7. М. 1955.

[10] P. Ramsey. Tudor Economic Problems. L. 1965, pp. 10—11, 15.

[11] «Tudor Economic Documents». Vol. I. L. 1951, p. 360; см. также: F. J. Fisher. The Development of London as a Centre of Conspicuous Consumption in the XVI and XVII Centuries. «Essays in Economic History». Ed. by E. M. Carus-Wilson. Vol. II. L. 1961.

приход laisser faire наступил уже после революции»[12],— пишет, например, Дж. Рэмзи. Но те же авторы не обращают внимания на другую сторону процесса упрочения капиталистической экономики — на продолжавшуюся в гигантских масштабах экспроприацию английского крестьянства[13]. «Ужасы, которыми сопровождалась экспроприация земли у сельского населения»[14], приводили в конце концов этих бывших тружеников в лагерь пауперов, колоссально возросший в ту пору.

Современники сообщают цифры катастрофически высокого уровня пауперизма последних десятилетий XVII в. и первой половины XVIII века. По их сведениям, от 1/4 до 1/2 всей численности английского населения составляли пауперы с их семьями[15]. Эти данные подтверждены исследованиями нашего времени[16]. Косвенно это же доказывает все возраставшая общая сумма налога в пользу бедных: 1688 г.— около 700 тыс. ф. ст.; 1701 г.— 900 тыс.; 1714 г.— 950 тыс.; 1760 г.— 1 250 тысяч[17]. Часть экспроприированных обретала новые условия существования в результате найма на производство[18]. Но «рассасывание» армии бедняков по этому каналу означало превращение в лучшем случае тысяч «праздных бедняков» («idle poor») в «работающих бедняков» («labouring poor»), тогда как наличная масса пауперов исчислялась самое малое полутора миллионами (при населении в 5,5 млн. человек)[19]. Приходы в сельской местности, дороги, города, особенно промышленно развитые, были переполнены бедняками, вынужденными бродяжничать, нищенствовать, заниматься поиском случайного пропитания и заработка. Начиная с 60-х годов XVII в. публицисты дискутировали по вопросу о путях уменьшения пауперизма[20].

Естественно, что в сложной обстановке эпохи Реставрации правительство не могло не обратиться к решению по-своему этой коренной задачи. Острая политическая борьба внутри английского общества, только что вышедшего из гражданской войны, побудила короля и парламент уже в 1661 г. принять закон «против мятежей и беспорядков»[21]. Немалые внешнеполитические трудности стояли перед государством из-за англо-голландского соперничества. В этих и без того крайне напряженных условиях одной из первых забот правительства было обеспечение мер защиты интересов собственнических классов перед лицом пауперизованной части общества — самой обездоленной и самой многочисленной.

Содержание принятого в 1662 г. «Закона о лучшем вспомоществовании беднякам королевства», широко известного как закон об оседлости,

---

[12] G. Ramsay. Industrial laisser-faire and the Policy of Cromwell. «Economic History Review», Vol. XVI, 1946, № 2, p. 108.

[13] См. H. J. Habakkuk. La disparition du paysans anglais. «Annales», 1965, № 4; G. E. Mingay. English Landed Society in the Eighteenth Century. L. 1963. Критику этих авторов см.: В. М. Лавровский. Крупное капиталистическое поместье в Англии XVII—XX веков. «Вопросы истории», 1965, № 10.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 23, стр. 767.

[15] G. King. Two Tracts. Ballimore. 1936, p. 39; L. Braddon. A Proposal for Relieving, Reforming and Employing all the Poor of Great Britain. L. 1721, p. 65.

[16] *О них см.:* D. C. Coleman. Labour in the English Economy of the XVIIth Century. «Economic History Review», 2nd Series, Vol. VIII, 1956, № 3, p. 283.

[17] G. Nicholls. A History of the English Poor Law. Vol. II. L. 1854, p. 465.

[18] C. W. Chalklin. Seventeenth-Century Kent. L. 1965, p. 145; J. Nef. Op. cit., pp. 479—480; H. R. Schubert. History of the British Iron and Steil Industry. L. 1957, pp. 354—365; D. C. Coleman. The British Paper Industry, 1495—1860. Oxford. 1959, pp. 48, 66—67, 74. 88, 146; R. Davis. The Rise of the English Shipping Industry in the XVIIth and XVIIIth Centuries. L. 1962, pp. 10, 15.

[19] G. King. Op. cit., pp. 18, 22.

[20] J. Child. New Discourse of Trade. L. 1669; «The Grand Concern of England Explained». L. 1673; A. Jarranton. England's Improvement by Land and Sea. L. 1677; R. Hains. Reasons for Erecting in every County a Working Alms House. L. 1678; M. Hale. A Discourse Touching Provision for the Poor. L. 1683 a. o.

[21] «The Statutes of the Realm». Vol. V. L. 1819, 13° Car. II, 1661, ch. XXI, p. 224.

или поселении [22], сводилось к следующему. Он требовал от местных властей — мировых судей — обеспечения оседлости пауперов. Каждый пауперу, согласно закону, мог поселиться лишь в одном приходе — там, где он родился и постоянно жил, где было его прежнее хозяйство или где протекало его ученичество. Местные власти обязаны были распознать в течение 40 дней бедняка-пришельца и переправить его в родной приход. Только на период уборки урожая бедняки могли переходить в другие приходы по мере спроса на рабочие руки. Но тогда каждый из них должен был получить удостоверение (сертификат) от должностных лиц своего прихода, которое подтверждало право паупера на временное поселение в чужом приходе с целью найма на уборку урожая.

С конца XVII в. и в течение XVIII в. статут 1662 г. дополнялся и разъяснялся другими законами [23]. Самыми существенными из них следует признать акты 1691 и 1696 годов [24]. Они сужали действие закона 1662 г. в одном смысле. Закон 1691 г. разъяснял, что «если какой-нибудь неженатый человек, не имеющий ребенка или детей, будет законно нанят в каком-нибудь приходе или городе сроком на один год, то подобный наем будет признан и будет считаться основанием на право поселения». По закону же 1696 г. бедняк мог временно жить в чужом приходе, имея на руках удостоверение от своего прихода, и не только в период уборки урожая, но при условии, что он не требовал вспомоществования по бедности в чужом приходе, то есть имел какую-то работу. Закон 1712 г. [25], принятый в дополнение к основному акту 1662 г., специально разъяснял, что никакой работник, взятый кем-то по найму, не получал постоянного права на «законное поселение» в том приходе, куда он прибыл с письменным удостоверением. Как только он терял там работу и ему не на что становилось жить, он принужден был возвращаться в свой родной приход, ибо только там он имел право на «законное поселение». Остальные акты, принятые в дополнение и разъяснение закона 1662 г. [26], касались главным образом сложной процедуры, которую следовало соблюдать исполнителям этого закона: с какого срока отсчитывать 40 дней, как оповещать приход о новом пришельце, как его выселять и препровождать в родной приход и многие другие процессуальные тонкости.

Сущность закона 1662 г. состояла в том, что таким путем пауперов заставляли «оседать» в своих приходах, их закрепляли за приходами. Бедняк не мог свободно менять место жительства и становился, по существу, «крепостным прихода». После 1662 г. закон о поселении несколько раз продлевался, а в 1712 г. стал постоянным [27] и просуществовал в течение почти всего XVIII в. (до 1795 года).

Побудительные мотивы к изданию такого чрезвычайного закона разъяснялись в преамбуле к его основному тексту, а также в краткой речи короля, произнесенной им во время принятия закона в парла-

---

[22] Ibid., 14° Car. II, 1662, ch. XII, pp. 401—405 («An Acte for the better Reliefe of the Poore of this Kingdom»).

[23] Применять на практике закон 1662 г. было крайне сложно; приходы постоянно конфликтовали между собой по процедурным вопросам (D. Marshall. The English Poor in the Eighteenth Century. L. 1926, p. 169).

[24] «The Statutes of the Realm». Vol. VI. L. 1819, 3° Will. and Mary, 1691, ch. XI, pp. 314—315; Vol. VII. L. 1820, 8°—9° Will. III, 1696—1697, ch. XXX, pp. 281—283.

[25] Ibid., Vol. IX. L. 1822, 12° Anne, 1712, ch. XVIII, pp. 796—797.

[26] Ibid., Vol. VI, 1° Jac. II, 1685, ch. XVII, pp. 19—20; 3° Will. and Mary, 1691, ch. XI, pp. 314—315; Vol. VII, 9° Will. III, 1696—1698, ch. XI, pp. 364—365; Vol. IX, 12° Anne, 1712, ch. XVIII, pp. 796—797; «The Statutes: Revised Edition». Vol. II. L. 1871, 9° Geo. I, 1722—1723, ch. VII, pp. 308—309; 16° Geo. II. 1742—1743, ch. XVIII, p. 467; 31° Geo. II, 1757—1758, ch. XI, p. 623.

[27] «The Statutes of the Realm». Vol. VI, 1° Jac. II, 1685, ch. XVII, pp. 19—20; 3° Will. and Mary, 1691, ch. XI, pp. 314—315; 4° Will. and Mary, 1692, ch. XXIV, pp. 423—427; Vol. VII, 11° Will. III, 1698—1699, ch. XIII, p. 600; Vol. VIII, 6° Anne, 1706, ch. XXXIV, pp. 632—633; Vol. IX, 12° Anne, 1712, ch. XVIII, pp. 796—797.

менте. Судя по официальным обоснованиям, на закон возлагались следующие надежды: обеспечить безопасность имущей Англии путем установления эффективного контроля в приходах за пауперизованной частью общества (король требовал применения «решительной суровости» к паупе-рам); упорядочить финансовое «бремя» собственнических классов, то есть налог в пользу бедных; наконец, принудить пауперов к труду в новых, капиталистических условиях[28].

Закон об оседлости стал основным в рабочей политике Английского государства с конца XVII в. и на протяжении всего XVIII века. Поэтому мимо него не могли пройти ни современники, ни последующие историки. Он никого не оставил равнодушным, разделив исследователей на два лагеря. Первый из них — лагерь суровых его критиков. Сразу после принятия закона с осуждением его выступил тогдашний публицист Дж. Чайлд, а в 70-е годы XVIII в. Адам Смит также решительно критиковал введение оседлости рабочего люда[29]. Вслед за современниками многие историки встали на позиции отрицательного отношения к закону[30]. Критика шла по нескольким направлениям. Одно из них — в защиту свободы личности: подчеркивалась антигуманность закона. А. Смит писал: «Выселение человека, не совершившего никакого преступления или проступка, из избранного им для жительства прихода представляет собою очевидное нарушение естественной свободы и справедливости». Хотя, продолжал Смит, «мыслящие люди нередко указывали на закон об оседлости как на общественное зло», простой народ Англии «уже более столетия терпит это угнетение»[31]. Историки называли закон об оседлости «железным клеймом рабства, поставленным на душу английского рабочего», «деспотическим узаконением»[32]. В этой критике, которая подходила к закону скорее с позиций морали, следует выделить то, что составляло ее социально-экономическое обоснование. Так, Ашротт, историк конца XIX в., писал, что по закону 1662 г. прилежный и старательный работник стеснен в свободном выборе места для своих занятий, «у рабочих отнята возможность и охота искать работу вне своего прихода»[33]. Ашротт указывает на узурпацию у английского рабочего необходимой свободы трудоустройства, права на вольное предложение своих рук. Другие историки обращали внимание на то, что запрет мобильности рабочего населения наносил ущерб промышленности и экономическому процветанию страны в целом. Наконец, писали и о том, что с реализацией закона связаны значительные затраты (выселение бедняка из чужого прихода под конвоем, плата в судах за разбирательство дел о выселении и т. д.).

Представители другого лагеря в полемике с названными авторами отрицают в основном реальное значение закона в повседневной жизненной практике[34]. Они считают, что этот закон потому не был непреодолимым барьером, что он никогда последовательно не выполнялся. Подтверждение этому они видят в текучести рабочих, которая, по их

---

[28] Ibid., Vol. V, 14° Car. II, 1662, ch. XII, p. 401; «Cobbett's Parliamentary History». Vol. IV (1660—1688). L. 1808, col. 247.

[29] J. Child. Op. cit.; А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. 1962. Критику закона другими современниками см.: R. North. A Discourse on the Pernicious Tendency of the Laws for the Maintenance and Settlement of the Poor. L. 1753; «Populousness with Oeconomy the Wealth and Strength of the Kingdom...». L. 1759 a. o.

[30] T. W. Fowle. The Poor-Law. L. 1881; J. E. Th. Rogers. Six Centuries of Labour and Price. L. 1884; П. Ф. Ашротт. Призрение бедных в Англии. СПБ. 1901, и др.

[31] А. Смит. Указ. соч., стр. 118.

[32] T. W. Fowle. Op. cit., p. 63; J. E. Th. Rogers. Six Centuries of Work and Wages. L. 1949, p. 7.

[33] П. Ф. Ашротт. Указ. соч., стр. 20—21.

[34] J. Massie. A Plan for the Establishment of Charity Houses. L. 1758; J. Howlett. The Insufficiency of the Causes... L. 1788; F. M. Eden. The State of the Poor. Vol. I. L. 1797; G. T. Griffith. Population Returns of the Age of Malthus. L. 1926, a. o.

мнению, оставалась характерной чертой всего XVIII в., а также в процветании новых промышленных районов.

Таким образом, главные вопросы, поставленные в историографии, сводятся к влиянию закона 1662 г. на положение рабочего населения, а также к совместимости потребностей капитализма в мобильности народных масс с действием закона об оседлости. Ответ на эти вопросы требует исследования практического применения закона об оседлости, а также его конкретных последствий в жизни. Попытаемся дать оценку закона 1662 г., который можно с полным основанием считать краеугольным камнем рабочей политики Английского государства.

Документы, относящиеся к первой половине XVIII в., охватывают несколько графств: Кембриджшир, Бедфордшир, Миддлсекс, Уилтшир,— которые имели различную хозяйственную ориентацию: развитый в промышленном отношении Миддлсекс; сельскохозяйственный уклон в экономике Кембриджшира, Бедфордшира и Уилтшира. Основной и самый ценный тип источников — протоколы квартальных сессий мировых судей. Через суды проходили дела по поводу нарушения закона об оседлости, и там окончательно решался вопрос о поселении или выселении рабочих.

Протоколы квартальных сессий за 19 лет для Миддлсекса, за 46 лет для Кембриджшира и за один год для Уилтшира дают весьма ценный материал для выводов. К этим источникам относятся и документы архива прихода Данстэбл в Бедфордшире [35].

Прежде всего по этим источникам можно определить среднегодовое количество решений о выселении, принятых мировыми судьями по отдельным графствам. В Миддлсексе за 19 лет в связи с законом об оседлости было рассмотрено 477 дел, то есть в среднем за год 25. Иная картина в Кембриджшире, где в среднем на год приходилось 11,5 дела о выселении, а в Уилтшире за 1736 г. их рассмотрено 13.

Следовательно, дел о выселении было немного в любом графстве, даже таком экономически развитом и занимавшем к тому же центральное положение, как Миддлсекс [36]. Именно на этом основании некоторые исследователи заключают, что закон 1662 г. не имел-де практического значения, поскольку не проводился в жизнь и не был препятствием для миграции пауперов [37]. Нам представляется более верным другое объяснение. Дело в том, что мнению этих историков противоречат известные факты, а именно, что закон неоднократно продлевался, а с 1712 по 1795 г. был постоянно действующим. Вряд ли в интересах буржуазно-дворянского парламента было бы принимать все эти законы, материально затрагивавшие собственнические классы, если бы они не имели реального значения. Как раз малочисленность дел о выселении, по нашему мнению, и является показателем того, что закон весьма активно решал те проблемы, которые были определены законодателями. Он пресекал вольное перемещение пауперов по стране, и огромные массы бедняцкого населения действительно оседали под действием этого закона по своим приходам. В этом, как нам представляется, и следует искать ответ на вопрос, поставленный А. Смитом в 70-х годах XVIII века, то есть в период, когда закон об оседлости просуществовал в стране более ста лет и уже «сделал свое дело». А. Смит недоумевал, почему закон об оседло-

---

[35] «Middlesex County Records, 1689—1709». Ed. by W. J. Hardy. L. 1905; «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736». Ed. by J. P. M. Fowle. Devizes. 1955; «Cambridgeshire Quarter Sessions Records, 1699—1749». In: D. Marshall. Op. cit.; «Dunstable Parish Papers. Bedfordshire, 1692—1766». Ibid.

[36] Это же подтверждают документы приходских архивов Эссекса. «Essex Parish Records, 1240—1894». L. 1950, pp. 51, 54, 120, 166, 167, 203, 215 a. o.

[37] G. T. Griffith. Op. cit.; S. and B. Webb. English Poor Law History. Pt. I. The Old Poor Law. L. 1927.

сти, «это угнетение», как он пишет, «никогда не вызывал каких-либо массовых народных протестов»[38]. Порожденный страхом правящей Англии перед возмущением обездоленного народа, этот закон достиг своей цели. Недоумение А. Смита является тому свидетельством. Тысячи бедняков, составлявшие в совокупности грозную силу, были этим законом разъединены, расписаны по приходам и поставлены под власть приходской администрации. Протоколы мировых судей, раскрывающие истинное положение дел на местах, показывают, что буквально каждый бедняк был на виду, его судьбой полностью распоряжался приход, приходы судились между собой, определяя место жительства пауперов, перегоняли их из одной деревни в другую, из одного города в другой. Конечно, не все переселения бедняков вызывали судебные разбирательства. На практике подобных переселений было гораздо больше (пришельцы нередко прятались в течение 40 дней, чтобы не быть высланными по месту прежнего жительства; крайне сложные судебные разбирательства дорого обходились приходам, поэтому местные власти нередко предпочитали обходить закон и т. д.)[39]. Однако основная масса пауперов все-таки оставалась на местах, находясь под пристальным контролем прихода.

Прослеживается еще одна черта. Передвижения пауперов были весьма ограничены локально. Протоколы квартальных сессий показывают, что, как правило, пауперы переселялись в пределах одного графства. Рассмотренные по Уилтширу дела о переселениях за 1736 г. свидетельствуют, что большинство пришельцев составляли жители близлежащих приходов. Только 5 случаев относятся к переселениям из других графств, но также расположенных неподалеку от Уилтшира — из Беркшира, Сомерсетшира, Сауземптона и Глостершира. Из 70 сертификатов на поселение, обнаруженных по приходу Линтон (Кембриджшир), только 4 были получены из дальних приходов. Перемещения внутри графства подтверждаются и сертификатами по другим приходам Кембриджшира: в Ройстоне, как об этом свидетельствуют сохранившиеся сертификаты, поселились 105 чужаков, из них 70 пришли из других приходов того же Кембриджшира. В Митлпорте из 76 поселенцев 52 были жителями того же графства[40]. Таким образом, если закон об оседлости оставлял лазейку для переселений (система сертификатов), то практически передвижения пауперов происходили лишь на очень небольшие расстояния. Это и понятно, так как сведения о возможности трудоустройства, условиях жизни и работы в других приходах поступали из близлежащих районов. Большое значение имели и родственные связи. Женщина, вышедшая замуж и поселившаяся у мужа в соседнем приходе, овдовев, возвращалась с детьми в свой бывший приход. Дети, оставшись сиротами, как правило, переселялись в приходы, где жили их родственники[41]. Иначе обстояло дело лишь с бродячими пауперами, нищими, которые, скрываясь от властей, нередко проходили по дорогам страны значительные расстояния.

Еще один весьма важный вывод напрашивается из сопоставления приведенных выше данных по различным графствам[42]. В промышленно

---

[38] А. Смит. Указ. соч., стр. 118.

[39] «The Statutes of the Realm». Vol. VI, 3° Will. and Mary, 1691, ch. XI, pp. 314—315; «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 20, 22, 23, 28, 31, 51, 74, 96; H. S. Cooper. Hawkshead, the Northmost Parish in Lancashire. L. 1899, p. 422. (цит по: D. Marshall. Op. cit., p. 171); A. W. Ashby. One Hundred Years of Poor Law Administration in a Worwickshire Village. Oxford. 1912, p. 74, a. o.

[40] «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 21—23, 49, 51; E. M. Hampson. The Treatment of Poverty in Cambridgeshire, 1597—1834. Cambridge. 1934, pp. 147—148.

[41] «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 20, 22; «Middlesex County Records», pp. 10, 14; D. Marshall. Op. cit., pp. 173—174.

[42] См. также A. W. Ashby. Op. cit., p. 79; D. Marshall. Op. cit., p. 165.

развитые районы был бо́льший приток пауперов, чем в экономически слабые, сельскохозяйственные. В поисках средств существования пауперы направлялись туда, где било ключом капиталистическое предпринимательство.

Анализ протоколов мировых судей позволяет выявить и еще одну закономерность. С 1690 по 1709 г. в промышленно развитом Миддлсексе из 477 дел об оседлости 245, то есть более половины, относились к вдовам, одиноким женщинам с детьми или без детей; 103 решения предписывали выселение детей; 98 — супружеских пар и только 31 — неженатых мужчин. Иначе говоря, в первую очередь из приходов выселялись нетрудоспособные или малотрудоспособные женщины и дети, поскольку их содержание означало для приходов увеличение налога в пользу бедных. Выселение супружеских пар объясняется этими же причинами. Если работать устраивался муж, то его заработка едва хватало на содержание его самого и жены. Но у них появлялись дети, и тогда эта семья, испытывая нужду, становилась обременительной для прихода. Во избежание этого супружеским парам, пусть пока и бездетным, отказывали заранее в праве поселения [43].

Во всяком случае, приведенное соотношение весьма показательно. Перемещались главным образом те пауперы, которые не представляли собой ценности как рабочая сила. Неженатые мужчины в молодом возрасте реже уходили из родных приходов, так как по месту жительства они в первую очередь получали работу. Если там для них занятий не находилось, трудоспособным работникам выдавали удостоверение на право временного поселения в другом приходе, ибо им легче было устроиться на работу и на стороне. Из числа одиноких мужчин чаще выселяли больных или пожилых, поскольку именно они, так же как женщины и дети, становились обузой для прихода. Можно предположить, что приходы были заинтересованы в выселении также тех пауперов-мужчин, которые составляли здесь излишек рабочей силы. Во всяком случае, в рассмотренных протоколах дел о неженатых мужчинах меньше всего.

Изучение английским историком Д. Маршалл протоколов квартальных сессий мировых судей для графства Кембридж подтверждает картину, выявленную для Миддлсекса, хотя хозяйственное направление двух графств не одинаково. За 46 лет, с 1699 по 1749 г. (с перерывом в 4 года, с 1732 по 1736 г.) по протоколам зафиксировано 532 решения о выселении. Из них 242 касались женщин и детей, 224 — семейных и только 66 — одиноких мужчин. Более позднее исследование той же проблемы в том же графстве Кембридж, предпринятое Хэмпсон, подтвердило правильность вывода, сделанного ранее. Протоколы четырех сессий мировых судей Уилтшира за 1736 год показывают, что 13 дел о выселении рассматривались в течение этого года 28 раз. Ни одно из них не касалось холостых мужчин. Речь шла об одиноких женщинах или женщинах с детьми, о семейных людях. Архив прихода Данстэбл в Бедфордшире включает 62 решения о выселении за 1692—1766 годы. 52 решения относились к семьям, к женщинам и детям. Только 10 касались одиноких мужчин. О том, что приходы стремились избавиться всеми путями от избытка неполноценной рабочей силы, говорит такой факт: от женщин-пауперов приходы избавлялись, даже приплачивая им, если они выходили замуж за мужчину из другого прихода и переселялись туда [44].

---

[43] См. об этом также: Th. Alcock. Observations of the Effects of the Poor Laws. L. 1752, pp. 19—20.

[44] D. Marshall. Op. cit., pp. 164—165; E. M. Hampson. Op. cit., p. 140; «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 16, 17, 20, 22; A. W. Ashby. Op. cit., p. 78.

Косвенные данные укрепляют нас в этом же мнении. Рассматривая последствия закона об оседлости, необходимо поставить их во взаимосвязь с другими законодательными актами, относящимися к рабочим и пауперам. Работоспособные пауперы активнее принуждались к труду, особенно после закона 1723 г. о работных домах[45]. Им предоставлялся выбор или идти в работный дом, или трудоустраиваться самим. В противном случае они все равно лишались приходского пособия по бедности, то есть даже самого мизерного средства существования, которое сохранялось после 1723 г. лишь для больных, стариков, явно нетрудоспособных. Обследование источников по работным домам показало, что в основном туда попадали дети и пауперы пожилого возраста[46]. Однако закон о работных домах имел и другое следствие. Трудоспособные пауперы, чтобы избежать работных домов, всеми путями стремились найти работу, обрести источник существования[47]. Поэтому пауперы, представлявшие ценность как рабочая сила, скорее становились «работающими бедняками». Естественно, что они удовлетворяли спрос на рабочую силу прежде всего в пределах той округи, где жили. Местные предприниматели получали возможность привлекать их в первую очередь в свои заведения. В этом как раз и состоит один из важных результатов действия закона об оседлости. В совокупности с другими законодательными актами — о работных домах, о преследовании «праздношатающихся» пауперов[48], закон об оседлости гарантировал местным мануфактуристам и всякого рода предпринимателям удовлетворение их спроса на рабочую силу. Это обстоятельство также может служить одним из возможных объяснений отмеченной выше сравнительной малочисленности судебных дел, касавшихся полноценных работников. Самым вероятным для такого паупера было трудоустройство в своей местности. Достаточно было кому-либо из местных предпринимателей пожелать использовать паупера в своем заведении, и приходские власти отказывали последнему в выдаче сертификата на поселение в другом районе. Иной путь, предусмотренный законом об оседлости,— наем крепкого здоровьем паупера в соседнем приходе, вообще поблизости, откуда поступали сведения о спросе на рабочую силу. В этом случае паупер получал от приходской администрации соответствующий сертификат, разрешающий трудоустройство и поселение в чужом приходе. В этом случае переселение паупера из своего прихода, естественно, не вызывало протеста со стороны властей другого прихода[49]. Таким образом, источники подтверждают довольно строгое проведение в жизнь акта, принятого в 1691 г. в дополнение к основному закону.

Попытаемся теперь суммировать доступный нам материал о последствиях закона об оседлости. Несомненно, что этим законом в Англии была создана достаточно эффективная система контроля над широчайшими массами экспроприированных. Такого количества обездоленных не знало ни одно общество в период становления капитализма, и ни одно государство не издавало подобного закона в процессе так называемого первоначального накопления. Господствующим классам нужны были меры безопасности, и они были найдены принятием закона об оседлости — закона столь повсеместного и длительного действия.

---

[45] «The Statutes: Revised Edition». Vol. II, 9° Geo. I, 1722—1723, ch. VII, pp. 305—309.

[46] См. Н. М. Мещерякова. Работные дома в Англии первой половины XVIII века. «Проблемы британской истории». М. 1972.

[47] F. M. Eden. Op. cit., p. 284; S. and B. Webb. Op. cit., pp. 243—245.

[48] «The Statutes of the Realm». Vol. IX, 13° Anne, 1713, ch. XXVI, pp. 976—983.

[49] Современный английский исследователь Райли подтверждает, что большинство работников, прибывавших в Лондон, составляли физически крепкие молодые люди (E. A. Wrigley. A Simple Model of London's Importance in Changing English Society and Economy, 1650—1750. «Past and Present», 1967, № 37, p. 47).

А. Смит писал: «Вряд ли найдется в Англии хотя один бедняк в сорокалетнем возрасте, который в какой-либо момент своей жизни не почувствовал жестокий гнет этого нелепого закона об оседлости»[50]. Даже если принять во внимание наличие значительного числа бездомных «бродяг», «упорных нищих», как именовало законодательство часть тех же обездоленных, к которым адресовались «кровавые законы» и надзор за которыми организовать было труднее, все же основная масса пауперов, прикрепленная к приходам, находилась под надежным контролем местных властей. Вместе с тем закон об оседлости не только не чинил препятствий предпринимателям, но как раз наилучшим образом обеспечивал их запросы на рабочую силу равномерным распределением ее предложений.

Миграция рабочего населения в промышленные районы не прекратилась в течение первой половины XVIII века. И это отнюдь не противоречило действию закона об оседлости. Для первой половины XVIII в. характерен рост промышленного населения, происходивший прежде всего за счет важных процессов, связанных с расширением промышленного производства в условиях утверждения капиталистических отношений,— перекачкой населения из сельского хозяйства в промышленность, приобщением к промышленному производству тружеников деревни как реальных, так и уже экспроприированных. Это наглядно выражалось в увеличении городского населения, которое в начале XVIII в. составило около 13 процентов общего населения страны, в середине XVIII в.— 15—16 процентов[51]. Лондон превратился в крупнейший город Европы. В 1700 г. в нем жило 575 тысяч человек, за полвека число жителей дошло до 675 тысяч, что составляло 11 процентов всего населения страны. В доках порта в начале XVIII в. уже было занято до четверти жителей города[52]. Другие города Англии значительно уступали столице, но и в них число жителей возросло. Такие крупные города, как Норич, Бристол, насчитывали каждый более 20 тысяч жителей; выросли Бирмингем, Ливерпул, Манчестер, которые в XVII в. еще только начинали играть заметную роль в экономической жизни страны[53]. Другой показатель — рост населения именно в торгово-промышленных графствах, причем не за счет естественных процессов (увеличение рождаемости), а как раз благодаря внутренней миграции. За 1701—1751 гг. население сельскохозяйственных графств возросло таким путем незначительно (на 10209 чел.), а торгово-промышленных — на 295618. Среднегодовой прирост за счет миграций в 1701—1750 гг. выше всего был в Миддлсексе и Лондоне, в Сэрри, Ланкашире и других промышленных графствах[54]. Представление о направлении миграционного процесса к промышленно развитым районам дают также показатели растущей плотности населения. В 1700 г. плотность населения от 100 и выше жителей на 1 кв. милю приходилась на 13 графств, а в 1750 г.— уже на 23. В число районов с повышенной плотностью населения входили Миддлсекс, Сэрри, Глостершир, Уорикшир, Ланкашир, Уэст-Райдинг в Йоркшире и другие растущие в промышленном отношении старые и новые экономические центры[55].

В Бирмингеме, например, за 1682—1726 гг. с законными сертификатами на руках поселились 695 рабочих. Найденные в архиве прихода Тисо документы говорят о том, что отсюда пауперы уходили на

---

[50] А. Смит. Указ. соч., стр. 118.

[51] Ph. Deane and W. A. Cole. British Economic Growth, 1688—1959: Trends and Structure. Cambridge. 1962, p. 7.

[52] E. A. Wrigley. Op. cit., pp. 44, 45—46, 62.

[53] P. Ramsey. Op. cit., pp. 10—11, 15; Ph. Deane and W. A. Cole. Op. cit., p. 7.

[54] Ph. Deane and W. A. Cole. Op. cit., pp. 103, 108—109, 115.

[55] B. Williams. The Whig Supremacy, 1714—1760. Oxford. 1942, pp. 317, 119.

заработки в Лондон, Лестер, Бирмингем и в этих промышленных центрах проводили большую часть своей трудовой жизни. В приходе Топсфилд (Эссекс) одна шестая часть рабочих семей (из 240—40) состояла из пришельцев, имевших постоянное место жительства в других приходах. Документы, сохранившиеся в архивах приходов графства Эссекс, позволяют определить направление движения рабочего населения из северо-западных районов Эссекса к Лондону. По этим же документам можно судить о том, что и сюда переселялись пауперы, искавшие работу. Только в один эссекский приход за 1735 г. прибыло 120 бедняков с удостоверениями на поселение[56]. Миграцию рабочего населения в рамках закона об оседлости констатировал один из крупных английских экономистов того времени, Дж. Масси[57].

Сопоставим все эти показатели, доказывающие миграцию пролетариев, с данными о действии закона об оседлости. Очевидная подвижность пауперов в первой половине XVIII в. не противоречила закону и допускалась системой сертификатов. Она означала, как видно по протоколам мировых судей, переселение, как правило, работоспособного мужского населения. Притягательными центрами для мигрантов были промышленно растущие районы, развивавшиеся по капиталистическому пути. Наиболее доступными среди них являлись, естественно, соседние области, близлежащие к родным приходам безработных пауперов. Перемещения бедняков на дальние расстояния, по сведениям из протоколов, выглядят маловероятными. Число пауперизованного населения было достаточно велико по всей стране, и каждый промышленный район мог быть обеспечен рынком рабочей силы, созданным в данной местности. Это не исключало, конечно, притока в промышленные центры тех пауперов, которые признавались законодательством «упорными нищими», «бродягами». Они преследовались законами, но, в сущности, труднее поддавались контролю со стороны местных властей. Они были бездомными пауперами, кочевавшими по дорогам из прихода в приход. До этого уровня опускались обездоленные бедняки, лишенные приходского пособия по бедности, не желавшие идти в работные дома. Поскольку они исключались из состава санкционированной законом корпорации бедных в своем приходе, они не носили опознавательного знака, выдаваемого приходской администрацией,— изображения на рукаве одежды буквы «Р» («poor» — бедняк, паупер) и первой буквы названия прихода. Они считались вне легальных рядов пауперов и, если не находили себе занятия, то, будучи обнаружены местными властями, заключались ими в исправительные или работные дома. Если же им удавалось убежать оттуда, их вновь доставляли к мировым судьям, и наказание усиливалось. В третий раз им грозила высылка в американские колонии[58].

Английские историки, подвергающие сомнению действенность закона об оседлости, ссылаются на то, что промышленные области Севера, Запада и Центра якобы не смогли бы пополняться новой рабочей силой, если бы закон 1662 г. проводился в жизнь[59]. Однако одно не противоречило другому. Закон оставался постоянно действующим и выполнялся на местах, пусть не всегда строго. Внутренняя же миграция в промышленные центры продолжалась, во-первых, за счет переселения

---

[56] W. H. B. Court. The Rise of the Midland Industries, 1600—1838. L. 1938, p. 49; A. W. Ashby. Op. cit, p. 66; J. Howlett. Op. cit., p. 204; «Essex Parish Records, 1240—1894», pp. 27, 240.

[57] J. Massie. Op. cit., pp. 99, 112.

[58] «The Statutes of the Realm». Vol. V, 14° Car. II, 1662, ch. XII, p. 405; vol. VII. L. 1820, 8°—9° Will. III, 1696—1697, ch. XXX, p. 281; vol. IX, 13° Anne, 1713, ch. XXIV, pp. 976—983.

[59] F. M. Eden. Op. cit., pp. 297—299; J. Howlett. Op. cit., p. 225; A. W. Ashby, Op. cit., pp. 78—79 a. o.

бедноты из близких к этим центрам приходов и соседних графств, что допускалось и законом об оседлости применительно к трудоспособным пауперам; во-вторых, за счет притока бродячих или, как их в литературе называют, «случайных» пауперов (по терминологии законодательства, «упорных нищих» и «бродяг»). Этот вывод отчасти совпадает с мнением другого исследователя, который писал о том, что закон об оседлости «предотвращал свободное движение труда с сельскохозяйственного Юга к промышленному Северу» и что «Север пополнял свое население в огромной степени за счет притока людей из сельских частей северных же графств»[60].

Таким образом, наши данные не позволяют согласиться с теми, кто, несколько догматизируя закон об оседлости, считает, что он сковывал предложение труда и тем самым задерживал экономическое развитие страны. Вместе с тем нельзя принять выводы и тех исследователей, которые вовсе пренебрегают реальными последствиями проведения этого закона в жизнь. Система оседлости, созданная по закону вместе с дополнением к ней — разрешением выдачи сертификатов, оказалась очень гибкой в своеобразных условиях Англии на поздней стадии генезиса капитализма. Она обеспечивала интересы поднимавшейся английской буржуазии и правящих классов страны в целом. В самом деле, путем введения закона об оседлости официальная Англия защищала себя от противостоявшего ей лагеря обездоленной массы экспроприированных. Это и была та самая «реформация в отношении многочисленных нищих и бедняков, наводняющих королевство», о которой говорил при утверждении закона Карл II Стюарт[61]. Этой «решительной суровостью», как назвал закон сам Стюарт, господствующая часть общества ставила пауперов под контроль местных властей.

Можно ли считать, что закон 1662 г. явился тормозом для экономического развития страны, точнее, для становления раннего капитализма? Очевидно, нет. Продолжавшаяся внутренняя миграция беднейшего населения свидетельствует о том, что каналы рабочей силы в районы растущей промышленности не перекрывались. Необходимая капитализму подвижность населения[62] не приостанавливалась. Она только вводилась в определенные рамки, отнюдь не бессмысленные, с точки зрения буржуазии: передвигались, как правило, полноценные работники и притом так, что оседали — вынужденно или добровольно — там, где усиливалась потребность в рабочих руках.

Целью законодателей, кроме того, было проявление «великой заботы и милосердия к тем, кто готов трудиться»[63]. Эта «великая забота» на практике означала, что работоспособная беднота попадала в руки предпринимателей, как в сети, и принуждалась к труду на кабальных условиях.

Следовательно, отнюдь не создавая помех в обеспечении английской буржуазии свободными рабочими руками, не ставя барьера капиталистической предприимчивости, закон об оседлости весьма пагубно влиял на положение пауперов как безработных, так и работающих. Попав в сферу действия закона, пауперы лишались возможности вольного выбора места жительства, иначе говоря, свободного трудоустройства и поиска наиболее выгодного для них приложения своих рук.

Такое неблагоприятное положение создавалось для работоспособных, которые, хотя и могли перемещаться, но ограниченно, лишь в угоду местным предпринимателям, а не руководствуясь своими интересами. Роджерс справедливо заметил, что «эффект от закона об оседло-

---

[60] G. Griffith. Op. cit., p. 161.
[61] «Cobbett's Parliamentary History». Vol. IV, 1660—1688, col. 247.
[62] В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 600.
[63] «Cobbett's Parliamentary History». Vol. IV, 1660—1688, col. 247.

сти пауперов в приходах состоял не только в том, что рабочий прикреплялся к приходу по месту жительства, но и в том, что он превращался в раба»[64], то есть принуждался трудиться совершенно без учета его собственных интересов и нужд.

Что же касается остальных категорий бедноты — женщин, детей, пожилых — словом всех, не представлявших интереса для предпринимателей, то их положение в результате действия закона об оседлости было попросту безвыходным. В поисках средств существования одинокие женщины, вдовы с детьми, многодетные семьи переселялись из своих приходов в чужие, а оттуда перегонялись снова в свои. И так по нескольку раз. Записи протоколов мировых судей за 1701 г. рассказывают о мытарствах семьи Томаса Коула в Кембриджшире. Получив сертификат на выезд из родного прихода, эта семья поочередно поселялась в трех приходах графства и трижды высылалась обратно в свой приход по решению приходских властей, подтвержденному мировыми судьями. Дети, оставшиеся сиротами после смерти матери, семь раз за 1704—1708 гг. то вселялись, то выселялись из приходов Кембриджшира, согласно решениям властей[65]. Марта Уэллс с пятью детьми переселилась в приход Хангерфорд (Уилтшир) из прихода Чивли, что в Беркшире. Отсюда ее с малолетними детьми, старшему из которых было всего 14 лет, снова переселили в беркширский приход. Вдова Мэри Милтон пришла в приход Хетчбери (Уилтшир) из Саутгемптона и по решению мировых судей проделала обратный путь, не принятая новым приходом. Та же неудача постигла Энн Эдвардс, которая пришла в Уилтшир из Сомерсетшира[66]. Нередко многократные переселения бедняков заканчивались тем, что пауперов находили мертвыми в придорожных канавах[67]. Случалось и так, что, не добившись избавления от обременительного паупера на законном основании, приходская администрация не гнушалась преступлениями. Надзиратели прихода Крейфорд в Кенте перевезли через Темзу мальчика-паупера и оставили его там в одиночестве. Вскоре жители одного из приходов Эссекса нашли его мертвым[68].

Прикрепление пауперов к приходам, выслеживание переселенцев, подобное «охоте за лисами», как писал об этой практике современный поэт[69], наконец, принудительное возвращение их местными властями чужих приходов в свои родные — все это давало основание сравнивать приходы с тюрьмами. Жестокое влияние закона об оседлости на положение беднейших слоев общества позволило К. Марксу провести аналогию между ним и мероприятиями по укреплению крепостного права в России конца XVI века[70].

Такова оборотная сторона политики Английского государства, проводившейся в интересах правящих классов и особенно молодой буржуазии[71]. Ее рассмотрение еще раз подтверждает незыблемость научной концепции генезиса капитализма, которая видит основу зарождения и становления нового частнособственнического строя в экспроприации и угнетении народных масс. Закон об оседлости — одно из тяжких проявлений этого угнетения.

---

[64] J. E. Th. Rogers. Six Centuries of Work and Wages. L. 1949, p. 434.
[65] D. Marshall. Op. cit., pp. 170—171; E. M. Hampson. Op. cit., p. 130.
[66] «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 17, 21, 23, 49, 51.
[67] A. W. Ashby. Op. cit., p. 73.
[68] «Essex Parish Records», p. 174.
[69] Цит. по: C. J. Ribton-Turner. A History of Vagrants and Vagrancy and Beggars and Begging. L. 1887, p. 167.
[70] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 734.
[71] Веббы справедливо писали, что закон 1662 г. «с бессовестной иронией» был назван официально «Законом о лучшем вспомоществовании беднякам королевства». (S. and B. Webb. Op. cit., p. 315).

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Н. Н. Воронин, А. Г. Кузьмин

Культура любого народа складывается из традиций, унаследованных от предшественников, заимствований у соседей и собственного вклада поколений рассматриваемого времени. Колыбелью Древнерусского государства являлось Среднее Приднепровье. Рассказывая о местных жителях — полянах-руси, древний летописец отметил удобное географическое положение этой земли. Здесь проходил путь «из варяг в греки», соединявший Прибалтику и Северную Европу с Византией. По Волге лежал путь «в Болгары и Хвалисы» (население Среднего Поволжья и прикаспийских областей). Через «Варяги» можно было пройти к Риму [1]. Приднепровье лежало на пересечении миграционных потоков, проходивших с севера на юг (или в противоположном направлении) и с востока на запад. На протяжении ряда тысячелетий в этом районе складывались яркие самобытные культуры: трипольская, скифская, черняховская. Вторжения степных кочевников нарушали естественное развитие местных культур, приводили к значительным перемещениям населения, периодам регресса. Но местные традиции пробивали себе дорогу сквозь толщу наслоений, возрождаясь в новых исторических условиях и на обновленной этнической основе.

В VI—IX вв. происходит процесс становления Древнерусского государства. В его составе, помимо славянских племен, оказались и «инии языци». Тот же древний летописец замечал, что «словеньск язык в Руси» «токмо: поляне, деревляне, ноугордьци, полочане, дреговичи, север, бужане... А се суть инии языци, иже дань дають руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, моръдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь» [2]. В период, отраженный летописцем [3], в число данников Руси входили почти все прибалтийские племена, размещавшиеся от Пруссии до Новгорода. В той же летописи говорится о взимании дани русскими князьями с хазар и племен Северного Кавказа. В течение IX—XI вв. Русь вступала в контакты и с тюркоязычными народами (болгарами, печенегами, торками, половцами и др.), с остатками ираноязычных племен (аланы, тавры и др.), готов (в Крыму) и с греками. В Византии Русь часто именовали «скифами», «тавроскифами», в чем проявляется представление о преемственности двух крупных этнополитических образований, с которыми пришлось иметь дело сначала Древней Греции, а затем Византии.

В государстве, сложившемся на пути «из варяг в греки», наиболее развитыми были славянские племена, и славянский язык преобладал даже в тех районах, где они не составляли большинства (например, в Верхнем Поволжье). С середины I тысячелетия славяне являлись основным населением Среднего Приднепровья, и поэтому можно говорить об определенной культурной преемственности в рамках этой формирующейся народности. В конце XII в. автор «Слова о полку Игореве» напоминал о борьбе славян с готами, относившейся еще к IV веку. Славяне расселялись тогда по многим областям Европы, оказавшись у границ обеих половин Римской империи, в составе позднейшей Франкской империи и даже в Испании и Северной Африке [4]. Контакты с народами —

[1] «Летопись по Лаврентиевскому списку» (далее — ЛЛ). СПБ. 1897, стр. 6.

[2] Там же, стр. 10.

[3] Автор, видимо, писал в середине XI в., когда уличи и тиверцы уже исчезли с горизонта, радимичи и кривичи входили в состав самостоятельного Смоленского княжества, а вятичи находились еще за пределами Руси.

[4] В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПБ. 1859.

хранителями культурных традиций древних цивилизаций — способствовали развитию славянских племен, хотя отсутствие государственности ограничивало возможности сохранения накопленного.

С VI в. появляются более обстоятельные сведения об обычаях славянских племен. Представляя славян однородной этнокультурной массой, древние авторы тем не менее отмечают определенные различия в их верованиях. «Они считают,— говорит византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.),— что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды». Но здесь же отмечается, что «они почитают реки и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания» [5]. Еще более заметны различия в верованиях по описаниям позднейших авторов, особенно обильных в связи с процессом христианизации славян, занимавших значительный район между Эльбой и Одером и южное побережье Балтийского моря. «Не все они,— писал немецкий хронист XII в. Гельмольд,— придерживаются одних и тех же обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами... у других божества населяют леса и рощи, как Прове (или Проне, видимо, Перун.— *Авт.*), бог альденбургской земли,— они не имеют никаких идолов... Среди многообразных божеств... они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах... и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому виду богов» [6].

О культе дуба у руссов рассказывает Константин Багрянородный (X в.). На острове Хортица у огромного дуба купцы и воины руссов приносили в жертву кур, а также кусочки хлеба и мяса [7]. Поклонение дубовым рощам было известно многим индоевропейским народам. Особое место оно занимало, в частности, у кельтов [8]. Жертвоприношения птицей составляли специфику определенной группы славянских племен. Кур приносили в жертву воины Святослава [9]. В «Летописце Переяславля Суздальского» поясняется, что знаменитая дань Ольги с древлян — по три воробья и по три голубя со двора — мотивировалась необходимостью «дати богом жертву» [10]. Разные формы жертвоприношений могли быть связаны с тотемическими представлениями. Тотемическое значение нередко носили и названия славянских племен: вильци (лютичи) — волки, реreги — соколы и др. Символом сокола, возможно, является «знак Рюриковичей» [11]. На Верхнем Поволжье был распространен культ волка и медведя. У угро-финских племен многие предания связаны с оленем.

Для язычества характерна неустойчивость пантеона божеств. В договорах Руси с греками упоминаются боги Перун, олицетворяющий воинскую силу, и Велес — богатство и благосостояние («скотий бог», где «скот» означает деньги). Владимир, утвердившись с варяжской помощью в Киеве, заново «постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» [12]. Примечательно, что в пантеоне Владимира каждое божество представляло какой-то компонент Руси, при этом главное место отводилось Перуну. Любопытно, что изображение Перуна имело аналогию у балтийских славян. Возможно, это свидетельствует о том, что на тех землях князь набирал наемников для похода на Киев [13]. Однако основное население собственно Киевской земли, по всей вероятности, признавало главным божеством Даждьбога. В «Слове о полку Игореве»

---

[5] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М. 1950, стр. 297.

[6] Гельмольд. Славянская хроника. М. 1963, стр. 186. Имя Перуна у германских славян носил четвертый день недели («Перундан»). Ср.: немецкое название четверга — «Donnerstag» («День грома»).

[7] «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». Л. 1934, стр. 9—10.

[8] Я. Филипп. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага. 1961, стр. 96.

[9] «История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей». М. 1820, стр. 93.

[10] «Летописец Переяславля Суздальского». М. 1851, стр. 12.

[11] Ср.: О. М. Рапов. Знак Рюриковичей и символ сокола. «Советская археология», 1968, № 3.

[12] ЛЛ, стр. 77.

[13] С. Гедеонов. Варяги и Русь. Ч. I. СПБ. 1876, стр. 350—355; А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПБ. 1884, стр. 202—203.

«русичи» называются «внуками», то есть потомками Даждьбога, тогда как Перун в этом памятнике даже не упомянут. Имя Даждьбога обычно объясняют как подателя добра, блага. Предполагается, что он был солнечным божеством. Но примерно то же значение отводилось и Хорсу. Подобное божество имелось у иранских народов [14]. Автор «Слова о полку Игореве», говоря о «вещих» свойствах Всеслава, отметил, что полоцкий князь «великому Хорсови путь прерыскаше». По средневековым поверьям, солнечное затмение объяснялось тем, что оборотень-волк загораживал путь солнцу. Симаргл и Мокошь, видимо, почитались у балтов и угро-финнов.

Вполне вероятно, что создание языческого пантеона вызывалось потребностями государственной консолидации. Примечательно, что в легенде о призвании варягов славяне и их угро-финские и балтские соседи выступают на паритетных началах. (Степень достоверности легенды в данном случае не имеет значения: таково было самосознание этих этнических групп.) Построив города по рубежам Руси, Владимир населил их «мужами» «от словен, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь» [15]. Киевский пантеон не предусматривал, однако, божества для скандинаво-германского компонента дружины князя. Это свидетельствует о том, что удельный вес их был здесь невелик и они уже были славянизированы (возможно, еще на южном берегу Балтики, где Владимир брал образцы для некоторых идолов пантеона). Прокопий Кесарийский и Гельмольд говорят о небесном божестве, которое признают все славяне. В Ипатьевской летописи главное славянское божество именуется Сварогом, а Даждьбог признается его сыном. В позднейших поучениях против язычества обличению подвергались те, кто «огневе молятся, зовуще его Сварожичем». Бог «Сварожич» был известен также балтийским славянам [16]. Восточные авторы называют славян «огнепоклонниками», что проявлялось в сожжении умерших. Арабский писатель Ибн Фадлан (X в.), очевидец похорон знатного русса, передает слова единоплеменника умершего: «Вы берете самого любимого для вас человека... и бросаете его в землю, и съедают его прах и гнус и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай немедленно» [17].

Интенсификация социального развития и укрепление государственной системы обычно требуют перехода к монотеизму. Ко времени образования Древнерусского государства в Восточной Европе имелись три таких религии: христианство, иудаизм (в Хазарии) и мусульманство (в Волжской Болгарии). Летописное предание рассказывает об «испытании» этих вер Владимиром, прежде чем выбор пал на христианство. Позднее церковные авторы представляли христианизацию Руси как единовременный акт, осуществленный в 988 г. Владимиром. На самом деле это был процесс, начавшийся задолго до X в. и продолжавшийся длительное время. Греческие авторы настойчиво говорят о крещении Руси в IX веке. Очевидно, здесь, как и у балтийских славян, одни и те же племена неоднократно меняли религию: крестились и возвращались в язычество. Раннее русское христианство было далеко не однородным. На юге Русь соприкасалась с корсунскими (крымскими) греками и готами, на юго-востоке — с крещеными аланами, на Балканах — с Болгарией и Византией. Через Чехию, Польшу и Балтийское Поморье на Русь попадали христиане римского толка. Русь являлась также естественным убежищем для христиан-еретиков. Примечательно, что в летописном «символе веры» имеются элементы арианства [18]. Арианство было распространено у готов, ругов, вандалов, а также среди западных славян.

В середине X в. в дружине киевского князя Игоря христиане составляли равнозначную с язычниками часть. В это время в Киеве был храм св. Ильи, именем которого русские христиане клялись в Константинополе соблюдать заключенный в 945 г. до-

[14] С. П. Обнорский. Прилагательное «хороший» и его производные в русском языке. «Язык и литература». Т. 3. Л. 1929; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л. 1949, стр. 595.

[15] ЛЛ, стр. 119.

[16] «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 278—279; Н. С. Тихонравов. Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов. «Летописи русской литературы и древностей». Т. IV. М. 1862, стр. 89, 92; Thietmari Merseburgensis episcopi. Chronicon. B. 1966, p. 268.

[17] «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу». М.-Л. 1939, стр. 83.

[18] ЛЛ, стр. 109—110. Ариане говорили о «старшинстве» бога-отца перед богом-сыном и о «подобосущии» последнего по отношению к отцу. Ортодоксальная церковь настаивала на их «единосущии».

говор. Позднее на Руси получил широкое распространение культ богородицы, а культ св. Ильи как бы отступал на второй план. Но в преданиях его образ являлся одним из самых популярных, причем к нему перешли наиболее существенные функции Перуна-громовержца. Мирное сожительство различных племен и народностей способствовало взаимопроникновению религий. Христианский бог в представлении язычников сливался с небесным божеством. У лютичей и других славянских племен крест и языческие идолы нередко занимали место рядом во главе войска [19]. И на Руси ожесточение во взаимоотношениях религий в значительной степени привносилось пришлым духовенством.

Столкновение разных религиозных влияний вызывало неустойчивость брачных отношений на Руси. Летописцы отмечают, что у полян «не хожаху зять по невесту, но привожаху вечер, а заутра приношаху по ней что вдадуче» [20], то есть, очевидно, вопрос решался без жениха и невесты; у древлян — «умыкиваху у воды девица». Об «умыкании» по соглашению с невестой говорится и в связи с характеристикой брачных обычаев радимичей, вятичей и северян. У этих племен было многоженство («имяху же по две и по три жены»). У Игоря и Святослава было по одной жене. Рожденный от наложницы Малуши, Владимир Святославич являлся как бы незаконным. Но сам он имел 8 жен и сотни наложниц. Козьма Пражский (около 1125 г.), объясняя многоженство современника Владимира — чешского князя (христианина) Ольдржиха, заметил, что «в те времена, если кто желал, мог иметь и двух и трех жен... Если мужчина удовлетворялся одной супругой, а женщина одним мужем, что теперь считается целомудренным, тогда считалось позорным» [21]. Даже в конце XI в. митрополит Иоанн особо говорил о тех, кто «без студа и срама 2 жене имеють» [22]. Очевидно, сказывались ранее имевшиеся различия в быте племен.

Авторы отмечают исключительное гостеприимство славян. В «Поучении» Владимира Мономаха это традиционное правило получает «рациональное» объяснение: гость или посол «мимоходячи прославять человека по всем землям, любо добрым, любо злым» [23]. Для гостя выставлялись лучшие яства и напитки, что нередко производило впечатление особой приверженности славян к чревоугодию и пьянству. Пиры и «веселие» занимали важное место и в отправлениях языческого культа, включая обязательную погребальную «тризну». Религиозное мировоззрение связано с представлением об «ином мире», где умерший будто живет вечно. Христианство обещало верующим «воздаянье» на «том свете», где их ждали «рай» или «ад». Славянское язычество не располагало этими «стимулами», поэтому переход в «иной мир» не предполагал у славян изменений в положении умершего. Славянские воины не сдавались в плен, так как пленный становился рабом и, по их убеждению, оставался им «в весь век будущий», то есть после смерти. Умершего старались снабдить всем необходимым в его настоящей жизни, поскольку и «там» все это будет в употреблении. Смерть близкого человека воспринималась как разлука. Любимой жене или наложнице умершего предоставлялось право (не обязанность, а именно право) уйти за своим повелителем, отдав себя на смерть. Обреченная поет и веселится, радуясь предстоящей встрече с близким ей человеком [24]. Неизменным спутником всех языческих празднеств и торжественных церемоний (включая похороны) являлось «веселие» с музыкой и танцами. Феофилакт Симокатта (греческий автор начала VII в.) рассказывает о пленении трех славянских музыкантов, пришедших с берегов «Западного океана» (очевидно, с Балтийского побережья). «Единственным их багажом,— говорит автор,— были гусли, и ничего другого они не несли с собою» [25]. Гусляры выполняли посольские функции при аварском кагане, что само по себе свидетельствует о почетном месте музыкантов-бардов в языческом славянском обществе. Арабский географ Ибн Руста отмечает, что у славян есть «разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в два локтя, лютня же их восьмиструнная» [26].

«Веселие» — одно из самых неистребимых проявлений древней славянской культуры, с которым христианская церковь вела безуспешную борьбу. Летописец рассказы-

[19] А. Гильфердинг. Собрание сочинений. Т. 4. СПБ. 1874, стр. 420—421.
[20] ЛЛ, стр. 12.
[21] Козьма Пражский. Чешская хроника. М. 1962, стр. 83.
[22] «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.». Л. 1936, стр. 98.
[23] ЛЛ, стр. 237.
[24] «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу», стр. 81.
[25] Феофилакт Симокатта. История. М. 1957, стр. 139—140.
[26] «Сборник документов по истории СССР». Ч. I. М. 1970, стр. 42.

вает об «игрищах межю селы», сопровождавших браки у славян [27]. В конце XI в. митрополит Иоанн сетовал по поводу того, что заключались браки без венчания, но с плясками, «гуденiем и плесканием» [28]. Но, как справедливо заметил Н. М. Гальковский, «в деле искоренения игр и плясок гражданские власти не всегда проявляли энергию, потому что сами в глубине души сочувствовали этого рода развлечениям» [29]. Пиры Владимира находили похвальный отклик не только в народных былинах, но и в летописном рассказе. У Святослава Ярославича Феодосий Печерский увидел «многыя играюща пред нимь, овы гусельныя гласы испущающем, другыя же оръганьныя гласы поющем, и инем замарьныя пискы гласящем, и тако вьсем играющем и веселящемся, яко обычаи же есть перед князем» [30]. «Благоверие» князя не простиралось далее перерыва в «веселии» на время присутствия «подвижника». Сами служители церкви не прочь были принять участие в пирах и гуляниях. Тот же митрополит Иоанн предписывал «иерейску чину» «в то время отходити, аще будет соблазн велик» [31].

Неоднородный характер раннего русского христианства предопределил борьбу в нем разных направлений. Н. К. Никольский отметил, что русское христианство XI в. отличалось значительным оптимизмом и терпимостью по отношению к иным верам. «Спасение» требовало лишь «милостыни» и «покаяния» [32]. У авторов XI в. элементы рационализма замечаются даже в оценке христианизации Руси. Особенно выразителен в этом отношении летописный рассказ о выборе веры Владимиром. Но и представители верхушки русского духовенства (Иларион, Иаков-мних), прославляя Владимира и ставя его рядом с Константином Великим или апостолами, не приписывают инициатору крещения чего-либо сверхъестественного. Греческое духовенство сопротивлялось канонизации Владимира, и одним из аргументов против такого рода актов обычно выставлялось указание на отсутствие «чудес» у гроба «соискателя». В житии Ольги наблюдается первый шаг к созданию «чудес»: «Иже с верою придеть, отворится оконче и ведеть честное тело блаженыя Олгы лежаща цело... А другым иже не с верою приходять, не отворится оконче гробное, и не видять тело того честного, но токмо гроб» [33]. Нетленность мощей — первое чудо «святого». Очевидно, останки Ольги не сохранились, и потому свидетелями «чуда» могли быть только те, кто хотел убедить себя в его реальности. Канонизация убитых в 1015 г. князей Бориса и Глеба вызвала в 1072 г. скептицизм со стороны самого митрополита (грека). Но, по уверению летописца, митрополита «ужасть обиде», когда церковь, куда были перенесены мощи новых святых, наполнилась «благоуханием» [34]. С конца XI в. требования «подвижничества», аскетизма, отшельничества наполняют поучения руководителей церкви. Центром нового направления Н. К. Никольский справедливо считал Печерский монастырь, тесно связанный с монастырями строгого режима в Византии. Киевские пещеры оказались буквально благодатной почвой для создания пантеона «святых», поскольку гарантировали «нетленность» мощей. Византийское или провизантийское духовенство становилось существенной политической силой. В монастыри уходили некоторые отпрыски княжеских родов. Однако в повседневной жизни преобладали прежние традиции. Лишь татарское нашествие дало в руки церковникам основание для «материализации» представлений о «муках», ожидавших «неправедных» на «том свете». Это обстоятельство способствовало и возрождению мрачных сторон язычества: обращению к колдунам и ведуньям, жертвоприношениям водным источникам и деревьям и т. д.

Христианское богослужение немыслимо без письменности, поэтому крещение открывало дорогу к письменной культуре всего христианского мира. Но письменность су-

---

[27] ЛЛ, стр. 13.

[28] «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ). Т. VI. СПБ. 1908, стр. 8, 13, 18.

[29] Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. I. Харьков. 1916, стр. 320.

[30] «Успенский сборник XII—XIII вв.». М. 1971, стр. 123.

[31] РИБ. Т. VI, стр. 13.

[32] Н. К. Никольский. О древнерусском христианстве. «Русская мысль», кн. 6, 1913, стр. 11—14.

[33] С. А. Бугославский. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. «Известия» Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук (далее — ИОРЯС). Т. XXIX. Л. 1925, стр. 146 — 147.

[34] ЛЛ, стр. 177.

ществовала и независимо от «всемирной» религии. На территории Восточной Европы, помимо греческой, латинской, древнееврейской и арабской письменности, имелась также руническая: готско-норманнская, скифо-сарматская и др. Обнаружены и славянские пока еще не дешифрованные надписи (сосуд из с. Алеканово, Рязанской обл., медные бляхи из тверских курганов XI в. и др.). У норманнов рунические письмена имели магическое значение, и находки их исчисляются тысячами. У славян при отправлении языческого культа непосредственной необходимости в письменности не было. Она носила как бы деловой характер. Так, Титмар Мерзебургский отметил, что на славянских идолах были вырезаны имена богов [35]. Но это не имело никакого отношения к культу. Ибн Фадлан говорит о дощечках с именем умершего царя на холмах погребенных руссов [36]. В договоре Руси с греками 911 г. указывается, что если в Византии умирал русский наемник, то его имущество переходило к тому, «кому будеть писал наследити именье его». В случае же отсутствия письменного завещания наследниками оказывались «малые ближики» в Руси. По договору 945 г., послы и гости из Руси должны были предъявлять в Константинополе «грамоты» от князя и бояр с уведомлением о количестве посланных кораблей. В противном случае приезжие подвергались аресту вплоть до подтверждения полномочий из Руси [37]. Видимо, в связи с торговлей появилась и запись кириллицей на сосуде из Гнездовского кургана: «горуща», или «горушна» [38].

По «Сказанию о славянской грамоте», славянская письменность была создана около 863 г. Константином-Кириллом. Но и ранее у славян употреблялось письмо в виде «черт и резов». Примечательно также, что славянская письменность известна в двух вариантах: глаголица и кириллица. Их соотношение до сих пор не выяснено. Кириллица, несомненно, восходит к греческому письму. Истоки глаголицы определить гораздо труднее. Некоторые буквы глаголицы весьма напоминают древние «причерноморские знаки» [39]. В ряде случаев аналогии им находятся во фрагментах аланского письма [40]. В «Паннонском житии» Кирилла имеется факт, сопоставимый с отмеченными. В Херсонесе (Корсуни) Кирилл «обрел» евангелие и псалтирь, «роусьскыми письмены писано». Встретив здесь же человека, который «глаголюще тою беседою», Кирилл «въскоре начат чести и сказати» по-русски [41]. В некоторых вариантах «Сказания» утверждается, что это «русское» письмо и было положено Кириллом в основу своего алфавита. Две славянские письменности можно сопоставить также с двумя «преложениями» (переводами) книг. В первый раз это было осуществлено в 863 г., второй раз — в Болгарии на Преславском соборе в 893—894 годах [42]. Позднее католическими авторами глаголица именовалась еще «готским письмом», что, может быть, также указывает на ее причерноморские корни.

Первыми памятниками древнерусской письменности являются договоры Руси с греками 911 и 945 годов. Тексты их сохранились в составе Начальной летописи

---

[35] Thietmari Merseburgensis episcopi. Chronicon, p. 268.

[36] «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу», стр. 83.

[37] ЛЛ, стр. 36, 47.

[38] Надпись датируется второй четвертью X в. (ср.: Д. А. Авдусин. Гнездовская корчага. «Древние славяне и их соседи». М. 1970, стр. 112—113). А. С. Львов считает, что первоначальная запись «гороуща» переделывалась на «гороунща», и допускает возможность понимания слова как «горючее» — нефть, или как «горчица» — тоже «горючее» (А. С. Львов. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова. «Известия» АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 30, вып. I, 1971, стр. 51). Сосуд попал в Гнездово из Причерноморья, откуда могли быть доставлены и горючее — нефть, и горчица. По сообщению Адама Бременского (XI в.), «греческий огонь» («вулкановы сосуды») употреблялся на другом конце пути «из варяг в греки» — в крупнейшем городе Северной Европы — славянском Волине («Magistri Adami Bremensis gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum». Hannoverae et Lipsiae. 1917, pp. 79—80; «Хрестоматия по истории средних веков». Т. I. М. 1961, стр. 312).

[39] В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма. М. 1965, стр. 463 (сопоставительная таблица).

[40] Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л. 1971, стр. XX (таблица XXXI).

[41] П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л. 1930, стр. 12, 49.

[42] Г. Ильинский. Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена кириллицей? «Byzantinoslavica». R. III. Praha. 1931, str. 1—2.

(«Повести временных лет»), но отдельное их происхождение несомненно. Еще в прошлом столетии было установлено, что русские тексты договоров являются переводами с греческих оригиналов [43] и сделаны они современниками [44]. Не исключено, что сначала русские «противни» (экземпляры русской стороны) были написаны глаголицей и при переводе на кириллицу некоторые выражения были прочтены ошибочно [45]. Признание христианства государственной религией потребовало резкого увеличения числа грамотных людей. Поэтому сразу после принятия крещения Владимир «послав нача поимати у нарочитое чади дети и даяти нача на ученье книжное» [46]. Поход на Корсунь (988—989 гг.) сопровождался вывозом церковного имущества и выводом людей, умевших отправлять богослужение. Из южных и западных славянских земель также шли на Русь и книги и грамотные люди — прежде всего последователи проповеди Кирилла и Мефодия. В русской литературе XI в. весьма заметна культурная струя ее славянских соседей.

Обучение на Руси приняло довольно широкий по тому времени размах и даже организованный характер. Ярослав в Новгороде «собра от старост и поповских детей 300 учити книгам» [47]. В «Стоглаве» (XVI в.) напоминается, что «преж сего в Российском царстве и на Москве и в Великом Нове городе и по иным градом многие училища бывали и писати и пети и чести гораздных много было, но певцы и чтецы и добописцы славны были по всей земле и доднесь» [48]. Историческая справка к «Стоглаву», очевидно, имела в виду домонгольскую Русь. В. Н. Татищев дал ряд сведений о школах на Руси XI—XII веков. Справка к «Стоглаву», возможно, указывает на общий источник их сообщений [49].

Уровень образованности Руси XI в., пожалуй, даже неожиданно высок. Владимир Мономах мимоходом замечал, что его отец (Всеволод Ярославич — 1030—1093 гг.), «дома седя, изумеяше 5 язык, в том бо честь есть от инех земль» [50]. Печерский монах Никита (будущий новгородский епископ, умер в 1108 г.) впал в «ересь»: читал книги на латинском, греческом и древнееврейском языках, игнорируя славянские переводы нового завета [51]. Очевидно, в Киеве XI в. можно было найти книги на всех этих языках. Образованность в тот период не была привилегией мужчин. Анна Ярославна, выданная замуж за французского короля, была не только грамотной, но и проявляла политическую активность. Сноха Ярослава — супруга Изяслава Гертруда в своих скитаниях по Европе возила так называемую «Трирскую псалтирь», в которой «молитва Гертруды» была записана латиницей, а надписи на миниатюрах сделаны на славянском и греческом языках [52]. По сообщению В. Н. Татищева, Анна Всеволодовна, постригшаяся в 1086 г. в Андреевском монастыре, собравши «младых девиц неколико, обучала писанию, также ремеслам, пению, швению» [53].

Грамотность распространяется и среди посадского населения. Известны надписи, сделанные на предметах ремесла. На пряслицах встречаются записи, указывающие на принадлежность их той или иной владелице [54]. В последние годы в Новгороде и других городах обнаружены берестяные грамоты — бесценные свидетельства употребления письма в повседневной жизни горожан. Существенно, что это обычная хозяйственная переписка. Должно быть, процесс написания и чтения не составлял особых затруднe-

[43] Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПБ. 1853.

[44] С. П. Обнорский. Избранные работы по русскому языку. М. 1960, стр. 119—120.

[45] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). СПБ. 1882, стр. 5, 7.

[46] ЛЛ, стр. 116.

[47] ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 1. Птгр. 1915, стр. 113.

[48] «Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах (Стоглав)». М. 1890, стр. 123.

[49] В XV в., как видно из послания новгородского архиепископа к митрополиту Симону, школ на Руси не было.

[50] ЛЛ, стр. 238.

[51] «Патерик Киевского Печерского монастыря». СПБ. 1911, стр. 91—92. Эпизод относится к 1078—1088 годам.

[52] Н. П. Кондаков. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПБ. 1906.

[53] В. Н. Татищев. История Российская. Т. II. М.-Л. 1962, стр. 95.

[54] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 197—202 и др.

ний. Примечательно, что среди первых 422 найденных грамот было только два или три религиозных текста [55]. Напротив, почти все древнейшие, дошедшие до наших дней книги — церковного содержания. Очевидно, всему свое место. Книги хранились главным образом в церквах и монастырях. Но эти своеобразные библиотеки подвергались естественной «цензуре». Частные же книжные коллекции почти не имели шансов на сохранение. Их больше читали (или держали в руках), чаще теряли и просто уничтожали.

От домонгольского времени сохранилось около 200 рукописей славяно-русских книг [56]. Древнейшей датированной рукописью является знаменитое «Остромирово евангелие» (1056—1057 гг.). Возможно, к более раннему времени относится Путятина минея [57]. Древнейшие рукописи обычно делятся на две категории: служебные и книги для чтения. Служебные книги создавались на основе «священного писания»— ветхого и нового заветов. На Руси предпочтение оказывалось новозаветной литературе: евангелию, посланиям и деяниям апостолов, откровению Иоанна Богослова (в полном виде или в «изборе»). Из ветхозаветной литературы чаще других встречается псалтирь (сборник псалмов, приписываемых иудейскому царю Давиду). Для объяснения некоторых сюжетов песнопений служили «толковые псалтири». Другой книгой, составленной на повествовательном (историческом, пророческом) материале ветхого завета, являлся «паримейник». Некоторая диспропорция в распространении книг ветхого и нового заветов отчасти объяснялась обилием на Руси литературы, дававшей иудейскую интерпретацию библейской истории. В Ватиканской библиотеке, в частности, сохранился список 1094 г. с комментарием русского иудея на Пятикнижие [58]. Монах Никита, как отмечалось, читал ветхозаветную литературу в оригинале. От XI в. сохранились «служебные минеи»—собрание служб по месяцам, «триоди» (тексты праздничных богослужений до пасхи и после нее), «служебники» с «требниками» для повседневной службы.

«Четья» литература, то есть книги для чтения, также включала богослужебные сочинения, а псалтирь была настольной книгой каждого верующего. Особое место занимала церковно-учительная литература, прежде всего «жития святых». Жития группировались в разнотипных сборниках: «прологах» (краткие жизнеописания «мучеников», изложенные в хронологическом порядке дней и месяцев), «четьях-минеях» (более распространенные сказания того же типа), специальных подборках полных текстов житий или отдельных сочинений житийной литературы. В XI в. на Руси появляются и оригинальные сочинения этого типа: жития Владимира, Ольги, а также Бориса и Глеба, погибших в усобице 1015 года. В конце XI или начале XII в. Нестор написал житие Феодосия Печерского. Около того же времени появилось житие Антония Печерского (последнее не сохранилось). Жития иногда группируются по географическому признаку, составляя особые «патерики». Таковым, в частности, является «Киево-Печерский патерик», в основу которого легли записанные в начале XIII в. Симоном и Поликарпом предания о «подвижниках» Печерского монастыря. Естественнонаучный интерес русского читателя удовлетворялся переводными «Шестодневами» и «Физиологами». Первые комментировали библейский сюжет о сотворении мира, вторые давали сведения о животных и их свойствах. В обиходе были более распространены «изборники», включавшие «научные» сведения вперемежку с «учительными». Сочинениями этого типа являются знаменитые изборники Святослава 1073 и 1076 годов.

Наряду с литературой «канонической», освященной церковною традицией, были и сочинения «апокрифические», преследуемые официальной церковью. В апокрифах также рассматривались сюжеты ветхо- и новозаветной истории. Но они в большей степени испытали влияние устной языческой традиции (восточной, греко-римской и др.). В «Изборнике Святослава» 1073 г. приводится перечень 42 «истинных» и 24 апокрифических книг. Многие из этих «отреченных» книг до русского читателя, видимо, и не доходили (они существовали лишь в греческих оригиналах). Но другие распространя-

[55] В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М. 1965, стр. 186.

[56] Ср.: Н. Б. Шеломанова. Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. «Археографический ежегодник за 1965 г.». М. 1966.

[57] В. М. Марков. Путятина минея как древнейший памятник русского письма. «Slavia». № 4. Praha. 1968.

[58] Ср.: А. Я. Гаркави. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и славянских словах, встречаемых у еврейских писателей. СПБ. 1866, стр. 9 (примечание 2). Пятикнижие — первые пять книг библии.

лись вопреки всем запретам. Апокрифическое «Первоевангелие Иакова» использовалось автором «Сказания о Борисе и Глебе», а также Кириллом Туровским. Эпизоды из «Сказания» отразились в мозаике Киевской Софии [59]. В списке XII—XIII вв. известно апокрифическое сочинение «Хождение Богородицы по мукам». Богородица выступает в нем ходатаем за грешников, пребывающих в аду, добиваясь облегчения их мук (своеобразная реакция на христианство языческих представлений о загробном мире). В русском списке при этом поясняется, что мучение принимают те, кто обоготворял солнце, месяц, землю, воду, зверей и гадов, а также человеческие имена: Троян, Хорс, Велес, Перун. Очевидно, предполагалось, что акта крещения и отказа от язычества было достаточно для «спасения».

Апокрифические элементы проявились в летописном сказании об апостоле Андрее, которого летописец использовал в качестве орудия насмешки над новгородцами (апостол удивился, как новгородцы до полусмерти истязают себя «младыми прутьями» в банях). Один из летописцев начала XII в. демонстрирует «ученость» ссылкой на апокрифическое «Откровение Мефодия Патарского» (статья 1096 г.), а также обращением к еврейскому автору X в. Иосиппону, у которого заимствуется мысль о наличии ангелов у язычников (1110 г. Ипатьевской летописи) [60]. От XI в. (в поздних списках) сохранился ряд поучений высших чинов русской церкви: новгородского епископа Луки Жидяты, Феодосия Печерского, митрополита Иоанна II. Появляются сочинения, направленные против римской церкви. Большинство их находилось под влиянием соответствующих жанров греческой и болгарской литературы, тем более, что руководители церкви были часто выходцами из Византии. Но в том же XI в. создаются и оригинальные русские произведения. Стремление к самостоятельности, между прочим, проявлялось уже в том, что греческие сочинения XI в. на Руси практически не переводили. Здесь отдавалось предпочтение более древней византийской письменности, с точки зрения Константинополя, не вполне канонической.

Замечательным свидетельством высокого уровня развития публицистики и литературы середины XI в. является «Слово о законе и благодати» Илариона — первого митрополита-русина (поставлен в 1051 г.). Тема Илариона — сопоставление ветхого и нового заветов, что могло быть навеяно значительным распространением иудаизма на Руси. Сам Иларион не был свободен от влияния со стороны оспариваемой им религии. Одному «богом избранному» народу он противопоставляет другой, тоже в известном смысле «избранный». Преимущества христианства перед иудаизмом окрашиваются идеей самостоятельности русской церкви, прославлением Руси с ее давними традициями, уходящими в языческую пору. Это, естественно, находило живейший отклик и становилось фактором в сложной борьбе, ведшейся вокруг содержания древнерусского христианства и форм организации русской церкви. Аудитории, очевидно, был понятен и художественный орнамент публицистического по назначению выступления.

«Слово» Илариона отличается исключительной стройностью, побудившей даже известного «скептика», историка русской церкви Е. Е. Голубинского сравнивать его с лучшими образцами красноречия XIX века. Иларион знаком с ветхозаветной и новозаветной литературой (в частности, посланиями апостола Павла и «Шестодневом» Иоанна Экзарха — болгарским сочинением X в.). Но литературный материал дается им в собственном своеобразном осмыслении, насыщенном образами и аллегориями. «Законьное езеро пресыше (то есть высохло.— Авт.), евангельский же источник наводнився». Христианство до «языка русскаго доиде». И никому Русь не обязана приобщением к «благодати», и незачем, следовательно, принимать ей «учителей» со стороны. «Хвалить же похвальными гласы Римъскаа страна Петра и Павла, има же вероваша в Исуса Христа сына божиа; Асиа, и Ефес, и Пафм — Иоанна Богослова; Индия — Фому, Египет — Марка; вся страны и грады и людие чьтут и славят коегождо их учителя, иже научиша я православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашеи, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, внука стараго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже в своя

[59] М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М. 1921, стр. 259—261, 269—270.

[60] Н. А. Мещерский. К вопросу об источниках Повести временных лет. «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (далее — ТОДРЛ). Т. XIII. М.-Л. 1957, стр. 57—65.

лета владычествующа, мужеством же и храбръством прослуша в странах многах и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не в худе бо и не в неведоме земли владычьствовашя, но в Руськe, яже ведома и слишима есть всеми концы земля».

Обращение к Ярославу (Георгию) — это в равной мере и похвала князю, как преемнику дела великого родителя, и рекомендация не отступать от традиций самостоятельной русской церкви: «Добр же зело и верен послух сын твой Георгий, егоже сътвори господь наместника по тебе твоему владычьству, не рушаща твоих устав, нъ утвержающа». Торжественным аккордом звучит заключительное обращение к Владимиру, в котором гордость за настоящее приобретает особый резонанс именно потому, что оно создано своими руками: «Встани, о честнаа главо, от гроба твоего, встани, отряси сон! Неси бо умерл, но спиши до общего всем встания. Встани,... отряси сон, взведи очи, да видеши, какоя тя чьсти господь тамо сподобив и на земли не безпамятна оставил сыном твоим. Встани, виждь чадо свое Георгия, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, егоже господь изведе от чресл твоих; виждь красящаго стол земля твоей, и возрадуйся, възвеселися... Вижь и град величьством сияющь, виждь церкви цветущи, виждь християнство растуще... И си вся видев, възрадуйся и възвеселися» [61]. Иларион был первым русским митрополитом, занявшим кафедру без санкции Константинополя. В середине XII в. в аналогичном положении находился другой митрополит-русин, Климент Смолятич. Современники отмечали его исключительную образованность [62]. Противники митрополита указывали на увлечение Климента греческой философией — сочинениями Гомера, Аристотеля, Платона. Но из «многих писаний» сохранились только отрывки переписки Климента с Ростиславом Мстиславичем (смоленским, затем киевским князем) и близким князю священником Фомой. Климент Смолятич стремился к образности выражений и проникновению в сокровенный смысл написанного, чем вызвал возмущение «ортодоксов». Митрополиту пришлось покинуть кафедру, и это не могло не сказаться на судьбе его сочинений.

Больше посчастливилось литературному наследству Кирилла Туровского. Его имя попало даже в некоторые прологи. Отмечается, в частности, что он «Андрею же Боголюбскому князю многа послания написа от евангельских и пророческих писаний, яже суть чтоми на праздники господския. И ина многа душеполезна словеса, яже к богу молитвы и похвалы многим; ина множайша написав церкви предасть» [63]. Сохранилось более двух десятков сочинений Кирилла. В отличие от Климента Смолятича Кирилл большее внимание уделяет форме посланий и поучений, при известной трафаретности содержания. Язычество оставалось еще реальной силой, и Кирилл «зиме греховной» противопоставляет «весну» христианства: «Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство: бурнии ветри, тихо повевающе, плоды гобьзують и земля, семена питающи, зеленую траву ражаеть» [64]. Поучения могли носить и чисто светский характер. Но таким сочинениям было особенно трудно «выжить». В летописи, например, сохранился лишь обрывок поучения Ярослава детям (1054 г.). В уникальном списке Лаврентьевской летописи дошли Поучение и письмо Владимира Мономаха (1052—1125 гг.) к Олегу Святославичу. Сочинения Мономаха дают представление о культурном уровне феодальной аристократии, ее идеалах и этических нормах. На мировоззрении князя лежит ясный отпечаток христианской морали, но оно свободно от крайностей аскеза и даже страха за последствия на «том свете». Умеренность и уравновешенность, энергия и простота, мужество и великодушие — качества, необходимые, по мнению Владимира, феодальному владетелю в его повседневной деятельности: в ведении хозяйства, в военных походах, на охоте. Владимир Мономах хорошо знаком с современной литературой и не чужд поэзии, проявлявшейся у него прежде всего в склонности к образному изложению и любованию красотой «божьего творения».

Большим ущербом для мировой культуры является то обстоятельство, что поэзия в средневековье ассоциировалась с язычеством, преследовалась церковью и сохранялась почти исключительно в устной традиции. Изоляция Исландии от непосредственного воздействия клерикальной римской администрации содействовала сбережению для чело-

---

[61] Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. «Slavia», 1963, № 2, стр. 163—164, 168.

[62] ПСРЛ. Т. 2, стб. 340.

[63] М. И. Сухомлинов. О сочинениях Кирилла Туровского. СПБ. 1858, стр. 62.

[64] Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М. 1947, стр. 60.

вечества образцов поэзии скальдов, причем имелась возможность записать их в сравнительно раннее время (в XIII в.). На северных окраинах Руси в течение многих столетий сохранялись песни и былины киевского периода. Как показал Б. А. Рыбаков, почти все былинные сюжеты укладываются в хронологические рамки с IX по XII в.[65], хотя имеются их записи лишь самого недавнего времени. Естественно, что многовековое перепевание древних сказаний постепенно нивелировало их художественные особенности и приводило к утрате колорита времени. И тем не менее былины отразили те черты народного характера и мировоззрения, которые вошли в его плоть и кровь, стали прочной традицией.

В устном народном творчестве можно уловить и конкретные идейно-социальные и художественные особенности. Многие былины носят индивидуальную окраску их создателя, причем в них отражается и книжная литература. С другой стороны, лучшие письменные произведения произрастают на почве фольклора. Древнейшим дошедшим до нас русским сочинением, органически соединяющим народные мотивы с письменной культурой, является жемчужина мировой литературы — «Слово о полку Игореве». В этом произведении рассказывается о трагическом походе северских князей в 1185 г. на половцев. Малозначительный с точки зрения исторической перспективы эпизод приобретал в глазах безвестного поэта огромные размеры. «Слово» принадлежит к числу тех произведений, которые как бы выпадают за рамки естественного развития культуры, выделяясь своим художественным совершенством. Это обстоятельство породило огромную литературу на разных языках, и с самого открытия памятника, в конце XVIII в., порождало сомнения в его подлинности. Не верилось, что поэма могла быть создана и найти квалифицированных ценителей уже в XII веке. Между тем памятник может быть понят лишь на фоне мировоззрения домонгольской поры и конкретной политической ситуации конца XII столетия[66]. Автор-христианин с явным сочувствием относится к далеко не изжитому язычеству. Воспевая «Русскую землю» и призывая к объединению усилий для ее защиты, он отнюдь не подвергает сомнению феодальный принцип: каждый держит отчину свою. Скорбя о разорении русских областей, он не забывает напомнить, какую выгоду могли бы получить князья, если бы им удалось договориться о совместном выступлении.

Исключительное богатство поэтических средств, в частности насыщенность поэмы образами, действительно, выходит за рамки «нормы». В этом смысле «Слово» можно было бы сопоставить с поэзией А. Блока или С. Есенина и менее всего подойдет для параллелей литература XVIII в., не имевшая, по выражению А. С. Пушкина, вся вместе столько поэзии, «сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства»[67]. «Слово» написано на волне особого поэтического подъема, под свежим впечатлением событий. Поэтому датирование поэмы первыми месяцами (или даже неделями) после трагического похода представляется наиболее вероятным (хотя, конечно, позднее отдельные ее строфы и сюжеты могли претерпевать изменения)[68]. «Слово о полку Игореве» представляет большой интерес не только само по себе, но и как фрагмент той области литературы, которая сохранилась в наименьшей степени (из-за резко выраженной светскости и насыщенности языческими традициями). Автор его, видимо, профессиональный певец, слагавший «славы» князьям. Он широко осведомлен в песенных традициях еще с «Бусовых» времен (IVв.). Поэт хорошо знает песнотворца XI в. Бояна, который «песне пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю, пред полкы касожьскыми, красному Романови Святъславличю» (умер в 1079 г.). Стремясь вести разговор «по былинам своего времени, а не по замышлению Бояню», автор, однако, постоянно соразмеряет свое изложение с поэтическими образами знаменитого предшественника. Но создатель «Слова», конечно, не подражатель. Любые его повороты и экскурсы в глубь веков или в ширь просторов Руси даются в живых, конкретных образах, неизменно емких, сочных и разнообразных.

---

[65] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М. 1963, стр. 4.

[66] Рассмотрению этих вопросов посвящены две книги Б. А. Рыбакова: «Слово о полку Игореве» и его современники» (М. 1971) и «Русские летописцы XII века и автор «Слова о полку Игореве» (М. 1972).

[67] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. VII. М.-Л. 1949, стр. 503.

[68] Ср.: Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники, стр. 267—271.

Трудность современного восприятия содержания поэмы в значительной степени зависит от того, что далеко не всегда ясно, какие факты имеет в виду поэт. Когда автор сообщал о воинах-курянах, что они «под трубами повити, под шеломы възлелеяни, конець копия въскормлены», слушателям, очевидно, хорошо представлялся почти окруженный половецкими кочевьями юго-восточный опорный пункт Руси — Курск. Напоминая, что Всеволод Владимирский может «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти», а также «посуху живыми шереширы стреляти — удалыми сыны Глебовы», поэт обращался к аудитории, которая хорошо знала об успешном походе владимирского князя на волжских болгар в 1183 г., о походах на донских половцев. Во всех этих предприятиях принимали участие и пять сыновей рязанского князя Глеба Ростиславича (умер в 1178 г.). Характеристика Ярослава Осмомысла Галицкого в целом и сейчас понятна: «Подпер горы Угорскые своими железными плъки, заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота». Но для того, чтобы понять фразу «суды рядя до Дуная», необходимо выяснить, распространялась ли власть галицкого князя на Нижний Дунай, а выражение «стреляеши съ отня злата стола салътани за землями» имело в виду какой-то конкретный факт из истории галицко-византийского сотрудничества в этот период.

Попутно автор «Слова» сообщает важные для историков факты. Из плача Ярославны мы узнаем, что Днепр «лелеял еси на себе Святославли насады до плъку Кобякова», то есть становится ясным маршрут и характер похода Святослава на Кобяка в 1183 году. Княгиня сожалеет, что всем теплое и красное солнце «простре горячюю свою лучю на ладе вои, въ поле безводне жаждею имь лучи съпряже, тугою имь тули затче». Косвенные данные подтверждают реальность этой картины. Современникам же хорошо знакомые реалии помогали понять и самые замысловатые образы поэта. Очевидно, плач Ярославны, сон Святослава, обращение к князьям — продукт непосредственного творчества автора «Слова». В исторических экскурсах он не мог избежать влияния со стороны предшественников, прежде всего Бояна (почему и экскурсы уходят главным образом в XI век). Песенный налет явно лежит на характеристике Всеслава Полоцкого (умер в 1101 г.), который мог «до кур» (то есть до петухов) достигнуть Тмутаракани или за ночь «обесися сине мгле» (то есть повиснув на туманном облаке), пролететь от Белгорода до Полоцка. Песнями могло быть навеяно и образное описание битвы Всеслава с Ярославичами на Немиге (1067 г.): «На Немизе снопы стелють головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни — посеяни костьми руских сынов» [69].

Обращение автора «Слова» к языческим божествам и представлениям нередко воспринимается как чисто литературный прием. Но, пожалуй, такое представление неточно. Скорее это унаследованная от предшественников традиция, причем автор едва ли сомневался в реальности привлекаемых им образов. Сравнение половецкого нашествия с вторжением Карны и Жли (злых сил), которые проходят по русским землям «смагу мычючи в пламяне розе» (то есть сеют огонь из пылающего рога), может, конечно, восприниматься как емкий поэтический образ. Но и поэт и его слушатели, надо полагать, были многократно наслышаны о функциях этих исчадий зла, и ничто, в том числе христианство, не могло рассеять убежденности в их постоянном вмешательстве в естественный ход событий. Боги в поэме, напротив, приближены к людям, поскольку признаются их предками. Такой взгляд на богов свойствен язычеству. Признавали его и некоторые направления христианства (в частности, на Руси именно в XII в.), хотя и с отрицательным акцентом (не «настоящие» боги). Светская аудитория же наверняка была более склонна верить в сверхъестественные возможности столь близких им богов-предков, особенно в тех случаях, когда церковь не успевала (или не умела) убедить в том, что все жизненные коллизии предусмотрены христианским богом.

Для древнерусской литературы характерна глубокая историчность. Но история, естественно, представляла и самостоятельный интерес, который удовлетворялся сочинениями как переводного, так и оригинального характера. У всех народов история начиналась с героических песен, приобретавших со временем значение документов, что и

[69] Цит. по: «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. I. М.-Л. 1965. стр. 15—25.

обеспечивало им значительную сохранность на протяжении ряда столетий. В XII в. историческая песня еще конкурировала с письменной историей. «Историци и ветия, рекше летописци и песнотворци,— замечал Кирилл Туровский,— прикланяють своя слухи в бывшия межю цесари рати и въпълчения, да украсять словесы и възвеличать мужьствовавъшая крепко по своемь цесари и не давших в брани плещю врагом и тех, славяще похвалами венчають» [70]. Следы исторических песен заметны в летописном повествовании об Олеге, рассказе об Ольге, сказании о единоборстве Мстислава с Редедей (1022 г.). Но М. Н. Тихомиров справедливо отметил, что если все летописание X — первой половины XI в. сводить к устным преданиям, то «достоверность сведений по истории Руси... снижается до крайности» [71]. Напротив, достоверность основной летописной канвы событий за этот период предполагает ведение современных записей, что и отмечалось многими историками (Б. Д. Грековым, Б. А. Рыбаковым, М. Н. Тихомировым, Л. В. Черепниным, а в более раннее время И. И. Срезневским и Н. К. Никольским).

В настоящем виде летописи — это большие своды, охватывающие много столетий (вплоть до XVII в.). Только в московских хранилищах А. Н. Насоновым было выявлено более тысячи рукописей исторического содержания. При беглом взгляде на весь этот огромный материал создается впечатление, будто все летописание — это ветви дерева, идущие от одного корня. Более внимательное рассмотрение летописных текстов позволило специалистам уловить не только многочисленные наслоения и переработки, сопровождавшие переписывание старых текстов, но и следы изъятий отдельных сказаний, характеристик и даже целых самостоятельных летописных традиций. Древнейшие рукописи, содержащие летописные тексты, датируются XIII — XIV веками. Однако сопоставление летописей между собой и привлечение летописных «параллельных» источников позволяют говорить о самостоятельных традициях с определенным кругом сведений и литературных приемах оформления исторических сочинений. Летописный свод — явление относительно позднее. Ему предшествуют особые исторические сказания и повести, локальные хроники и летописцы. Все эти жанры бытуют рядом с летописными сводами и в более позднее время, хотя в большинстве случаев они входят уже в состав сводов. Примечательно, что основная канва событий за X век представляет собой светскую повесть. Клерикальные тексты за этот период являются позднейшим добавлением, своеобразным переосмыслением событий со стороны церковных авторов. Для позднего летописания характерен провиденциализм — вера в божественное предопределение. В XI—XII вв. эта характерная для христианства черта еще не укрепилась в сознании писателей [72]. Даже само понятие христианства представлено одним из ранних летописцев как результат сознательного выбора Владимира, который определялся вполне мирскими мотивами. Летописцы в это время сохраняли значительную самостоятельность, не стесняясь иронизировать в адрес своих князей. Добродушная ирония звучит в описании похода на болгар в 985 г.: «Рече Добрына Володимеру: «Съглядах колодник (пленников. — Авт.), и суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти, поидем искат лапотников». По поводу поражения радимичей на р. Пищане от воеводы Волчьего хвоста летописец напоминал, что «темь и Русь корятся Радимичем, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бегають» [73].

Разумеется, даже самые ранние летописцы не были лишены симпатий и антипатий в оценке тех или иных событий, людей. Тенденциозность несомненна в тех случаях, когда летописцы стремятся либо скрыть, либо как-то подправить действительность. Так, в записях X в. можно заметить стремление какого-то автора выгородить воеводу Свенельда в ущерб князьям Игорю и Святославу. Чья-то рука записала строки, полные сочувствия Ярополку в его противостоянии Владимиру. Рассказ русской летописи о походе Святослава на Дунай и повествование о том же событии византийского автора Льва Диакона воспринимаются почти как отчеты командования двух

---

[70] Кирилл Туровский. Слово о Никейском соборе. ТОДРЛ. Т. XV. М.-Л. 1958, стр. 344.

[71] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Ч. 1. М. 1962, стр. 66.

[72] Мощная светская струя выявлена Б. А. Рыбаковым в киевском летописании XII в. (ср.: Б. А. Рыбаков. Русские летописцы XII века и автор «Слова о полку Игореве»).

[73] ЛЛ, стр. 82.

воюющих сторон: факты почти одни и те же, а интерпретация их противоположна. Любопытно, что, по летописи, к моменту отступления у Святослава оставалось 10 тыс. воинов, но он еще 10 тыс. «прирече», дабы ввести греков в заблуждение и получить больше «дани». Греческий автор подтверждает данные летописи, сообщая, что на дорогу отступавшим был выдан хлеб на 22 тыс. человек.

Ранние летописцы, в том числе и церковнослужители, не были склонны ополчаться на язычество. «Вещий» Олег, перехитривший христиан-греков, сравнивается со «святым Дмитрием» (Изяслав Ярославич носил христианское имя Дмитрия, и при нем особенно выделялся культ этого святого). Летописец не сомневался, что Всеслав Полоцкий рожден «от волхованья». Напомним, что и митрополит Иларион не противопоставлял христианских правителей Руси их предшественникам, принесшим славу русскому оружию. Вскоре после смерти Ярослава Мудрого создается один из самых значительных исторических трудов Древней Руси — «Повесть временных лет». Не исключено, что это произведение не являлось летописью в позднейшем значении этого слова (то есть не было погодной хроникой), хотя и не было лишено определенных хронологических обозначений. Создатель «Повести» ставил до известной степени исследовательскую (а не описательную) задачу — определить, «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть». На основе греческих хроник и памятников западнославянской письменности он определил прародину славянства в Иллирии, откуда выводил и «русь»-полян. Основной мотив этого памятника (как и у Илариона) — русские князья правили не в «неведомой» земле, и самой Византии неоднократно приходилось откупаться от осаждавших ее столицу русских дружин. В песнях и сказаниях IX—X вв. автор мог найти богатый, подтверждающий этот тезис материал.

С процессом проникновения письменности на периферию и с углублением феодального дробления возникает свое летописание в каждом значительном центре. С начала XI в. ведется летописание в Новгороде, где сложились свои представления о начале Руси. Своеобразным противовесом повести о полянах-руси оказывается варяжская легенда, выводящая «Русь» и ее князей с балтийского побережья (из какой именно его части — вопрос спорный) и ведущая самих новгородцев «от рода варяжска». Позднее для новгородского летописания становится характерным сухой, деловитый стиль. Южное летописание, напротив, постоянно сохраняло сочность выражений, стремление к художественной украшенности. Особенно это заметно в галицко-волынской традиции летописания, также отделившейся от киевской не позднее XI века. Знаменательно, что наибольшее количество аналогий для «Слова о полку Игореве» (в смысле лексики, а иногда даже и образов) можно найти в Ипатьевской летописи, полнее всего сохранившей южнорусское (киевское и галицкое) летописание XII — XIII веков. Киевское летописание также далеко не однородно. Его различия особенно становятся заметными с разделом Руси между тремя сыновьями Ярослава. При этом старший — Изяслав — политически тяготел к Западу, и в близком ему летописании заметно влияние западнославянской письменности, а также ощущается известное почтение к Риму, сопротивление настояниям Византии о разрыве церквей. Всеволод, напротив, был тесно связан с Византией (поскольку был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха), хотя это не означало, что Всеволодовичи бездумно следовали в фарватере византийской политики. Летописание Святослава Ярославича дошло лишь в незначительных фрагментах, а исторические сочинения многих других центров и вовсе утрачены.

Вытеснение и пресечение княжеских ветвей приводили к гибели целых историографических традиций. «Племя Мономаха» в XII в. становится доминирующей силой в разных концах Руси. Поэтому в большинстве дошедших летописей в основе лежат редакции «Повести временных лет», относящиеся ко второму десятилетию XII в.,— времени утверждения Мономаха в Киеве. Но успеху тенденциозных переработок способствовало и то обстоятельство, что идеи собственно «Повести временных лет» при этом мало пострадали. «Повесть» оставалась памятником, напоминавшим об общей природе всех ответвлений русского племени и звавшим к сохранению государственного единства.

Как и в других отраслях культуры Древней Руси, в сфере художественного творчества многое можно понять, лишь постоянно оглядываясь в прошлое славян — во

времена язычества [74]. Известно, что Древняя Русь миновала ступень рабовладельческого строя и феодальный строй вырос здесь непосредственно на почве патриархально-общинного строя. Патриархальные традиции и пережитки органически вошли в жизнь молодого классового общества. Поэтому для дальнейшего укрепления своих позиций княжеской власти пришлось обратиться к опыту византийской государственности, православия и искусства. Согласно летописному преданию, сила воздействия византийского искусства, которую испытали владимировы послы, побывавшие на богослужении в цареградской Софии, сыграла немалую роль в «выборе веры». «Греческий философ», склонявший киевского князя к православию, в качестве аргумента развернул перед ним пелену, на которой был вышит «Страшный суд» — важнейшая дисциплинирующая тема христианства, которая была очень созвучна нуждам укрепления русского феодального государства.

Как в области архитектуры, так и в изобразительном искусстве византийские мастера создали проверенные длительным опытом развития культа типы, нормы и правила. В архитектуре культовых зданий господствовала так называемая крестовокупольная система прямоугольного в плане храма с тремя полукруглыми или граненными алтарными выступами (апсидами) на востоке, с четырьмя или шестью столбами, несшими своды перекрытия. Центральное продольное и поперечное пространства между столбами (нефы) образовывали в плане крест, в перекрестье которого возвышалась крытая купольным сферическим сводом глава. Используя эту систему, удавалось создавать как небольшие четырехстолпные храмы, так и, наращивая новые поперечные или продольные ячейки, грандиозные соборы [75]. И в области живописи также были детально разработаны принципы храмовой росписи, правила изображения тех или иных сюжетов, того или иного святого, система технических и художественных приемов воплощения образа [76]. Будучи перенесены на Русь, эти архитектурно-художественные традиции Византии попали отнюдь не на пустое место, а встретились здесь с традициями языческого искусства славян и легли в хорошо подготовленную почву. Только этим и можно объяснить быстроту творческого освоения византийского наследия и проявившееся с первых же шагов древнерусского монументального искусства своеобразие его памятников и широту поставленных потребностями Древнерусского государства художественных задач.

Трудно говорить о монументальной архитектуре языческой Руси, но не приходится сомневаться в том, что, кроме «требищ» — культовых мест под открытым небом, где резную монументальную статую бога окружал кольцевой ровик с восемью углублениями для жертвенных костров, как это имело место, например, в Новгороде на Перыни [77], были специальные языческие деревянные рубленые храмы. Это, видимо, большие по площади и высокие многоглавые сооружения [78]. Во всяком случае уже в X в. новгородские плотники сумели срубить из дуба обширный, 13-главый Софийский собор, состоявший из девяти высоких и четырех меньших срубов — алтаря и боковых притворов, образовавших динамическую ярусную композицию [79]. Найденная при раскопках в Новгороде великолепная дубовая полуколонна XI в., украшенная резным плетеным орнаментом с изображением грифона и кентавра, также обнаруживает высокое мастерство, которое

---

[74] Основные вопросы истории древнерусского искусства X—XIII вв. изложены в обобщающих трудах: «История русского искусства». М. Т. 1. 1953; т. 2. 1954; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств. Т. III. М. 1955; «Всеобщая история архитектуры». Т. III. М.-Л. 1966; «Історія українського мистецтва». Т. I. Київ. 1966.

[75] Об архитектуре Византии см.: Н. И. Брунов. Архитектура Византии. В кн. «Всеобщая история архитектуры». Т. III.

[76] О византийской живописи см.: В. Н. Лазарев. История византийской живописи. Тт. I—II. М. 1947.

[77] В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище на Перыни. «Краткие сообщения» о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 50. 1953; его же. Новые данные о языческом святилище Перуна (по раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.). Там же. Вып. 53. 1954; его же. Языческие святилища смоленских кривичей. Там же. Вып. 87. 1962.

[78] Н. Н. Воронин. К характеристике древнейшего зодчества восточных славян. «Краткие сообщения» о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Вып. 16. 1947.

[79] Н. И. Брунов. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII веков. «Русская архитектура». М. 1940, стр. 121—123.

свидетельствует о давних местных традициях искусства резьбы по дереву и богатом декоре монументальных рубленых зданий [80]. Характерно, что летописец, обычно скупой на выражение эстетических оценок, в случаях сообщений о пожарах деревянных христианских храмов очень часто добавляет, что церковь «горазда бо бяше и лепа», или что она была «толико чюдна, якова не бывала и потом не будеть» (о дубовом Ростовском соборе XI в.). Русский человек, видимо, остро воспринимал красоту монументальных деревянных зданий и постоянно выражал свою любовь к ним.

Сказанное объясняет «чудо» стремительного творческого освоения русскими византийской «ученой архитектуры купольных церквей с их сложной и тонко рассчитанной игрой уравновешенных сводов» [81] и отработанной искусной техники кладки из тонкого кирпича—плинфы, и не менее сложной в техническом и в художественном отношениях системы изобразительного искусства. Древнейшая каменная постройка Киева — Десятинная церковь (989—996 гг.) известна нам лишь по раскопкам ее руин [82]. Это был огромный трехнефный храм, окруженный с трех сторон галереями. Его объем был сложен и завершался, по сведениям письменного источника, 25 главами. В отличие от византийских храмов с их приземистыми куполами для русских купольных зданий была характерна динамическая композиция объема и венчающих частей; много куполов поднималось на высоких барабанах (поэтому их и называли «верхами»). Внутри храм богато украшен мозаикой и фресковой живописью, сверкал полированным камнем панелей и полов. Этот величественный и торжественный храм высился на площади торга, возникшей еще при княгине Ольге («Бабин торжок»). По сторонам площади красовались здания каменных княжеских дворцов, не уступавших по своей отделке самому храму, а около него князь Владимир поставил вывезенные из покоренной Корсуни памятники античной скульптуры — римскую бронзовую квадригу коней и мраморные статуи греческих богинь. Центральный ансамбль «матери градов русских» конца X—начала XI в. свидетельствовал о сложности и своеобразии русской художественной культуры.

Русская художественная культура достигла высшего расцвета при Ярославе Мудром, когда стольный Киев сильно вырос и был огражден поясом деревянно-земляных валов с несколькими каменными проездными башнями. Его архитектурным и идейным центром стал воздвигнутый Ярославом Софийский собор [83]. Вокруг даты сооружения собора идут споры, во всяком случае, она относится к периоду 20 — 50-х годов XI века. Своей величиной и величием Софийский собор превосходил Десятинную церковь. Это был грандиозный для той эпохи храм. Его пятинефное ядро опоясывали два ряда галерей, из которых одна была открытой аркадой, как бы связывавшей громаду собора с внешним миром. Могучая ступенчатая композиция здания завершалась пирамидой высоких глав (как и у дубовой новгородской Софии, их было также 13!). У западных углов собора высились суровые, подобные крепостным «вежам» и, может быть, крытые, как и они, острыми шатровыми кровлями башни, вмещавшие широкие лестницы, которые вели на обширные хоры — княжеский «бельэтаж», изолированный от остальных молящихся под хорами. Применение наружной красочной росписи фасадов довершало глубокую самобытность образа центрального храма Древнерусского государства. Языком камня Софийский собор утверждал идею могущества и уму непостижимой силы княжеско-боярской знати, способной воздвигнуть столь грандиозное, торжественное и пре-

---

[80] А. В. Арциховский. Колонна из новгородских раскопок. «Вестник» Московского университета, 1954, № 4.

[81] А. Н. Грабар. Крещение Руси в истории искусства. «Владимирский сборник (988—1938)». Белград. 1938, стр. 80.

[82] Изучение древнерусского зодчества обязано своим бурным развитием большому труду советских археологов, которые открыли и ввели в научный оборот более 100 дотоле неизвестных памятников древнерусской монументальной архитектуры X—XIII веков. Конечно, это главным образом их остатки, которые, однако, позволяют судить не только о плане, но и о формах здания в целом. Если до Великой Октябрьской социалистической революции было известно около 40 памятников, то теперь их более 150. Общий обзор этих исследований см. в статьях: Н. Н. Воронин. Работы советских археологов в области истории русского зодчества X—XII веков. «Материалы научной конференции, посвященной сорокалетию советкого искусствознания». М. 1958; П. А. Раппопорт. Археологические исследования памятников русского зодчества X — XIII веков. «Советская археология», 1962, № 2.

[83] Г. Н. Логвин. София Киевская. Киев. 1971.

красное здание «жилища бога». Собор был окружен каменной крепостной стеной митрополичьего двора. Он являлся средоточием крупного архитектурного ансамбля. Рядом с ним возвышались большие соборы монастырей Ирины и Георгия, на него ориентировались городские крепостные ворота, к нему устремлялись главные улицы столицы. Во всем этом проявилось высокое мастерство зодчих, их широкое градостроительное мышление, глубокая продуманность княжеского заказа. В последующие времена киевская София стала недосягаемым образцом для подражания. Подобные, но отнюдь не равные ей по мастерству соборы были сооружены на северном конце пути «из варяг в греки» в Новгороде Великом (1045—1050 гг.) и в столице Полоцкого княжества (вторая половина XI в.).

В этих памятниках наряду с заимствованием общей идеи уже проявлялись и местные черты.

Великолепным было и художественное оформление интерьера киевского Софийского собора, поражающего разнообразием и живописностью архитектурных перспектив и своими размерами. Храм вместе с галереями был, по существу, девятинефным. Его площадь по первому ярусу составляла 1 472 кв. м, по хорам и второму этажу галереи — 588 кв. м, а всего—2 060 кв. м, на которых могли разместиться 2—4 тысячи человек...[84]. Таких масштабов не знала архитектура Византии того времени. Не было в храмах Византии и таких громадных хоров, явно связанных с заказом Ярослава и свидетельствующих о его размахе. С освещением хоров хорошо связывалось и многоглавие храма св. Софии. Под ногами вошедшего в храм расстилался цветной холодный ковер мозаичных полов. Богато освещенное центральное подкупольное пространство и алтарь были украшены мозаикой с ее торжественно мерцающими золотыми фонами[85]. С недосягаемой высоты купола грозно взирали на человека огромные очи Христа, охраняемого архангелами, облаченными в царственные одеяния. На своде алтарной апсиды молилась за род человеческий гигантская (5,45 м высоты) богоматерь, поднявшая в молитве тяжелые руки и известная под именем «Нерушимой стены». Ниже Христос причащал застывших в своем движении апостолов, а под ними, подобно белым столпам, высились фигуры святителей—строителей и «отцов» византийской церкви. В распоряжении мастеров был набор мозаичных кубиков 177 оттенков, которыми они пользовались с непревзойденным артистизмом, создавая великолепный и в частностях и в целом богатый колористический ансамбль. Праздничность ансамбля усиливали цветистые пояса и ленты орнаментов, лишавшие роспись суровости и мертвенности. Да и само искусство софийских художников вовсе не было отвлеченным — они превосходно передавали смысл изображения как средствами ясной и продуманной композиции, так и умением наделить образы своих героев выразительными до «портретности» чертами; лица еще сохраняли свой живой, естественный цвет и не превратились в сумрачные и пугающие «лики».

Остальные части храма были украшены фресковой росписью. Если залитые светом мозаики с их сверкающим золотом и немеркнущими красками уподоблялись трубному гласу органа, то нежная цветовая гамма матовой, как бы «пастельной» фресковой росписи, расположенной в менее освещенных местах, звучала как удаленный хор. Здесь были воплощены легенды библейской и евангельской истории и житийные темы, а на столбах незыблемо высились фигуры апостолов, святых и мучеников, неотрывно смотревших на человека своими широко раскрытыми строгими глазами. Рассматривая роспись — сюжет за сюжетом, горожанин или сельский житель как бы читал священную книгу: живопись была «библией для неграмотных». В сонм небожителей Ярослав ввел своих предков и коллективный портрет своей семьи, стоящей по сторонам сидящего на троне Христа. Этот важный сюжет для пропаганды богоизбранности и святости княжеского рода был помещен на видном месте — на обращенной в храм стене хоров. Схема росписи в целом была строго согласована с архитектурой, образуя редкостный по красоте и гармоничности синтез. В целом, как и архитектура собора, его роспись была лишена мрачности и не рождала чувства подавленности, напротив, она возвышала человека, отрывала его от примитивных языческих представлений, ставя на место поклонения зверям и деревьям культ обожествленного человека.

---

[84] Цифровые данные любезно сообщены Г. Н. Логвиным.
[85] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М. 1960.

Величие искусства Софийского собора было величием эпическим, богатырским, в нем было много от мирской светскости, которая особенно ярко проявилась в росписи лестничных башен, где нашли место изображения сцен охоты, народных игрищ, константинопольского ипподрома и пр. При всем этом огромное, четко организованное и светлое пространство храма с его убранством являло разительный контраст крошечным и темным полуземляночным жилищам простого люда и в который раз демонстрировало могущество господ, их богоравность и право «над людьми воцаритися». Во втором крупном центре Южной Руси — Чернигове почти одновременно с киевской Софией был выстроен Спасский собор. По своему архитектурному решению он близок к Десятинной церкви, но не имеет галерей, лишь одна лестничная башня вела на хоры. Внутреннее убранство собора было также более сдержанным.

При Владимире и Ярославе строительство в Киеве было великой «высшей школой» для русских мастеров и художников, которые, несомненно, работали плечом к плечу с греками, перенимая их мастерство и обретая собственный художественный язык. К концу XI в. относится творчество прославленного киевского живописца и мозаиста Алимпия. От середины XI в. дошли имена участников росписи новгородской Софии — русских мастеров Георгия, Сежира и Олисея, а над росписью 1108—1112 гг. здесь работали живописцы Стефан, Микула и Радко[86]. Почерк русских художников виден и в мозаиках собора Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1108 г.), где вместо греческих надписей появились русские, а застывшее движение грузных апостолов софийской «Евхаристии» сменилось непринужденной живостью подходящих к Христу изящных и стройных мужей, даже лишенных нимбов — признака святости — и облаченных в одежды изысканных расцветок[87]. Имевшая место в языческое время круглая монументальная скульптура не получила в дальнейшем развития — церковь видела в ней напоминание о низвергнутых идолах. Зато широко использовались традиции плоской резьбы по дереву: таков резной орнамент шиферных парапетов храмовых хоров и в особенности украшавшие дворцы и храмы огромные резные плиты с изображениями святых конных воинов — покровителей князя и его дружинников, или с мифологическими сюжетами.

Станковая живопись — икона тоже рано стала сферой русского творчества. Здесь, кроме высоких образцов софийской росписи, были и непосредственно иконные греческие «образцы», выбиравшиеся с отменным вкусом и чувством. Такова, например, попавшая на Русь в начале XII в. и ставшая позднее «Владимирской» замечательная икона богоматери с трепетно прижавшимся к ней младенцем, где византийский мастер с гениальной проникновенностью изобразил не «царицу небесную», а прелестную, вполне земную юную мать с нежным лицом и полным скорби и тревоги за грядущую судьбу сына взглядом. Иконы в ту пору являлись главным образом принадлежностью храмов, были велики и монументальны. О них мы можем судить по попавшим в разные города памятникам, которые несут явные признаки связи с киевским искусством. Такова икона Георгия (в Музее Московского Кремля) времени Мономаха. По своим размерам (122 × 174 см) она кажется снятой со стены мозаикой или фреской, ее колорит, золотой фон близки софийским мозаикам. Образ святого Георгия лишен отвлеченности,— это прекрасноликий молодой воин с копьем и мечом, в дорогом пластинчатом доспехе и красном плаще с искусно уложенными каштановыми кудрями и пытливым взглядом широко открытых глаз[88]. Такова и найденная в ярославском Спасском монастыре большая (126 × 194 см) икона молящейся богоматери, приписываемая Алимпию. Икона пронизана свежими воспоминаниями о золоте киевских мозаик: у нее золотой фон, золотом сияют складки одежд. Образ богоматери — вдохновенный гимн женской красоте: ее тело высоко и стройно, у нее крошечные руки и маленькая голова; прекрасное розовое лицо с тонким носом и нежными губами освеще-

---

[86] Это выдающееся открытие новых имен русских мастеров сделано А. А. Медынцевой (см. «Новгородские надписи — граффити XI—XIV веков (по материалам Софийского собора)». Автореф. канд. дисс. М. 1971, стр. 9—17).

[87] В. Н. Лазарев. Михайловские мозаики. М. 1966.

[88] Н. А. Демина. Отражение поэтической образности в древнерусской живописи (на примере иконы «Георгий-воин» XI—XII веков). «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М. 1972.

но взглядом чудесных, чуть косящих глаз, смотрящих прямо в душу из-под круто изогнутых соболиных бровей [89].

Древнерусские художники искусно украшали книги причудливыми заставками и буквицами, с неистощимой фантазией живо писали фигуры людей, тварей и растений. Миниатюры древнейшей рукописи «Остромирова евангелия» своим колоритом и тончайшим золотым рисунком контуров и деталей напоминали драгоценные перегородчатые эмали золотых диадем, ожерелий и серег-колтов княжеско-боярской знати. Это был единый стиль, воплощавший ее вкусы, ее мировоззрение. Тот же интерес художника к изображению пышных княжеских облачений сказался и в групповом портрете семьи князя Святослава в «Изборнике Святослава» 1073 года, где, однако, нет попытки передать живые черты лиц княжого дома, фигуры которых плоскостны и мертвенно неподвижны. Искусство Древнерусского государства X—начала XII в. отражало особенности культуры той поры. Оно было еще пронизано мирской стихией. В нем жило сознание силы народа, могущества Русского государства и его владык, поднимавших меч на самый Царьград. Это искусство характеризовалось оптимизмом мировосприятия, еще чуждого аскетизму и церковной исключительности.

Киевская Русь оставила будущим поколениям богатейшее культурное и художественное наследие. Однако исторические условия его развития и общий характер культуры в конце XI — начале XII в. существенно меняются. Наступает период феодальной раздробленности. В границах уходящего в прошлое Древнерусского государства возникают независимые от Киева феодальные княжества со своими столичными центрами и епископиями, со своими политическими интересами и культурными связями. Их потребности и цели значительно уже и скромнее грандиозных замыслов времени Владимира и Ярослава. Однако теперь шире раздвинулись границы развития культуры, вынесенной на просторы Восточноевропейской равнины, народные массы были активнее включены в историческое творчество, что обогатило культуру и искусство обилием местных оттенков и вкусов. Одновременно с упрочением феодального строя росло могущество и влияние церкви. Еще при Ярославе «черноризьцы почаша множитися и монастыреве почаша быти», что оказало значительное воздействие на дальнейшее развитие архитектуры и искусства. Ни отдельным феодальным городам, ни монастырям не было нужды в архитектурных гигантах, равных Софии, да и располагали они более ограниченными средствами. Строители со временем переходили на более простую, «порядовую» кладку из плинфы.

Характерным образцом храма переходного периода является собор прославленного в истории русской культуры киевского Печерского монастыря (1073—1078 гг.). По сравнению с Софией он невелик и очень строг. Его объем лишен могучей ярусности и живописности и как бы замкнут в себе. Вместо ликующего тринадцатиглавия массив здания венчает одна тяжелая глава. Исчезли галереи и лестничные башни: вход на хоры помещен внутри северной и западной стен храма. Он как бы изолируется от окружающего мира и противопоставляется ему, символизируя мысль о неподвижности и извечной богоустановленности бытия. Внутреннее пространство храма, с хорами в западной части, расчлененное шестью мощными крестчатыми столбами, тоже неподвижно и сурово. Этот тип «соборного» храма повторяют и городские соборы новых столиц, крупных городских центров, а также больших монастырей. Одновременно распространяется тип небольшого четырехстолпного храма, вполне удовлетворявший потребности феодального двора или городского прихода. Теперь архитектура, как правило, обеспечивала только непосредственные нужды культа: различные по величине и назначению храмы не несут в своем образе ясно выраженных больших общественных идей; они более или менее «стандартны». На этом фоне выделяется связанный с пропагандой культа первых русских «святых» князей колоссальный крестовокупольный храм Бориса и Глеба в Вышгороде (до 1076 года).

Чернигов, крупнейший после Киева город Поднепровья и гнездо воинственной княжеской династии Ольговичей, не уступал «матери градов русских» в развитии строительства и искусства. И здесь архитектурным ядром города был княжеский дети-

---

[89] В. И. Антонова и Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи XI — начало XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. Т. I. М. 1963, стр. 51—53.

нец. Рядом с древним Спасом находился Борисо-Глебский храм — усыпальница княжеского рода, окруженная галереей с восточными приделами и гульбищем наверху. Могучий барабан главы усиливал впечатление неподвижности массива здания. Зодчие стремились создать иллюзию кладки храма из белого камня, расчертив штукатурку фасадов «швами», что гармонировало с применением в декоре фасадов крупных резных белокаменных капителей. Видимо, черниговской знати, как и феодалам Галича и Владимиро-Суздальской Руси, импонировало великолепие богато украшенных резьбой белокаменных храмов. Между соборами благодаря раскопкам были обнаружены остатки небольшого каменного княжеского терема. Созданный в 1183—1186 гг. Благовещенский собор стремился соперничать с киевской Десятинной церковью; обширный и вместе с тем изящный, опоясанный галереями, внутри он был богато убран резным белым камнем и имел украшенные мозаикой полы. Наряду с этими крупными сооружениями в Чернигове получило развитие строительство малых, порой бесстолпных храмов. Возводились они чаще всего на небольших феодальных дворах. Черниговское зодчество, отличавшееся высоким архитектурно-техническим совершенством, впитало в себя глубокие традиции художественной культуры Древнерусского государства. Вспомним, что из знаменитого черниговского кургана X в.—«Черной могилы» извлечены два древнейших выдающихся памятника русского прикладного искусства — серебряные оковки турьих рогов.

В Переяславе Южном (ныне Переяслав-Хмельницкий), крупном стольном городе и важнейшем стратегическом центре в пограничье со степью, несмотря на его тревожную боевую службу, в XI—XII вв. развивается значительное монументальное строительство [90]. В конце XI в., при епископе Ефреме, в детинце возник целый комплекс каменных построек, соперничавший с ансамблем киевской митрополии. Епископский двор оградили каменной стеной с надвратной церковью Федора. Собор архангела Михаила — огромный храм с притворами — был центром ансамбля; его интерьер украшали, как и в киевской Софии, мозаики и фрески, мозаичные и майоликовые полы. По соседству с собором стоял каменный дворец епископа (11 × 18 м), едва ли не превосходивший драгоценностью своего убранства собор: в нем были мозаики, мраморные инкрустации и капители, выложенные шиферными плитами с мозаичными узорами полы. Русского летописца удивила постройка епископом Ефремом каменной бани — «сего же не бысть (преже) в Руси», видимо, это были придворные епископские бани византийского образца. Наряду с крупными, монументальными зданиями строились и совсем небольшие храмики в отдельных боярских усадьбах.

Волынские зодчие придерживались киевской традиции. Они строили много храмов из плинфы, которые, по-видимому, не выходили за пределы привычных типов здания. В лежащем на север от Волыни маленьком Гродненском княжестве на Немане зодчие создали весьма эффектную систему убранства кирпичных фасадов храмов вставками огромных глыб цветного полированного валунного камня и цветных майоликовых плиток, из которых набирались изображения крестов и геометрических фигур [91]. Строители из Галицкого княжества использовали разнообразные по качеству и цвету местные известняки, широко применяя их в декоративной резьбе фасадов. Галич был богат каменными зданиями, руины которых теперь известны далеко за чертой городских укреплений: они, видимо, являлись разнообразными по форме и масштабам храмами боярских пригородных усадеб или небольших монастырей. Сохранившаяся в сильно измененном перестройками виде церковь Пантелеймона свидетельствует о высоком мастерстве ее зодчих и резчиков, оставивших в наследие нарядные порталы и капители. Летопись сохранила яркое описание ансамбля, созданного князем Даниилом Галицким в новой столице княжества Холме. Храмы этого ансамбля группировались вокруг высокой деревянной башни и были окружены «красным садом». Церковь Иоанна была богато украшена резным камнем: на капителях высечены человеческие головы, а над порталами — изображения Спаса и Иоанна. Резьба была раскрашена и позолочена. Автор этого убранства—русский мастер Авдий. Столь же пышным являлся интерьер храмов с круглыми колоннами из цельного камня и полами из сверкающих

[90] М. К. Каргер. Памятники древнерусского зодчества в Переяслав-Хмельницком. «Зодчество Украины». Киев. 1954.

[91] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 41. 1954.

медных плит и майолики. Мастера использовали опыт романских зодчих: в церкви Иоанна были «римские стекла», то есть витражи. Даниил Галицкий привез из Венгрии высеченную из багряного мрамора большую чашу («крестильницу») с изваянными по краям змеиными головами. Видимо, галицкие резчики высекали и объемные изображения крупного размера: при подходе к Холму путника встречало поставленное на колонне большое изваяние орла.

Крупной ветвью архитектуры Приднепровья необходимо признать зодчество древнего Смоленска, где было до 30 монументальных каменных храмов, к сожалению, не сохранившихся и известных лишь по трем уцелевшим памятникам и по раскопкам ряда руин. В первой половине XII в. Смоленск, видимо, пользовался услугами черниговских зодчих, создавших здесь довольно традиционные постройки. Расцвет строительства и формирование местной архитектурной школы падают на конец XII — начало XIII века. Они связаны с ростом влияния горожан, боровшихся с князьями за свои права, с ростом городской культуры. В начале XIII в. здесь появляется еретическое движение и подвизается монах-вольнодумец Авраамий, собиравший своими проповедями множество простых людей. Быстро меняются и художественные вкусы: статичность и замкнутость церковных зданий уже не удовлетворяет и сменяется тягой к их динамической «высотной» композиции, ярусности объема, напоминающей древний «образец» — киевский Софийский собор. Храмы опоясываются широкими галереями-усыпальницами, местом сбора горожан для обсуждения мирских дел.

Большой собор на Протоке имеет раскидистую композицию. К западным углам галерей примыкают небольшие четырехстолпные храмики — частные усыпальницы, создающие известную распластанность здания. Пучковые пилястры членят фасады, подчеркивая стремление к высотной динамике. Несравненно более сильно эта тенденция выражена в великолепном храме Михаила архангела у двора князя Давида, построенном неизвестным выдающимся мастером (1191—1194 гг.). Высокий основной объем здания как бы усиливают и поддерживают, вынося его кверху, боковые приделы, притвор с запада и сильно повышенная мощная апсида алтаря. Они создают крестовидность плана и масс здания, рассеченных снопами вертикалей пучковых пилястр и завершенных трехлопастной кривой, над которой уходит ввысь стройная глава. В отличие от обычных крестовокупольных храмов, замкнутых, суровых и недвижимых, смоленский храм Михаила архангела — покровителя княжеской власти и воинских дел, главного воеводы небесного воинства — был исполнен энергичным и сильным движением ввысь. Его внешний убор, нарядный и в то же время сдержанный, не отягощал этого движения и придавал храму несколько светский характер и изящество. По признанию летописца, это здание было необычным «в полунощной стране» и восхищало современников своей красотой и богатством внутреннего убранства. Его интерьер также проникнут подчеркнутой высотой и легкостью, здесь не было членивших пространство хоров. Все это являлось результатом творческой переработки канонической крестовокупольной системы и формирования своего, русского архитектурного стиля.

Однако это течение не было местным явлением. Видимо, зачинателем его был полоцкий мастер Иоанн, построивший в середине XII в. (около 1159 г.) собор Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке с его оригинальной ярусной башнеобразной композицией. К тому же течению примыкал гениальный строитель Покрова-на-Нерли (1165 г.), где ступенчатая ярусность и динамика композиции начинаются с холма в основании здания, переходят на аркады открытой галереи, далее на «плечи» храма и, наконец, завершаются стройной, легкой главой. Но все же расцвет этого течения приходится на конец XII — начало XIII в., захватывая крупнейшие центры Руси, превращаясь в общерусское течение. Так, в Пскове Троицкий собор (около 1190 г.) сочетал полоцкие черты с характерными пучковыми смоленскими пилястрами. В самом киевском Поднепровье в пору княжения в Киеве Рюрика Ростиславича смоленского, славившегося «любовью несытной о зданьих», создается ряд выдающихся памятников нового стиля. Это прекрасный храм Василия в Овруче, сочетавший динамику вверх с двумя лестничными башнями у западных углов, явно стремящимися напомнить о державности киевской Софии; это величественный собор 12 апостолов в Белгороде.

С заказом того же Рюрика Ростиславича связывают самый замечательный памятник нового стиля — храм Пятницы в Чернигове, построенный, возможно, люби-

мым зодчим Рюрика, его «приятелем» Петром Милонегом (рубеж XII—XIII вв.). Это сравнительно небольшой четырехстолпный храм стройных, изысканных пропорций, подчеркнутых легкими пучковыми пилястрами. Мастер в корне изменил конструкцию перекрытия: угловые части были перекрыты сводами в четверть окружности, а несущие легкий и стройный барабан главы подпружные арки поднялись по отношению к сводам архитектурного креста. Теперь завершающая фасады трехлопастная кривая получила конструктивную основу, как и стремительная ярусность верха. Изящество и «высотность» храма подчеркивал прозрачный декоративный убор его фасадов выложенными из плинфы деталями и орнаментами. Описанное течение в архитектуре характеризуется разнообразием композиционных решений: свои черты имеют храмы Путивля и Новгород-Северского, где пучковые пилястры обретают почти готическую заостренность. Однако эти местные отличия не разрушают единства нового стиля, обогащаемого творческой выдумкой мастеров. Строители не замыкаются в узких границах своего княжества, их приглашают и в другие земли. Так, прославленные смоленские мастера строят по заказу «заморских» купцов церковь Пятницы в Новгороде (1207 г.), небольшой храмик на Вознесенском спуске в Киеве (рубеж XII—XIII вв.), собор Княгинина монастыря во Владимире (1200—1201 гг.). Исторический интерес описанного общерусского стиля состоит в том, что в нем, как и в «Слове о полку Игореве», по-своему выражались те же идеи о необходимости единения русских сил. Не случайно поэтому этот стиль так быстро распространялся, смело перешагивая рубежи феодальных княжеств. Сила его художественной выразительности, высотности и собранности в равной мере импонировала и патриотизму горожан и горделивым притязаниям князей на главенство в русском феодальном мире.

Если о развитии архитектуры в XII—XIII вв. благодаря археологическим раскопкам можно судить с относительной полнотой, то живопись того времени известна крайне фрагментарно. Она либо еще скрыта под позднейшими «поновлениями», либо начисто исчезла при разрушении храмов, оставив нам жалкие обломки. Монументальная живопись теперь отказывается от дорогой и сложной по исполнению мозаики, которая к тому же уже не подходит к убранству сравнительно небольших храмов, так как фактура мозаики требует больших расстояний. Повсеместно мозаику сменяет фресковая живопись. Ее художественные свойства усиливают суровость и строгость храмового интерьера. Существенно, что в состав росписи входит большая композиция «Страшный суд». Впервые художники воспроизвели ее под хорами собора киевского Кирилловского монастыря (середина XII в.), сооруженного черниговским князем Всеволодом Ольговичем, стремившимся закрепиться на киевском престоле. В центре композиции — неумолимый судия Христос на троне с апостолами и толпами «подсудимых» по сторонам. Раскрываются книги дел и помыслов каждого человека. Ангел «свивает небо» над этой трагической сценой, итогом которой является рай («Лоно Авраамово») для праведников и страшная картина адской бездны, где демоны терзают грешников. Наряду с этим в росписи видное место занимают огромные фигуры «святых воинов», олицетворяющие силу княжеского меча и право силы. Цикл сюжетов о деятельности святого Кирилла Александрийского подчеркивал мысль о руководящем значении церкви в решении земных дел; в этих сценах сказывается влияние какого-то иконописного «образца». Стиль росписи характеризуется плоскостностью и отвлеченностью; светлые, несколько пестрые краски придают росписи ковровый характер, но по сравнению с росписью Софийского собора она несколько примитивна. В целом же по своему духу и содержанию кирилловская роспись прекрасно отвечает условиям и потребностям своего времени, поры решительного укрепления феодального строя, княжеской власти и влияния церкви.

Очерченные здесь важнейшие явления древнерусского искусства XI—XIII столетий свидетельствуют о сравнительной быстроте его развития, коренящегося своими истоками в великом наследии Киева эпохи Владимира I и Ярослава Мудрого. Примечательным явлением рубежа XII—XIII вв. был стремительный расцвет нового, общерусского архитектурного стиля, намечавшего ведшие далеко вперед пути — к зодчеству Русского централизованного государства.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И. Ю. Андросов

События последних месяцев перед второй мировой войной по-прежнему остаются в центре внимания мировой историографии, и вокруг них до сих пор не стихают научные споры. Как и прежде, реакционные буржуазные авторы используют события 1939 г. в качестве повода для очередных нападок на СССР и его внешнюю политику. Советские историки уделили трагическим событиям кануна второй мировой войны немало внимания. Однако до сих пор детальнее был изучен и освещен ход англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. в Москве. Вопросы же, связанные с советско-германским договором от 23 августа 1939 г., разработаны пока слабее. Между тем имеющиеся источники позволяют значительно расширить наши представления о ходе событий в преддверии второй мировой войны. В данном очерке, касающемся этих событий, использованы публикации документов внешней политики разных стран, а также материалы из Архива внешней политики СССР.

Вначале несколько слов о некоторых принципиальных аспектах темы в связи с освещением их в буржуазной историографии. Как известно, политика «умиротворения» фашистских агрессоров, проводившаяся западными державами на протяжении долгих лет, подошла в августе 1939 г. к своему драматическому финалу. Непримиримая антисоветская позиция буржуазно-помещичьей Польши и молчаливое поощрение ее правительствами Англии и Франции привели к провалу военных переговоров в Москве, сделав беспредметным разговор о коллективном отпоре агрессору, организовать который настойчиво предлагало Советское правительство. Время, оставшееся до начала войны, исчислялось, как это вскоре выяснилось, лишь днями. Объективный отсчет его никак не согласовывался со «временем» англо-французских «умиротворителей», склонных всемерно затягивать переговоры с тем, чтобы еще более пододвинуть к рубежам Советского Союза опасность гитлеровского военного вторжения. В этой связи правительство СССР очень трезво оценивало создавшееся положение. Агрессивность гитлеровской Германии, ее лютая враждебность Советскому Союзу, провокационный характер действий японских милитаристов на восточных границах нашей страны и МНР, где шли напряженные бои у р. Халхин-Гол,— все эти факторы вкупе с явным нежеланием Лондона и Парижа создать эффективную систему коллективного отпора агрессорам грозили стране социализма смертельной опасностью.

Отказ Запада принять стратегию мира, к которой призывал Советский Союз на протяжении многих предвоенных лет, заставил правительство СССР искать практический выход из создавшегося положения с тем, чтобы оттянуть вступление СССР в войну и завоевать необходимую отсрочку для обеспечения подготовки к решающей схватке. Такое решение, исходившее прежде всего из соображений безопасности страны, и обусловило согласие советской стороны подписать 23 августа 1939 г. договор с Германией о ненападении. Именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что данный договор являлся постоянной мишенью для нападок на советскую внешнюю политику со стороны ее врагов. Это — политическая сторона дела. А методологической основой подобных действий буржуазных авторов служит полный отрыв ими обстоятельств, связанных с подписанием договора, от реально сложившейся тогда международной обстановки и от сугубо классового, империалистического характера стратегии «умиротворения» агрессора. Между тем только комплексное рассмотрение эволюции международных отношений после 15 марта 1939 г., когда была ликвидирована независимость Чехословакии,

и анализ политики правительств Англии, Франции и США в марте — августе того же года позволяют исчерпывающе осветить вопрос о причинах подписания и подлинной исторической роли советско-германского договора.

Указанный период открылся новым предательством «умиротворителей» в отношении Чехословакии. Ее судьба меньше всего интересовала правящие круги Англии и Франции, и это обстоятельство не ускользнуло от внимания немецких дипломатов. «В Великобритании,— отмечал в своем отчете германский посол Г. Дирксен,— эта страна [Чехословакия] при всех обстоятельствах рассматривалась как германский вассал». Лишь нарушение гитлеровским руководством «мюнхенских» правил игры, предполагавших «раздел с Германией сфер интересов методом дружеской дискуссии» [1], несколько смущало правительство Н. Чемберлена. Речь британского премьера 15 марта в английском парламенте, не обещавшего своему народу «никакой иной политики, кроме мюнхенской» [2], прямо свидетельствовала о неизменности английской внешнеполитической стратегии.

Однако новейшие захваты гитлеровского рейха резко увеличивали мощь Германии. Это противоречило многовековой заповеди британской внешней политики, требовавшей, чтобы на европейском континенте никогда не возникало государство, способное один на один противостоять Великобритании. Кроме того, линия на «умиротворение» имела естественные географические пределы. «Политика Чемберлена, — отмечал еще в феврале 1939 г. посол СССР в Англии И. М. Майский, — сводится к сделке с агрессором за счет третьих стран. Но запас третьих стран довольно быстро иссякает» [3]. Очередная агрессия Гитлера грубо нарушила «баланс сил» в Европе, зафиксированный Н. Чемберленом и французским премьером Э. Даладье в тексте мюнхенского соглашения. В этих условиях английское правительство, казалось бы, должно было искать пути к созданию эффективной системы противодействия фашистской агрессии. Однако логика политики «умиротворения», которая вопреки утверждениям буржуазных исследователей была не досужим изобретением Чемберлена и Даладье, а системой внешнеполитических воззрений правящих кругов Англии и Франции в конкретной исторической обстановке предвоенных лет, повела правительства этих стран по иному пути.

Куда же вел этот путь? Хорошо известно, что в ответ на требования Гитлера относительно Данцига и «польского коридора», а затем и Румынии Лондон 31 марта объявил о британских гарантиях Польше, а 13 апреля — Румынии и Греции. Под давлением общественного мнения английское правительство согласилось также на консультации с СССР. Но оно так и не отошло от фактического поощрения германской агрессии и не приступило к созданию системы коллективной безопасности. Первые же дебаты в парламенте по вопросу о гарантиях Польше показали, что эти гарантии не имели под собой реального обеспечения [4]. Консультации же с СССР носили со стороны Лондона эфемерный характер, ибо, по собственному признанию британского премьера, он не хотел сближения с СССР [5]. В результате изменение внешнеполитического курса Великобритании в марте 1939 г. носило сугубо декларативный характер. По существу, так называемый «новый курс» представлял собой лишь модифицированный, кое-как приспособленный к меняющимся условиям прежний курс на поощрение фашистской Германии к активности, в первую очередь за счет СССР. «Британское правительство,— писал английский историк Тейлор,— даже не стремилось сдержать Гитлера путем демонстрации превосходящей силы. Оно пыталось осуществить лишь моральную демонстрацию» [6].

По замыслу английских политиков, Советский Союз должен был как бы содействовать германской агрессии против самого себя! Однако хитроумные схемы Даунинг-стрит были сразу же разоблачены советской стороной. На основе тщательного анализа тенденций международного развития и расстановки сил правительство СССР вскрыло ис-

---

[1] «Documents on German Foreign Policy 1918—1945» (далее — DGFP). L. 1956. Series D, vol. 6, p. 38.

[2] «Parliamentary Debates», House of Commons (далее — PDHC), vol. 345, 1939, col. 526.

[3] Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 069, оп. 29, д. 4, п. 16, л. 6.

[4] PDHC, vol. 345, col. 421.

[5] K. Feiling. Life of Nevile Chamberlain. L. 1946, p. 403.

[6] A. J. P. Taylor. The Origins of the Second World War. L. 1961, p. 498.

тинные замыслы западных стратегов. И. В. Сталин, касаясь отношения СССР к «новой политике» западных стран, заявил, в частности, У. Черчиллю (в октябре 1942 г.): «У нас создалось впечатление, что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера» [7]. Английское правительство не пошло тогда на создание союза в Европе, способного противодействовать фашистскому блоку, и вместо этого стремилось оказать моральное давление на Берлин с целью скорейшего достижения с ним соглашения за счет Советского Союза. Военное столкновение СССР с Германией по-прежнему являлось конечной целью этой английской внешней политики. Расчеты британского правительства были в целом разгаданы руководством «третьего рейха». «Все на свете движется одновременно,— с грустью констатировал У. Черчилль, характеризуя позднее этот период предвоенной истории.— ...В то время, как мы достигали известных позиций мысленно, другие достигли определенных позиций на деле» [8].

Немецкая дипломатия работала с учетом противоположных внешнеполитических курсов, характерных для международного положения того времени. Во-первых, она учитывала борьбу СССР за создание системы коллективной безопасности и отпора агрессору, борьбу, которая оказывала доминирующее влияние на международный климат в Европе и пользовалась поддержкой прогрессивного мирового общественного мнения. Во-вторых, тщательно изучала внешнеполитическую линию Англии и Франции, которая отличалась антисоветской направленностью. Все шесть лет после прихода Гитлера к власти нацистское руководство успешно использовало антикоммунистический козырь в игре против правящих кругов западных стран. А ответная двойная игра Англии и Франции открыла весной 1939 г., по мнению Гитлера и его окружения, новые возможности в этом направлении. Недаром в первые же дни после захвата фашистами Чехословакии нацистские дипломаты в Лондоне и Париже успокаивали Берлин относительно позиции западных стран. Отмечая резкие антигерманские настроения в Англии и падение престижа правительства Чемберлена, Дирксен в то же время подчеркнул: «Присоединение Чехии к Германии не приведет к увеличению напряженности до такой степени, чтобы это угрожало войной». Он настаивал: «Было бы неверным создавать иллюзии на тот счет, что в отношении Англии к Германии произошли коренные изменения» [9]. Из Парижа немецкий посол сообщал: «Франция на деле ничего не предпримет в ситуации, созданной германскими действиями в Богемии, Моравии и Словакии» [10].

Что касается перспективы участия СССР в возможном блоке против фашистских стран, то в конце марта германские дипломаты все более склонялись к мысли, что «Советская Россия не допускается в число партнеров» [11]. Германское руководство в марте — апреле 1939 г. не только не поддалось английской демонстрации «моральной силы», но и сумело довольно объективно различить истинную подоплеку британской внешней политики и настроений правящих кругов западных стран. «Эти настроения проявились в нескольких речах Н. Чемберлена и английского министра иностранных дел Э. Галифакса, в которых ясно выражался принцип двусторонней политики Англии, или политики двойного действия. Англия хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией и готова для этого принести жертвы...» [12].

В этой обстановке Берлин, не считая себя в достаточной степени готовым к войне с Советским Союзом, начинает маневрирование в адрес наших государственных интересов. Объективную возможность для этого подготовляла двурушническая тактика западных стран, порожденная закоренелым антикоммунизмом их правящих кругов. Гитлеровская дипломатия стремилась использовать до отказа возможности, таившиеся в антисоветизме. С конца апреля 1939 г. «третий рейх» пытается активно играть кар-

---

[7] W. Churchill. The Second World War. Vol. I. L. 1949, p. 349.
[8] Ibid., p. 316.
[9] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 38.
[10] Ibid., p. 23.
[11] Ibid., p. 150.
[12] «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. II. М. 1948, стр. 205—206.

той советско-германского сближения. Стратеги с Вильгельмштрассе, зная миролюбие Страны Советов, задумали большой шантаж по отношению к Англии и Франции [13].

Между тем 17 апреля 1939 г. советский полпред посетил статс-секретаря германского МИД Э. Вейцзекера и по поручению Советского правительства поставил вопрос относительно причин прекращения поставок в СССР договорной продукции с заводов Шкода, оказавшихся на территории германского «протектората» [14]. Вместо прямого ответа Вейцзекер заговорил о «неблагоприятной атмосфере», созданной англо-франко-советскими взаимоотношениями, ставя решение экономического вопроса в зависимость от политической обстановки. Это обстоятельство должно быть отмечено по двум причинам. Во-первых, проблем политического характера коснулся немецкий статс-секретарь, а не советский посол, как это хотят доказать западные историки. Во-вторых, экономические переговоры тоже были начаты и велись по немецкой инициативе. Днем ранее вопрос о возможности маневра стран «оси» в сторону СССР обсуждался в Риме между Муссолини и министром иностранных дел Италии Г. Чиано, с одной стороны, и Герингом — с другой. Геринг сообщил, что он «неоднократно ставил перед фюрером вопрос относительно осторожного зондажа через посредников с целью возможности сближения с Россией...». Муссолини, в свою очередь, отметил, что у итальянской стороны были такие же планы [15].

Следовательно, германская сторона не первый день искала путей для зондажа в отношении СССР, и к тому имелись веские причины, ибо гитлеровская клика всеми силами стремилась сорвать советские усилия по созданию системы коллективной безопасности. В начале мая немецкие должностные лица усиливают «прощупывание» советских дипломатов в Берлине по вопросу о возможности «смены» внешнеполитического курса СССР. 5 мая заместитель отдела печати МИД Браун фон Штумм принялся доказывать советскому поверенному в делах Астахову, что существует ряд симптомов улучшения отношений между Германией и СССР. Более сдержанный, чем обычно, тон немецкой печати по отношению к Советскому Союзу, заключение Германией договоров о ненападении с Эстонией и Латвией, отсутствие обычных нападок на СССР в выступлениях фашистских главарей — все эти признаки, по мнению Штумма, свидетельствовали об изменении германской позиции [16]. Тут же был поставлен вопрос о возможности перемен в советской внешней политике в связи с заменой М. М. Литвинова на посту наркоминдела В. М. Молотовым. В ответ Астахов посоветовал немецкому дипломату не персонифицировать внешнюю политику СССР, ибо она является прерогативой партии и правительства [17]. Такой ответ явно разочаровал немецкого чиновника. «Что касается симптомов улучшения, о которых говорит Браун фон Штумм,— писал в донесении советский поверенный в делах,— то, отведя или взяв под сомнение большинство из них, я отметил, что мы пока не имели никаких оснований придавать им серьезное значение, выходящее за пределы кратковременного тактического маневра» [18]. Все тогдашние попытки Берлина как-нибудь спровоцировать заявление советских дипломатов о желательности сближения СССР с Германией потерпели крах.

Тем не менее в берлинском дипломатическом корпусе усиленно муссировались слухи о советско-германском сближении. 5 мая советник английского посольства Дж. Огильви-Форбс явно в расчете на дополнительную информацию сообщил Астахову, что «за последние дни в Японии усилилось беспокойство по поводу возможностей улучшения германо-советских отношений» [19]. 9 мая на приеме в американском посольстве различные вариации на эту тему пересказывает советскому поверенному в делах турецкий посол Х. Арпаг, указывая, что источником этих слухов являются немецкие официальные лица [20]. 11 мая корреспонденты газет «Times» и «New York Times» на приеме у советского поверенного в делах сообщили о новых спекуляциях насчет советско-герман-

---

[13] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, д. 84, п. 9, л. 76.
[14] DGFP, Ser. D, vol. 6, pp. 266—267.
[15] Ibid., p. 259.
[16] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, д. 85, п. 9, л. 13.
[17] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 460. См. также: И. Ф. Филиппов. Записки о «третьем рейхе». М. 1966, стр. 30—31.
[18] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, д. 85, п. 9, л. 14.
[19] Там же, л. 10.
[20] Там же, л. 15.

ского сближения, исходящих, как они заключили, «из немецких источников» [21]. Слухи множились с невероятной быстротой, обрастая «новыми подробностями» и вызывая все более острый интерес у дипломатов, аккредитованных в Берлине. Хотя в накаленной атмосфере тех дней трудно было представить себе реальные размеры мистификации, истинные цели распространявшейся дезинформации были ясны.

С особым вниманием относилось ко всей этой шумихе советское посольство. Ее суть последовательно вскрывается в донесениях советского поверенного в делах в Наркоминдел. «Из моих телеграфных сообщений и записей в дневниках,— писал он 12 мая,—вы можете заметить, что немцы стремятся создать впечатление о наступающем или даже уже о наступившем потеплении германо-советских отношений. Отбросив все нелепые слухи, фабрикуемые здесь немцами или досужими иностранными корреспондентами, пока можно констатировать как несомненный факт лишь одно — это заметное изменение тона германской прессы в отношении нас... Но, отмечая эти моменты, мы, конечно, не можем закрывать глаза на исключительную их поверхностность, ни к чему не обязывающий немцев характер... Слишком уж ясны мотивы, заставляющие немцев изменить тон в отношении нас, чтобы к этому можно было относиться достаточно серьезно» [22].

Английские же и французские дипломаты, напротив, легко стали жертвами немецкой дезинформации. У. Черчилль в своих мемуарах хвалит французского посла в Берлине Р. Кулондра за его «замечательное донесение» от 7 мая, где говорилось, что на основании секретных сведений посол пришел к убеждению о намечающемся германо-советском сближении [23]. Эти домыслы, пожалуй, были бы на руку антисоветским измышлениям буржуазных историков, если бы не обнаружилось одно любопытнейшее обстоятельство. Информация о якобы начавшемся тогда германо-советском сближении была передана 7 мая во французское посольство Боденшатцем, немецким офицером-связистом, по личному распоряжению Геринга. 29 мая в тех же целях аналогичные «сведения» были переданы польскому посольству. Грубая провокация гитлеровцев была принята руководством западных стран отнюдь не случайно. Нацисты использовали здесь те преимущества, которые давала им антисоветская направленность политики «умиротворения».

Результаты такого маневра гитлеровской дипломатии не замедлили сказаться. Эскалация английских уступок Германии на протяжении небольшого периода (май — июль 1939 г.) убедительно свидетельствует, что немецкий шантаж Англии и Франции «угрозой» германского сближения с СССР возымел свои результаты и явился своеобразным катализатором политики «умиротворения». С невиданной быстротой британское правительство шло навстречу «третьему рейху». 12 мая, по поручению Г. Вильсона, экономического советника британского правительства, в Берлин прибыл член британского парламента Г. Друммонд-Вольф. В ходе беседы в немецком МИД он сразу же подчеркнул, что «политические комбинации, в которые вступает Великобритания, не останавливают ее от предоставления Германии во всем мире, а в особенности в Восточной Европе и на Балканах, такой экономической активности, какая ей принадлежит по праву» [24]. Упоминание о Балканах и Восточной Европе не было случайным, и его собеседник хорошо понял этот намек. Затем Друммонд-Вольф поставил вопрос относительно того, какие бы именно колонии хотела получить Германия, и в ответ услышал: все, которые ей принадлежат. Этот визит во многом определил программу секретных переговоров, которые велись в Лондоне видным немецким чиновником Х. Вольтатом.

Ни в английских, ни в германских сборниках внешнеполитических документов нет записей бесед Вольтата с Г. Вильсоном. Но известно, что такие беседы состоялись и что речь шла об англо-германских отношениях [25]. Некоторые представления о содержании упомянутых бесед дают другие материалы. Оказывается, Вольтат развивал, в частности, тезис о том, что Восточная и Юго-Восточная Европа — это «сфера экономических интересов Германии» и что с этим должна согласиться Англия. Поездка Вольтата в Лондон была генеральной репетицией тех его переговоров с видными британскими

---

[21] Там же, л. 16.
[22] Там же.
[23] W. Churchill. Op. cit., p. 331.
[24] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 491.
[25] Ibid., pp. 492—493.

официальными лицами Вильсоном и Р. Хадсоном месяц спустя, которым в предыстории второй мировой войны суждено было стать символом окончательного предательства идеи коллективного отпора агрессору. Попытки добиться скорейшей договоренности с Берлином предпринимал непосредственно и английский министр иностранных дел Галифакс. 19 мая он просит Дирксена, чтобы Гитлер сделал хотя бы «жест», свидетельствующий о том, что он стремится «решить спорные вопросы путем переговоров». Такой жест, гарантировал Галифакс, будет «встречен благожелательным откликом здесь, в правительственных кругах» [26]. Затем в игру включился английский посол в Берлине Н. Гендерсон. 7 июля в беседе с Герингом он откровенно предложил «выложить карты на стол». Однако Геринг уклонился от продолжения разговора, и «пробный шар», как выразился Гендерсон, пролетел мимо [27]. Тогда Гендерсон нанес визит Вейцзекеру. Последний предпочел говорить о второстепенных предметах. Посол настойчиво домогался объяснения, когда же наконец англо-германские отношения выйдут из «заколдованного круга» и что̀ именно Лондон должен сделать для этого. Английский посол не получил ясного ответа на свой вопрос, ибо германское руководство, ведшее свою собственную игру, не было склонно связывать себя какими бы то ни было обязательствами политического характера в отношении Англии и Франции. Менее чем за два месяца политика «умиротворения» проделала такой гигантский путь к пропасти и продемонстрировала столь беспримерный образец морального падения, что нацистам стал очевиден страх перед германской военной машиной, охвативший правительство Чемберлена.

Это обстоятельство оказало определенное влияние на линию Берлина. Еще 23 мая 1939 г. на совещании у рейхсканцлера последний заявил: «Нет уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключается; тогда борьбу следует вести в первую очередь против Англии и Франции». Что касается колоний, предлагавшихся Германии Лондоном, то Гитлер не без задней мысли предупредил против принятия колониальных владений «в качестве подарка» [28]. Вот почему немецкие участники секретных переговоров с Лондоном летом 1939 г. были сравнительно сдержанны. Стремясь добиться от Лондона максимума уступок, Гитлер все же не мог упускать из виду и другую тенденцию международного развития того времени, находившую выражение во внешней политике СССР: нельзя было исключить возможность создания системы коллективного отпора фашистскому блоку, тем более что за нее выступали широкие слои общественности Англии и Франции. «Хотя дальнейший курс англо-русских переговоров невозможно предвидеть, — писал Дирксен 11 мая 1939 г., — можно предположить, что в случае, если даже коренные расхождения между Англией и Россией окажутся непреодоленными, будет заключено соглашение меньшей значимости. Переговоры уже продвинулись слишком далеко, и ожидания общественности слишком велики, чтобы английское правительство могло незаметно отступить» [29]. Беспокойство гитлеровского руководства относительно возможности заключения эффективного союза между СССР, Англией и Францией заметно усиливалось. Сроки нападения на Польшу, предусмотренные в принятом 3 апреля 1939 г. плане «Вейсс», приближались, а Гитлер и его военное командование не имели ясной внешнеполитической перспективы.

6 мая Гитлер потребовал детально проинформировать его о политическом, идеологическом, экономическом и военном положении СССР. 9 мая советник германского посольства в Москве Г. Хильгер был вызван Риббентропом в Мюнхен. С первых же слов, пишет Хильгер в своей книге, ему стало ясно, что министр собирал информацию для личного доклада фюреру [30]. Выслушав Хильгера, Риббентроп велел ему оставаться в Мюнхене и быть постоянно готовым на случай, если Гитлер пожелает говорить с ним лично. Затем Риббентроп отбыл в Берхтесгаден. На следующий день Хильгера вызвали к Гитлеру. Чиновник из окружения фюрера, как мог, пытался успокоить перетрусившего дипломата: ему, мол, ничего не придется говорить, ибо говорить будет сам фюрер. Однако в тот момент Гитлеру было не до риторических упражнений.

---

[26] «Documents on British Foreign Policy 1919—1939» (далее — DBFP), 3d Series, vol. V. L. 1950, № 559.

[27] Ibid., № 9.

[28] «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г.— август 1939 г.). Документы и материалы». М. 1971, стр. 412—413.

[29] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 473.

[30] G. Hilger, A. Meyer. The Incompatible Allies. N. Y. 1959, p. 294.

В присутствии начальника верховного командования вооруженных сил Германии В. Кейтеля, заведующего референтурой в отделе германского МИД Ю. Шнурре и чиновника МИД В. Хевеля Гитлер поставил перед Хильгером ряд вопросов: почему ушел Литвинов, каково экономическое и политическое положение СССР, может ли Сталин «при определенных условиях изъявить готовность к взаимопониманию с Германией» [31]. Германский дипломат постарался дать исчерпывающий обзор внутриполитической и экономической стороны дела, особенно подчеркнув успехи СССР в области индустриализации и хозяйственного развития. Затем Хильгер коснулся главного вопроса — о возможности германо-советского сближения и указал «по ходу дела», как он выразился, на доклад И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б), в котором, как известно, делалось серьезное предупреждение относительно попытки западных стран направить гитлеровскую агрессию против СССР. Отчет об этом докладе немецкое посольство в Москве направило в свой МИД тогда же [32]. Хильгеру показалось, что ни Гитлер, ни Риббентроп не знали об этой части доклада. Информация Хильгера вызвала у Гитлера раздражение. «Существует возможность,— резюмировал он,— что Хильгер стал жертвой советской пропаганды. В этом случае его описание обстановки в Советском Союзе бесполезно. Но если он прав, тогда мы не должны терять времени в принятии мер с тем, чтобы предотвратить дальнейшую консолидацию советской силы» [33].

В течение следующей недели выработка тактической линии Берлина была в основном завершена. Что Германия ни в коей мере не отказывалась от основ своей внешней политики и от враждебного отношения к СССР, а рассматривала новые, планируемые ею мероприятия как средство достижения определенной политической цели, становится совершенно очевидным, в частности, из беседы Риббентропа и Чиано, состоявшейся 6 мая. «Была достигнута договоренность, — говорилось в документе, — что в политических взаимоотношениях между странами оси и Советским Союзом должно наступить успокоение. Однако оно не должно заходить слишком далеко» [34].

Следующий этап немецких дипломатических маневров в отношении СССР начался 17 мая беседой Шнурре с Г. А. Астаховым. Советский поверенный в делах коснулся вопроса о статусе советского торгпредства в Праге. Учитывая прежний объем торгового оборота между СССР и Чехословакией, Советское правительство считало целесообразным сохранить свое торгпредство в Праге как отделение торгового представительства СССР в Берлине. Во время разговора Шнурре попытался затронуть «тему об улучшении советско-германских отношений» [35]. Советский дипломат, отметив известное изменение тона германской прессы в отношении СССР, заявил, что Советское правительство не имеет «данных о коренном изменении германской политики» [36]. Шнурре начал «заверять об отсутствии у Германии каких бы то ни было агрессивных стремлений в отношении СССР» и спросил, «что нужно для того, чтобы рассеять наше недоверие» [37]. Советский представитель холодно заметил, что улучшение атмосферы в отношениях между двумя странами зависит от германского правительства.

Недоверие Советского правительства к маневрам немецкой дипломатии не только не рассеялось, а явно усугубилось. Поэтому нервозность на Вильгельмштрассе возрастала. 19 мая, в соответствии с решением Гитлера, германскому посольству в Москве была послана инструкция сообщить о готовности немецкой стороны возобновить прерванные в феврале 1939 г. советско-германские экономические переговоры [38]. Хотя торговый договор с СССР был действительно желателен для Германии, нуждавшейся в некоторых видах сырья, истинная цель этих предложений была совсем иная.

20 мая, выполняя инструкции МИД, немецкий посол в Москве Шуленбург посетил наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. Заявление посла сводилось к следующему: Германия и СССР возобновляют экономические переговоры [39], и с этой целью

---

[31] Ibid., p. 296.
[32] DGFP, Ser. D, vol. 6, pp. 1—4.
[33] G. Hilger, A. Meyer. Op. cit., p. 296.
[34] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 451.
[35] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, д. 85, п. 9, л. 30.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] G. Hilger, A. Meyer. Op. cit., p. 297.
[39] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 559.

германское правительство собирается послать в Москву для переговоров видного чиновника германского МИД Шнурре. То, что посол услышал в ответ, глубоко поразило его, а позднее вызвало глубокое разочарование и у берлинского руководства: нарком заявил, что «ход последних экономических переговоров создал у Советского правительства впечатление, что мы [германская сторона] не относились к этому вопросу серьезно и лишь играли в переговоры по причинам политического характера»; ведь в феврале тот же Шнурре буквально с полдороги оборвал запланированную поездку в Москву, а переговоры об экономическом соглашении, ведшиеся Шуленбургом и советником Хильгером, также были сведены на нет. Обескураженный отпором, посол посетил первого заместителя наркома В. П. Потемкина и растерянно «пожаловался», что он, собственно, теперь не знает, что ему следует сообщить своему правительству. Но посла не смог «утешить» и Потемкин [40]. Вопреки этому очевидному факту западные авторы пишут о том, что Советское правительство сделало якобы 20 мая серьезный шаг к сближению с Германией. Произвольность таких утверждений опровергается всем ходом советско-германских экономических переговоров в июне — июле 1939 г. и меморандумом Шнурре от 7 июня, в котором он писал: «Мы на сегодняшней стадии англо-советских переговоров особенно стремимся использовать шанс вмешательства в Москве. Самый факт прямых германо-советских переговоров в Москве будет способствовать дальнейшему вбиванию клина в англо-советские переговоры» [41].

После 20 мая на Вильгельмштрассе воцарилась растерянность [42]. Гитлеровская дипломатия усиленно искала выход из создавшегося положения. Подготовленная Риббентропом 24 мая новая инструкция посольству в Москве, исходя из задачи сорвать возможное англо-советское соглашение, предполагала применение в отношении СССР политики обещаний и запугивания. В инструкции говорилось, что у Германии и СССР нет якобы противоположных интересов во внешней политике; что в случае германо-польской войны англо-французское вмешательство представляется чисто иллюзорным и что альянс с Англией принесет Советскому Союзу лишь негативные последствия. В заключение немецкому послу в Москве предлагалось, чтобы тот на возможное выражение недоверия советской стороной ответил, что обе стороны «должны совместными усилиями восстановить взаимное доверие... и подвергнуть его практической проверке» [43]. Предлагаемая инструкцией «тактика» не могла вызвать ничего, кроме усиления отрицательного отношения СССР к немецким маневрам, и поэтому, как лишенная объективного основания, была отклонена, по всей видимости, самим Гитлером; в Москву Шуленбургу была направлена инструкция противоположного характера: «Проявлять полную сдержанность» [44].

25 мая в меморандуме Риббентропу Вейцзекер рекомендовал две вещи: во-первых, Хильгер в ходе экономических переговоров с А. И. Микояном должен от своего имени «вскользь» намекнуть, что «между Германией и Россией все возможности остаются открытыми»; во-вторых, о германской готовности к контактам с СССР должен намекнуть советскому руководству итальянский посол в Москве А. Россо [45]. 29 мая Риббентроп связался с итальянским послом в Берлине Б. Аттолико и попросил его выяснить у Чиано возможность предполагаемого демарша Россо, который мог бы намекнуть в Москве о том, что СССР связывает себя с Англией в такой момент, когда налицо признаки «благоприятной эволюции» в политике Берлина [46].

В тот же день на вилле Риббентропа в Зонненберге состоялась «тайная вечеря» германских и итальянских дипломатов. Присутствовали Риббентроп, Вейцзекер, советник МИД Германии Гаус и Аттолико. Риббентроп вновь предложил осуществить «косвенное вмешательство» итальянского посла в Москве. Аттолико возразил против такого хода, высказав мысль, что такое вмешательство в разгар англо-франко-советских переговоров окажется неэффективным. Рейхсминистру пришлось уступить. Было решено, что во время предполагавшейся встречи с Г. А. Астаховым Вейцзекер скажет

[40] Ibid.
[41] Ibid., p. 663.
[42] Ibid., p. 586.
[43] Ibid., pp. 589—592.
[44] Ibid., p. 593.
[45] Ibid., p. 586.
[46] «Documenti diplomatici italiani» (далее — DDI). Ser. 8: 1935—1939. Vol. 12. Roma. 1952—1953, № 53.

ему, что поднятый Москвою вопрос о правовом положении советской торговой миссии в Праге является делом принципиального характера и поэтому может быть решен «лишь при известном прояснении взаимоотношений» [47]. Кроме того, гитлеровское руководство поручило Вейцзекеру провести новый зондаж позиции Советского Союза. Когда 30 мая Астахов посетил Вейцзекера, последний заявил, что «попытки Великобритании втянуть Россию в свою орбиту указывают на политическую ориентацию Москвы, которую мы должны учитывать даже в сравнительно маловажных вопросах, таких, как вопрос о русском торгпредстве в Праге» [48]. Далее он попытался выяснить возможность советско-германских политических переговоров [49]. Советский поверенный в делах реагировал очень осторожно, указав еще раз на глубокое недоверие к политике Германии, которое существует в Москве. Советская стратегия коллективной безопасности оставалась неизменной. 31 мая на очередной сессии Верховного Совета СССР в докладе о международном положении и внешней политике СССР, сделанном В. М. Молотовым, указывалось на дальнейшее «серьезное ухудшение» мировой обстановки и усиление агрессивных действий стран «оси». Задачи Советского правительства в этих условиях «идут по линии интересов других неагрессивных стран. Они заключаются в том, чтобы остановить дальнейшее развитие агрессии и для этого создать надежный и эффективный оборонительный фронт неагрессивных держав». Отметив известные сдвиги в позиции западных стран относительно заключения пакта о взаимопомощи с СССР, докладчик указал на их неопределенность и половинчатость. «Поэтому,— говорил он,— мы должны быть бдительными.., мы должны помнить... положение: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Только в этом случае мы сумеем до конца отстоять интересы нашей страны и интересы всеобщего мира» [50]. Немецкое посольство в Москве, изучив все сказанное на сессии Верховного Совета СССР и стремясь отыскать моменты, благоприятные с точки зрения Берлина, констатировало, что «Советский Союз до сих пор готов заключить договор с Великобританией и Францией...» [51].

Между тем выдвинутый 25 мая в инструкции английскому послу в Москве британский проект пакта о взаимопомощи продолжал мюнхенскую линию «умиротворения» агрессора и подталкивания его к войне с СССР. 2 июня Советское правительство вручило партнерам по переговорам свой проект договора, который мог явиться основой системы коллективной безопасности, ибо соблюдал интересы как больших, так и малых стран Европы, а также предполагал определение на основе взаимных консультаций «момента немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядка его применения» [52]. Казалось бы, правительства Англии и Франции могли теперь пойти навстречу советским предложениям или хотя бы приступить к их быстрому и эффективному обсуждению. Как известно, ни того, ни другого не случилось. Оценивая реакцию правящих кругов Англии на советское предложение, Дирксен писал 5 июня: «Оптимистические взгляды на перспективы заключения договора, выраженные во вчерашней и сегодняшней прессе, не находят поддержки... у авторитетных британских кругов» [53]. В день, когда Англия послала в Москву одного из чиновников Форин Оффис У. Стрэнга, Советское правительство через своего посла в Лондоне И. М. Майского пригласило в Москву английского министра иностранных дел Галифакса. Но последний уклонился от приглашения, сославшись на сложность международной обстановки, как будто его визит в Москву не должен был способствовать решению ключевого для международного положения вопроса относительно коллективного сопротивления агрессору [54].

Тем временем развернулась тайная деятельность английской дипломатии. В первой половине июня переговоры в Лондоне вели с немецкой стороны принц Гогенлоэ-Лангебург, представивший затем три меморандума на Вильгельмштрассе; Б. Мотс из гамбургского «Германо-британского общества»; анонимное лицо, отчет которого дает

---

[47] Ibid.
[48] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 605.
[49] Ibid., p. 603.
[50] «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны», стр. 425—426.
[51] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 626.
[52] См.: «Международная жизнь», 1969, № 8, стр. 94.
[53] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 635.
[54] См.: И. М. Майский. Воспоминания советского посла. М. 1964. Кн. 2, стр. 483—484.

представление о том, какого масштаба вопросы поднимались во время этих встреч [55]. Переговоры анонима с членами британского кабинета проходили в поместье леди Астор в Клайвдене. 8 июня, то есть в самый разгар обсуждения Лондоном советского проекта, он встретился с Чемберленом, который, характеризуя международную обстановку, сказал, что по-прежнему «хочет мирного урегулирования с Германией. Со дня, когда он пришел к руководству, он придерживался мнения, что европейская проблема может быть решена единственным образом: по линии Берлин — Лондон», и далее признался, что меры, предпринимаемые им ныне, носят вынужденный характер и что «совместимость их с германо-британским соглашением» постоянно учитывается [56]. Такова была четко выраженная программа активного «умиротворения» агрессора, которую английский премьер развивал за четыре дня до посылки в Москву Стрэнга. Характерен также уровень встреч. Если вышеупомянутый документ сопровождался надписью «фюреру», то еще один немецкий чиновник, Венер-Грин, принятый Чемберленом 6 июня и развивавший новые планы германо-британского сближения [57], был личным эмиссаром Геринга. Специфика тогдашних англо-немецких переговоров заключалась в том, что, хотя они велись по преимуществу неофициальными лицами (чего требовала двурушническая политика обоих правительств), по существу они являлись диалогом на самом высоком уровне.

С учетом позиций Англии и Франции немецкая дипломатия и пыталась строить свои отношения с СССР. 2 июня Хильгер посетил А. И. Микояна и, «заверив его в искренности германского правительства», поставил вопрос о «расширении экономических отношений» Германии с СССР [58]. Напомнив, что вина за срыв февральских переговоров лежит на правительстве Германии, нарком уклонился от ответа на это предложение. 7, 12 и 15 июня немецкий МИД шлет подробные инструкции своему посольству в Москве. Смысл их сводится к тому, что германская сторона готова рассмотреть советские контрпредложения и немедленно выслать в Москву своего представителя. «В течение этого периода,— писал немецкий статс-секретарь,— мы старались устранить те помехи, которые еще в феврале казались нам непреодолимыми» [59]. Но и этот шаг германской стороны был оставлен без ответа. В меморандуме от 15 июня Шнурре рисует перед германским посольством в Москве мрачную картину неуклонного падения размеров немецкого экспорта из СССР и резкой нехватки сырья, ощущаемой Германией. «Мы должны понять,— заключает он,— что еще один срыв переговоров положит конец нашим усилиям поставить наши экономические взаимоотношения с СССР на более широкую основу» [60]. Однако усилия Берлина снова оказались напрасными. 17 июня А. И. Микоян заявил Хильгеру, что «он до сих пор не может быть уверенным в том, что эти новые экономические предложения Германии...— не вопрос продолжающейся политической игры, которая интересует немцев лишь в настоящий момент и из которой они, очевидно, намерены извлечь выгоду». Ответ советского наркома, как следует из немецкой записи беседы, вывел германского дипломата из равновесия. Растерянный, он повторял заверения в «искренности» немецкой стороны. Однако народный комиссар, пишет Хильгер в отчете, заявил, что он «не может изменить своего мнения» [61].

---

[55] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 684.
[56] Ibid., p. 682.
[57] DBFP, 3d Ser., vol. VI. 1951. Appendix, doc. № 1.
[58] DGFP, Ser. D, vol. 6, p. 627.
[59] Ibid., pp. 662, 711, 729.
[60] Ibid., p. 730.
[61] Ibid., p. 747.

(Окончание следует.)

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ К КРАСНОМУ ПИТЕРУ

Б. Ф. Федотов

О ходе обороны Петрограда и гражданской войны на Северо-Западе РСФСР в 1919 г. существует обширная историография [1], в которой обстоятельно исследован подвиг защитников колыбели социалистической революции, показано поражение антисоветских сил у ее стен. Слабее освещен крах попыток контрреволюционеров в этом районе сорганизоваться политически и создать с этой целью государственные образования. Сведения о соответствующих событиях разбросаны в общих исследованиях по истории обороны Петрограда и в мемуарной литературе. Специальных сводных работ на эту тему почти не появлялось. Источниковедческая база на сей счет также использована недостаточно полно. Вот почему здесь очерчиваются прежде всего не боевые действия, а гораздо хуже освещенная в литературе закулисная борьба в белогвардейских верхах за власть [2]. Наряду с опубликованными материалами в очерке использованы малоизвестные источники, хранящиеся в ЦГАОР СССР.

Свергнутые в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции эксплуататорские классы — помещики и капиталисты не смирились со своим поражением и развернули ожесточенную борьбу против Советской власти. Глубокая общность коренных классовых интересов и лютая ненависть к первому в мире государству рабочих и крестьян объединили международную и внутреннюю контрреволюцию. С помощью реакционных сил внутри страны империалисты Западной Европы, Америки, Японии стремились реставрировать в России капиталистический строй. Иностранные империалисты и внутренняя контрреволюция создавали на занятых ими территориях разного рода белогвардейско-эсеровские «правительства». Сначала это были антисоветские организации с претензией на представительный характер («Комитет членов Учредительного собрания», «Уфимская директория», «Сибирская областная дума» и многие другие). С осени же 1918 г., когда первые атаки белогвардейцев и интервентов были отбиты, в лагере контрреволюции началась волна насаждения военно-диктаторских режимов с различными вывесками «российских» и местных «временных правительств» и «совещаний». Каждый белый генерал «желал иметь свое правительство, своих министров» [3]. И каждый из генералов старался прикрыть свой военно-диктаторский режим какой-либо вывеской «представительности», пытаясь таким путем противопоставить его подлинно демократической, советской государственности. Генерал Н. Юденич не был в этом отношении исключением, хотя и считал общественность всего лишь служанкой диктатуры.

---

[1] Н. Подвойский. Коммунары защищают Красный Петроград. М. 1920; Д. Надежный. На подступах к Петрограду. М. 1928; «1919. Великая оборона Красного Петрограда. Воспоминания рабочих, работниц, крестьян, красноармейцев, краснофлотцев и курсантов». Л. 1929; Н. Какурин. Как сражалась революция. М.-Л. 1926; А. Геронимус. Разгром Юденича. М.-Л. 1929; Н. А. Корнатовский. Борьба за Красный Петроград (1919). Л. 1929; М. Рыбаков. Из истории гражданской войны на Северо-Западе в 1919 г. М. 1958; А. Пухов. Петроград не сдавать. Коммунисты во главе обороны Петрограда в 1919 г. М. 1960, и др.

[2] О начальном периоде подготовки северо-западной контрреволюцией похода на Петроград см. подробнее: Б. Ф. Федотов. На дальних подступах к Красному Питеру. «Вопросы истории», 1971, №№ 1—2.

[3] «Б. Савинков перед судом Военной коллегии Верховного суда. Полный отчет по стенограмме суда». М. 1924, стр. 186.

1. Первые происки

Поддержка хотя бы со стороны правого «общественного элемента» представлялась Юденичу задачей не меньшей важности, чем формирование и вооружение боевых сил армии для захвата Петрограда. Об этом генерал задумывался еще до поездки к послам США и Франции в Стокгольм, где 14 декабря 1918 г. он вручил Антанте меморандум с предложением своих услуг. Вернувшись из столицы Швеции в гельсингфорсскую гостиницу «Сосиететсхюзет», он еще долго размышлял об этом. Колчак на Востоке, Деникин на Юге и даже белогвардейцы в Архангельске имели не только армии, но и обзавелись различного рода «демократическими» ширмами — «правительствами», «совещаниями», «верховными управлениями». У него же ничего подобного не было. Генерал знал, что результатом первой попытки сделать нечто похожее для Северо-Запада России явился так называемый «Совет обороны» Северной области, созданный с функциями гражданского управления еще при генерале графе Ф. Келлере, главнокомандующем прогерманской Северной армией, формировавшейся в районе Пскова. О его образовании провозгласили осенью 1918 г. монархисты [4]. Но этот мертворожденный прогерманский центр с претензией на функции государственного управления так и не успел себя проявить, если не считать того, что торопил вербовочные пункты быстрее направлять «добровольцев» в Псков. Там же он и развалился после поражения Германии в первой мировой войне.

Другая попытка подобного рода была предпринята белыми в Финляндии. В ноябре — декабре 1918 г. правые русские эмигранты монархического толка хотели создать в Выборге «российское правительство» во главе с А. Треповым, которое, как им казалось, могло заключить союз с Германией и вместе с ее войсками захватить Петроград и Москву. «Правительство» формировалось под прикрытием германских войск и по «императивным советам» их командующего генерала фон дер Гольца. Конечно, произошло это не без содействия правящих кругов Финляндии, в частности К. Маннергейма [5] и министра иностранных дел Энкеля, которые обещали «правительству» 12-миллионный заем. А. Трепов направился было в Стокгольм, желая через послов западных стран заручиться поддержкой со стороны Антанты и надеясь на успех. Но англо-французские разведчики разглядели, что эта затея противоречит их ставке на Колчака. Трепов получил отказ. «Ни денег, ни оружия, ни поддержки этому правительству не будет»,— свидетельствовал в письме к П. Врангелю от 8 августа 1920 г. К. Абаражин, человек, близко знавший закулисную деятельность белых в Финляндии.

Замысел А. Трепова провалился. Но его сторонники не сдавались. В конце 1918 г. в Финляндии был создан «Русский комитет», явившийся своего рода «разжиженным русским правительством». В его состав вошло до 30 монархистов, подобранных лично А. Треповым. И хотя «Комитет» объявлялся безобидной благотворительной организацией, это не мешало ему под покровительством финской реакции ставить подготовку захвата Петрограда в центр программы своей деятельности. Но сделать что-либо существенное в этом направлении правым не удалось по той же причине, что и келлеровскому «Совету обороны». Успехи Красной Армии, революция в Германии, поражение ее в первой мировой войне и, наконец, вывод германских войск из Финляндии нарушили их планы. Смятение и неуверенность царили в рядах «Русского комитета». В это время и появился в Гельсингфорсе Юденич. Но в начале января с приездом в Финляндию П. Струве и А. Карташова инициатива в «Комитете» начала переходить к крупной буржуазии. Окончательно она перешла к ней 14 января на так называемом «съезде» в выборгской гостинице «Андреа». Здесь по рекомендации П. Струве и при поддержке А. Трепова Юденич был признан лидером белого движения на Северо-Западе с диктаторскими полномочиями [6].

---

[4] В состав «Совета обороны» входили известные сторонники В. Пуришкевича и П. Скоропадского, монархисты Г. Дерюгин, Н. Лавриновский, сенатор Н. Туган-Барановский и другие (см. Н. А. Корнатовский. Указ. соч., стр. 58).

[5] Маннергейм, Карл Густав Эмиль (1867—1951 гг.) — реакционный государственный деятель Финляндии, один из главных инициаторов авантюр финской реакции в 1918—1920 годах. Главнокомандующий финской армией во время войн Финляндии против СССР в 1939—1940 гг. и в 1941—1944 годы.

[6] См. подробнее: «Вопросы истории», 1971, № 1, стр. 129—130.

Генерал с энтузиазмом принял роль главы «противобольшевистского белого дела». Его устраивали рекомендации, которые дал ему в Выборге бывший «марксист» П. Струве, и поддержка на первых порах бывшего царского премьера А. Трепова. Больше всего в своем новом окружении он был доволен А. Карташовым. Профессор, обер-прокурор Синода в правительстве Керенского, свой человек в «Национальном центре», А. Карташов взял на себя внешнеполитические дела организаторов похода на Петроград. Уже к марту 1919 г. он добился объединения двух выходивших в Финляндии русских газет («Северная жизнь» и «Русский листок») в одну — «Русская жизнь», правоцентристского направления. Его сторонникам стало легче проводить политику преемственной связи между открытыми сторонниками монархии и мнимыми защитниками Учредительного собрания.

Однако не один Юденич претендовал на Северо-Западе на лидерство в белогвардейском лагере. Параллельно с гельсингфорсским контрреволюционным центром складывался центр с «левым» крылом так называемой «демократической» контрреволюции в Ревеле (современный Таллин) — «Русский совет». Особую активность в нем проявлял некто Н. Иванов, бывший петроградский присяжный поверенный [7]. Именно ему принадлежала идея сформировать здесь северо-западное белогвардейское «демократическое правительство». Первое время эту идею поддерживали руководящие верхи «Русского совета». Предприимчивого присяжного поверенного выслушал председатель «совета», бывший депутат II Государственной думы князь С. Мансыров. Н. Иванов изложил взгляды на характер будущего «правительства», структуру и функции его местных органов. Согласно его спекулятивной идее, белогвардейцы должны были попытаться использовать в своих интересах популярность Советской власти среди трудового населения. Предвосхищая на два года лозунг кронштадтских мятежников «Советы без коммунистов», Иванов предлагал «использовать созданные большевиками советские органы, необходимо лишь вливать в них личный состав». Так писал об этих предложениях С. Мансыров. В середине января 1919 г. князь Мансыров организовал в Ревеле «частное совещание» местных русских буржуазных деятелей, предоставив, таким образом, Иванову возможность выступить с обоснованием своих взглядов перед более широкой аудиторией. Свыше 150 состоятельных бывших хозяев слушали его с исключительным вниманием. В итоге они единогласно приняли резолюцию в поддержку предложений Н. Иванова. Затем уже в качестве докладчика Н. Иванов был приглашен в «Русский совет». Здесь заседание после его доклада проходило в течение двух дней в бурных пререканиях между монархистами и буржуазными демократами. По ходу прений «эксперты» из Северного корпуса во главе с полковником К. Дзерожинским давали заключения по вопросам военно-стратегического характера. В заключение заседание приняло решение: во-первых, немедленно начать подготовку похода на Петроград; во-вторых, признать необходимым «незамедлительное образование правительственного центра». Форма бытия «центра» не уточнялась. В резолюции предусматривалось участие в таком «центре» как консервативных, так и «либеральных русских общественных деятелей», находившихся в Эстонии и Финляндии. По словам С. Мансырова, этому «центру» при условии невмешательства в вопросы военного командования должна была принадлежать «решающая и исключительная власть в вопросах политических, как внешних, так и внутренних».

В Гельсингфорсе тем временем завершился процесс объединения осколков разбитых революцией старых консервативно-буржуазных и соглашательских партий. Контрреволюционные силы ориентировались преимущественно на «Национальный центр» — созданное в июне 1918 г. объединение потерпевших крах кадетов, монархистов, правых меньшевиков и эсеров. Представителем «центра» в Финляндии был А. Карташов. Юденич и его сторонники спешили. Создание на Северо-Западе единого антисоветского фронта в январе — феврале 1919 г. виделось им делом стоящим и неотложным. К тому времени английский военный флот уже более двух месяцев бороздил воды Финского залива. Северный корпус совершал боевые вылазки на позиции Красной Армии под Нарвой и Изборском. Американские продовольственные грузы находились где-то на подходе. Одним словом, к началу марта верхушке юденичевцев казалось, что «двенадцатый час» для революционного Петрограда скоро пробьет. И что-

[7] Там же, стр. 130—131.

бы не оказаться застигнутыми врасплох, в Гельсингфорсе приступили к образованию «Российского правительства», в отличие от предлагавшегося Н. Ивановым так называемого «демократического правительства» Северо-Западной России. Новое «правительство» хотели сформировать не только без Н. Иванова, но и без Колчака и Деникина, которые вели борьбу против Советской власти на Урале и Юге России. По мнению сторонников Юденича, они имели пока мало шансов захватить бывшую столицу Российской империи, где, как им казалось, должна была находиться «всероссийская власть». Сенатор С. Иванов, по свидетельству кадета Е. Кедрина, через А. Карташова предложил Юденичу проект образования «совета министров», согласно которому Юденич должен был сам наметить состав министров [8]. Затем проект перерабатывался с тем, чтобы Юденич вошел в него на равных правах с другими министрами. Наконец, на бумаге «правительство» в основе своей сформировалось [9].

Но положение вскоре изменилось. Первые успехи мартовского наступления Колчака на Восточном фронте заставили Юденича отложить в сторону проект сформирования «Российского правительства». Юденич успел собрать своих «министров» в неполном составе лишь один раз, в начале марта [10]. Поскольку к этому времени Колчак был объявлен «верховным правителем», окружение Юденича посчитало целесообразным получить из рук «верховного» санкцию на усиление режима военной диктатуры на Северо-Западе. Это, пожалуй, был первый в ходе всей авантюры момент, когда наступил крах иллюзий гельсингфорсской финансово-промышленной группы, полагавшей в январе в Выборге, будто ее диктаторские полномочия для Юденича могут иметь самостоятельное значение. В письме от 12 апреля на имя царского посланника в Швеции К. Гулькевича Юденич предложил предпринять важные, с его точки зрения, дипломатические шаги, которые укрепили бы диктаторский режим на Северо-Западе в государственно-правовом отношении. Он высказался за немедленное официальное заявление С. Сазонова как бывшего министра иностранных дел России перед правительствами союзников, Финляндией и Эстонией относительно вручения Юденичу всей полноты власти на Северо-Западе, поставив их, таким образом, в известность, что, мол, только он, Юденич, является «главою государственной власти на Северо-Западе России, вместе с тем охранителем интересов России и ее граждан на территории всех этих стран» и что поэтому «все акты государственного значения, заключенные помимо меня,— писал Юденич,— и без моего согласия не будут иметь силы» [11]. В письме далее предлагалось договориться дипломатическим путем с Англией, США и Францией, чтобы они, со своей стороны, сделали правительствам Финляндии и Эстонии соответствующие заявления в таком же роде.

Постановка Юденичем в апреле вопроса об узаконении его власти на Северо-Западе вытекала из его планов форсирования подготовки наступления на Петроград. К этому побуждали его и новые выступления ревельского противовеса. Здесь одно за другим последовали в то время два шага, направленные против Юденича. Первый исходил от «Русского совета». В этой организации созрела идея о создании органов гражданской административной власти, которая должна учреждаться на захваченных советских территориях. Внесено было предложение образовать «Гражданский совет при главнокомандующем Северного корпуса» [12].

Второй шаг последовал со стороны Н. Иванова. В его газете (с претенциозным названием «Новая Россия»), выходившей в Ревеле, 10 апреля появилось набранное крупным шрифтом объявление, в котором сообщалось, что с марта 1918 г. существу-

---

[8] См. М. Маргулиес. Год интервенции. Кн. 2. Берлин. 1923, стр. 130.

[9] Посты распределялись следующим образом: военный диктатор — генерал Юденич, председатель совета министров — А. Карташов, министр продовольствия — Э. Грубе, министр торговли и промышленности — С. Лианозов, министр иностранных дел — Н. Покровский, министр путей сообщения — В. Шуберский, министр внутренних дел — В. Сомов, военный министр — Горбатовский, морской министр — В. Пилкин либо Развозов.

[10] См. М. Маргулиес. Указ. соч., стр. 130.

[11] Письмо Юденича в тот же день К. Гулькевичем было передано по телеграфу Колчаку и Деникину, С. Сазонову и послу Маклакову в Париж, посланнику К. Набокову в Лондон.

[12] В. Горн. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин. 1923, стр. 44—45; М. Маргулиес. Указ. соч., стр. 158—159.

ет «Исполнительный народный комитет Северо-Западной России». Все другие образованные ранее или вновь возникавшие антисоветские организации объявлялись подчиненными «комитету» и имели лишь «местное значение»; подчеркивалось, что «чьи-либо самостоятельные выступления будут рассматриваться как самочинные» [13]. Юденич поспешил апеллировать к Колчаку. Только тот, как ожидал Юденич, мог объявить его «главой государственной власти на Северо-Западе России». После этого ни один подписанный без его ведома государственный акт формально не имел бы среди белогвардейцев «законной» силы.

Однако ни в Омске, ни в Париже с предоставлением таких полномочий Юденичу не торопились. Противоречия в лагере англо-франко-американских империалистов относительно признания независимости Эстонии и Финляндии оказались сильнее домогательств Юденича. Белогвардейские центры считали, что объявление ничем себя не проявившего Юденича «главой государственной власти» при неустойчивом положении на других фронтах может обернуться не в пользу Колчака или Деникина. Поэтому обращение Юденича долго оставалось без ответа. Тем временем на фронтах обстановка менялась. Рушились планы контрреволюции о соединении Колчака с англо-американскими войсками в районе Вологды. Вместо броска на Москву ударные силы Колчака вынуждены были под натиском Красной Армии отойти к Уралу. Заокеанским хозяевам Колчака ничего не оставалось, как спешить к нему на выручку, активизировав боевые действия на Юге, а также в районе Мурманска и под Архангельском. Наступление на Северо-Западе становилось для них безотлагательным, и империалисты на тамошнем плацдарме организовывали удары по Советской России один за другим. Наступление начали в ночь на 19 апреля «добровольческие» части белофиннов, тремя колоннами двигавшиеся против Красной Армии на линии Лодейное Поле — Петрозаводск. С отрядами Г. Эльвенгрена продвигалось в глубь советской территории сформированное финской буржуазией «Олонецкое временное правительство», которое должно было подготовить созыв местного «национального собрания», чтобы через него заручиться «пожеланиями» о присоединении Советской Карелии к Финляндии. Истинные намерения финских правящих кругов в этом предприятии были вскрыты в ходе дебатов в финском сейме 30 апреля 1919 года. Социал-демократический депутат Котонен в запросе правительству говорил тогда, что за спиной белогвардейцев стояли «спекулянты, кидающие хищные взгляды на местные богатства Олонецкого края». В состав так называемого «олонецкого правительства» входили, в частности, «два представителя компании по эксплуатации лесных участков» [14]. Англо-канадские войска, наступавшие тем временем по железной дороге от Мурманска, 23 мая захватили станцию Медвежья Гора. В свою очередь, потерпевший поражение в первой мировой войне германский империализм не сдавался и тоже не желал оставаться в стороне. Как только успех белых антантофилов обозначился в Эстонии, «железная дивизия» немцев совместно с балтийским ландвером и русским белогвардейским отрядом князя А. Ливена перешла в наступление в Латвии. Фронт латышской Красной Армии у Кальцемы — Митавы (современная Елгава) был прорван. 22 мая немцы захватили Ригу, а четыре дня спустя — Паневежис (в Литве). Буржуазная дипломатия, печать и радио тех дней на Западе шумно приветствовали активность Северо-Западного фронта и прочили ему в ближайшие дни чуть ли не решающие успехи под Петроградом. Но бюро печати Народного комиссариата иностранных дел РСФСР видело причину роста активной пропагандистской шумихи антисоветчиков в другом. 19 мая оно отмечало, что поднятая вокруг Петрограда кампания стратегически увязывалась империалистами с планами «наступления Колчака на Москву» [15].

Нити руководства военными действиями против Советской России на Северо-Западе находились всецело в руках иностранных империалистов: в Финляндии — преимущественно у французов, в Эстонии — у англичан и американцев, в Латвии и Литве — пока что у немцев, поощряемых американцами.

Боевая обстановка на эстонском участке фронта временно складывалась в пользу белых. Внезапность удара, численное превосходство белогвардейцев, местами превышавших силы частей Красной Армии более чем в два раза, сказались с первых же

[13] «Новая Россия», 10.IV.1919.
[14] «Русская жизнь» (Гельсингфорс), 9.V.1919.
[15] «Известия ЦИК», 20.V.1919.

дней их наступления [16]. К 24 мая белогвардейцы захватили города Ямбург, Гдов, поселки Копорье и Сабск, подошли к станции Волосово. В ночь на 26 мая белоэстонцы вступили в Псков. Войска Северного корпуса под командованием А. Родзянко, все еще находившегося под эстонским главнокомандованием, в течение десяти дней оказались почти у Гатчины. Захваченная белогвардейцами территория значительно расширилась. Именно в те дни в лагере контрреволюции произошли события, имевшие прямое отношение к попыткам белогвардейцев решить вопрос о «государственной власти» на Северо-Западе России.

2. «Политическое совещание»

24 мая 1919 г. в лагере Юденича произошли перемены «государственно-правового характера». В этот день Колчак уполномочил Юденича принять на себя «главнокомандование всеми русскими силами Северо-Западного фронта» [17], а Юденич в Гельсингфорсе провозгласил о создании при своей персоне совещательного органа в виде «Политического совещания». Колчак с марта откладывал исполнение рекомендаций своих дипломатических агентов из Гельсингфорса, советовавших парализовать претензии Юденича на формирование «российской» власти в Петрограде путем подчинения Юденича юридически, то есть приказами и «правительственными» распоряжениями. Но реальных шагов в этом направлении со стороны Омска до 24 мая не предпринималось. Зависимость Юденича от Колчака представлялась белым само собой разумеющейся. Теперь она «узаконивалась». Такое подчинение было условием, при котором Англия брала Юденича под свою опеку [18]. Телеграфируя Колчаку о переходе Северного корпуса в наступление, Юденич доносил о том, как об исполнении... «приказания вашего превосходительства». Но в кратком телеграфном сообщении об образовании «Политического совещания» по поводу подчиненности говорилось не столь категорично. В данном случае северо-западный диктатор больше писал о собственной «политической ответственности и правительственной работе», о «работе» всего лишь в согласии с сибирским диктатором. Все еще давали, очевидно, знать о себе тенденции северо-западной контрреволюции играть при удобном случае самостоятельную роль. Это, конечно, не осталось незамеченным в дипломатических кругах белых за границей. К. Набоков, например, телеграфировал 30 мая из Лондона в Омск, что «генералу Юденичу необходима твердая граница указаний, что Омск важнее Парижа». И, конечно, не без учета всех этих нюансов в Омске 5 и 10 июня состоялось подписание указов «верховного правителя», которыми Юденич уже не просто уполномочивался, а назначался «главнокомандующим всеми российскими сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков в прибалтийском районе» [19]. Однако вопрос о «правовом положении» Юденича оказался не исчерпанным и этими указами. Несколько дней спустя в ставке Колчака получили подробную письменную информацию об образовании «Политического совещания». Стало окончательно ясно, что на Северо-Западе по-прежнему пытаются создать нечто вроде «правительства». И тогда из Омска последовали Юденичу четкие указания. «Верховная власть Российского правительства,— говорилось в телеграмме от 14 июня,—возглавляемая Вер-

---

[16] На нарвском участке в частях Красной Армии плотность бойцов на один километр фронта составляла 45 против 100 белогвардейцев (М. Рыбаков. Указ. соч., стр. 25). По другим данным, на участке 6-й стрелковой дивизии это соотношение равнялось соответственно 27 к 100 (Н. А. Корнатовский. Указ. соч., стр. 104).

[17] См. телеграмму Колчака на имя Юденича от 24 мая 1919 г. («Красный архив», 1929, т. 2(33), стр. 118—119).

[18] См. «Вопросы истории», 1971, № 2, стр. 113—114.

[19] В телеграмме по поводу подписания указа от 5 июня извещалось также, что князь А. Ливен приказом Колчака назначен командующим «курляндской стрелковой дивизией» с подчинением Юденичу во всех отношениях. Любопытно в данном случае то, что отряд А. Ливена действовал тогда в Латвии заодно с немцами. 5 дней спустя, 10 июня, Колчаком был подписан второй указ о назначении главнокомандующим Юденича, но этим указом изменялся указ от 5 июня в той части, что теперь Юденич назначался главнокомандующим белогвардейскими войсками уже не в «прибалтийском районе», а на «Северо-Западном фронте». На сей раз не упоминалось о назначении князя А. Ливена. Юденич получил указ о своем назначении 14 июня, а объявил об этом лишь 23 июня в своем первом приказе.

ховным правителем адмиралом Колчаком..., осуществляется Вами именем Верховного правителя. Поэтому никакого нового правительства на вверенной Вам территории допускать не следует» [20].

Юденичу все эти перипетии с «уполномочиваю» и «назначаю» стали известны после 24 мая. При образовании «Политического совещания» он о них не знал, и его окружение действовало вполне самостоятельно. Если в Выборге 14 января и в Гельсингфорсе в начале марта белогвардейцы называли вещи своими именами и провозглашали генерала диктатором, то теперь генерал сам образовал при себе совещательный орган и сам стал его «председателем». Закономерно поставить вопрос: зачем понадобился весь этот камуфляж с перекрашиванием автократии в «демократию»? Все вытекает из вполне понятной тенденции реакции сгладить остроту оппозиции к непопулярному режиму военной диктатуры. Кроме того, менялась обстановка на фронте. В условиях временных военных успехов Юденич и его клика ставили перед собой задачу развить комбинированное наступление на Петроград, а заодно и взять на себя ликвидацию революционных преобразований в захваченных ими советских районах. Этим, собственно, и определялись цели образования «Политического совещания». Говоря более конкретно, эти цели состояли в решении двоякого типа задач. Во-первых, «Политическое совещание» должно было стать своего рода «правительственным органом», который мог бы взять на себя «государственную ответственность» (как говорил А. Карташов) в переговорах с «Финляндией, Эстонией и прочими новоявленными малыми державами» Прибалтики о совместном наступлении на Советскую Россию [21]. Второй задачей «совещания» являлось присвоение управленческих административных функций, то есть исполнение роли «зачаточного и временного правительства для Северо-Западной области» [22]. В сравнении с мартовскими прожектами, когда речь шла об образовании «Российского правительства», это, конечно, звучало скромнее. Но цели и задачи в том и в другом случае были одни и те же. Если новое «зачаточное и временное правительство» чем-либо и отличалось от прежних замыслов, то только тем, что называлось по-другому и уточняло территориальные пределы своей власти. На сей раз сочтено было за лучшее официально объявить претензии на власть и управление, пусть даже при подчинении Омску, лишь в «Северо-Западной области России».

Возникло «Политическое совещание» внезапно, в результате келейных переговоров приближенных Юденича [23]. Пятерка (не считая Юденича) «ответственных министров» во главе с А. Карташовым и В. Кузьминым-Караваевым составила политический центр северо-западной реакции. Она окружила себя «политически неответственными специалистами», которые вершили «правительственную работу» в различных отраслевых «советах», «комитетах» и «комиссиях». Бывший сенатор С. Иванов тем временем форсировал разработку «Положения» о муниципальном управлении Петроградом [24]. В области же местного управления аппарат предполагалось строить «применительно к закону о порядке управления в оккупированных войсками местностях» [25]. Он ничем, по сути дела, не отличался от прежнего армейского управления тыла. В этой части с возникновением «Политического совещания» происходили чисто формальные изменения. Если раньше были начальник тыла армии, начальник военно-гражданского управления, военные коменданты уездов и волостей, то теперь появи-

[20] «Образование Северо-Западного правительства. Объяснения членов Политического совещания при главнокомандующем Северо-Западного фронта В. Д. Кузьмина-Караваева, А. В. Карташова и М. Н. Суворова». Гельсингфорс. 1920, стр. 25.

[21] См. письмо А. Карташова и Г. Новицкого колчаковскому министру внутренних дел В. Пепеляеву от 25 мая 1919 г. («Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 143).

[22] Там же.

[23] В состав «Политического совещания» вошли: генерал Юденич (председатель); А. Карташов (член «Национального центра») — заместитель председателя, «министр» иностранных дел; В. Кузьмин-Караваев (профессор) стал во главе юстиции и агитации; генерал П. Кондзеровский — начальник штаба Юденича; генерал М. Суворов (бывший кандидат Петроградского отделения «Национального центра» на роль военного лидера до Юденича) получил три портфеля — внутренних дел, военных дел и путей сообщения; С. Лианозов (нефтепромышленник, юрист по образованию, слывший в «деловом мире» белых человеком «прогрессивным») стал во главе «министерств» торговли, промышленности, труда и финансов.

[24] См. «Краткий очерк деятельности Комитета по организации городского управления Петрограда в Финляндии». Гельсингфорс. 1919.

[25] «Образование Северо-Западного правительства...», стр. 30.

лись главноуправляющий гражданской частью, губернаторы (Петроградской и Псковской губерний) и те же военные коменданты уездов и волостей. Весь этот аппарат призван был проводить в жизнь реакционную политику царских генералов и «Национального центра»: «сначала успокоение, потом реформы».

Возникновение «Политического совещания» не устранило, а, наоборот, обострило противоречия в белогвардейском лагере на Северо-Западе. Прогерманские верхи командования Северной армии по-прежнему считали себя мало зависимыми от ставки Юденича. Они лишь надеялись усилиться через него путем получения от Антанты дополнительного вооружения. Прогерманские тенденции в Северной армии стали более заметными, особенно после 22 июля, то есть после того, как параллельно с «Политическим совещанием» Юденича в Берлине возникло «Политическое совещание» монархических элементов. Его появление в известной мере способствовало нарастанию трений в гельсингфорсской группе правых, между сторонниками Юденича — Карташова и монархическими элементами из числа бывших царских сановников, промышленников, торговцев и финансистов. С другой стороны, не затухало соперничество между правыми из лагеря Юденича в целом и его «левым» крылом из ревельского противовеса. С ревельской «оппозицией» окружение Юденича считалось меньше всего. «Когда нужно будет — привлекут»,— лаконично заявил секретарь и влиятельный помощник А. Карташова Г. Новицкий «ревельцам», предложившим «Политическому совещанию» свое сотрудничество [26]. С монархистами обходились «дипломатичнее».

Персональный состав «Политического совещания» все время представлял собой объект критики как «слева», так и справа. Кадет Е. Кедрин, оказавшийся вне «совещания», считал, будто Юденич подбирал себе в совещательный орган «людей слабой воли, не способных сопротивляться единовластию» [27]. Но это не совсем так. Никого из членов «Политического совещания» нельзя было заподозрить в недостатке способностей к «сопротивлению». Духовный творец «Политического совещания» А. Карташов говорил тогда: «Мы уже не те кадеты, которые раз выпустили власть, мы теперь сумеем быть жестокими» [28]. «Вешать! Расстреливать!» — таков был «рецепт» успокоения России у другого влиятельного члена «совещания», В. Кузьмина-Караваева. Над преступлениями С. Булак-Балаховича этот профессор уголовного права мог цинично потешаться: «Да, правда, любит сам вешать, любит, любит этак подвешивать, есть грех, но герой» [29]. Словом, всех этих генералов, профессоров, миллионеров привела к Юденичу в политические советчики не личная «слабость», а ненависть к Советской власти. Юденичу важно было остановить свой выбор на таком составе совещательного органа, чтобы не вызывать сколько-нибудь серьезных возражений в верхах общерусского «Политического совещания», «в Париже и у Антанты» [30]. И, надо сказать, ему это удалось. Хотя Омск и не считал «совещание» правительством, но и не возражал против его состава. Колчак в телеграммах на имя Юденича то и дело слал приветствия в адрес А. Карташова. В состав «совещания» готов был войти Б. Савинков, ожидавший со дня на день в Париже полномочий на сей счет от Колчака.

Правящие группировки стран Антанты каждая по-своему способствовали «Политическому совещанию». Особенно много в этом отношении делали воинственные круги английского империализма. В мае — июле они всячески укрепляли то, что бесцеремонно свергли затем в августе. 29 мая английский генерал-лейтенант Г. Гоф [31] заверил Юденича на встрече в Гельсингфорсе, что Англия всячески поддержит его «организацию». Но поскольку Англия не желала тягаться в соперничестве со своим французским партнером в Финляндии, разносторонняя помощь была обещана на эстонском плацдарме. «Англичане... склонны оказать помощь всякого рода для нашей организации в Эстонии»,— сообщал Юденич К. Гулькевичу в Стокгольм в тот же день, сразу после встречи с Г. Гофом. Еще более определенно позиция поддержки Юденича

[26] См. В. Горн. Указ. соч., стр. 60.
[27] М. Маргулиес. Указ. соч., стр. 130.
[28] Там же, стр. 164; В. Горн. Указ. соч., стр. 60.
[29] В. Горн. Указ. соч., стр. 77.
[30] Там же, стр. 143.
[31] Глава военной миссии союзников в Прибалтике, цель которой состояла в том, чтобы организовать антисоветскую вооруженную борьбу и давать на сей счет «советы» буржуазным правительствам прибалтийских стран (см. «Foreign Relations of the United States: Paris Peace, 1919». S. l. Vol. IV, p. 762).

была выражена в Лондоне. В оперативном отделе английского военного министерства генералу Н. Головину было сделано официальное заявление, суть которого состояла в том, что за Юденичем (и его «Политическим совещанием») англичане признают власть на всей захваченной белыми территории Северо-Запада России, а в будущем и в Петрограде [32]. Миссия Г. Гофа, в свою очередь, не упускала случая на месте, в Прибалтике, подчеркивать, что «всю помощь Северной армии Антанта дает исключительно лично в распоряжение генерала Юденича» [33].

Под Гатчиной и на побережье Финского залива тем временем шли упорные бои. Белогвардейцам удалось прорваться к р. Коваши в районе форта «Красная Горка» [34]. Здесь заговорщики 12 июня подняли восстание и, по признанию его главаря, бывшего офицера Н. Неклюдова, заранее готовили образование «Временного правительства». 27 июля в Биорках, на английском крейсере «Дельфи», состоялась встреча английского адмирала Коуэна с представителем Юденича адмиралом В. Пилкиным, на которой были согласованы детали «приема капитуляции» Кронштадта [35]. Англичане пытались организовать силы белогвардейцев для нового броска на Петроград. И, чтобы поднять призрачный престиж «зачаточного и временного правительства» Юденича, созвали в Ревеле координационное совещание. Из Гельсингфорса туда в сопровождении генерала Ф.-Д. Марша, заместителя генерал-лейтенанта Г. Гофа, прибыли ведущие члены «Политического совещания» (А. Карташов, В. Кузьмин-Караваев, генерал М. Суворов). В английскую миссию для встречи с ними пожаловали американские и французские представители. Были приглашены эстонские сановные лица, А. Родзянко и С. Булак-Балахович [36]. На совещании под председательством генерала Ф.-Д. Марша обсуждался план согласованных антисоветских боевых действий. В конце концов англичанам удалось в какой-то мере представить в Ревеле «Политическое совещание» в выгодном для него свете. Но до объединения вокруг него всего антисоветского лагеря было далеко. После ревельского обмена мнениями «Политическое совещание» по-прежнему тщетно ждало покорности командующего армией А. Родзянко, который чувствовал себя хозяином в войсках и не желал иметь дело с «совещанием». Он даже послал было от своего имени представителя к Маннергейму и обещал признать независимость Финляндии в обмен на согласие правительства Финляндии выступить со своими войсками против Петрограда [37]. Однако сам Родзянко тоже ждал покорности от Булак-Балаховича, который, в свою очередь, мечтал стать во главе Северо-Западной армии. Белоэстонцы со своей стороны поощряли Булак-Балаховича, с недоверием относясь к «Политическому совещанию» и А. Родзянко; им было известно о его заявлении по их адресу: «Да дайте им какое хотят признание, потом возьмем два корпуса и покажем...» [38]. Одним словом, прочного «противобольшевистского блока» на эстонском плацдарме, на который рассчитывали англичане после ревельского совещания, не получилось.

Советские республики ответили на эти происки сплочением, усилением обороны и решительной защитой революционных завоеваний. В соответствии с декретом ВЦИК РСФСР от 1 июня 1919 г. «Об объединении Советских Республик: России, Украины, Литвы, Латвии, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом» [39] Красная Армия

---

[32] См. телеграмму К. Набокова с докладом Н. Головина в Омск от 13 июня 1919 г. («Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 139). Признание Юденича и его режима составляло одно из английских условий «энергичного развития» летних боевых операций под Петроградом с целью оказания помощи «трудному положению на Сибирском фронте». Другие условия англичан предусматривали: 1) участие в Петроградской операции всех белогвардейских сил; 2) признание Юденича главнокомандующим; 3) сосредоточение общего руководства операцией в руках союзников (телеграмма С. Сазонова из Парижа в Омск от 21 июня 1919 г.).

[33] А. Родзянко. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин. 1921, стр. 55; В. Горн. Указ. соч., стр. 61.

[34] См. А. Пухов. Указ. соч., стр. 127.

[35] Адмирал Коуэн согласился «передать» Кронштадт и русские корабли белогвардейцам. За собой адмирал сохранял главнокомандование будущим объединенным англо-белогвардейским флотом.

[36] Булак-Балахович из предосторожности вместо себя прислал на совещание своего начальника штаба Стоякина.

[37] См. В. Горн. Указ. соч., стр. 61.

[38] М. Маргулиес. Указ. соч., стр. 179.

[39] «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства», 1919, № 21, стр. 280—281.

Латвии была преобразована в 15-ю армию Западного фронта. Она встала на защиту Петрограда с юго-западных подступов. 7-я армия, оборонявшая западные и северные подступы к городу, после весенних неудач была приведена в порядок, пополнена и значительно усилена партийно-комсомольской прослойкой. В результате к августу прежние успехи белых под Петроградом оказались сведенными на нет. Несмотря на поддержку авиации и военно-морского флота англичан с Финского залива, белогвардейские войска терпели поражение и откатывались назад. Глава американской миссии в Прибалтике Грин сокрушенно писал 5 июля, что, мол, «лето проходит, а вместе с ним исчезает и возможность окончательно очистить прибалтийские провинции от большевиков, захватить Петроград и организовать наступление против большевизма»[40]. 5 августа советские войска освободили Ямбург (современный Кингисепп). У белогвардейцев осталась лишь узкая полоса территории в Ямбургском, Гдовском и Псковском уездах. В войсках их белоэстонских союзников солдаты в массовом порядке отказывались воевать против Советской России. «Настроение эстонских солдат и в смысле большевизма, и в смысле отношения к нам,— вспоминал А. Родзянко о тех днях,— было нехорошим; они, в сущности, своим поведением мало чем отличались от большевиков»[41].

С провалом весенне-летнего наступления на Петроград общее положение Юденича в целом, и в частности «Политического совещания», резко ухудшилось. Прежде всего обострились отношения с буржуазными правительствами прибалтийских государств. Благоволивший юденичевцам Маннергейм на президентских выборах в финском сейме 25 июля был забаллотирован, получив всего 50 голосов против 143, поданных за либерального профессора Г. Стольберга[42]. В эстонских правящих кругах тяга к сближению с «Политическим совещанием», и без того слабая, еще более убавилась. Когда 29 июля Юденич окончательно перебрался из Гельсингфорса в Ревель и известил эстонский штаб, что он, мол, главнокомандующий Северо-Западным фронтом, прибыл и находится на ревельском рейде, ему, не признававшему эстонской независимости, через посыльного ответили: «Эстонский главнокомандующий находится в своем штабе на Булочной улице». Юденичу самому пришлось ехать в штаб и ждать в приемной. А через семь дней после того, как Красная Армия вытеснила белых из Ямбурга, эстонские власти почти совсем прекратили снабжение их войск.

Летнее поражение белогвардейцев остро сказывалось на настроении их войск. Росло общее недовольство. Офицерство роптало, сильнее обычного проявляло германофильские настроения. 4 августа английский генерал-лейтенант Г. Гоф обратился по этому поводу к Юденичу со специальным письмом[43]. В довольно резкой форме Гоф требовал от Юденича ни больше ни меньше, как... «сказать» своим германофильствующим «дуракам-офицерам», чтобы те оставили надежды на Германию. Пусть, мол, они прочтут подписанный 28 июня 1919 г. Версальский мирный договор и убедятся, что у Германии после капитуляции ничего не осталось: ей, дескать, не до помощи русским белогвардейцам. «Укажите Вашим офицерам и солдатам,— говорил Гоф в заключение,— что все раздоры и недовольство их должны быть поглощены одним пламенным желанием взять Петроград»[44].

В связи с неудачами на фронте английские генералы разочаровались в «Политическом совещании». Под их воздействием в ревельско-псковском «левом» крыле белых начали появляться тенденции к «реформе» власти в лагере Юденича. Военные и политические позиции проанглийской буржуазии к середине лета 1919 г. на латвийском плацдарме несколько укрепились[45]. Этого нельзя было сказать о ее позициях на главном направлении борьбы за Петроград — под Нарвой и Псковом. Здесь кризис в бе-

[40] «Papers relating to the Foreign Relations of the United States: 1919». Vol. XII, p. 214. Между прочим, лишь в 1947 г. был предан гласности меморандум Грина, в котором он предлагал предоставить США и Англии мандаты на прибалтийские территории (ibid., p. 212).

[41] А. Родзянко. Указ. соч., стр. 84.

[42] См. И. Сирол. Социалистическое движение в Финляндии. «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, стр. 17.

[43] См. «Архив русской революции». Т. 1. Берлин Б. г., стр. 306—308.

[44] Там же, стр. 308.

[45] В боях второй половины июня 1919 г. под Цесисом белолатышские и белоэстонские войска нанесли немцам поражение. После этого по распоряжению Гофа, расклеенному в спешном порядке для «всеобщего сведения» в Либаве, в Латвии вернулось к власти англофильское буржуазное правительство во главе с К. Ульманисом.

логвардейских верхах усилился. Монархический лагерь (Марков II — И. Пален — Арсеньев) надеялся на помощь находившихся поблизости, в Латвии, германских войск фон дер Гольца. Правое крыло антантофилов (Юденич — Карташов), в свою очередь, приходило в столкновение с так называемыми «левыми демократами» (Н. Иванов — Булак-Балахович). Каждая из группировок ставила перед собой задачу найти ту единственную, как им казалось, форму «сильной государственной власти», которая смогла бы обеспечить реванш за весенне-летнее поражение в боях с Красной Армией. Центром столкновений в белогвардейском лагере становился Псков. Здесь вокруг Н. Иванова и С. Булак-Балаховича группировались воинственные антисоветские элементы эстонской буржуазии. В их кругу вынашивались планы самостоятельного удара по Петрограду из района Пскова через Дно и Новгород. Предполагалось, что белогвардейско-эстонских сил будет достаточно для захвата советских районов по линии Званка—Чудово—Новгород—Старая Русса—Холм—Великие Луки. Н. Иванов потом вспоминал, что этот план представлялся на рассмотрение английских генералов и Ф.-Д. Марш «решительно согласился» с ним [46]. Предусматривалось создание в районе Пскова нового марионеточного государственного образования в виде буферной Псковской «республики». Эстонский консул в Пскове Пиндинг на сей счет делился мыслями с городским головой Ф. Эйшинским и гласным городской думы В. Горном следующим образом: «Необходима немедленная реформа власти... Если понадобится переворот в Пскове, это произойдет просто и безболезненно; придется арестовать только двух генералов» [47] (А. Арсеньева и А. Родзянко).

«Либеральных» общественных деятелей Пскова известие о предстоящем перевороте настораживало. В спешном порядке в помещении «Совета кооперативных съездов» (на Губернаторской улице) собралось совещание узкого круга лиц. Предприимчивые деятели посовещались между собой и решили отправить в Ревель делегацию для переговоров с англичанами и эстонцами. В ее состав вошли В. Горн (меньшевик), С. Башкиров (правый эсер) и И. Азлов (кооператор). Делегацию вначале принял эстонский главнокомандующий И. Лайдонер. Он выслушал посетителей, при переговорах был сдержан, отвечал осторожно и кратко. Но когда перед ним поставили вопрос прямо: «Будет ли эстонское командование активно способствовать перевороту?» — последовал ответ: «Если это серьезное дело, то возможно. Впрочем, советую об этом переговорить с нашим правительством и союзниками» [48]. От председателя совета министров О. Штрандмана В. Горн и его спутники слышали те же скупые, осторожные ответы: «Никакие перемены без согласия союзников нежелательны. Эстонское правительство определит свои отношения сообразно с результатами, т. е. если попытка переворота будет удачна, то поддержит» [49].

Вопрос, таким образом, прояснялся. Но для верности псковские ходатаи посетили в Ревеле английского полковника Хирпета. Однако тот предпочел не ввязываться в вопросы политики и, не вдаваясь в объяснения, направил их в английское консульство. Консул Базанкет оказался вежливым, небольшого роста старичком, который прослужил на консульском поприще в России около тридцати лет и сносно говорил по-русски. Он высказал «предположение», что его посетителям, очевидно, будет полезен генерал Г. Гоф. Потом, что-то соображая, будто бы между прочим, обещал еще раз обдумать положение Пскова и, может быть, кое в чем помочь. Через два дня В. Горн вместе с председателем ревельского «Русского совета» М. Филиппео и его спутником Э. Шульцем были представлены Базанкетом дипломатическому лицу из миссии Г. Гофа, который оказался английским полковником Г. Пири-Гордоном. «Необходимы изменения в политическом курсе юденичщины»,— рекомендовали ему посетители. «Как это можно сделать?» — спросил Пири-Гордон. «Помочь могут только союзники». «А Балахович?» Намек англичанина на Булак-Балаховича вызвал множество вопросов. Речь шла о непригодности предложенной кандидатуры, о неспособности «Политического совещания» справиться с катастрофическим положением юденичевцев на фронте. Наконец, посетители высказали соображения в пользу незамедлительного созыва съезда земских

---

[46] Н. Иванов. О событиях под Петроградом в 1919 году. «Архив гражданской войны». Вып. I. Берлин. Б. г., стр. 94—95.

[47] В. Горн. Указ. соч., стр. 93.

[48] Там же, стр. 95.

[49] Там же.

и городских деятелей. «Зачем он? Каков будет его состав? Какое будет иметь значение?» — опять следовали вопросы один за другим.

В конце беседы Пири-Гордон пригласил посетителей зайти к нему еще раз в тот же день, в 7 часов вечера. К этому времени у него оказалось почти готовым «положение о выборах», в котором признавалась необходимость и «областного правительства» и «съезда общественных деятелей». Только «съезд» выглядел весьма похожим на постоянно действующий «предпарламент». Назначать состав его предоставлялось право самому Юденичу. Словом, под бойким пером британского «дипломатического уполномоченного» рождалась из режима военной диктатуры некая пародия на «представительное учреждение». Искатели путей укрепления сил реакции пытались разъяснить неприемлемость предложенного проекта «обновления власти». Англичанин переспросил: почему не совсем приемлемо предоставление Юденичу права привлекать «общественность» к управлению по своему усмотрению. Тогда В. Горн и М. Филиппео уточнили свою точку зрения, сказав, что в этом случае «была бы ослаблена... та поддержка, которую съезд мог бы оказать Юденичу»[50]. Но это заявление выглядело как признание себя составной частью его лагеря, и оно говорило о многом. Меньшевистско-эсеровские соглашатели и буржуазные «демократы» из Пскова и Ревеля только на словах были против Юденича. На деле они искали пути для более эффективного с ним сотрудничества. Любители фраз о надклассовой демократии заботились о созыве «съезда» десятка-другого земских и городских деятелей старого режима, чтобы противопоставить Советской власти его мнимую демократичность. В конце июля — начале августа 1919 г. В. Горн и М. Филиппео вели в Ревеле успешные, как им казалось, переговоры с англичанами. Тем временем генералы Г. Гоф и Ф.-Д. Марш встречались с правящими кругами Эстонии, генералом Юденичем, А. Родзянко, С. Булак-Балаховичем и Н. Ивановым. Генералы готовили белогвардейские верхи к «реформе власти», которая позволила бы им объединить правый и «левый» лагери юденичевцев с эстонской буржуазией для нового похода на Петроград. Осуществление этого плана, как заявил Ф.-Д. Марш на совещании в Пскове[51], должно было взять на себя некое новое «правительство». Разочаровавшее английских генералов «Политическое совещание» доживало последние дни.

---

[50] М. Маргулиес. Указ. соч., стр. 198.

[51] В совещании принимали участие командир 2-го белогвардейского корпуса генерал Арсеньев, начальник штаба дивизии Булак-Балаховича полковник Стоякин, командир 2-й белоэстонской дивизии полковник Пускар, командир белоэстонского дивизиона бронепоездов капитан Парц, полковник Озол, эстонский консул в Пскове Пиндинг (см. В. Горн. Указ. соч., стр. 101; М. Маргулиес. Указ. соч., стр. 218).

(Окончание следует.)

Обзоры

ПУБЛИКАЦИИ ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАЗВИТИЯ МЕТОДОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СССР

Проблемы развития промышленности СССР и методов социалистического хозяйствования принадлежат к основным в исторической науке. В их изучение значительный вклад вносят советские археографы путем публикации документальных материалов, которые не только расширяют источниковедческую базу, но и стимулируют научно-исследовательскую работу историков, экономистов и представителей других наук. Среди публикаций исторических источников, составивших только за 1956—1970 гг. более 1 200 томов [1], важнейшее место занимают документальные материалы, раскрывающие созидательную, творческую роль Коммунистической партии и советского народа в строительстве социалистической промышленности. Эти издания содействуют изучению и обобщению опыта экономического строительства в СССР, использованию его не только в нашей стране, но и в других социалистических и развивающихся странах.

Обзоры документальных сборников о рабочем классе, статистических источников, характеризующих развитие промышленности, материалов по рабочему контролю и национализации промышленности, истории электрификации [2] и другим вопросам, опубликованные в советской печати, охватывают лишь часть изданий по затронутым проблемам. В настоящей работе предпринимается попытка охарактеризовать в основных чертах издания документов о развитии промышленности и методов хозяйствования в СССР. Публикация их производилась как в специальных сборниках, так и в изданиях по истории государственного строительства, военного дела [3] и других.

Особое место в изучении истории промышленности и методов социалистического хозяйствования занимают произведения и документы В. И. Ленина, включенные в Полное собрание сочинений и тематические сборники, посвященные электрификации, работе государственного аппарата, постановке народного контроля, дисциплине, социалистической законности, работе профсоюзов [4], а также в 37 Ленинских сборниках.

[1] См. Л. И. Арапова, К. И. Рудельсон. Новый этап развития советской археографии. «Вопросы истории», 1971, № 6, стр. 55.

[2] Т. В. Батаева. Издание исторических источников о рабочем классе советского общества за 50 лет (1917—1967 гг.). «Археографический ежегодник за 1967 г.». М. 1969; М. Н. Черноморский. Статистические источники. М. 1957; Т. А. Игнатенко. Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР (1917—1967 гг.). М. 1971; В. Н. Зеленецкая. История электрификации СССР в документах. «Вопросы истории», 1971, № 1.

[3] См. «Каталог сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР. 1917—1960 гг.». М. 1961; «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1960—1963 гг.)». М. 1964; «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1964 — 1967 гг.)». М. 1970; «Социалистическая индустриализация в СССР». Указатель литературы. М. 1972.

[4] «В. И. Ленин об электрификации». Изд. 2-е, доп. М. 1964; «В. И. Ленин о работе советского государственного аппарата». М. 1955; «В. И. Ленин о работе Советов». Изд. 2-е, доп. М. 1970; «В. И. Ленин о партийном, государственном и общественном контроле». Изд. 2-е, доп. М. 1971; «В. И. Ленин о дисциплине». М. 1967; «В. И. Ленин о социалистической законности. 1917—1922». М. 1958; «В. И. Ленин о профсоюзах. 1894—1922». М. 1970.

XXXVII Ленинский сборник вышел уже после завершения выпуска Полного собрания сочинений. В нем впервые опубликовано 507 работ и документов В. И. Ленина: письма, записки, телеграммы, адресованные различным учреждениям и лицам, в том числе и по вопросам руководства хозяйственным строительством. Они содержат фактические данные из практики управления, яркие примеры обобщения советского опыта, методов работы по управлению хозяйством и воспитанию кадров. Например, критикуя Центральное статистическое управление за некоторую оторванность от практики, В. И. Ленин подчеркивал, что первоочередной задачей статуправления должно быть обслуживание практических нужд социалистического строительства, что работа учреждений должна обязательно увязываться с ближайшими целями страны [5].

Важнейшими источниками для изучения рассматриваемых проблем являются решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС, законодательные акты Советской власти, постановления правительства. Труд исследователей значительно облегчается тем, что в конце 50-х и в 60-е годы по решению ЦК КПСС были переизданы протоколы и стенографические отчеты большинства съездов и конференций партии, состоявшихся после 1917 года [6]. Вышли в свет 9 томов восьмого издания сборника «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС», издан ряд специальных сборников о руководящей роли партии в государственном и хозяйственном строительстве [7]. Для изучения экономической истории СССР особый интерес представляют тематические издания решений КПСС по хозяйственному строительству [8]. В них опубликованы важнейшие директивные документы, характеризующие руководящую роль Коммунистической партии, ее громадный опыт в области социалистической индустриализации, в деле мобилизации сил советского народа на развитие новых отраслей промышленности. Продолжается публикация документов руководящих деятелей КПСС и Советского правительства по фондам партийных и государственных архивов [9]. Изучение архивов в указанном направлении является важнейшей задачей историков-археографов, поскольку далеко не все труды и речи выдающихся деятелей партии изданы.

Публикация документальных материалов по истории становления и развития социалистической промышленности, методов хозяйствования была начата еще в 30-е годы журналом «Красный архив» [10] в связи с освещением вопросов истории рабочего контроля и национализации промышленности. В процессе осуществления рабочего контроля и национализации промышленности шла борьба за налаживание производства, накапливался опыт хозяйствования, который был так необходим в управлении социали-

---

[5] См. «Ленинский сборник» XXXVII, стр. 299.

[6] «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г.». М. 1958; «Седьмой Экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г.». Стенографический отчет. М. 1963; «Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.». Протоколы. М. 1959; «Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 г.». Протоколы. М. 1960; «Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.». Стенографический отчет. М. 1963; «Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 г.». Стенографический отчет. М. 1961; «Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г.». Стенографический отчет. М. 1968; «Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.». Стенографический отчет. М. 1963; «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь. 1927 г.». Стенографический отчет. Чч. 1—2. М. 1961, 1962; «Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919». Протоколы. М. 1961; «Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 г.». Стенографический отчет. М. 1962.

[7] См., например, «Борьба КПСС за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926—1929 годы)». М. 1960.

[8] «Директивы ВКП(б) в области хозяйственной политики за десять лет (1917—1927 гг.)». М.-Л. 1928; «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам». М. 1931; «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Тт. 1—4. М. 1957—1958; «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». Сборник документов. Тт. 1—7. М. 1967—1970.

[9] «Документы Г. К. Орджоникидзе — первого наркома тяжелой промышленности (1932—1937 гг.)». «Исторический архив», 1956, № 5; «В. В. Куйбышев и социалистическая индустриализация СССР». «Исторический архив», 1958, № 3.

[10] «Красный архив», 1934, т. 63; 1935, тт. 69—70; 1939, тт. 95—96; 1940, т. 103; см. Р. Я. Зверев. «Красный архив». Исторический журнал, 1922—1941 гг. Аннотированный указатель содержания. М. 1960, стр. 49—54.

стической промышленностью. Широкую публикаторскую деятельность по затронутым проблемам историки-архивисты развернули в конце 40-х — 50-е годы. Была проделана большая работа по изданию исторических источников по вопросам рабочего контроля и национализации промышленности, становления социалистического способа производства, выработки методов хозяйствования. Инициатива в этом деле принадлежала Институту истории партии при Ленинградском горкоме КПСС, Государственному архиву Октябрьской революции Ленинградской области и Институту истории АН СССР [11]. Первый из сборников, изданный ленинградскими археографами в 1947 г., был подвергнут резкой критике за неудачный в ряде случаев отбор документов и слабую их археографическую обработку [12]. В то же время рецензенты отмечали, что эта публикация явилась «первой попыткой в нашей советской исторической литературе осуществить научное издание такого рода». Эта работа была продолжена центральными и местными государственными архивами в 50-х — начале 60-х годов, когда было опубликовано большое количество документальных сборников [13]. Самый значительный из них — сборник документов по национализации промышленности — был издан ЦГАОР СССР. В нем содержатся документы центральных, ряда республиканских и местных архивохранилищ, дающие исследователям сведения о коренных социалистических преобразованиях в промышленности нашей страны первых лет Советской власти. Из публикаций отдельных республик следует отметить сборник, положивший начало изданию документов о социалистических преобразованиях на Украине [14].

Известный вклад в изучение истории становления и развития советской промышленности археографы внесли публикациями, посвященными вопросам развития отечественной науки и техники. В одной из них, освещающей первые шаги изобретательского дела в Советской республике [15], опубликована записка В. И. Ленина от 13 ноября 1920 г. о направлениях работы Комитета по делам изобретений Научно-технического отдела ВСНХ и ряд отчетных документов этого комитета, которые дают представление об организации изобретательского дела в тот период, о характере изобретений, путях их рассмотрения и практического внедрения в производство. Другие публикации, связанные с именем В. И. Ленина, касаются разработки гидравлического способа добычи торфа, строительства Нижегородской радиолаборатории [16], а также истории создания в СССР материально-технической базы коллективизации (тракторостроения), промышленности синтетического каучука, развития массового рабочего изобретательства в Казахстане и др.[17]. Первые шаги в издании документальных материалов по истории промышленности в восстановительный период сделали историки и архивисты Украины и Армении [18].

---

[11] «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг.». Л. 1947; «Материалы по истории рабочего контроля в промышленности после победы Октябрьской революции». «Исторический архив», 1949, т. 4; «Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920 гг.)». Тт. 1—2. Л. 1958—1960.

[12] См. «Вопросы истории», 1948, № 5, стр. 103—106.

[13] «Национализация промышленности в СССР (1917—1920 гг.)». М. 1954; «Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917—1920 гг.)». Ташкент. 1955; «Материалы по истории СССР». Т. 3. Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии (1917—1919 гг.). М. 1956; «Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июнь 1919 гг.)». Свердловск. 1958; «Рабочий контроль и национализация промышленности Костромской губернии (1917—1919 гг.)». Кострома. 1960.

[14] «Рабочий контроль и национализация промышленности на Украине». Киев. 1957.

[15] «Советские архивы», 1967, № 4, стр. 20—34.

[16] «В. И. Ленин и создание гидравлического способа добычи торфа (1920—1923 гг.)». «Исторический архив», 1956, № 1; Б. А. Остроумов В. И. Ленин и Нижегородская радиолаборатория. История лаборатории в документах и материалах. Л. 1967.

[17] «К истории развития массового рабочего изобретательства в Казахстане (1930—1937 гг.)». «Исторический архив», 1959, № 3; «Из истории создания материально-технической базы коллективизации». «Советские архивы», 1967, № 4; «Из истории создания в СССР промышленности синтетического каучука». «Советские архивы», 1970, № 4.

[18] «Подолия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Винница 1957; «Советская Армения в период восстановления народного хозяйства (материалы и документы за 1921—1928 гг.)». Ереван. 1958.

Сборник документов и материалов о деятельности Иркутского губсовнархоза [19] всесторонне отражает борьбу трудящихся Восточной Сибири за претворение в жизнь директив партии и указаний В. И. Ленина по вопросам экономической политики в начале 20-х годов. Большой интерес представляет напечатанное здесь «Положение об организации и порядке деятельности Иркутского СНХ» от 29 октября 1920 года. Публикуемый в книге протокол совещания Президиума ГСНХ с министром промышленности Дальневосточной республики показывает, как устанавливались хозяйственные взаимоотношения Иркутского ГСНХ и ДВР. Важным дополнением к указанному изданию является другой сборник [20], подготовленный иркутскими историками-архивистами.

Опыт первых лет восстановления промышленности побудил партию предпринять в 1923 г. новые шаги по дальнейшему совершенствованию органов хозяйственного управления. Важное место в этой перестройке занимал декрет СНК от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)» [21]. Принятые Советским государством меры позволили уже в первые годы нэпа добиться некоторых успехов в восстановлении экономики. Проведенная, например, в это время перестройка управления угольной промышленностью Донбасса способствовала значительному росту добычи угля, успешному восстановлению старых и строительству новых шахт. Героическая борьба рабочих Донбасса за восстановление угледобывающих предприятий освещена в ряде публикаций украинских археографов и в журнальной подборке документов [22]. В опубликованной здесь докладной записке управления Донугля в Донецкий губком партии о перестройке каменноугольной промышленности имеются выводы, которые не утратили ценности и актуальности и в наши дни.

Массовое издание документальных источников по истории восстановления промышленности развернулось в 60-е годы [23]. Опубликованные документы воскрешают героические будни борьбы рабочего класса различных экономических районов за восстановление промышленности. Изданные источники всесторонне освещают организацию производства, рост производительности труда, работу производственных совещаний, развитие рационализаторства.

В истории экономического становления Советского государства огромное значение имеет период индустриализации. Проблема быстрого преобразования в прошлом отсталой страны в мощную индустриальную державу привлекала и продолжает привле-

---

[19] «Иркутский губернский Совет народного хозяйства (1920—1922 гг.)». Иркутск, 1959.

[20] «Иркутская партийная организация в восстановительный период (1920—1926 гг.)». Документы и материалы. Иркутск. 1960.

[21] СУ, 1923, № 29, ст. 336.

[22] «Из истории восстановления Донбасса (1922—1924 гг.)», «Исторический архив», 1958, № 3.

[23] «Алтай в восстановительный период». Сборник документов и материалов. Барнаул. 1960; «Восстановление народного хозяйства Гомельской губернии». Сборник документов и материалов. Гомель. 1960; «Восстановление и развитие народного хозяйства Юго-Осетии». Сборник документов и материалов (1921—1929 гг.). Сталинири. 1960; «Восстановление народного хозяйства Брянской губернии (1921—1925)». Сборник документов и материалов. Брянск. 1960; «Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Документы и материалы. Саратов. 1960; «Деятельность партийной организации Полтавщины в восстановительный период (1921—1925)». Сборник документов и материалов. Харьков. 1961; «Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области (1922—1925 гг.)». Сборник документов и материалов. Хабаровск. 1962; «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период». Документы и материалы (1921—1925 гг.). Алма-Ата. 1962; «Восстановительный период на Дону (1921—1925 гг.)». Документы и материалы. Ростов-на-Дону. 1962; «Черкасщина в период восстановления народного хозяйства. 1921—1925 гг.». Черкассы. 1963; «Восстановление промышленности Ленинграда (1921—1925 гг.)». Т. 1. Л. 1963; «Восстановительный период в Северной Осетии. 1921—1925 гг.». Орджоникидзе. 1965; «Социалистическое становление нефтяной Эмбы» Сборник документов и материалов. Алма-Ата. 1965; «Восстановление текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии (1920—1925 гг.)». Сборник документов и материалов. Иваново. 1966; «Кузбасс в период восстановления народного хозяйства. 1920—1926». Кемерово. 1966; «По пути борьбы и побед». Публикация документов по истории народного хозяйства Грузии. 1917—1921 гг.; 1922—1926 гг. «Литературная Грузия» (Тбилиси), 1967, № 1, стр. 50—60; № 2, стр. 46—56.

кать внимание широкой общественности как в нашей стране, так и за рубежом. По этой стержневой проблеме истории Советского государства историки и историки-архивисты Москвы, Ленинграда, Кемерова, Баку, Харькова и других городов в 50-х годах издали ряд сборников документов [24].

Продолжая работу по изданию документальных материалов, характеризующих развитие промышленности, ленинградские археографы в 60-е годы выпустили в свет сборник документов, которые отражают завершение восстановления промышленности и начальный этап индустриализации Северо-Западного района [25]; 150 из них опубликованы впервые. Это постановления местных партийных, советских и общественных организаций, предусматривающие практическое претворение в жизнь директив партии и правительства, направленные на ускорение социалистической индустриализации страны; нормативные акты, характеризующие правовое положение, задачи и структуру губернских и областного совнархозов, трестов и предприятий. В них есть сведения об увеличении промышленного производства по отраслям и по району в целом, о рационализации, росте производительности труда, заработной платы рабочих; характеризуются мероприятия по сокращению штатов и накладных расходов, по борьбе за укрепление трудовой дисциплины; даны материалы о производственных совещаниях, которые уже тогда были основной формой участия профсоюзов в управлении народным хозяйством. Не меньший интерес представляют документы о возникновении и работе временных контрольных комиссий (ВКК).

В середине 60-х годов партийные и государственные архивы развернули активную деятельность по подготовке и изданию общесоюзной серии сборников документов «История индустриализации СССР», которая должна охватить 1926—1941 годы [26]. В ее подготовке участвуют ведущие научно-исследовательские учреждения: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт экономики, Институт истории СССР АН СССР и Главное архивное управление. Для общего руководства работой и установления единых принципов отбора документов, оформления томов, их научного аппарата создана Главная редакция серии. Предпринята попытка на большом, преимущественно не публиковавшемся ранее материале партийных и государственных архивов «раскрыть основные закономерности социалистической индустриализации СССР и особенности ее проведения в главных экономических и национальных районах страны, руководящую роль Коммунистической партии в мобилизации всех сил советского народа на решение коренной экономической задачи, показать пути преодоления тех больших объективных трудностей, которые были обусловлены экономической отсталостью России и капиталистическим окружением первого в мире социалистического государства» [27]. В этом издании публикуются решения, постановления, отчеты, конъюнктурные обзоры и другие документы партийных, государственных и хозяйственных органов. Вышедшие и подготовленные к печати тома [28] широко освещают важнейшие этапы индустриализации по стране в целом и по отдельным ее районам. Всего будет издано около 40 томов. Каждая республика (за исключением Латвии, Литвы и Эстонии) выпустит от одного до трех томов, ряд сборников по основным экономическим районам. Все тома серии имеют строго очерченные хронологические и территориальные рамки и содержат документы, освещающие специфические особенности процесса индустриализации отдельных районов, что позволяет избежать повторного издания документов. Унификация томов достигается

---

[24] «Социалистическая индустриализация Азербайджана (1926—1932 гг.)». Баку. 1957; «Железнодорожный транспорт СССР в документах Коммунистической партии и Советского правительства». М. 1957; «Первые шаги индустриализации СССР в 1926—1927 гг.». М. 1959; «Борьба трудящихся Харьковщины за построение фундамента социалистической экономики (1926—1932)». Харьков. 1959.

[25] «Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925—1928 гг.)». Л. 1964.

[26] См. М. И. Хлусов. Об издании документов по истории индустриализации СССР. «Советские архивы». 1966, № 1.

[27] «Индустриализация СССР. 1926—1928 гг.». Документы и материалы. М. 1969, стр. 7.

[28] См. Г. П. Лебедев. О публикации документальных источников по истории индустриализации СССР. «Исторический опыт Коммунистической партии по осуществлению ленинского плана социалистической индустриализации СССР». М. 1971, стр. 45.

благодаря разработанным Главной редакцией серии методическим указаниям по отбору документов, составлению научно-справочного аппарата и т. д.[29].

В серии издано 14 томов. Запланирован выпуск шести сводных, общесоюзных томов. Три из них, охватывающие период социалистической индустриализации, первой и второй пятилеток (1926—1937 гг.), уже изданы [30].

Как сводные, так и местные тома серии включают документы по двум основным разделам: история промышленности; история рабочего класса и инженерно-технического состава. В сборниках освещается руководящая роль Коммунистической партии в разработке планов экономического развития СССР, публикуются документы о претворении этих планов в жизнь, итоговые данные о промышленном развитии, организации производства, процесса освоения новых и реконструкции старых предприятий. Приняты меры к тому, чтобы включенные в серию директивные материалы не повторялись в различных томах. С этой целью в местные тома включаются лишь те решения партии и правительства, которые имели непосредственное отношение к развитию хозяйства данного района.

Стремясь ввести в научный оборот как можно больше важнейших документов, составители дают пространные хроники — перечни постановлений и решений ЦК ВКП(б), Советского правительства, обкомов, крайкомов партии и других материалов, которые не представилось возможным опубликовать. Изданные тома содержат также подробные комментарии, списки использованных источников, предметные указатели. В ряде сборников [31] разделы хроники приобретают самостоятельное значение. В них даются решения партийных органов, сведения о времени ввода в строй предприятий, об их производственных успехах, выпуске новых машин, перевыполнении планов, составлении встречных промфинпланов, организации хозрасчетных бригад и т. д.

Изданные сборники имеют и недостатки. В них, например, слабо освещены процессы вытеснения из экономики капиталистических элементов, совершенствования методов организации производства и социалистического хозяйствования. Наиболее отчетливо эти недостатки проявляются во втором сводном томе. В нем опубликовано мало документальных материалов, к тому же это выдержки из отчетов, конъюнктурных обзоров и постановлений ведомств, которые не отражают всего многообразия процесса хозяйственной жизни, социально-экономических отношений. Следовало бы привлечь документы непосредственных участников социалистического строительства, коллективов предприятий, протоколы и стенограммы собраний и заседаний, материалы проверок и обследований. Имеется большой временной разрыв между публикуемыми документами. Глава 3-я этого тома, например, открывается извлечениями из материалов к отчету правительства СССР за 1928/29 г., датированных «не ранее 1 октября 1929 г.», далее помещена справка Управления делами СНК от 16 июня 1930 г. и извлечения из конъюнктурного обзора Госплана по состоянию на 1 января 1931 года. Многие вопросы развития промышленности, в том числе реорганизация управления производством, создание сети научно-исследовательских учреждений, не получили освещения, хотя организаторская работа ЦКК — РКИ, хозорганов уже в это время была значительной и эффективной. Нельзя признать удачным и план тома: финансирование (гл. 1), капитальное строительство (гл. 2), организация производства (гл. 3). Более приемлема структура сборников ленинградских археографов, которые на первое место поставили определение задач промышленности, перестройки управления и организации производства. К недостаткам второго тома следует отнести и отсутствие перечня публикуемых документов.

Много ценных документальных публикаций по периоду социалистической индустриализации (в рамках общесоюзной серии и независимо от нее) издано на местах. Историки-археографы Российской Федерации в конце 60-х — начале 70-х гг. опубли-

---

[29] З. К. Звездин, В. Е. Полетаев. О серийном издании документов по истории индустриализации СССР. «Археографический ежегодник за 1967 г.». М. 1969, стр. 250.

[30] «Индустриализация СССР. Документы и материалы». Т. 1 (1926—1928). М. 1969; т. 2 (1929—1932 гг.). М. 1970; т. 3 (1933—1937 гг.). М. 1971.

[31] «Индустриализация Северо-Западного района в годы первой пятилетки (1929—1932 гг.)». Л. 1967; «Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933—1941 гг.)». Л. 1969.

ковали ряд сборников [32]. Изданы документы по социалистической индустриализации на Украине, в Казахстане, Азербайджане, Грузии, Молдавии [33].

Документальные публикации широко освещают вопросы социалистического накопления и финансирования нового строительства — главнейших факторов социалистической индустриализации. В этом отношении особенно важны отчеты об исполнении госбюджета, показывающие источники накопления и финансирования, складывающиеся в основном из доходов предприятий; материалы, отражающие участие населения в финансировании промышленного строительства (в частности, через государственные займы). Документы позволяют всесторонне изучить исторический опыт в области осуществления грандиозных планов индустриализации, повышения технической вооруженности промышленных предприятий, их рентабельности, проведения рационализации производства и режима экономии. Опыт работы коллективов предприятий по внедрению хозрасчета в годы первой пятилетки представляет не только научный, но и практический интерес. В изданных сборниках опубликовано большое количество материалов, освещающих деятельность финансовых и торговых органов. Это конъюнктурные обзоры, отчеты, докладные записки хозорганов, информационные сообщения и другие материалы.

Большой объем хранящихся в партийных и государственных архивах материалов по истории промышленности побуждает археографов проводить тщательный отбор наиболее важных в научно-историческом отношении документов, которые, с одной стороны, показывают специфические особенности развития промышленности в разных республиках, экономических районах, а с другой — взаимосвязь промышленности этих районов с развитием экономики всей страны. Удачно осуществлен, например, отбор документов в сборнике, посвященном Нижегородско-Горьковскому краю, в котором центральное место занимают материалы по коренной реконструкции старых предприятий («Красное Сормово») и строительству новых (Горьковский автозавод). Документы показывают особенности решения на этих и других предприятиях вопросов о кадрах, об освоении новой техники, развитии экономических связей с другими предприятиями. Характеристика менее крупных предприятий отражена в обобщающих документах руководящих органов промышленности края (отчеты, доклады и др.) Следует, однако, заметить, что местные издания серии «Индустриализация СССР» страдают узостью состава публикуемых источников. Это главным образом директивные и отчетные материалы, которые легко можно разыскать в старых ведомственных изданиях и периодической печати тех лет.

Рассмотренные серийные и однотомные публикации показывают, что научным учреждениям уже удалось создать широкую документальную базу для изучения вопро-

---

[32] «Коммунисты Ленинграда в борьбе за выполнение решений партии по индустриализации страны (1926—1929 гг.)». Сборник документов и материалов. Л. 1960; «Саратовская парторганизация в годы борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства. 1933—1937 гг.». Саратов. 1963; «Саратовская партийная организация в предвоенные годы». Документы. 1937—1940 гг. Саратов. 1966; «История индустриализации Урала (1926—1932 гг.)». Сборник документов и материалов. Свердловск. 1967; «История индустриализации Западной Сибири. 1926—1941 гг.». Новосибирск. 1967; «Социалистическое строительство на Сахалине. 1925—1945 гг.». Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск. 1967; «Комсомольцы и молодежь Ивановской области в годы строительства социализма. 1921—1940». Иваново. 1967; «Документы о трудовой славе москвичей. 1919—1965 гг. Из истории борьбы за развитие коммунистических форм труда». Сборник документов и материалов. М. 1967; «Индустриализация Татарской АССР в 1926—1941 гг.». Казань. 1968; «История индустриализации Нижегородско-Горьковского края. 1926—1941 гг.». Горький. 1968; «Индустриальное развитие Центрально-промышленного района. 1926—1932 гг.». М. 1969; «История индустриализации Северного района (Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР). 1926—1941 гг.». Архангельск. 1970; «История индустриализации Центрально-Черноземного района». Т. 1 (1926—1932 гг.). Воронеж. 1970; «История индустриализации Северного Кавказа». Документы и материалы. Т. 1. Грозный. 1971.

[33] «Индустриализация Украины. 1926—1932 гг.». Киев. 1966; «Промышленность и рабочий класс Украинской ССР в период построения фундамента социалистической экономики (1926—1932)». Сборник документов и материалов. Киев. 1966; «История индустриализации Казахской ССР (1926—1941 гг.)». Тт. 1 и 2. Алма-Ата. 1967; «История индустриализации Грузинской ССР. 1926—1941 гг.». Тбилиси. 1968; «Развитие народного хозяйства и культуры Юго-Осетинской автономной области (1930—1940 гг.)». Сборник документов и материалов. Цхинвали. 1967; «Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Советской Молдавии (1926—1958 гг.)». Сборник документов и материалов. Кишинев. 1970.

сов истории развития промышленности СССР, совершенствования производства и методов социалистического хозяйствования. Введены в научный оборот важнейшие документы по истории экономического развития Советского государства с первых лет его существования и до 1941 года. Некоторые публикации охватывают и последующие этапы хозяйственного строительства [34].

Для изучения промышленного развития нашей страны большое значение имеют публикации материалов по истории таких крупнейших предприятий и промышленных комплексов, как Кузнецкий металлургический комбинат, Харьковский паровозостроительный завод, завод «Ленинская кузница», Харьковский тракторный завод имени Серго Орджоникидзе, Магнитогорский металлургический комбинат, Калининский хлопчатобумажный комбинат, Ярославский шинный завод, Курская магнитная аномалия и др.[35]. Ценность этой группы сборников состоит в том, что они позволяют более конкретно осветить историю ведущих предприятий, показать их значение для развития той или другой отрасли промышленности страны, отдельных экономических районов. Эти сборники содержат немало материалов непосредственных участников социалистического строительства.

Обширна публикаторская деятельность по вопросам политического и трудового подъема рабочего класса СССР. Вышли в свет сборники документов, характеризующие организацию и проведение коммунистических субботников, развитие социалистического соревнования в годы довоенных пятилеток, историю борьбы за коммунистический труд в промышленности в 50—60-е годы, историю рабочего класса, профсоюзного движения [36]. Опубликованные в сборниках о социалистическом соревновании на предприятиях Ленинграда и других городов документы освещают опыт рабочих в совершенствовании социалистических и коммунистических форм труда: ударничество и массовое движение за овладение техникой, создание первых ударных комсомольских бригад, соревнование за снижение себестоимости продукции, проведение дня индустриализации, объявление ударных цехов и предприятий, принятие встречных промфинпланов, сменно-встречное планирование, деятельность хозрасчетных бригад, соревнование по профессиям. Эти документы имеют не только научно-историческое, но и практическое значение для современного этапа коммунистического строительства.

Экономическое развитие страны, совершенствование методов управления и хозяйствования получили также освещение в документальных публикациях по проблемам истории плановых и хозяйственных органов. Раньше других стали издаваться спе-

[34] См., например, «Пензенская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». Сборник документов и материалов. Саратов. 1964, и др.

[35] «Столетний путь». К столетию комбината «Красный керамик». Новгород. 1957; «История Харьковского тракторного завода имени Серго Орджоникидзе». Сборник документов и материалов. Т. 1 (1930—июнь 1941). Харьков. 1960; т. 2 (июнь 1941—1962). Харьков. 1965; «Курская магнитная аномалия. История открытия, исследования и промышленного освоения железорудных месторождений». Сборник документов и материалов. Т. 1. (1742—1926). Белгород. 1961; т. 2 (1926—1962). Белгород. 1962; «Поднятый из руин». Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии Волгограда (1943—1960 гг.). Волгоград. 1962; «Возрожденный из руин». Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии г. Смоленска (1943—1962 гг.). Смоленск. 1963; «Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929—1941 гг.)». Сборник документов и материалов. Челябинск. 1965; «История Харьковского паровозостроительного завода. 1917—1932». Сборник документов и материалов. Харьков. 1965; «Эстафета поколений». Сборник документов и материалов (из истории текстильной промышленности). Ярославль. 1965; «История Таганрогского котлостроительного завода (в документах и воспоминаниях). 1917—1967». Ростов-на-Дону. 1967; «История ордена Ленина завода «Ленинская кузница» (1862—1962 гг.)». Сборник документов и материалов. Киев. 1967; «Ярославский ордена Ленина шинный». Сборник документов и материалов. Ярославль. 1968.

[36] «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)». М. 1956; «Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (к тридцатилетию съезда)». М. 1959; «Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.)». Л. 1961; «Поколение ударников». Сборник документов и материалов о социалистическом соревновании на предприятиях Ленинграда в 1928—1961 гг.». Л. 1963; «Движение за коммунистический труд в промышленности СССР. 1958—1963 гг.». М. 1968. О сборниках по истории коммунистических субботников подробнее см.: Т. В. Батаева. Указ. соч., стр. 219. О трудовом подвиге рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны см.: Л. И. Арапова. Публикации документов по истории Великой Отечественной войны. «История СССР», 1965, № 3, стр. 66—76.

циальные публикации по истории деятельности плановых органов[37]. Эти сборники позволяют проследить историю разработки методологии планирования, составления контрольных цифр, годовых и перспективных планов (начиная с ленинского плана ГОЭЛРО), рождение встречного планирования и хозрасчетных бригад.

В связи с хозяйственной реформой, которая осуществляется в нашей стране с середины 60-х годов, а также с усилением внимания партии и правительства к вопросам научной организации труда и управления производством историки-архивисты ЦГАОР СССР и кафедры истории советского общества АОН при ЦК КПСС предприняли публикацию документальных материалов, освещающих развитие форм и методов организации и управления промышленным производством, использование отечественного производственного и управленческого опыта[38]. В научный оборот введены десятки уникальных документов об улучшении работы аппарата ВСНХ, Госплана и других ведомств, о методах осуществления режима экономии, о формах привлечения трудящихся к работе по совершенствованию аппарата хозорганов через фабзавкомы, производственные и экономические совещания, органы РКИ и печать. Широкий круг источников был опубликован в издании Казанского института труда[39], включающем документы и материалы о научной организации труда и управления производством в 20-е годы (главным образом в промышленности). В научный оборот введены документы о развитии НОТовского движения в СССР, а также относящиеся к этой теме материалы съездов и конференций, протоколы заседаний Совета Труда и Обороны, ВСНХ, НК РКИ, ВЦСПС и других ведомств, СовНОТа и институтов НОТ. Опубликованные документы характеризуют развитие промышленного производства методами НОТ, работу массовых организаций Лиги «НОТ», местных органов РКИ, опытных станций ЦИТ, оргбюро, отделов рационализации предприятий; показывают роль выдающихся деятелей нашей партии Ф. Э. Дзержинского, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева, Е. М. Ярославского, Г. М. Кржижановского и других в области научной организации труда и производства. Несмотря на ряд недостатков (слабое освещение роли Наркомата РКИ и других ведомств, преувеличение роли СовНОТа и институтов НОТ), сборник сыграл важную роль в изучении и обобщении производственного опыта, методов научной организации труда на предприятиях.

Ряд сборников документов по планированию, научной организации труда и производства издали ЦГАОР и ЦГАНХ СССР[40]. Эти издания существенно дополняют известные ранее источники по истории становления социалистического способа производства, совершенствования системы управления промышленностью в переходный период от капитализма к социализму, создания фундамента социалистической экономики. Опубликованные в них документы ВСНХ позволяют дать оценку роли различных звеньев аппарата управления (например, трестов, синдикатов) в хозяйственном строительстве, характеризуют условия внедрения хозрасчета и результаты его применения в различные годы, переход от хозяйственной политики военного коммунизма (главкизма) к системе «автономно существующих государственных трестов на началах коммерческого расчета»[41]. Документы этих сборников существенно восполняют пробел в освещении роли ЦКК, НК РКИ и хозяйственных наркоматов в борьбе за совершенствование научных основ организации производства, управления и повышения производительности труда. В изданных ранее аналогичных сборниках содержится крайне ограниченное количество документов РКИ по руководству НОТовским движением,

---

[37] «О встречном планировании и хозрасчетных бригадах в машиностроительной промышленности (1930—1932 гг.)». «Исторический архив», 1955, № 4; «Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах». М. 1957.

[38] «Деятельность органов партийно-государственного контроля по совершенствованию государственного аппарата (от XII до XVI съезда партии)». Сборник документов. М. 1964.

[39] «Научная организация труда двадцатых годов». Сборник документов. Казань. 1965.

[40] Кроме названных выше, см.: «Управление народным хозяйством СССР. 1917—1940 гг.». М. 1968; «Научная организация труда, производства и управления в СССР». Сборник документов и материалов. 1918—1930 гг. М. 1969; «Из истории научной организации труда в СССР. НОТ и РКИ (Документы 1923—1924 гг.)». «Научная организация труда и управления». Изд. 2-е. М. 1966.

[41] «Управление народным хозяйством СССР. 1917—1940 гг.», стр. 60.

вследствие чего создавалось впечатление, будто контрольные органы стояли в стороне от повседневной практики этого движения. Документы, опубликованные ЦГАОР СССР, показывают, что ЦКК и НК РКИ проделали огромную работу по руководству массовым движением в области НОТ и рационализации, поставили НОТ на практические рельсы и направили деятельность всех НОТовских организаций на обобщение практики, внедрение в производство достижений науки и техники, передовых приемов труда. Этой работе в 20-е годы уделялось особенно большое внимание. В. И. Ленин считал, что «только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством» [42] будет самой надежной гарантией победы над буржуазией. В сборнике освещены различные формы привлечения трудящихся к делу совершенствования трудовых процессов на основе достижений науки и техники. В нем впервые опубликован ряд документов о работе обществ и объединений, в частности Лиги «Время», переименованной позже в Лигу «НОТ». В этом издании мы находим важнейшие указания В. И. Ленина о принципах управления, нормативные материалы Советского правительства и НК РКИ СССР. И сегодня, особенно в свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по совершенствованию и удешевлению аппарата управления (октябрь 1969 г.) [43], имеют актуальное значение опубликованные в этом издании важнейшие пункты постановления Совнаркома СССР от 6 сентября 1923 г. об ответственности руководителей ведомств и учреждений за состояние и работу их аппарата [44].

Сборники документов о формах и методах организации труда и управления производством, методах социалистического хозяйствования имеют ряд недостатков. В некоторых сборниках не освещены отдельные периоды деятельности хозорганов и научно-рационализаторских центров, их работа по подбору и расстановке кадров, организации производства и управления. Неверен вывод, сделанный составителями сборника ЦГАОР СССР о научной организации труда и производства, что начало рационализаторской деятельности Рабкрина было положено в 1922 г.[45], она проводилась с первых же лет существования РКИ. Не устранена ими и ошибка, повторяющаяся во многих изданиях: будто бы СовНОТ руководил «в масштабе страны всей работой по НОТ» [46]. На самом деле роль этого органа, работавшего на общественных началах, была куда скромнее. Он не в состоянии был охватить возложенного на него огромного объема работы, что и привело к его реорганизации в 1924 г., а в дальнейшем и к упразднению.

Рассмотренные тематические сборники документов по вопросам совершенствования организации труда и производства лишь частично освещают проведенную партией, учеными, хозяйственниками в этом направлении работу. Научная и практическая актуальность проблемы управления производством, крайне слабая ее разработанность настоятельно диктуют необходимость продолжать публикацию документов не только в центре, но и на местах. Опыт нашей партии, хозорганов должен быть полнее освещен не только за довоенные годы, но и за последующие десятилетия, особенно в связи с бурным развитием производства в период научно-технической революции.

Подводя итоги публикаторской деятельности советских историков по рассматриваемой проблеме, можно с удовлетворением отметить, что только за 50-е и 60-е годы издано свыше 150 специальных сборников, содержащих несколько тысяч документов по истории становления и развития социалистической промышленности, методов хозяйствования. Повысился научный уровень изданий. Все эти документы дают возможность более углубленно изучать исторический опыт развития социалистической промышленности. Они всесторонне показывают руководящую роль Коммунистической партии, героический труд рабочего класса в деле превращения нашей страны в мощную индустриальную державу.

---

[42] В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 18.
[43] «Правда», 24.X.1969.
[44] См. «Научная организация труда, производства и управления в СССР», стр. 276.
[45] Там же, стр. 6.
[46] Там же, стр. 3.

Вместе с тем перед историками-археографами, руководящими научными центрами стоят большие задачи по изданию документальных материалов экономического характера [47]. Нельзя забывать, что изданные сборники по истории промышленности ограничены рамками довоенных лет. История же развития этой ведущей отрасли народного хозяйства за время Великой Отечественной войны и послевоенные годы вообще почти не отражена в документальных публикациях. Предстоит большая работа по завершению всесоюзной серии сборников документов по истории социалистической индустриализации, по изданию материалов, освещающих промышленное развитие отдельных республик и экономических районов, источников, характеризующих становление и деятельность органов хозяйственного управления, совершенствование методов хозяйствования, участие масс в управлении промышленным производством. Весьма актуальны сегодня и вопросы истории научно-технического прогресса как важнейшего рычага в деле создания материально-технической базы коммунизма. Ценные материалы по этим проблемам имеются в фондах учреждений, хозорганов и предприятий, в личных архивах деятелей науки и техники, организаторов промышленности. Своими изданиями археографы содействуют практическому претворению в жизнь решений XXIV съезда КПСС о всемерном повышении эффективности общественного производства.

И. П. Козлитин

[47] См. Л. И. Арапова, К. И. Рудельсон. Указ. соч., стр. 55—69.

Рецензии

В. Д. ЕСАКОВ. *Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой.* М. «Наука». 1971. 271 стр. Тираж 3 000. Цена 1 руб. 07 коп.

Среди проблем, ожидающих всестороннего рассмотрения, далеко не последнее место занимает история советской науки. Знакомство с литературой [1] показывает, что сделаны лишь первые шаги по пути освещения политики Коммунистической партии и Советского государства в этой области. Поэтому нельзя не обратить внимания на монографию кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР В. Д. Есакова, посвященную показу возрастающей роли науки в ходе социалистического строительства, осуществления государственного руководства ею в годы первой пятилетки, тесного взаимодействия советской науки с индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства.

Среди большого разнообразия аспектов В. Д. Есаков выделяет проблемы, связанные с развертыванием научно-исследовательских работ для нужд промышленности и сельского хозяйства. Под этим углом зрения он рассматривает деятельность различных научных учреждений, в том числе АН СССР и ВАСХНИЛ, в годы первой пятилетки, когда партия и Советское государство приступили к созданию экономического фундамента социализма.

Автор анализирует постановление ЦК ВКП(б) «Вопросы рационализации производства», в котором впервые был поставлен вопрос о развитии отечественной науки и техники как основы социалистического строительства и использовании достижений мировой науки и техники (стр. 41, 42). В монографии анализируются принятые партией и Советским правительством меры для правильного размещения научных сил страны, создания новых и рекон-

[1] М. П. Ким. Коммунистическая партия — организатор культурной революции в СССР. М. 1955; его же. 40 лет советской культуры. М. 1957; Г. А. Князев, А. В. Кольцов. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.-Л. 1964; «Академия наук СССР — штаб советской науки». М. 1968; Л. В. Иванова. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов. 1917—1929 гг.). М. 1968; Э. Б. Генкина. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 гг. М. 1969; А. В. Кольцов. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л. 1969; «Руководящая роль КПСС в развитии естественных наук». М. 1969; О. Д. Соколов. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М. 1970, и др.

струкции старых научно-исследовательских учреждений, укрепления их экономической базы, формирования кадров советских ученых, интенсификации процесса создания новой, социалистической науки. В. Д. Есаков показывает, как складывался союз науки и труда, как наука помогала социалистическому строительству и, в свою очередь, обогащалась социалистической практикой. Автор кратко останавливается на достижениях науки накануне первой пятилетки, рассматривает вопрос о создании в октябре 1927 г. Всероссийской ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО), объединившей научно-технические силы, стоявшие на платформе социалистической идеологии. «Организация «социалистически мыслящих» ученых,— пишет В. Д. Есаков,— была расценена как факт громадного значения и для советской науки, и для социалистического строительства» (стр. 69). Кропотливые изыскания автора позволили уточнить список учредителей ВАРНИТСО и тем самым исправить ошибки, допущенные ранее некоторыми исследователями (стр. 68).

На страницах книги говорится о вкладе ученых в разработку первого пятилетнего плана. Соответствующие материалы для его подготовки представили АН СССР и ее Комиссия по изучению естественных производительных сил страны, Геологический комитет, Центральный аэрогидродинамический, Тепло-технический, Физико-технический, Торфяной и многие другие институты. С конкретными предложениями выступили крупнейшие ученые страны — И. М. Губкин, А. Н. Бах, И. Г. Александров, А. В. Винтер, И. П. Бардин, Д. Н. Прянишников и др. (стр. 77).

Привлекая широкий круг источников, партийные и советские документы, автор прослеживает структурные изменения научно-исследовательских учреждений, процесс усиления связи науки с производством в годы первой пятилетки. Важную роль в развитии деятельности научно-исследовательских учреждений, отмечается в книге, сыграло постановление СНК СССР от 7 августа 1928 г., в котором впервые были определены основные принципы организации научных работ в промышленности, система научно-исследовательских учреждений, поставлена задача помочь перестроить научно-исследовательскую деятельность, ликвидировать неравномерность в размещении научно-исследовательских институтов, недостаточную плановость в исследовательских работах, оторванность некоторых тем от нужд хозяйства. Принимая эти меры, подчеркивает автор, Советское правительство опиралось на опыт и знания крупнейших представителей отечественной науки и техники.

Учитывая возросшие темпы индустриализации, необходимость повышения качества продукции, острую потребность в приближении деятельности научно-исследовательских институтов к практическим задачам производства, Советское правительство реорганизовало в 1929—1932 гг. управление промышленностью и ее научно-исследовательскими институтами. В. Д. Есаков анализирует мероприятия, итогом которых было создание единого планового технико-экономического управления ВСНХ СССР, сосредоточившего всю научно-исследовательскую работу по планированию, реконструкции и изучению промышленности.

Партийные решения, практическая деятельность партии и Советского правительства способствовали быстрому росту научно-исследовательских учреждений, усилению их связи с промышленностью, с нуждами народного хозяйства. Об этом наглядно свидетельствуют материалы, приводимые в книге. В. Д. Есаков раскрывает динамику роста научно-исследовательских институтов промышленности, которые строились по отраслевому принципу, приводит данные об увеличении численности научных кадров, о финансировании научно-исследовательских учреждений (таблицы на стр. 115, 116, 118, 119, 120).

Значительное место в монографии уделяется конкретным достижениям науки, явившимся серьезным вкладом в создание экономического фундамента социализма. Давая наглядное представление о наиболее значительных научно-технических исследованиях, автор сумел показать, что наука становилась непосредственной производительной силой социалистического общества, активной участницей технико-экономического прогресса страны. Одной из отличительных особенностей развития науки тех лет, отмечает он, явился переход от разрозненных исследований к плановой их организации, к комплексному решению учеными народнохозяйственных задач.

Важнейшим направлением организационного строительства науки, ее приближения к потребностям развивающегося социализма стала в годы первой пятилетки перестройка деятельности АН СССР. Этому

вопросу В. Д. Есаков уделяет особое внимание. Скрупулезно исследуя процесс перестройки научной работы в Академии наук, он показывает конкретные шаги, направленные на ликвидацию ее оторванности от практики социалистического строительства (выработка и введение нового устава, выборы действительных членов и т. д.). Автор подчеркивает роль ученых-коммунистов в перестройке научной работы. В 1933 г. в составе АН СССР насчитывалось 348 коммунистов (стр. 202). Реорганизация академии шла при широком участии общественности. Знаменательными событиями в ее деятельности стали: впервые тогда организованные выездные сессии, посвященные актуальным проблемам социалистического строительства; создание на местах филиалов и баз академии; внедрение плановых начал в организацию научных исследований. Обобщая итоги перестройки АН СССР, автор приходит к выводу, что к концу первой пятилетки она укрепила связь с практикой социалистического строительства, а в ее исследовательские работы стал все глубже проникать марксистско-ленинский метод.

Серьезное внимание уделяется в книге организации ВАСХНИЛ, появление которой было связано с потребностями социалистического переустройства деревни. Автор прослеживает этапы создания ВАСХНИЛ, базой которой послужил Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур.

Книга В. Д. Есакова — убедительное свидетельство возросшей роли науки в период перехода к социалистической индустриализации, к осуществлению пятилетних планов. Период первой пятилетки — время интенсивного организационного строительства науки. Вывод автора, что в годы первой пятилетки были упрочены основы и экономический фундамент социалистической науки, является закономерным итогом его научных изысканий.

К недостатку книги можно отнести то, что, исследуя проблемы партийного и государственного руководства наукой, автор почти не касается вопросов формирования кадров советских ученых. Тема эта — сложная, и важность ее не вызывает сомнений, так как успехи советской науки зависели в значительной степени от численности армии советских ученых и уровня их научной подготовки. На пути развития науки в годы первой пятилетки партии и Советскому правительству наряду с такими трудностями, как слабая материальная база, приходилось сталкиваться с нехваткой научных сил. В те годы шел интенсивный процесс формирования молодых кадров советских ученых и перековки старых.

К сожалению, в монографии слишком слабое внимание уделяется проблемам преодоления рядом ученых различного рода заблуждений и утверждения марксистско-ленинского мировоззрения среди научных работников, особенно старшего поколения.

И. С. Куликова

Н. А. КРАВЧУК. *Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март—октябрь 1917 г. По материалам великорусских губерний Европейской России).* М. «Мысль». 1971. 278 стр. Тираж 3 000. Цена 1 руб. 32 коп.

История крестьянского движения накануне Великой Октябрьской социалистической революции давно изучается советскими историками. Этой теме посвящены главы и разделы монографий и обобщающих трудов, более сотни статей в сборниках, ученых записках и журналах. Но специальная литература о крестьянском движении 1917 г. в целом невелика [1]. Поэтому не может не вызвать интерес книга кандидата исторических наук, доцента Ростовской Высшей партийной школы Н. А. Кравчука, в которой рассматривается ход крестьянского движения с марта по октябрь в 29 великорусских губерниях Европейской России.

[1] С. М. Дубровский. Крестьянство в 1917 году. М. 1927; И. В. Игрицкий. Аграрный вопрос и крестьянское движение в России в 1917 году. М. 1962; главы и разделы в трудах: П. Н. Першин. Аграрная революция в России. Кн. 1—2. М. 1966; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Тт. 1—2. М. 1967; И. И. Минц. История Великого Октября. Тт. 1—2. М. 1967—1968.

Тема освещена в книге полнее и обстоятельнее, нежели в предшествующей литературе. Автор правильно считает, что крестьянское движение в 1917 г. развивалось под руководством рабочего класса и его партии при осуществлении союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, к которому осенью 1917 г. примкнуло все трудящееся крестьянство (стр. 4 и др.). Н. А. Кравчук опирается на большой конкретный материал: описания выступлений крестьян, выдержки из постановлений крестьянских сходов и съездов, статистические данные. Н. А. Кравчук привлек почти всю литературу по теме, но, к сожалению, не проследил, хотя бы кратко, историю ее изучения, не показал последовательности создания важнейших работ, появившихся в конце 20-х — начале 30-х годов. К чему это привело, показывает следующий пример. Автор пишет, что статьи И. Д. Верменичева и Я. А. Яковлева примыкают к исследованию С. М. Дубровского, а работа И. Д. Верменичева построена на тех же данных, что и книга Дубровского (стр. 13). В действительности же данные, приводимые в книге последнего, были разработаны И. Д. Верменичевым, сотрудником кабинета сельского хозяйства и крестьянства СССР в Международном аграрном институте. Это отмечает и сам Дубровский[2]. Данные же, которыми оперировал Я. А. Яковлев, иного происхождения. Они были разработаны И. В. Игрицким и другими сотрудниками кабинета по истории крестьянских движений Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии. Большая их часть осталась неопубликованной. Заметим кстати, что советским историкам следовало бы изучить деятельность этих двух кабинетов. Вполне вероятно, что некоторые из их материалов могли бы быть опубликованы. В историографическом очерке следовало бы также отметить школу, созданную А. В. Шестаковым в Воронежском университете (И. Д. Балашов, М. Голубева, С. Фомичев[3]) и в Коммунистической академии в Москве, где он возглавлял организованную в 1930 г. комиссию по изучению крестьянского движения. Более определенной характеристики заслуживают и соответствующие главы упомянутого труда П. Н. Першина.

Н. А. Кравчук справедливо критикует некоторые выводы историков крестьянского движения в 1917 г., но против отдельных его замечаний следует возразить. Он не согласен с предложенной А. В. Шестаковым периодизацией крестьянского движения в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, которое, по мнению последнего, «прошло два этапа: мирный и немирный» (стр. 12). Точка зрения Н. А. Кравчука заключается в том, что «крестьянская борьба с помещиками в течение всего дооктябрьского периода носила ярко выраженный насильственный характер» (там же). Однако, критикуя А. В. Шестакова, автор должен был бы точнее излагать предложенную этим ученым периодизацию. А. В. Шестаков выделяет в крестьянском движении не два, а три этапа: март — апрель, май — июль и август — октябрь — и указывает, что на втором этапе «крестьянство пыталось путем постановлений своих исполнительных и земельных комитетов «мирными» путями добиться помещичьей земли»[4]. Так же характеризовали крестьянское движение в те месяцы Я. А. Яковлев и другие авторы конца 20-х — начала 30-х годов. Такую схему нельзя считать искусственной. Она соответствует ленинской периодизации развития революции в 1917 г., объясняется существованием (не только в Петрограде и других городах, но и в деревне) двоевластия. В период двоевластия, особенно в начале его, на местах иногда создавалось положение, о котором В. И. Ленин, выступая на VII (Апрельской) конференции большевиков, говорил: «В Пензенской губернии власть складывалась под диктатурой крестьянства. Представитель Пензы показывал резолюции крестьян, которые захватили в свои руки орудия производства, землю». В. И. Ленин подчеркивал, что такая возможность существовала «во всей России, где крестьяне имеются в гигантском большинстве»[5]. Трудящиеся крестьяне доверяли в ту пору эсерам, полагали, что Временное правительство созовет Учредительное собрание, которое и передаст им помещичьи земли. Поэтому они, используя реальное соотношение сил, сравнительно мирными средствами, без открытого

[2] С. М. Дубровский. Указ. соч., стр. 44.

[3] Автор, по-видимому, не ознакомился со статьями С. Фомичева в воронежском журнале «Ленинский путь» и его работой «К вопросам изучения крестьянского движения ЦЧО в 1917 году». См. «Первая областная конференция историков-марксистов ЦЧО (25—27 ноября 1933 года)». Воронеж. 1934.

[4] А. В. Шестаков. Большевики и крестьянство в революции 1917 года. М.-Л. 1927, стр 15.

[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 378, 379.

применения насильственных мер, во многих местах в соответствии с постановлениями выборных крестьянских органов захватывали помещичьи пашни и луга. Конкретное изучение крестьянского движения подтверждает правильность в основном периодизации, разработанной А. В. Шестаковым, Я. А. Яковлевым, И. Д. Верменичевым, И. В. Игрицким и другими советскими историками. Подтверждает ее и содержание книги Н. А. Кравчука (главы 2-я и 3-я). Исследование источников о массовом крестьянском движении приводит автора к выводу о преобладании до осени 1917 г. относительно мирных средств борьбы крестьян против помещиков (стр. 111, 232, 240).

В крестьянском движении 1917 г. Н. А. Кравчук выделяет следующие этапы: мартовский, развитие массового крестьянского движения в апреле — июле, попытка наступления контрреволюции в деревне и аграрное движение в августе, крестьянская война в сентябре — октябре. Новая периодизация крестьянского движения и ее аргументация автором очень интересны, но требуют обсуждения. Выделение в особые периоды движения в марте и августе недостаточно обоснованно. Если в основу периодизации развития революции в стране в целом и в деревне в частности положить взаимоотношения классов, природу государственной власти, соотношение классовых сил и обусловленные этим стратегию и тактику (следовательно, и формы) классовой борьбы, то периодизация крестьянского движения должна в основном повторять общую периодизацию развития революции с марта по октябрь 1917 г., то есть в крестьянском движении надо различать два основных периода: мирного развития по июль 1917 г. и обострения борьбы против помещиков, перерастающей в крестьянскую войну,— с августа по октябрь.

Периодизация движения невозможна без точного учета форм борьбы, что требует статистического изучения крестьянского движения. Н. А. Кравчук уделил этому вопросу большое внимание. Крестьянские выступления учтены им полнее, чем его предшественниками: И. Д. Верменичев по 44 губерниям Европейской России насчитал 5 782 выступления, И. В. Игрицкий примерно на той же территории — 5 978, П. Н. Першин — 6 103 [6], Н. А. Кравчук по 29 губерниям — 5 416 (стр. 88, 107, 178, 203). При этом П. Н. Першин и Н. А. Кравчук не производили статистической обработки первоисточников, а использовали результаты подсчетов других авторов. Н. А. Кравчук, к сожалению, не раскрывает методики своей работы по обобщению полученных его предшественниками данных. Остается неизвестным, как он поступал в тех случаях, когда по одной и той же губернии у разных авторов цифры не совпадали; почему по одной и той же губернии для одного периода взяты сведения советского исследователя, а для другого — данные Главного управления милиции Временного правительства; почему не использованы результаты, полученные советскими историками конца 20-х — начала 30-х годов, кроме данных об удельном весе разных форм выступлений (см. стр. 111).

Наиболее слабо статистически изучены формы выступлений крестьян. Нельзя полагаться на сводки милиции Временного правительства, включавшие в число выступлений действия, не относящиеся к массовому крестьянскому движению (грабежи и поджоги, совершенные разбойничьими шайками, и т. п.). Н. А. Кравчук, видимо, не придает существенного значения формам движения. А между тем разгром помещичьего имения, произведенный крестьянами по решению схода, а тем более захват имения с организованным разделом среди крестьян скота, орудий, земли, а иногда и построек имели бóльшее значение, нежели десятки иных выступлений. Предложение объединить подобные выступления в группу под названием «Борьба за ликвидацию имений» [7], к сожалению, не было широко реализовано.

Историки, занимавшиеся статистикой крестьянского движения 1917 г., не разработали методику ее исследования, как это сделано, например, при изучении крестьянского движения XIX века [8]. Поэтому нужно осуществить, наконец, предложение П. Н. Першина: «Выработать общую методику разработки архивных материалов о событиях в деревне, чтобы обеспечить точность, сравнимость результатов исследований и воз-

---

[6] И. Д. Верменичев. Крестьянское движение между Февральской и Октябрьской революциями. «Аграрная революция». В 4-х томах. Т. 2. М. 1928, стр. 175; И. В. Игрицкий. Указ. соч., стр. 13; П. Н. Першин. Указ. соч. Кн. 1, стр. 407.

[7] Е. А. Луцкий. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в сентябре 1917 г. «Исторические записки». Т. 2. 1938, стр. 70.

[8] Б. Г. Литвак. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М. 1967.

можность их общей сводки»[9]. Специалистам следовало бы, применяя такую общую методику, заново статистически обработать первоисточники, в первую очередь по тем губерниям, специального изучения которых не проводилось. Может быть, следует создать для этого специальный координационный центр, например, группу по изучению крестьянского движения 1917 г. при Научном совете по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции».

Особенностью крестьянского движения 1917 г. была сравнительно высокая организованность. Поэтому один из важнейших вопросов проблемы в целом — деятельность крестьянских организаций. В книге много интересных материалов об их участии в массовом движении и руководстве им. Однако в ней учтены не все исследования по данному вопросу. Не использована, например, работа О. Н. Моисеевой[10], в которой собраны наиболее полные данные о численности крестьянских Советов. Исследовательница выявила по 29 губерниям Европейской России 787 волостных Советов, возникших до Октября (против 25 — у П. Н. Абрамова и 188 — у В. Р. Герасимюк[11]). Книга О. Н. Моисеевой подтвердила, что волостные Советы до Октября были мало исследованы, в массовом движении более важную роль играли другие органы крестьянского самоуправления — исполнительные, продовольственные, земельные комитеты, волостные земства, деятельность которых также еще мало изучена.

В заключение несколько слов об общей концепции истории крестьянского движения накануне Великого Октября. Она, несомненно, развивается и углубляется, о чем свидетельствует и рецензируемый труд. Опыт изучения крестьянского движения кануна Октября, рассмотренный в свете ленинского наследия по истории империализма в России и Октябрьской революции, позволяет глубже выявить неразрывную связь крестьянского движения в 1917 г. с борьбой пролетариата за социалистическую революцию.

Е. А. Луцкий

[9] П. Н. Першин. Указ. соч. Кн. 1, стр. 409.

[10] О. Н. Моисеева. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М. 1967, стр. 172—173.

[11] П. Н. Абрамов. К вопросу о времени создания первых волостных Советов. «История СССР», 1960, № 5, стр. 159; В. Р. Герасимюк. О количестве волостных и сельских Советов в 1917—1918 годах. «Вопросы истории», 1961, № 8, стр. 207.

«Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода». Новосибирск. Изд-во «Наука», Сибирское отделение. 1971. 216 стр. Тираж 1 200. Цена 87 коп.

Изучение истории Сибири в последние годы происходит интенсивно и разносторонне. Выход в свет пятитомного коллективного труда ознаменовал важный этап развития сибиреведческой науки. На юбилейной конференции, посвященной 50-летию Великого Октября (материалы этой конференции вошли в рецензируемую книгу), историки Сибири с полным правом подвели итоги проделанной работы и определили ближайшие исследовательские задачи. Почти четырехлетний разрыв между сроками проведения конференции и публикации этой книги — явление нежелательное, особенно для работ историографических, к которым принадлежит и данный сборник статей. К сожалению, этот недостаток стал весьма распространенным при издании материалов конференций и симпозиумов, что влечет за собой ненужные издержки морального «старения» хороших исследований. Но даже с учетом этого фактора общее впечатление от книги остается, безусловно, положительным.

При всей разнотипности статей, что в большой мере зависит от проблематики и творческой индивидуальности авторов, сборник нацелен в направлении методологического, историографического и источниковедческого изучения прошлого Сибири. В книге идет речь об итогах и задачах сибиреведения, имеющих долговременный характер. В этом несомненная заслуга авторов и редакторов издания [1].

[1] Авторы: Т. И. Агапова, В. А. Александров, А. П. Бородавкин, З. Я. Бояршинова,

Сборник посвящен памяти видного советского историка чл.-корр. АН СССР В. И. Шункова. О нем с большой теплотой пишут в своей содержательной статье акад. А. П. Окладников и О. Н. Вилков. Очерк жизни и научных трудов В. И. Шункова, по существу, представляет собой рассмотрение основной проблематики современного сибиреведения. Книга снабжена библиографией трудов В. И. Шункова и литературы о нем.

В сибирской историографии последних 10 — 15 лет можно встретить деление изучения русской Сибири периода феодализма на два этапа. Первый связывается с именем С. В. Бахрушина, второй — с именем В. И. Шункова. Для первого (и начального) признается характерным интерес к истории промыслово-торгового освоения Сибири. Отличительный признак второго этапа (примерно с 40-х годов) усматривается в переносе центра тяжести исследовательских усилий на земледельческо-крестьянскую проблематику первичного освоения Сибири русскими. Известные основания для такой периодизации имеются, однако их нельзя абсолютизировать, а тем более противопоставлять один этап другому. Напомним, что С. В. Бахрушин (учитель В. И. Шункова) внес свой вклад в изучение земледельческого населения Сибири, равно как и В. И. Шунков не ограничивал свои интересы только вопросами истории крестьянства и земледелия в Сибири. Самое же главное состоит в том, что уже в первые века вхождения Сибири в состав России наблюдаются одновременные и взаимопроникающие процессы заселения этого края как земледельцами, так и промысловиками. Только в совокупности усилия тех и других (нередко выступавших в одном лице) сделали возможным превращение Сибири в неотъемлемую часть России. Кроме того, в середине XVIII в. по мере развития горно-металлургической промышленности на юге Сибири появляется еще один важный фактор заселения и освоения нового края, которому по справедливости уделялось большое внимание сибиреведов, о чем свидетельствуют помещенные в сборнике статьи З. Г. Карпенко, Т. И. Агаповой, Г. П. Жидкова. Думается, что и в дальнейшем целесообразно развивать фронтальное изучение прошлого Сибири, восполняя выявленные пробелы.

К сожалению, большая исследовательская работа в области послереформенной истории Сибири, в целом удачно, с четкой постановкой основных задач охарактеризованная Л. М. Горюшкиным, Ф. А. Кудрявцевым и В. Г. Тюкавкиным, представлена слишком суммарно. По этой причине не получили желаемого раскрытия некоторые дискуссионные моменты, касающиеся трактовки вопросов о масштабах и сущности феодальных пережитков в сибирской деревне, о путях капиталистической эволюции сельского хозяйства Сибири. Следует заметить в этой связи, что для дальнейшей разработки указанных тем очень желательно привлечение сравнительного материала по государственной деревне Европейской России, в социальном отношении наиболее близкой сибирской. Между тем предшествующая сибиреведческая литература не всегда правомерно вела такое сопоставление с территориями, где господствовало помещичье землевладение. Впрочем, здесь имеются трудности вполне объективного свойства, вызванные слабой изученностью истории государственных крестьян в послереформенное время. Капитальный труд акад. Н. М. Дружинина о государственных крестьянах заложил основы для хронологического и проблемного продолжения исследования этой темы.

Сравнивая тематику научных работ по периодам позднего феодализма и капитализма применительно к Сибири, для чего сборник дает материал вполне достаточный и добротный, можно сказать, что некоторые существенные и интересные вопросы требуют большего внимания, а также координации действий специалистов разных эпох. Так, проблема включения Сибири во всероссийский рынок, по сути дела, обстоятельно освещена лишь для XVII в. (статья О. Н. Вилкова), тогда как последующие этапы данного процесса исследуются крайне слабо. Одна из неотложных задач заключается в устранении этой диспропорции. Сибиреведческая наука должна дать новые работы о рынке XVIII — начала XX в. в тесной связи с изучением становления и развития товарного производства. Явно чувствуется пробел в исследовании сибирских городов, их типичных и специфических признаков.

О. Н. Вилков, Л. М. Горюшкин, М. М. Громыко, Г. П. Жидков, З. Г. Карпенко, А. Н. Копылов, Ф. А. Кудрявцев, А. П. Окладников, Н. Н. Покровский, Е. И. Соловьева, А. Т. Топчий, В. Г. Тюкавкин, В. И. Шунков.
Редколлегия: акад. А. П. Окладников (отв. редактор), О. Н. Вилков, Л. М. Горюшкин, А. Н. Копылов.

Нечто похожее обнаруживается при изучении мелкой промышленности Сибири. Цепь исследований тут пока разомкнута. Не потому ли Е. И. Соловьева, избравшая интересную тему о крестьянской промышленности Сибири после реформы 1861 г., подчас ведет изложение так, будто все началось лишь в изучаемое автором время? Между тем Л. М. Горюшкин, Ф. А. Кудрявцев и В. Г. Тюкавкин говорят (и, полагаем, справедливо) о мелкотоварном укладе, «широко распространенном в дореволюционной сибирской деревне» (стр. 179). О. Н. Вилков пишет об экономических связях сибирского города с прилегающей сельской округой уже в XVII веке.

Проблемы изучения культуры русского населения Сибири представлены в сборнике статьями В. А. Александрова (материальная культура) и М. М. Громыко (вопросы общественного сознания населения досоветской Сибири). В этих статьях речь идет главным образом о перспективах исследовательской работы с характеристикой некоторых категорий источников. Заслуживающую внимания и дальнейшей разработки проблему поставил в своей статье А. Н. Копылов (управление и политика царизма в Сибири периода феодализма). Эту тему целесообразно продолжить и на материалах Сибири эпохи капитализма.

Приходится констатировать, что историографические статьи сборника не дали ясного ответа на вопрос о месте Сибири в общегосударственной системе России. Довольно фрагментарно освещена тема межнациональных отношений в досоветской Сибири. Одной из наиболее «старых» в историографическом плане проблем является изучение заселения Сибири русскими. Ей посвящена обобщающая статья З. Я. Бояршиновой. Поддерживая большинство ее выводов и рекомендаций, обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, автор, по-видимому, склоняется к мысли о сохранении ведущей роли притока переселенцев из-за Урала в середине и второй половине XVIII в. при оценке величины и темпов прироста русского населения Сибири. Нам представляется, что вопрос еще требует дополнительных изысканий и углубленного изучения поуездных данных. Сделанное ранее нами замечание по этому поводу пока остается в силе [2], в чем убеждают и конкретные демографические работы А. Д. Колесникова, выполненные в последние годы [3]. Второй момент касается определения удельного веса бегства тяглых людей Европейской России в общем переселенческом потоке через Урал на первых этапах русского заселения. В сибиреведческой литературе утвердилось мнение, воспроизведенное и здесь (стр. 56), о бегстве и ссылке как главных факторах заселения окраин. (Этой точки зрения долгое время придерживался и автор данных строк.) Не отрицая их значения, необходимо тем не менее подчеркнуть, что дальнейшая, более детальная, разработка темы выявляет очень заметную роль легального ухода немалой части населения русского Севера в Сибирь по отпускным и проезжим документам, оформленным в местных административных учреждениях и в таможнях. Недаром еще в 1671 г. на Юксеевской заставе Чердынского уезда скопилось до 500 человек поморских жителей, которые держали путь в Сибирь: «А едут те крестьяне в сибирские (города) по проезжим отпускным памятем от судеек и от земских старост, и от таможенных голов, и от сотников» [4].

В сборнике имеется специальная статья Н. Н. Покровского об источниках по истории Сибири. Перечисляя категории источников, над которыми работали советские сибиреведы, автор сообщает сведения о готовящихся трудах по источниковедческой проблематике (новое издание «Сибирских летописей», двухтомная «История сибирской литературы»). Однако одна из самых многочисленных и широко используемых групп источников (делопроизводственная и судебная документация) осталась фактически вне поля зрения автора. Продолжая его верную мысль о преодолении излишне скептического отношения к агиографической литературе (стр. 118—119), хотелось бы вспомнить в связи с этим блестящий этюд С. В. Бахрушина «Легенда о Василии Мангазейском» [5]. У непосвященного читателя может возникнуть неверное суждение о взаимоотношении широко известного «Обозрения столбцов и книг Сибирско-

[2] См. «Вопросы истории», 1967, № 12, стр. 163.

[3] А. Д. Колесников. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII—XIX вв. «Сибирь периода феодализма». Вып. 3. Новосибирск. 1968, стр. 225—238.

[4] ЦГАДА, ф. Сибирского приказа, стб. 878, лл. 36—37.

[5] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 1. М. 1955, стр. 331—354.

го приказа» Н. Н. Оглоблина с последующими описями фонда Сибирского приказа, составленными советскими архивистами (стр. 112). Дело в том, что новые описи, по справедливости высоко оцененные в статье, не заменяют «Обозрения»: они составлены на не вошедшие в это издание материалы.

Успешное завершение пятитомной «Истории Сибири», достижения в исследовательской работе последнего времени подают надежду на то, что новые задачи, стоящие перед учеными-сибиреведами в области досоветской истории Сибири, найдут достойное решение.

А. А. Преображенский

П. С. ГУСЯТНИКОВ. *Революционное студенческое движение в России 1899—1907 гг.* М. Изд-во «Мысль». 1971. 264 стр. Тираж 4 000. Цена 1 руб. 32 коп.

Студенческие выступления 1899 — 1907 гг. открывают новую страницу в истории революционно-демократического движения учащейся молодежи: оно все больше испытывает на себе влияние многогранной деятельности РСДРП и ленинской «Искры». Политическая платформа студенческого движения, впервые провозглашенная осенью 1901 г., оказала огромное влияние на большую часть радикально настроенной молодежи. В. И. Ленин высоко оценивал значение соединения пролетариата с революционной демократией, роль радикального студенчества, принявшего в Петербурге и Москве лозунги революционной социал-демократии [1].

Несмотря на то, что студенческое движение было органически связано с освободительной борьбой народов России и являлось частью революционного движения, оно не получило достаточного отражения в литературе. Книга П. С. Гусятникова — первая попытка монографически исследовать эту тему. Автор ее, доцент Петрозаводского университета, более 20 лет работает над историей студенческого движения в России начала XX в. [2]. В монографии показано соотношение студенческого и буржуазно-либерального движения, в частности, выяснено, почему «одним из передовых отрядов революционной буржуазной демократии, ее левым флангом являлась радикально настроенная часть российского студенчества» (стр. 216), отмечены своеобразные формы студенческого движения, последнее рассматривается во взаимосвязи с общественно-политической жизнью страны.

Изучение большого документального материала, на основе которого написана книга, позволило автору сделать важный вывод, «что студенческое движение занимает по своей значимости третье (после рабочих и крестьян) место в решении демократических задач революционной борьбы российского пролетариата» (стр. 222). Принципиально важное значение имеет предпринятый автором анализ академической программы студентов и их политических антиправительственных выступлений. Перед читателем возникает картина напряженной работы социал-демократических организаций высших учебных заведений в студенческой массе, позволяющая определить роль последней в решении демократических задач российского пролетариата.

П. С. Гусятников подвергает критике искусственное деление студенческого движения на четыре периода: академический (до 1899 г.), переходный от академизма к радикальному (1900—1901 гг.), период ради-

[1] См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 11, стр. 346.

[2] П. С. Гусятников. Ленинская «Искра» — вдохновитель и организатор уличных демонстраций в России в 1901—1903 гг. «Вопросы истории», 1955, № 10; его же. Назревание революционного кризиса в России в начале XX в. М. 1959; его же. Борьба В. И. Ленина, искровцев за революционно-демократическое студенчество. «Конференция по итогам научной работы кафедр общественных наук ПГУ им. О. В. Куусинена». Петрозаводск. 1965; его же. Деятельность петербургских большевиков среди демократического студенчества. «Ученые записки» Петрозаводского государственного университета. Т. VIII, вып. 4. 1966; его же. Борьба В. И. Ленина, искровцев за революционно-демократическое студенчество (1901—1903 гг.). «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1.

кализма (1902 г.), период сознательного радикализма и сознательного политического движения (1903 — 1906 гг.). Рассматривая студенческое движение в рамках единого пролетарского этапа освободительной борьбы, он поступает правильно, когда делит свою книгу на две части: первую посвящает студенческому движению в годы назревания революционного кризиса (1899 — 1904 гг.), вторую — участию студенческой молодежи в революции 1905 — 1907 годов. Такое деление облегчает понимание сложной политической дифференциации российского студенчества на рубеже XIX — XX веков. Автор показывает, как возникали и развивались всеобщие (всероссийские) студенческие забастовки, рабоче-студенческие демонстрации протеста. Впервые он вводит эти понятия в историографию. Правда, П. С. Гусятников не учитывает того, что различные формы студенческого протеста, в том числе и забастовки, появились еще в 80—90-е годы XIX в., что нашло отражение в студенческих документах тех лет [3].

Говоря о взаимосвязи студенческого движения с революционной борьбой пролетариата, автор не замалчивает слабых сторон в подготовке и проведении студенческих протестов, того факта, что такие их формы, как забастовки, поддерживали далеко не все студенты: «партии порядка» и «академисты» выступали обычно против них или проявляли колебания.

Важное место П. С. Гусятников отводит влиянию научного социализма и политики пролетарской партии на передовое студенчество России. Большой научный интерес представляют использованные в книге многочисленные материалы об активном участии студентов и курсисток в работе Петербургского и Московского комитетов РСДРП. Анализ разнообразных форм этой деятельности приводит автора к заключению о совместных действиях студентов и рабочих в подготовке уличных демонстраций, политических сходок, обсуждавших формы протеста против полицейских репрессий в отношении пролетариата. В книге освещена авангардная роль социал-демократических организаций в проведении политической сходки-митинга столичного студенчества 18 марта 1903 г. и уличных демонстраций весной 1903 и осенью 1904 годов. Касаясь студенческих сходок и вечеринок, организуемых социал-демократами, автор подчеркивает, что они являлись «прекрасной школой политического воспитания тысяч юношей и девушек» (стр. 136).

Рассматривая участие демократического студенчества в революции 1905 г., П. С. Гусятников сосредоточивает внимание на проблеме демократизации народного образования и высшей школы, на анализе антиправительственной программы движения студенчества. Здесь раскрывается содержание и значение революционных собраний студенчества в период подъема революции 1905 года. Речи ораторов-большевиков и большевиков-студентов становятся нередким явлением. В книге показано, как готовилась к вооруженному восстанию учащаяся молодежь, освещено участие студенчества в боевых дружинах, в боях на баррикадах, в перевозках и хранении оружия.

Таким образом, перед нами труд, в котором на большом фактическом материале с правильных позиций анализируется студенческое движение изучаемого периода.

Однако книга все же не лишена спорных положений и отдельных недостатков. Историографический и историковедческий обзор слишком краток; он не дает представления о степени разработанности отдельных вопросов темы. Этот пробел можно было бы восполнить путем обращения к литературе по тому или иному вопросу в ходе изложения материала. Борьба двух политических группировок («политиков» и «академистов») обрисована противоречиво. Автор пишет о важном значении академической борьбы молодежи с царским правительством (стр. 214), однако при чтении создается впечатление, что пролетарское движение полностью вытесняет движение «академистов». В действительности борьба учащейся молодежи на академической почве не прекращалась и в начале XX века. Без этого нельзя понять характер и направление оппозиционного брожения в самом студенчестве. В. И. Ленин отмечал прогрессивное значение академической борьбы учащейся молодежи. Он писал: «И маленькое начало маленьких академических конфликтов есть большое начало, ибо за ним — не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра — последуют большие продолжения» [4]. Нельзя согласиться с автором, что процесс демократизации соци-

[3] Слова «забастовка», «бурные демонстрации», «волнения» и др. часто фигурировали в бюллетенях и листовках «Союза землячеств». См. ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 89, д. 53, т. 1а, лл. 188, 213; ф. 459, оп. 2-я 1 стола, д. 5149, лл. 68, 441.

[4] В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 220.

ального состава учащихся высшей школы начался с 90-х годов XIX столетия (стр. 14). Даже данные сословной статистики, о которых упоминает П. С. Гусятников, позволяют отнести этот процесс к более раннему периоду. Причину этого явления В. И. Ленин видел «в тех реальных условиях общественного быта России, которые, с одной стороны, порождают непримиримое противоречие между самодержавием и весьма широкими и весьма разнородными слоями населения, а с другой стороны,— чрезвычайно затрудняют (скоро надо уже будет говорить: затрудняли) иное проявление политического недовольства, как через посредство университетов»[5]. В книге не проанализирован общий процесс назревания революционной ситуации в начале XX века. Слабо показано автором, какое влияние оказывала профессорская корпорация учебных заведений на студенческое движение. Вызывает досаду, что в ряде случаев приводимые П. С. Гусятниковым сведения расходятся с данными тех источников, на которые он ссылается (стр. 9, сн. 16; стр. 28, сн. 2; стр. 45, сн. 53; стр. 57, сн. 65; стр. 167, сн. 11; стр. 186, сн. 9 и др.).

П. С. Ткаченко

[5] В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 352.

Ф. П. СЕРГЕЕВ. *Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв.* Кишинев. Изд-во «Картя Молдовеняске». 1971. 219 стр. Тираж 2000. Цена 1 руб.

Всем, кто изучает внешнеполитические проблемы Древней Руси, неоднократно приходилось использовать в своих работах сложный терминологический комплекс дипломатического языка прошлых времен, рожденный в недрах великокняжеских канцелярий, а позднее Посольского приказа. Однако в таком использовании дипломатической терминологии, конечно, много утилитарного, и хотя исследователей давно уже занимали вопросы, когда, где, в связи с какими историческими событиями появились те или иные дипломатические термины, ответы на них носили фрагментарный характер. Объяснялось это тем, что при разработке сложных проблем внешней политики феодальной России как дореволюционные, так и советские историки основное внимание уделяли не эволюции терминов, а эволюции межгосударственных отношений. И это было, видимо, вполне оправданно. Тем не менее «второй план»— становление дипломатической терминологии с момента зарождения Древнерусского государства вплоть до первой четверти XVIII в., когда реформы Петра I существенно изменили веками складывавшиеся приказные порядки и приказной язык,— настойчиво привлекал к себе внимание исследователей. В появлении того или иного дипломатического термина, его дальнейшей эволюции ученые пытались прочитать, и не без успеха, страницы внешнеполитической истории страны, увидеть крупные перемены в жизни Русского государства. Именно по этому пути пошел Ф. П. Сергеев. Филолог взялся за дело, к которому с разных сторон подходили, но так и не подошли вплотную историки. По существу, работа Ф. П. Сергеева — первая серьезная попытка дать систематический анализ возникновения и развития русской дипломатической терминологии с XI по XVII век.

Сам автор весьма скромно формулирует задачи книги: описание дипломатической лексики указанного периода, изучение лексических и семантических изменений, происходивших в дипломатической лексике XI—XVII вв., выявление источников, служивших основой для формирования дипломатической терминологии, и, наконец, определение наиболее характерных способов образования дипломатической лексики. Эти задачи он решает на основе изучения терминологического массива, относящегося к наименованию лиц, которые были связаны с дипломатической деятельностью как внутри страны, так и за рубежом.

Ф. П. Сергеев рассматривает историю возникновения на Руси терминов «посол» (со всеми его смысловыми и целевыми вариантами: сильный, великий, большой, чрезвычайный, полномочный, ординарный, легкий, нарочный, малый, меньшой, мирный, межевой, посредственный), «посольство» (с соответственными вариантами), проис-

хождение других терминов, обозначавших дипломатических уполномоченных («посланник», «посланный», «посланец», «посыльщик», «гонец», «опасщик», «поверенный в делах» и др.), а также лиц, которые входили в состав внутригосударственного дипломатического ведомства: глава Посольского приказа («печатник и дьяк», «государский дьяк», «печатник и посольский дьяк», «дьяк думный посольский» и т. д.), «посольский дьяк», «подьячий», «советник», «переводчик», «толмач», «встречник». Подробно рассматривается и вопрос о появлении в русской дипломатической терминологии иностранных наименований («канцлер», «легат», «нунций», «интернунций», «комиссар», «агент», «резидент», «консул», «министр», «курьер», «секретарь»).

Анализ дипломатической терминологии автор строит, исходя из следующих принципов: морфологический разбор того или иного термина, фиксирование его первых упоминаний в древнерусских источниках, изучение его практического употребления в последующее время, этимологический анализ, разбор различных словообразовательных вариантов, а также устойчивых словосочетаний, изучение синонимов данного термина и его позднейших толкований. Такое сочетание приемов филологического и исторического анализа позволяет Ф. П. Сергееву развернуть историю дипломатических терминов на добротном научном полотне, дать их эволюцию выпукло и емко.

Благодаря обстоятельному научному подходу к проблеме автор выходит далеко за рамки скромно сформулированных им задач. По существу, материалы, собранные Ф. П. Сергеевым, подводят к широким историческим обобщениям. Они показывают, как с веками расширялась и усложнялась русская дипломатическая терминология, как постепенно освобождалась она от терминов, свидетельствовавших о неравноправии Руси по отношению к Золотой Орде или к странам Запада (например, к Священной Римской империи), и как эта терминология прочно становилась на почву национального суверенитета, высокого государственного престижа, равноправия в отношениях со всеми без исключения государствами. Так, с середины XV в. уходит в прошлое термин «сильный посол», которым русские документы определяли дипломатических представителей Золотой Орды, приходивших на Русь диктовать ордынскую волю (стр. 14), или дипломатических послов в Новгород и Псков из немецких земель, постоянно грозивших этим городам войной. Исчезает и понятие «киличей», обозначавшее великокняжеского посланца, которого Москва отправляла в Орду либо с какой-нибудь жалобой, либо за разрешением на великое княжение, либо с подарками хану и его окружению (стр. 126).

Собранные Ф. П. Сергеевым данные убедительно показывают, что особенно активно русская дипломатическая терминология формировалась в XVII в., в частности во второй его половине, когда русская дипломатия не только восстановила прежние европейские связи России, прерванные польско-шведской интервенцией, а позднее тяжелейшими войнами с Польско-Литовским государством, но и весьма их расширила и укрепила. Именно в XVII в., в пору многочисленных и значительных по своим целям русских дипломатических миссий в страны Европы и Азии, разнообразных дипломатических переговоров, посольских съездов, заключения различных «докончаний» и т. п., широко входят в дипломатический обиход зародившиеся ранее термины «великий посол», «великий полномочный посол», «посредственный посол» (посредник третьей страны на посольских съездах), «великое полномочное посольство», «чрезвычайный посланник», «чрезвычайный гонец», «поверенный в делах», «поверенный и чести достойный» и другие. Автор справедливо замечает, что иноязычная лексика стала особенно активно проникать в русский дипломатический язык с конца XVII в. (стр. 125). Именно в XVII в. в русский язык пришли слова «резидент», «нунциус», «министр», «консул», «курьер», «медиатор» и др. Многие из них позднее стали использоваться как русские служебные дипломатические термины. Автор указывает, что подобное проникновение означало не только широкое знание в России дипломатической терминологии Запада, но и осмысление, освоение ее на основе возросшей профессионализации и специализации русской дипломатической службы (стр. 140).

Материалы, привлеченные Ф. П. Сергеевым, показывают, что ко второй половине XVII в. в России фактически оформился весь комплекс дипломатической терминологии переходного периода от централизованного государства к абсолютной монархии. К концу XVII в. русская дипломатическая терминология, отражая реальности организации русской дипломатии этого периода, подошла изощренно иерархической, многообразной, бюрократически развитой, во мно-

гом соответствующей западноевропейским дипломатическим канонам. Все это создавало прекрасные дополнительные возможности для серьезных преобразований русской дипломатической службы при Петре I. В то же время терминологический букет XVII в. произрастал на прочной еще почве старого приказного мира. Таким образом, петровские реформы в области организации дипломатической службы, как и в других сферах, опирались на уже достигнутые результаты, вполне соответствующие духу нового государственного порядка, и отрицали все то, что мешало оформлению абсолютистского государства, уводило в архаическое, приказное прошлое, годное для периода централизованной монархии. Эволюция дипломатической терминологии великолепно отразила этот процесс в одной из сфер государственной жизни. К сожалению, Ф. П. Сергеев, подведя всеми своими материалами к данному выводу, не произвел анализа, который намного усилил бы научную значимость книги.

Некоторые положения, высказанные автором, требуют уточнений. Так, появление ряда дипломатических терминов в XV, XVI, XVII вв. Ф. П. Сергеев совершенно справедливо связывает с «оживлением» международных связей России, однако самый характер этого «оживления» остается неясным. Поэтому не прослеживается и качественный сдвиг в области дипломатической терминологии, скажем, от XV к XVII веку. А сделать это представляется небезынтересным.

Многие характеристики дипломатических учреждений и лиц автор дает в том виде, в каком они устоялись в источниках. Например, «посредственных послов» он определяет как лиц, осуществлявших посредничество при переговорах, «сущность которого заключалась в примирении воюющих, враждующих сторон». Бывало, конечно, и так. Но бывало, что посредник всячески препятствовал переговорам (например, известный папский медиатор С. Герберштейн в начале XVI в., во время переговоров между Польско-Литовским и Русским государствами, откровенно брал сторону противника России). Каждый посредник прежде всего преследовал внешнеполитические цели собственного правительства. Вряд ли автору следовало поспешно соглашаться с мнением В. Э. Грабаря, что «деление московских дипломатов на послов, посланников и гонцов означало только бо́льшую или ме́ньшую торжественность данной миссии», что эти звания не имели того значения, какое придавалось им в Западной Европе (стр. 58—59). На первых порах, в XV — первой половине XVI в., вероятно, было так. Однако позднее, в XVII в., эта неустойчивость стала уступать место строго регламентированным дипломатическим рангам и степеням, полностью соответствовавшим характеру той или иной дипломатической миссии. Хотелось бы пожелать большей определенности и в объяснении генезиса некоторых терминов: иногда неясно, каково их происхождение,— пришли они на Русь с Запада через перевод или возникли самочинно на русской лексической основе (например, «дворецкий», «порутчик», «трубач» как члены посольства). Вызывает сомнение необходимость в современном толковании прежних дипломатических терминов. Какое значение для избранной автором темы имеет, скажем, разъяснение современного термина «комиссар»— «комиссар милиции», «военный комиссар» и т. д.?

В заключение хочется отметить, что выводы Ф. П. Сергеева базируются на солидной источниковедческой основе: это летописи, актовый материал, духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., памятники дипломатических отношений России с иностранными государствами в XV—XVII вв., различного рода документальные публикации, данные русских «азбуковников», «лексиконов», словарей. Правда, трудно согласиться с автором, что памятники эти являются «малоизученными» (стр. 4). Филологами — возможно, но не историками. И в первую очередь это относится к великолепной публикации «Памятников дипломатических сношений древней России с державами иностранными», которая уже давно находится в поле зрения отечественной исторической науки. Плодотворные усилия самого автора показывают, какие широкие и неожиданные возможности предоставляют исследователям уже введенные в научный оборот материалы в том случае, если вопросы, обращенные к ним, обладают необходимой новизной и научной значимостью.

А. Н. Сахаров

А. И. ЧЕРЕПАНОВ. *Записки военного советника в Китае* (1925—1927 гг.). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., Изд-во «Наука». 1971. 311 стр. с илл. и картами. Тираж 15 000. Цена 1 руб. 06 коп.

Одним из первых советских военных специалистов, которые по призыву Коммунистической партии Советского Союза и велению интернационального долга пришли на помощь китайскому народу в первые годы китайской революции, был А. И. Черепанов, ныне генерал-лейтенант в отставке. Он выпустил второе, дополненное издание своих интересных записок, посвященных самоотверженной борьбе китайского народа за освобождение от засилья феодально-милитаристских и компрадорских сил, инспирируемых империалистическими державами, и показу большой, бескорыстной братской помощи, оказанной Советским Союзом Китаю в его тяжелой борьбе.

Кадровый военный, один из первых командиров Красной Армии, с февраля 1918 г. командовавший 2-м красноармейским полком, активный участник гражданской войны, А. И. Черепанов в 1923 г., после окончания основного курса Военной академии Генерального Штаба, был направлен в Китай в ответ на обращение главы Военно-революционного правительства Южного Китая Сунь Ят-сена к Советскому правительству с просьбой прислать опытных политических и военных советников.

Несмотря на то, что в предисловии к книге А. И. Черепанов подчеркивает, что он не ставит перед собой задачу написать военную историю китайской революции 1925—1927 гг. и что он ограничивается лишь рассказом о событиях, в которых сам принимал непосредственное участие, и о людях, с которыми ему приходилось работать и встречаться, книга, несомненно, выходит за рамки поставленной им задачи. Она служит ценным источником по политической и военной истории Китая в новейшее время и по истории советско-китайских отношений. Изложение политических и военных событий в Южном Китае дается автором на широком фоне общей обстановки в Китае в 1924—1925 годах.

А. И. Черепанову по роду своей работы часто приходилось встречаться с Сунь Ят-сеном, с ближайшим помощником и другом последнего левым гоминьдановцем Ляо Чжун-каем, с мужественным коммунистом-интернационалистом Цюй Цю-бо, с руководителем крестьянского движения в уездах Хайфын и Луфын коммунистом Пэн Баем, с китайскими коммунистами, учившимися или работавшими в военной школе Вампу. Впечатления от этих встреч живо и образно переданы автором на страницах его «Записок». Особенно удачен портрет Сунь Ят-сена, пламенного китайского революционера, искреннего и последовательного друга Советского Союза. «Сунь Ят-сен,— пишет автор,— настойчиво выносил в массы свой важнейший вывод — необходимость дружбы с СССР, изучение нашего опыта. Он стремился заронить зерна этой идеи в головы возможно большего числа последователей, в широкие демократические круги» (стр. 114).

С интересом читаются страницы книги, посвященные описанию нараставшего в Китае нового подъема революционной борьбы, реорганизации гоминьдана, а также участия китайских коммунистов, входивших в те годы в гоминьдан, в создании массовой базы для развертывания революционного движения в Южном Китае, подготовки и проведения первого конгресса гоминьдана, открывшегося в Гуанчжоу 20 января 1924 г., защиты территориальной базы революции от различных группировок китайских милитаристов, которые инспирировались, финансировались и вооружались империалистическими державами.

А. И. Черепанов дает яркие, запоминающиеся зарисовки своих товарищей по боевой работе в Китае — старого большевика, члена КПСС с 1903 г., политического советника ЦИК гоминьдана Михаила Марковича Бородина, которого Сунь Ят-сен ценил и уважал и которого он в знак большого доверия приглашал на все важнейшие совещания руководимой им партии гоминьдан; главного военного советника Сунь Ят-сена, легендарного полководца В. К. Блюхера, прославившегося еще в годы гражданской войны и борьбы с интервентами; главного военного советника комкора П. А. Павлова, безвременно погибшего в Китае в результате несчастного случая; военных советников Терешатова, Поляка, Скворцова, Дратвина, Бесчастнова, Никулина, Васильева, Палло, Сахновского, Шнейдера, военных летчиков Сергеева, Кравцова, Пакова, Тальберга, Базенау и др. Движимые чувством интернационализма, партийной ответственности за порученное им дело, советские военные специалисты в боевой обстановке не раз шли в первых рядах атакую-

щих, личной храбростью и героизмом воодушевляли китайских солдат, во многом способствовали успешному исходу таких военных операций, как взятие г. Даньшуй, штурм крепости Вэйчжоу и др.

Одна из глав книги посвящена истории создания и деятельности военной школы Вампу, в организации которой активное участие принимал автор «Записок». Эта школа для подготовки верных революции офицерских кадров и строительства революционной армии по образцу Красной Армии была создана по инициативе Сунь Ят-сена. Курсантский состав был набран в основном из учащихся высших и средних школ Гуанчжоу, Шанхая и других городов. Эта молодежь прошла предварительно школу революционной студенческой борьбы и была полна решимости сражаться за идеалы, которые олицетворял Сунь Ят-сен. На торжественном открытии школы Вампу 15 июня 1924 г. Сунь Ят-сен призывал преподавателей и курсантов школы изучать и заимствовать опыт революционной России. Сунь Ят-сен часто бывал у курсантов школы, выступал перед ними с докладами. 3 ноября 1924 г. при очередном посещении школы он вновь посвятил свое выступление разъяснению значения советского опыта для китайской революции и, в частности, говорил: «Успехи русской революции гораздо глубже, чем успехи революций во Франции и в США, происходивших более ста лет назад. Это объясняется тем, что в России появился такой революционный мыслитель, как В. И. Ленин. Он создал революционную партию с железной дисциплиной. Эта партия стала огромной силой, и это сказалось очень скоро на успехах революции в России. Русские революционные методы должны служить для нас прекрасным образцом» (стр. 113). Как хорошо показал А. И. Черепанов, Чан Кай-ши, который в те годы был начальником военной школы Вампу, маскировался под сторонника Сунь Ят-сена, прикрывал революционной фразеологией свои планы создания на базе военной школы Вампу собственной сухопутной армии, с помощью которой он намеревался пробраться к государственной власти (стр. 101). По решению Центрального Комитета КПК на работу в Национально-революционную армию были направлены опытные политические работники Линь Цзу-хань, Юнь Дай-ин и др. Работа советских советников и инструкторов в школе Вампу и частях молодой Национально-революционной армии Южного Китая проходила в весьма сложной обстановке: неоднократно вспыхивали мятежи контрреволюционных сил на территории, контролировавшейся правительством Сунь Ят-сена, активизировалась диверсионно-террористическая деятельность внутренней и империалистической реакции, имели место открытое предательство и саботаж со стороны случайных попутчиков революции.

Значительное место в книге отведено показу повседневной жизни и работы советских военных специалистов, находившихся на службе у революционного правительства Южного Китая, их непосредственному участию в боевых операциях Национально-революционной армии, в частности в разработанных В. К. Блюхером первом и втором Восточных походах, обеспечивших освобождение провинции Гуандун и создание прочной базы для Северного похода и расширения территориальной базы революции.

Книга повествует и об огромной материальной поддержке, в частности оружием и боеприпасами, которую оказывала Советская Россия революционному правительству Сунь Ят-сена. «Из далекого Владивостока, проделывая путь в несколько тысяч миль, советские пароходы везли в Гуанчжоу пушки, пулеметы, винтовки и другое оружие и боеприпасы... Рейсы были рискованными, можно было опасаться любых империалистических провокаций, однако это было необходимо для успехов китайской революции, и команды судов были проникнуты сознанием исторической важности совершаемого дела» (стр. 135).

При работе над «Записками» автор, не доверяя полностью своей памяти (не следует забывать, что со времени описываемых событий прошло свыше 45 лет), часто обращается к архивным документам, в том числе и к запискам М. М. Бородина, донесениям В. К. Блюхера, к своим собственным докладным запискам и письмам, сохранившимся в материалах группы советских советников при революционном правительстве Южного Китая. Введение, таким образом, в научный оборот большого количества документов и материалов по истории революционного движения в Китае периода 1924—1927 гг. делает книгу весьма ценным и объективным историческим свидетельством, помогающим всем, кто изучает историю национально-освободительной борьбы китайского народа.

«Записки» написаны образным, ярким языком, читаются легко. Этому во многом способствует иллюстративный материал — фотографии, карты и схемы. Вызывает, од-

нако, сожаление, почему главная редакция восточной литературы издательства «Наука» при оформлении книги не смогла включить две страницы с весьма важными схемами обстановки на Юге Китая в текст книги и приложила их в виде отдельного дополнения. Первая книга «Записок» заканчивается началом 1926 года. Читатель с нетерпением будет ждать появления второй книги, где автор рассказывает о Северном походе и решающих событиях китайской революции 1925—1927 годов.

Член-корреспондент АН СССР
С. Л. Тихвинский

Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ. *Деятельность Ф. Энгельса в годы I Интернационала.* М. Изд-во «Мысль». 1971. 308 стр. Тираж 5 000. Цена 1 руб. 38 коп.

До сих пор исследователи изучали, как правило, лишь отдельные стороны жизни и деятельности Ф. Энгельса в годы I Интернационала. Правда, в общих биографических работах делались попытки рассмотреть этот период в целом. Ближе всего к решению названной проблемы подошли авторы научной биографии Ф. Энгельса, выпущенной ИМЛ при ЦК КПСС[1]. В книге кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИМЛ при ЦК КПСС Н. Ю. Колпинского жизнь и деятельность Ф. Энгельса в период I Интернационала стала предметом всестороннего исследования. Помимо работ К. Маркса и Ф. Энгельса, их эпистолярного наследия, конспектов и выписок Ф. Энгельса, автор использовал документы Генерального Совета, местных секций и федераций Международного Товарищества Рабочих (МТР), письма деятелей рабочего движения, материалы рабочей печати Испании, Германии, Италии и других стран.

Комплексное изучение жизни и деятельности Ф. Энгельса позволило автору в неразрывной связи рассмотреть его научно-теоретическую и политическую работу; показать, что понимание проблем стратегии и тактики пролетарского движения основывалось на глубоком изучении объективных законов развития общества. С другой стороны, научные интересы Ф. Энгельса часто непосредственно были продиктованы политическими задачами, стоявшими перед I Интернационалом, перед международным рабочим движением. Н. Ю. Колпинский прослеживает логику развития научной мысли Энгельса, более глубоко осмысливает многие, казалось бы, хорошо известные работы Ф. Энгельса.

Практическая деятельность Ф. Энгельса как члена Генерального Совета, секретаря-корреспондента для Италии и Испании, а затем Дании и Португалии, его связи с немецким и английским рабочим движением представлены во всей их многогранной сложности, что, несомненно, является одной из удач автора. Это результат не только хорошего знания рабочего движения и деятельности секций Интернационала в разных странах, но и понимания места и роли самого рабочего движения в социально-политической борьбе этих стран и регионов в то время. Н. Ю. Колпинский создает яркий духовный портрет Ф. Энгельса, его живой образ, причем делает это с большим тактом, без часто встречающегося в попытках подобного рода беллетризирования.

Представляется оправданным большое внимание, которое автор уделяет жизни Ф. Энгельса до его переезда в Лондон в 1870 г., в начальный период конституирования и развития I Интернационала, когда Ф. Энгельс внес серьезный вклад в разработку ряда теоретических проблем программы пролетарской партии и тактики пролетариата. Прежде всего автор подчеркивает роль Ф. Энгельса в вовлечении немецких рабочих в Интернационал, в разработке тактики пролетариата в вопросе об объединении Германии, в принятии программных положений Интернационала германской социал-демократией, в частности по аграрному вопросу, в определении линии поведения немецкого пролетариата во время франко-прусской войны (стр. 45, 57—62 и др.). В книге прослеживается, как Ф. Энгельс, используя марксов анализ бонапартизма и изучая деятельность правительства Бисмарка, оценивает прусский бонапартизм «как

[1] «Фридрих Энгельс. Биография». М. 1970. Одним из авторов ее является Н. Ю. Колпинский.

государственную форму феодально-бюрократической реакции, которая возникает в определенных исторических условиях прежде всего из страха буржуазии перед массовым рабочим движением и является следствием ее отказа от революционных методов борьбы за политическое господство» (стр. 33). Разоблачая заигрывания лассальянцев с Бисмарком, Энгельс вскрывал демагогический характер посулов бонапартистского государства. Рассматривая весь комплекс вопросов, связанных с критикой бонапартистского государства, автор подчеркивает, что Энгельс видел причину поражения Франции во время франко-прусской войны не столько в профессиональной бездарности бонапартистских генералов, сколько в их политической позиции (стр. 66). В книге показано, что и после Парижской коммуны Ф. Энгельс продолжал считать важной для рабочего движения борьбу с бонапартизмом, углублял свой анализ прусского бонапартизма (стр. 266—267).

Основное внимание Н. Ю. Колпинский уделяет деятельности Ф. Энгельса после переезда в Лондон в сентябре 1870 года. Это—время наибольшего обострения идеологической борьбы в Интернационале против всех видов мелкобуржуазной идеологии — от реформизма до анархизма. Деятельность Ф. Энгельса в этот период является, как известно, предметом спекуляций антимарксистской историографии, которые сводятся, в сущности, к отрицанию объективных закономерностей развития рабочего движения, неизбежности идеологической борьбы с чуждым пролетариату мировоззрением. После Парижской коммуны главным противником марксистского крыла в Интернационале были бакунисты, с которыми в конечном счете блокировались и все реформистские элементы. «Диаметральная противоположность научного коммунизма и анархизма Бакунина,— пишет автор,— выявилась в оценке исторической сущности Коммуны и ее уроков» (стр. 96). В борьбе против бакунизма Ф. Энгельс столкнулся с утопической концепцией «социальной ликвидации», немедленного уничтожения всякого государства, волюнтаристским подходом к тактике пролетарского движения, с клеветой и интригой как методом борьбы с идейными противниками. Н. Ю. Колпинский выделяет три главных этапа борьбы с бакунизмом. В книге подчеркивается, что борьба за идейное единство МТР и размежевание с бакунистами не была простой. Например, в Италии и Испании, позже других вступивших на путь капиталистического развития, борьба за самостоятельную классовую позицию, за размежевание с политической линией буржуазной демократии часто находила выражение в отрицании политической деятельности вообще, что формально совпадало с бакунистской проповедью. В работе дан тонкий анализ этого процесса, показано, чем анархистская позиция испанских рабочих отличалась от ортодоксально бакунистской (стр. 119).

Для историка международного рабочего движения особый интерес представляет раздел книги «Энгельс и германская социал-демократия». Успехи немецкого рабочего движения, его возрастающий авторитет заставляли мелкобуржуазных противников марксизма протаскивать свои теории в новой форме. Обнаружилась тенденция, говорится в книге, «их превращения из открыто противостоящих научному коммунизму и социал-демократической партии течений в течение внутри партии, стремящееся примирить марксизм и другие, «тоже» социалистические направления» (стр. 262). Это выразилось прежде всего в стремлении к союзу с лассальянцами. Автор исследует процесс выработки Ф. Энгельсом новой тактики германской социал-демократии в складывающихся условиях и пути превращения ее в массовую революционную рабочую партию. Вероятно, впервые с такой глубиной дается анализ статей Ф. Энгельса в «Volksstaat», раскрыто их значение в борьбе за единство и интернационализм рабочего движения в новых условиях, за укрепление марксистского крыла в международном рабочем движении. Особое значение автор придает работе Ф. Энгельса «К жилищному вопросу». Он подчеркивает, что главное значение работы состоит в доказательстве необходимости революции, революционного насилия, экспроприации эксплуататоров в противовес усиливавшемуся в партии мелкобуржуазно-реформистскому влиянию. Она была, заключает Н. Ю. Колпинский, «первым произведением, дававшим решительный отпор протаскиванию от имени рабочего класса старых мелкобуржуазных воззрений под флагом подлинного социализма» (стр. 269). В книге анализируются и другие важнейшие стороны деятельности Ф. Энгельса: разработка программных и тактических основ пролетарского движения, развитие кардинальных вопросов марксистской теории после Парижской коммуны — о государстве, о роли

субъективного фактора, о партии, об активной роли надстройки, идей.

К сожалению, не все проблемы, затронутые в книге, получили исчерпывающее освещение. Далеко не в достаточной степени дан анализ классовых корней бакунизма, причин его быстрого распространения в ряде стран; не выявлено в этом процессе общее и особенное, не объяснены причины живучести анархистских традиций в отдельных странах, в частности в Испании. Можно поставить в упрек автору, что в некоторых вопросах он опирается только на литературу, не привлекая малоизвестные материалы (например, хранящиеся в ЦПА ИМЛ выписки Ф. Энгельса по Ирландии). В книге нет развернутого историографического очерка, а отдельные замечания в комментариях в конце ее не могут возместить этого пробела. Немногочисленные экскурсы в область историографии в самом тексте (кстати, очень интересные) теряются в общем изложении.

Тем не менее эти недостатки не снижают общего весьма положительного впечатления от книги. Написанная о событиях столетней давности, она заставляет задумываться над многими проблемами современности.

В. А. Смирнова

А. С. КАН. *История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция).* М. Изд-во «Высшая школа». 1971. 328 стр. Тираж 7 000. Цена 91 коп.

Изучение истории скандинавских стран в СССР в последнее время ведется все более интенсивно. Поэтому вполне своевременным следует считать издание обобщающего труда по истории Скандинавии, принадлежащего перу доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР А. С. Кана, который известен как автор книг по новейшей истории Швеции и внешней политике скандинавских стран в годы второй мировой войны [1]. Рецензируемая работа представляет собой учебное пособие для студентов исторических специальностей высших учебных заведений. В его основу положены лекции, читанные автором в Московском университете и в Институте международных отношений. Такое пособие по истории Скандинавии появилось впервые. Автор не имел готовых образцов при решении своей задачи. Приведенные 108 названий в списке литературы (в основном на русском языке) — лишь важнейшие труды по данной теме, они не могут дать никакого представления о трудоемкой работе, которую провел автор над литературой и источниками.

Книга охватывает три скандинавских государства в узком смысле этого понятия. Между тем было бы целесообразно исследовать историю всех северных стран в совокупности — Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Исландии. Ведь политическая судьба, экономика, культура их всех тесно между собой переплетаются. Не случайно А. С. Кан вынужден обращаться к некоторым эпизодам из истории Финляндии и Исландии (стр. 16, 34—40 и др.). В книге удачно и в хороших пропорциях соединены политическая, социальная, экономическая история, история культуры. Основное внимание автор сконцентрировал на новой и новейшей истории скандинавских стран. Древности и средневековью отводится примерно 20 процентов текста, проблемам нового времени — 35 процентов, новейшего времени — 45 процентов. Если взять для сравнения «Историю Швеции» И. Андерссона (4-е изд., 1953) [2], то там соответствующие цифры — 40, 50, 9.

История отдельных скандинавских стран так тесно связана между собой, так много общего в общественно-политическом развитии отдельных скандинавских народов, что ее изучение требует комплексного подхода, которым автор и пользуется. Вместе с тем он не уходит от характеристики местных особенностей (например, различия в абсолютистских порядках, в положении феодально зависимого крестьянства, в политике этих стран во время второй мировой войны и т. д.). С другой стороны, исто-

[1] А. С. Кан. Новейшая история Швеции. М. 1964; его же. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М. 1967.

[2] J. Andersson. Sveriges historia. Stockholm. 1953.

рия скандинавских стран в новое время тесно связана с историей других государств Европы, подчинена закономерностям общеевропейского и всемирного развития, и автор прав, увязывая изложение с событиями всемирно-исторического масштаба. Анализируя местные, региональные особенности, к которым автор относит постоянство основного этнического состава населения, сравнительно медленную феодализацию с сохранением крестьянством личной свободы, отсутствие буржуазно-демократических революций, длительный нейтралитет, высокую организованность рабочего движения при одновременном преобладании в нем реформизма, А. С. Кан подчеркивает, что они не дают основания говорить о какой-либо «исключительности».

Структура книги соответствует периодизации истории скандинавских стран. А. С. Кан применяет понятие «варварство», в последнее время обычно не используемое в нашей литературе при периодизации первобытной истории. Целесообразнее было бы разграничить первобытнообщинный строй и ранний феодализм и, может быть, избрать в качестве рубежа между этими этапами VIII—IX века. Для Скандинавии вполне приемлема имеющаяся в книге датировка развитых феодальных отношений XIII в., начала их разложения—XVII в., развития капитализма — первой половиной и серединой XIX века. В XIX в. следовало бы выделить период 1830—1865 гг.—начало капиталистической индустриализации, промышленного переворота, когда исчезли ограничения на пути буржуазных отношений. Решающий этап капиталистической индустриализации (стр. 141, 164), по-видимому, целесообразнее было отнести на конец XIX в. до 1900 года. Некоторые взятые из арсенала политической истории периоды (например, эпоха феодальных уний) при известной условности периодизации вообще, как видно из книги, хорошо применимы в общескандинавской истории, где социально-экономические критерии иногда приводят к хронологическим колебаниям по отдельным странам. Нужно иметь в виду, что, по существу, еще не разработана марксистская периодизация истории как отдельных скандинавских стран (за исключением, пожалуй, Швеции), так и всей Скандинавии. Тем выше следует оценить общую хронологическую схему истории скандинавских стран, положенную в основу книги. Весьма обоснованна, в частности, периодизация новейшей истории этих стран после второй мировой войны (1945—1947, 1948—1952, 1953—1959, 1960-е годы), которая и для всемирной истории у нас пока еще, в сущности, не разработана.

В книге уделяется много внимания социально-экономическим вопросам послевоенной Скандинавии и внутриполитической борьбе. Автор дает многосторонний анализ экономики с ее успехами и кризисными явлениями, разоблачает миф о «государстве всеобщего благосостояния», четко характеризует противоречивые проблемы скандинавской интеграции: с одной стороны, борьбу прогрессивных сил за миролюбивое сотрудничество, с другой — концепцию «северного единства», «скандинавизм» и «нордизм» реакционных кругов и кроющиеся за этими лозунгами своекорыстные империалистические цели.

Несколько слов о некоторых недостатках и неточностях, встречающихся в книге. При изложении первобытной и раннефеодальной истории Скандинавии хотелось бы, чтобы читатель получил более основательное представление о проблемах этногенеза скандинавских народов. На стр. 26 и сл. и 47 и сл. автор рассматривает образование класса феодально зависимых крестьян. В Скандинавии генезис феодального строя происходил преимущественно на основе трансформации доклассового общества, а не под влиянием западноевропейских социально-политических и юридических институтов. Поэтому там не была распространена практика прекариев, отдача себя под покровительство; аренда лейлендингом (мелким крестьянином) земли крупного собственника выросла из древнескандинавской межкрестьянской аренды. Думается, что при трактовке феодализации аграрных отношений в XIV—XV вв. А. С. Кан слишком большую роль отводит добровольным началам перехода бондов (свободных землевладельцев-общинников) в зависимую категорию населения, недооценивая наступление дворянства и королевской власти. Союза Юхана III с Речью Посполитой в войне с Россией не существовало (стр. 61), единственный факт совместных действий — битва под Цесисом в 1578 году. В 1561 г. Швеции подчинился не только город Таллин (стр. 61), но и эстляндское рыцарство. Аугсбургское вероисповедание в Швеции формально было принято лишь в 1593 г., в связи с перспективой коронации католического короля, а не в 1539—1540 годах (стр. 58). На стр. 113 и сл. речь идет об ответственности шведского государственного совета перед риксдагом по «форме правле-

ния» 1809 г., но не подчеркнуто, что это еще не была парламентская ответственность, а лишь право риксдага привлечь министров к уголовной ответственности. В разделе «Новые явления культурной жизни» (X гл.) стоило бы упомянуть об учреждении Нобелевских премий. При трактовке внутреннего положения Швеции после 9 апреля 1940 г. (нападение Германии на Данию и Норвегию) внимание автора сосредоточено на политическом положении, в то время как экономическое положение (морская блокада, внешняя торговля, продовольственное положение и государственное регулирование народного хозяйства) рассматривается весьма поверхностно. Встречаются в книге и опечатки. Так, Копенгаген основан в 1167 г., а не в 1157 г. (стр. 31); нужно А. (Андерс), а не Л. Шюдениус (стр. 108) и Т. (Туре), а не Г. Нерман (стр. 185); на стр. 240 спутан Треллеборг в Дании с Треллеборгом в Южной Швеции и т. п. Шведское управление рынка труда ошибочно именуется управлением охраны труда (стр. 270), а Организация экономического сотрудничества и развития неверно названа европейской.

Ю. Кахк, Э. Тарвел

НОВЫЕ КНИГИ

Ленин В. И. *Избранные произведения.* В 3-х т. Т. 3. М. Политиздат. 1972. VIII; 856 стр. 150 000 экз. 1 руб. 54 коп.

История СССР

Арутюнян А. О. *Кавказский фронт 1914—1917 гг.* Ереван. «Айастан». 1971. 415 стр. с илл. карт. 10 000 экз. 1 руб. 82 коп.

Байрамов Ф. *Нариман Нариманов.* Библиогр. указатель. Баку. Азернешр. 1972. 158 стр. 2 000 экз. 29 коп.— На азерб. и русск. яз.

Березанская С. С. *Средний период бронзового века в Северной Украине.* Киев. «Наукова думка». 1972. 264 стр. с илл. 1 200 экз. 2 руб. 37 коп.

Бернов Ю. и Манусевич А. *Ленин в Кракове.* М. Политиздат. 1972. 239 стр. с илл. 37 000 экз. 1 руб. 15 коп.

Буков К. *Все мы были солдатами.* Московская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. М. «Московский рабочий». 1972. 336 стр. с илл. 40 000 экз. 1 руб. 34 коп.

Вести-куранты. 1600—1639 гг. Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов и А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М. «Наука». 1972. 347 стр. 2 850 экз. 2 руб. 58 коп.

Вечно живые. Памятники Донецкой области. Донецк. «Донбасс». 1972. 135 стр. с илл. 16 000 экз. 75 коп.

Вопросы истории КПСС. Некоторые вопросы организаторской и идеологической деятельности КПСС (на материалах Белорус. ССР). Межвед. сборник 111. Под ред. В. И. Сикорского и М. Е. Шкляра. Минск. Изд-во Белорусского ун-та. 1972. 280 стр. 1 200 экз. 1 руб. 58 коп.

Гареев М. Г. *Штурмовики идут на цель.* М. Изд-во ДОСААФ. 1972. 272 стр. с илл. 100 000 экз. 46 коп.

Достян И. С. *Россия и балканский вопрос.* Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М. «Наука». 1972. 368 стр. 1 800 экз. 1 руб. 44 коп.

Житников А. И. *К победе коммунистического труда.* Партийные организации Зап. Сибири во главе движения за коммунист. отношение к труду. Барнаул. Алтайское книжное изд-во. 1972. 304 стр. 2 500 экз. 1 руб. 29 коп.

Жуков Г. К. *Воспоминания и размышления.* М. Изд-во АПН. 1972. 703 стр. с илл. 200 000 экз. 3 руб. 20 коп.

Зеленин И. Е. *Совхозы в первое десятилетие Советской власти.* 1917—1927. М. «Наука». 1972. 392 стр. 1 750 экз. 1 руб. 48 коп.

Зубаков В. Е. *Героический Ленинград.* М. Воениздат. 1972. 200 стр. с илл. 75 000 экз. 58 коп.

Из истории советской культуры. М. «Мысль». 1972. 167 стр. 4 000 экз. 89 коп.

Историко-революционные места города Куйбышева и области. Изд. 2-е, доп. Куйбышев. Книжное изд-во. 1972. 191 стр. с илл. 25 000 экз. 41 коп.

Кавказский этнографический сборник. Вып. 4. Тбилиси. «Мецниереба». 1972. 145 стр. с илл. 1 000 экз. 99 коп.

Калинин А. Д. *Народное образование в СССР.* М. «Педагогика». 1972. 143 стр. с илл. 5 000 экз. 36 коп.

Каулиньш Э. *Будни не повторяются.* Пер. с латыш. М. Политиздат. 1972. 240 стр. с илл. 70 000 экз. 1 руб. 10 коп.— Воспоминания депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, более четверти века возглавляющего крупнейший в Латвии колхоз «Лачплесис».

Кларов Ю. *Допрос в Иркутске.* Факты, документы и авторские мысли. М. «Молодая гвардия». 1972. 302 стр. 100 000 экз. 38 коп.— Документальная повесть о героической борьбе большевиков против Колчака.

Критика буржуазной историографии советского общества. Под ред. В. С. Васюкова. М. Политиздат. 1972. 412 стр. 17 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Кузнецов В. А. *Серебряные крылья.* М. Воениздат. 1972. 199 стр. 65 000 экз. 55 коп.— Автор, генерал-майор авиации, боевой заслуженный летчик, ведет увлекательный рассказ о своей тридцатилетней службе.

Курс лекций по истории КПСС. Вып. 2. М. Воениздат. 1972. 511 стр. 200 000 экз. 93 коп.

Ласковая М. *Богоискательство и богостроительство прежде и теперь.* М. «Московский рабочий». 1972. 110 стр. 27 000 экз. 17 коп

Лащенко П. Н. *Из боя в бой.* М. Воениздат. 1972. 334 стр. с илл. (Военные мемуары). 100 000 экз. 90 коп.— Автор, Герой Советского Союза, генерал армии, рассказывает о наступательных боях 322-й стрелковой дивизии.

Леонова В. С. *Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах. 1921—1925 гг.* М. Изд-во Московского ун-та. 1972. 181 стр. 1 800 экз. 1 руб. 27 коп.

Логвинов В. К. *В бой идут сибиряки.* Красноярцы на фронтах и в тылу Великой Отечественной войны. Красноярск. Книжное изд-во. 1972. 283 стр. с илл. 15 000 экз. 59 коп.

Маликов Ф. *Февральская буржуазно-демократическая революция в Казахстане.* Алма-Ата. «Наука». 1972. 239 стр. 2 500 экз. 1 руб. 3 коп.

Научитель М. В. *Страницы жизни и борьбы.* Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1972. 147 стр. с илл. 10 000 экз. 18 коп.— Очерк о Л. Б. Красине.

Оразов А. *Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX — начале XX в.* Историко-этнографический очерк. Под ред. Г. Е. Маркова. Ашхабад. «Ылым». 1972. 131 стр. 1 000 экз. 52 коп.

Очерки истории КПСС. Учеб. пособие для школ основ марксизма-ленинизма. Изд. 5-е. М. Политиздат. 1972. 432 стр. с илл. 100 000 экз. 74 коп.

Панавас Ч. *Борьба большевиков против оппортунистической теории и политики Бунда.* 1903 — октябрь 1917 г. М. «Мысль». 1972. 116 стр. 9 000 экз. 39 коп.

Под огненным стягом. Воспоминания участников гражданской войны. Сост. И. В. Фотиев М. Политиздат. 1972. 416 стр. с илл. 100 000 экз. 97 коп.

Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л. «Наука». Ленинградское отд-ние. 1972. 423 стр. с илл. 8 000 экз. 2 руб. 22 коп.

Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. В 2-х т. Т. 2. 1686—1691. Сост. и обработка текста Н. Ф. Демидова и В. С. Мясникова. Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. «Наука». 1972. 835 стр. 1 100 экз. 6 руб. 42 коп.

Сенигова Т. Н. *Средневековый Тараз.* Алма-Ата. «Наука». 1972. 218 стр. с илл. 2 050 экз. 1 руб. 47 коп.

Соколов А. Я. *Торговая политика России в Средней Азии и развитие русско-афганских торговых отношений.* Ташкент. «Фан». 1971. 232 стр. 1 000 экз. 1 руб. 69 коп.

Степанов И. В. *Крестьянская война в России в 1670—1671 гг.* Начальный период крестьянской войны. Т. 2. Ч. 1. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1972. 157 стр. 2 520 экз. 94 коп.

Стоколос В. С. *Культура населения бронзового века Южного Зауралья.* Хронология и периодизация. М. «Наука». 1972. 168 стр. с илл. 1 250 экз. 61 коп.

Унпелев Г. А. *Социалистическая индустриализация Дальнего Востока.* О деятельности Коммунистической партии по индустриализации Дальневосточного края. 1928—1932 гг. Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1972. 296 стр. 1 500 экз. 1 руб. 72 коп.

Хамраев М. *Деятельность Коммунистической партии по развитию ирригации в Таджикистане. 1924—1938 гг.* Душанбе. «Дониш». 1972. 329 стр. 1 500 экз. 1 руб. 72 коп.

Харчев А. Г. и Яковлев Б. Д. *Очерки истории марксистско-ленинской этики в СССР.* Л. «Наука». Ленинградское отд-ние. 1972. 218 стр. 9 500 экз. 72 коп.

Хвостова Р. *Жить не дано дважды.* Фронтовые записки разведчицы. Изд. 2-е, переработ. Ашхабад. «Туркменистан». 1972. 234 стр. с илл. 70 000 экз. 56 коп.

Чагин Г. *Чердынь.* Краткий исторический очерк. Пермь. Книжное изд-во. 1972. 126 стр. с илл. 10 000 экз. 28 коп.

Шапко В. М. *Союзу полвека.* К 50-летию образования СССР. М. Политиздат. 1972. 120 стр. 130 000 экз. 16 коп.

Ширшин Г. Ч. *Под знамя Ленина.* Из опыта идейно-политической работы Тувинской народно-революционной партии по воспитанию трудового аратства на идеях ленинизма в 1922—1924 гг. Кызыл. Тувкнигоиздат. 1972. 147 стр. 1 000 экз. 23 коп.

Всеобщая история

Вербицкий С. И. *Японо-американский военно-политический союз.* 1951—1970 гг. М. «Наука». 1972. 285 стр. 4 000 экз. 1 руб. 21 коп.

Ветров А. *Волонтеры свободы.* Воспоминания участника национально-революционной войны в Испании. М. Политиздат. 1972. 216 стр. с илл. 100 000 экз. 50 коп.

Гончаров Л. Н. *Школа и педагогика США до второй мировой войны.* Исторический очерк. М. «Педагогика». 1972. 320 стр. 3 000 экз. 88 коп.

Григулевич И. Р. *«Мятежная» церковь в Латинской Америке.* М. «Наука». 1972. 411 стр. 7 100 экз. 1 руб. 89 коп.

Дьяков В. А. *Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного.* 1801—1890 гг. М. «Наука». 1972. 330 стр. 1 150 экз. 1 руб. 86 коп.

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968 г. Л. «Наука». Ленинградское отд-ние. 1972. 342 стр. 1 250 экз. 2 руб. 64 коп.

Ефимов Г. В. *Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой истории Китая.* Ч. 3. Зап. литература по новой истории Китая. Китайская литература по новой истории Китая. Л. Изд-во Ленинградского ун-та. 1972. 126 стр. 1 000 экз. 59 коп.

Зубок Л. И. и Яковлев Н. Н. *Новейшая история США.* 1917—1968. М. «Просвещение». 1972. 367 стр. с илл. 40 000 экз. 95 коп.

Иоанесян С. И. *Лаос. Социально-экономическое развитие.* Конец XIX—60-е гг. XX века. М. «Наука». 1972. 184 стр. 1 600 экз. 98 коп.

Кастро Ф. *Сила революции — в единстве.* Речи, выступления, интервью во время визита в Чили. 10 ноября — 4 декабря 1971 г. М. Политиздат. 1972. 422 стр. с портр. 75 коп.

Кравченко Е. А. *Народный фронт во Франции. 1934—1938.* М. «Наука». 1972. 294 стр. 2 000 экз. 96 коп.

Крымов А. Г. *Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900—1917 гг.* М. «Наука». 1972. 367 стр. 3 000 экз. 1 руб. 57 коп.

Кузнецова С. И. *Социальная структура африканского города.* Проблемы формирования промышленного пролетариата в Тропической Африке. М. «Наука». 1972. 381 стр. 1 500 экз. 1 руб. 68 коп.

Мозохина А. Г. *Органы государственного управления промышленностью в странах — членах СЭВ.* М. «Наука». 1972. 247 стр. 3 000 экз. 78 коп.

Сванидзе И. А. *Сельское хозяйство Тропической Африки.* М. «Мысль». 1972. 352 стр. 3 000 экз. 2 руб. 06 коп.

Славяно-балканские исследования. Историография и источниковедение. Сборник статей и материалов. М. «Наука». 1972. 390 стр. 1 600 экз. 2 руб. 26 коп.

США: преступность и политика. Отв. ред. Б. С. Никифоров. М. «Мысль». 1972. 388 стр. 20 000 экз. 1 руб. 51 коп.

Французский ежегодник. 1970. Статьи и материалы по истории Франции. Глав. ред. А. З. Манфред. М. «Наука». 1972. 331 стр. 1 800 экз. 2 руб. 16 коп.

Фридрих Энгельс и военная история. М. Воениздат. 1972. 336 стр. с илл. 11 000 экз. 1 руб. 38 коп.— Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса.

Цейлон. Проблемы и перспективы экономики. Очерки. М. «Наука». 1972. 246 стр. 1 800 экз. 1 руб. 14 коп.

Шофман А. С. *Маркс, Энгельс, Ленин об античном обществе.* Уч. пособие. М. Изд-во Московского ун-та. 1971. 270 стр. 5 500 экз. 68 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Иэнага Сабуро. *История японской культуры.* Пер. с япон. Б. В. Поспелова. Авт. предисл. В. А. Кривцов. Ред. В. С. Гривнин. М. «Прогресс» 1972. 229 стр. с илл. 3 руб. 14 коп.

Лабарка Э. *Вторжение в Чили.* Репортаж об иностранном вмешательстве. Пер. с испан. Предисл. И. Н. Зориной. М. «Прогресс». 1972. 325 стр. 94 коп.

Мондлане Э. *Борьба за Мозамбик.* Пер. с англ. и предисл. Л. Н. Рытова. М. «Наука». 1972. 226 стр. 3 200 экз. 77 коп.

Мосли Л. *Утраченное время.* Как начиналась вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. Под ред. О. А. Ржешевского. М. Воениздат. 1972. 375 стр. 50 000 экз. 1 руб. 45 коп.

Сыма Цянь. *Исторические записки.* «Ши цзи». Т. 1. Пер. с кит. Под общ. ред. Р. В. Вяткина. Вступит. статья М. В. Крюкова. М. «Наука». 1972. 439 стр. (Памятники письменности Востока. XXXII, 1). 4 700 экз. 1 руб. 74 коп.

Яшуньский Г. *Шпионы?* Из истории «охоты за ведьмами» в США. Сокр. пер. с польск. М. «Международные отношения». 1972. 246 стр. 50 000 экз. 82 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

«Вопросы истории КПСС» № 7, 1972. И. И. Грошев. Образование СССР — воплощение идей пролетарского интернационализма и советского патриотизма; В. А. Голиков. О некоторых вопросах политики КПСС в области сельского хозяйства на современном этапе; В. В. Загладин. Под знаменем идей московского Совещания; Я. Г. Темкин. Ленинская критика каутскианской позиции Троцкого (1914—1917 гг.); Стоян Петров. Верный ученик и последователь Ленина [Г. Димитров]; В. В. Кортунов. Мирное сосуществование и идеологическая борьба; А. С. Смирнов. Большевистские ячейки на селе в период подготовки Октября; Б. М. Яковлев. В. И. Ленин об отношении к мелкой буржуазии деревни и города в конце 1918—начале 1919 г.; А. Ротштейн. Адам Вейлер — друг Маркса и Энгельса; В. Е. Иванов. Чарзл Рутенберг (К 90-летию со дня рождения); Н. П. Богданов. Полвека назад; Ю. Н. Амиантов, М. С. Веселина, И. Б. Русанова. Пополнение фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС (1968—1971 гг.).

«Военно-исторический журнал» № 7, 1972. Н. Макаров Коммунистическая партия

и укрепление многонациональной Красной Армии (1922—1925 гг.); Г. Белоконев. Возникновение и развитие боевых традиций советского общества; В. Касатонов. Совместные действия Военно-Морского Флота с сухопутными войсками; С. Руденко. Авиация в битве за Сталинград; М. Повалий. Управление войсками во фронтовых наступательных операциях; В. Секистов, Г. Коротков. Второй фронт войны в Европе; В. Кувшинников. Между Сожем и Днепром; П. Пляченко. В воздушных боях над Тереком; Я. Бакман. Партизанский разведчик; С. Штеменко. На северном фланге советско-германского фронта летом и осенью 1944 года; Я. Чанышев. Страницы жизни; К. Фокеев. Маскировка военно-морских баз в 1941—1942 гг.; М. Гагаев. Военно-организаторская работа Полтавского обкома партии в первые месяцы Великой Отечественной войны; А. Кавтарадзе. Из истории русского Генерального штаба; Г. Смирнова, Б. Дробот. Герой гражданской [И. Ф. Федько]; М. Иртюга. Комбриг А. Н. Лапчинский.

«Международная жизнь» № 7, 1972. А. Кива. Африка: современный этап национально-освободительного движения; Е. Дмитриев. Двадцать лет египетской революции; Д. Чертков. Хозяйственные связи СССР с развивающимися странами; В. Горский. «Общий рынок» — Япония: соперничество нарастает; Ю. Михеев. Народы Индокитая в борьбе за свободу и независимость; В. Салов. Национальная политика Советского государства и ее буржуазные фальсификаторы.

«Мировая экономика и международные отношения» № 7, 1972. О. Быков, Д. Томашевский. Реальная сила международного развития; О. Курочкина. Выдающийся интернационалист-ленинец; Е. Селихов. Валютный кризис и мирохозяйственные связи капитализма; Ю. Юданов. Малые страны и капиталистическая интеграция; Г. Согомонян. Социал-демократия и проблемы европейской безопасности; А. Медовой, В. Яшкин. Государственный капитализм в развивающихся странах; М. Кобрин. Текущие проблемы мировой политики; В. Усенин. Сфера социального влияния капиталистического предприятия; «Услуги, производительный труд, национальный доход (Обзор дискуссионных материалов)»; В. Жарков. Международные монополии и их апологеты; Э. Журихин. «Филантропические» фонды США; К. Борисова. Лидер французской индустрии.

«Народы Азии и Африки» № 3, 1972. Вл. Ф. Ли. Освободившиеся страны и социальная стратегия неоколониализма; В. Г. Гельбрас. Некоторые вопросы развития рабочего класса современного Китая; С. А. Былиняк. Государственное регулирование и внешнеэкономические отношения развивающихся стран; А. Б. Волков. Военно-политические аспекты израильского капитализма; В. П. Илюшечкин. «Крестьянский коммунизм» тайпинов; Р. В. Ранаде. Новые тенденции в идеологии Махараштры (XIX в.); Е. А. Белов. О характере Синьхайской революции; В. П. Шуйский. Социально-экономические проблемы Камбоджи; Т. А. Воробьева. Изменения в общественном строе Майомбе (Бельгийское Конго) в период между двумя мировыми войнами.

«Преподавание истории в школе» № 4, 1972. С. В. Хармандарян. 50-летие образования СССР; Д. Я. Резун. В. О. Ключевский как преподаватель.

«Проблемы Дальнего Востока» № 1, 1972. «Об актуальных задачах советского китаеведения»; А. П. Марков. Военные блоки в Азии и американо-китайские отношения; К. Г. Кирлин. Китайская Народная Республика и Организация Объединенных Наций.

«Проблемы Дальнего Востока» № 2, 1972. Е. М. Жуков. Современные империалистические противоречия на Дальнем Востоке; М. И. Дальнев. Кризис великодержавного маоистского курса; В. Б. Спандарьян. Перспективы советско-японских экономических отношений; В. И. Акимов. Некоторые особенности современной промышленности КНР; В. И. Орехов. Зерновая проблема в КНР; Ю. И. Огнев. Путь к воссоединению Кореи и его противники; Г. Г. Кадымов. Индокитай во внешнеполитической стратегии империалистических государств; В. Я. Сидихменов. О «философской кампании» в КНР; К. Д. Антонов. Полвека борьбы. К 50-й годовщине создания Коммунистической партии Японии; С. Л. Тихвинский. Сунь Ят-сен — первый президент Китайской республики (К 60-летию свержения монархии и утверждения республики в Китае); А. С. Титов. О политических контактах Мао Цзэдуна с Эдгаром Сноу.

«Советская этнография» № 3, 1972. Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (Программа, методика и перспективы исследования); В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова. О месте первоначального расселения гребенских казаков; Е. Е. Неразик. Из истории Хорезмского сельского жилища; Л. Б. Теплинский. Расизм в политике израильских сионистов; К. В. Чистов. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры; Ю. В. Бромлей. Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей; И. Я. Фроянов. Семья и вервь в Киевской Руси (По поводу статьи Ю. М. Рапова).

«США: экономика, политика, идеология» № 7, 1972. А. А. Попов. Американские профсоюзы перед выборами; Л. И. Евенко. Новые количественные методы в практике американских корпораций; Е. Д. Михайлов. Жилищная проблема и политика правительства; В. М. Николайчик. Приговор выносит полиция; В. С. Гусева. Американо-канадские противоречия; Дж Браун. Схорони мое сердце у излучины реки. История американского Запада, рассказанная индейцами (окончание); Л. Д. Филиппова. Система финансирования высшего образования; М. И. Лапицкий. Политический аппарат американских профсоюзов.

«Украинский исторический журнал» № 6, 1972. А. А. Макаренко. XXIV съезд КПСС о боевом союзе основных революционных сил современности; Н. М. Лемещук. Дружба народов СССР—один из решающих факторов побед на фронтах Великой Отечественной войны; Г. Б. Гарибджанян. Историческая судьба возрожденного армянского народа; М. Е. Голубков. Политическая информация — важное средство коммунистического воспитания на современном этапе; А. М. Слободанюк. Социалистическое соревнование в западных областях УССР (1961—1970 гг.); С. Н. Саженюк. Эвакуированные предприятия УССР на Востоке (1941—1942 гг.); В. И. Гусев. Большевистские организации Украины в борьбе за массы в период подготовки и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание; В. А. Дядиченко. Петр I и Украина; Кристю Евтимов. Георгий Димитров — строитель новой, социалистической Болгарии; П. С. Сохань. Г. Димитров и становление советско-болгарского сотрудничества; В. В. Кравченко. Солидарность трудящихся Советской Украины с Г. Димитровым во время Лейпцигского процесса; В. Д. Левченко. Развитие сахарной промышленности Украины в 1959—1965 гг.; П. М. Дубровченко. Гражданский воздушный флот СССР в период наступательных боев на Украине (1943—1944 гг.); М. В. Гагаев. Вклад трудящихся Полтавщины в победу над фашистской Германией; Р. Д. Чайчук, З. Ф. Костичкина. Православное духовенство в белой эмиграции; В. И. Акуленко. Охрана памятников культуры в Украинской ССР (1922—1929 гг.); М. Д. Дятленко. В дни Сталинградской битвы (продолжение).

«Вестник» Академии наук СССР № 6, 1972. П. В. Волобуев. Изучение истории СССР как союзного многонационального государства; Н. П. Данилова. Генезис капитализма и национально-освободительные движения (конец XVIII — 70-е гг. XIX в.). Симпозиум в Москве.

«Вестник» Московского университета № 2, 1972. Серия XIII. Теория научного коммунизма. А. М. Ларьков. Советский народ и социалистические нации; В. М. Кордас. Борьба КПЧ за укрепление дружбы и сотрудничества ЧССР с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

«Вестник» Московского университета. Востоковедение. № 1, 1972. Л. А. Фридман. Безработица и аграрное перенаселение в странах Азии и Африки; М. С. Иванов. Реформы в современном Иране и изменения в социальной структуре; Прем Бахадур Синха. Мохандас Карамчанд Ганди о русской революции 1905—1907 гг.; Т. Мухудинов. Первая попытка основания национального банка в Иране в 1906—1907 гг.

«Известия» Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, № 4 (66), 1971. Г. Гоибов. Ал-Балазури и его произведение «Завоевание стран»; Г. Д. Лузянина. Сообщения Хондемира о гератском литературном круге его времени; Д. Наджмиддинова. Персидский трактат по военному искусству XIII в.; Х. Шонихтиёров. О некоторых административных должностях в энциклопедии «Субх ал-а'ша»; М. Шахиди. Жизнь и научная деятельность Э. Г. Брауна; Ш. Зарипов. О некоторых результатах экономического сотрудничества Советского Союза с Афганистаном; М. Ашурова. Культурные и научные связи между СССР и Ираном в годы второй мировой войны.

«Общественные науки в Узбекистане» № 5, 1972. Р. Х. Шакирова. Ведущая роль рабочего класса в формировании узбекской социалистической нации; М. Абдусалямов. О развитии межрайонных экономических связей Средней Азии и Сибири; Ф. Салахутдинов, М. Иосько. Об участии воинов-узбеков в партизанском движении в Белоруссии (1941—1944); М. Асланов. Трудовой героизм работников промышленности Ферганской области в годы Великой Отечественной войны; С. Алгиева. Солидарность трудящихся Узбекистана с республиканской Испанией (1936—1939); З. А. Мамаджанов. Из истории подготовки сельскохозяйственных кадров в Узбекистане (1933—1937); Л. Ш. Усманова. Социально-экономические последствия аграрных реформ в индийском штате Уттар-Прадеш.

«Из истории Южного Урала и Зауралья». Сборник научных исследований Челябинского педагогического института, вып. 6, 1971. В. Е. Четин. Возникновение и деятельность «Группы социал-демократов на Урале»; А. П. Абрамовский, М. Д. Машин. Рабочий класс горнозаводского Урала в борьбе с контрреволюцией (Из истории большевистского подполья и партизанского движения в Симском горном округе в 1918—1919 гг.); И. Е. Плотников. Советы Урала и колхозное строительство (Осень 1927 — осень 1928 гг.); Р. Н. Пономарева. Первые мероприятия по налаживанию организационно-хозяйственной работы в колхозах Зауралья (1930 — первая половина 1931 года); Н. П. Шмакова. В. И. Ленин и начало создания отечественного тракторостроения; Л. К. Матюхина. О роли изобретателей и рационализаторов Южного Урала в развитии и совершенствовании техники и технологии металлургического производства (1959—1965 гг.).

«Средние века». Сборник Института всеобщей истории АН СССР, вып. 33, 1971. Ю. М. Сапрыкин. В. И. Ленин и некоторые методологические проблемы истории феодального общества; В. В. Иванов. Историко-методологические аспекты ленинской критики экономического романтизма (К проблеме соотношения истории и современности); А. Н. Чистозвонов. Роль кальвинизма в Нидерландской буржуазной революции XVI века; Я. Д. Серовайский. О путях формирования феодальной собственности на леса и пастбища во Франкском государстве; М. Н. Соколова. Поместье в Англии до нормандского завоевания (О некоторых особенностях раннего английского феодализма); Ю. Л. Бессмертный. Северофранцузский серваж (К изучению общего и особенного в формах феодальной зависимости крестьян); В. В. Самаркин.

Тосканская испольщина в начале XV века; А. А. Кириллова. Ученичество в торговых и ремесленных гильдиях английских городов XIV—XV вв.; Т. С. Осипова. Английская политика в отношении ирландских городов в XIII — начале XIV в.; Т. М. Червонная. Крестьянство юга Парижского района в XVI—XVII вв. (К вопросу о дифференциации французского крестьянства в XVI—XVII вв.); М. А. Молдавская. Развитие капиталистических отношений в книгопечатном производстве Франции в условиях гражданских войн второй половины XVI века; А. А. Лозинский. Генеральный совет Лиги (Из истории Католической лиги во Франции 1584—1596 гг.); Н. И. Басовская. К вопросу об английской политике в Гаскони в конце XIII в. (По данным «Гасконских свитков»); Б. А. Каменецкий. Требования кентских повстанцев 1450 г. и политическая программа Джона Фортескью; Тадеуш Рославновский. Западногерманские города в раннем средневековье: опыт сравнительной классификации; С. Д. Ковалевский. Шведские областные законы как исторический источник; «Франция и Португалия перед португальской революцией 1640 г.» (Документы из архива Ришелье в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина)». Вступительная статья к публикации — В. Н. Малова.

«Средние века». Сборник Института всеобщей истории АН СССР, вып. 34. 1971. Медиевистика на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве и на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде (Материалы сессии Отделения истории АН СССР 9—10 декабря 1970 г.): Е. М. Жуков. Вступительное слово; С. Д. Сказкин. Основные проблемы медиевистики на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве; З. В. Удальцова. Генезис и типология феодализма; Е. В. Гутнова. Структура и эволюция феодального общества (XI—XV вв.); А. Н. Чистозвонов. Некоторые итоги рассмотрения проблемы генезиса капитализма; Л. В. Черепнин. История представительных и парламентских учреждений в средние века; В. И. Рутенбург. Средневековый город и его эволюция; А. Д. Люблинская. Роль дворянства в истории позднего феодализма; В. Т. Пашуто. Проблемы истории Древней Руси; А. С. Тверитинова. Страны Востока и средневековье; Ю. Л. Бессмертный. Математические методы и их применение при изучении проблем средневековья; Л. М. Брагина. Проблемы Возрождения. Статьи: С. Пекарчик. Вера в судьбу. Группа, индивид, эталоны поведения (Некоторые выводы из источников эпохи викингов); Ю. Р. Ульянов. Образование и эволюция структуры манора Стонор в XIV—XV вв. (К вопросу о возникновении новой крупной вотчины в средневековой Англии); В. Е. Майер. Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV—XVII вв.; Ю. М. Сапрыкин. Взгляды Джона Уиклифа на общность имущества и равенство; Т. М. Червонная. Крестьянство юга Парижского района в XVI—XVII вв. (К вопросу о дифференциации французского крестьянства) (продолжение); И. С. Шаркова. Заметки о русско-итальянских отношениях XV — первой трети XVI в.; А. А. Лозинский. Генеральный совет Лиги (Из истории Католической лиги во Франции 1584 — 1596 гг.) (продолжение); Т. Рославновский. Западногерманские города в раннем средневековье (Опыт сравнительной классификации) (продолжение); С. М. Стам. Складывание социальной структуры средневекового города (XI—XIII вв.)

«Ученые записки» Ульяновского государственного педагогического института им. И. Н. Ульянова, т. XXIV, вып. 4. Вопросы истории СССР. 1972. Н. Г. Левинтов. Проблема революционной ситуации и революционного кризиса в работах В. И. Ленина 1905—1907 гг.; Д. В. Гаврилов. Некоторые вопросы аграрной истории горнозаводского Урала периода капитализма в свете трудов В. И. Ленина; Р. А. Таубин. Из истории революционного кружка Н. А. Добролюбова — И. И. Паржницкого (1854—1857 гг.); Д. В. Гаврилов. Казенные горные заводы Урала во второй половине XIX — начале XX вв. (1861—1904 гг.); Е. И. Лягушев. Первые шаги в развитии социалистических форм в сельском хозяйстве Самарской и Симбирской губерний (1918—1922 гг.); М. А. Богданов. Разгром белогвардейского корпуса генерала Бакича в 1921 году.

Хроникальные заметки

◆ 5—7 июля в Праге состоялась международная теоретическая конференция, организованная журналом «Проблемы мира и социализма» и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Она была посвящена 50-летию образования Советского Союза, международному значению опыта решения национального вопроса в СССР. В конференции приняли участие представители 47 коммунистических и рабочих партий. С докладом «Международное значение образования и развития Союза Советских Социалистических Республик» выступил кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. Участники конференции в своих выступлениях подчеркивали всемирно-историческое значение опыта СССР в решении национального вопроса, в строительстве социализма, вклад Страны Советов и КПСС в мировую осво-

бодительную борьбу против социального и национального гнета, за дело мира, демократии, национальной независимости и социализма. Во многих выступлениях говорилось о мероприятиях, которые проводятся в странах в связи с 50-летием СССР.

◆ 17—19 мая в Элисте проходила Всесоюзная конференция по проблемам алтаистики и монголоведения. На конференции присутствовали видные ученые-востоковеды страны, в президиуме конференции — первый секретарь Калмыцкого обкома партии Б. Б. Городовиков, Председатель Верховного Совета Калмыцкой АССР Э. А. Сангаев, Председатель Совета Министров Калмыцкой АССР Э. Ч. Манджиев и другие. С приветственным словом к собравшимся обратился первый секретарь обкома КПСС Б. Б. Городовиков. Он подробно рассказал о сложном историческом пути калмыцкого народа, о достижениях республики за последние годы и о перспективах ее развития в 9-й пятилетке. На пленарном заседании с докладами выступили: директор Калмыцкого НИИЯЛИ И. К. Илишкин — «В. Л. Котвич и калмыковедение», И. Я. Златкин — «Проблемы социально-экономической истории монгольских народов в эпоху феодализма», Г. Д. Санжеев — «В. Л. Котвич — пионер нового направления в алтаистике». Доклады сделали также В. З. Панфилов, А. Ш. Кичиков и Д. Д. Лубсанов. Широкий круг актуальных проблем был охвачен в докладах, сделанных на секциях — лингвистики, литературы и фольклора, истории.

◆ В Киеве в мае состоялась встреча ветеранов партии, участников съездов Советов и сессий Верховных Советов СССР и УССР разных созывов. Она была посвящена 50-летию образования СССР. Ее организаторы — редакция журнала ЦК КП Украины «Под знаменем ленинизма» и Институт истории партии ЦК КП Украины — филиал ИМЛ при ЦК КПСС. О работе VII Всеукраинского съезда Советов и I Всесоюзного съезда Советов рассказали делегаты этих съездов Е. Ф. Зеленская и И. И. Шишкин. Годы коллективизации и индустриализации, борьба за воссоединение украинских земель ожили в воспоминаниях депутата Верховного Совета УССР, дважды Героя Социалистического Труда О. К. Диптан, депутата Верховного Совета УССР ряда созывов, бывшего заместителя Председателя Верховного Совета УССР М. С. Ких. Депутат Верховного Совета СССР всех созывов, министр социального обеспечения УССР, дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров говорил о героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны, об интернациональном единении народов нашей страны. О расцвете экономики, науки и культуры Украины в многонациональной семье советских народов рассказали вице-президент АН УССР, Герой Социалистического Труда акад. В. М. Глушков, министр культуры УССР Ю. Н. Ельченко, первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины А. Н. Гиренко, заместитель Председателя Верховного Совета УССР. Герой Социалистического Труда М. Г. Вахула и другие. На встрече выступили кандидат в члены Политбюро ЦК КП Украины, председатель Партийной комиссии при ЦК КП Украины И. С. Грушецкий, секретарь Президиума Верховного Совета УССР Я. Я. Колотуха.

◆ 9 июня в Нарве состоялась научная конференция, посвященная 100-летию стачки рабочих «Кренгольмской мануфактуры». С докладами выступили чл.-корр. АН ЭССР А. Вассар, Э. Каул, первый секретарь Нарвского горкома партии Е. Волков и другие.

◆ Истории Подолии была посвящена историко-краеведческая конференция, состоявшаяся в июне в Виннице. Ее подготовили Винницкий пединститут имени Островского, областной краеведческий музей, общество охраны памятников истории и культуры, областная организация общества «Знание». В конференции приняли участие активисты общества охраны памятников истории и культуры, известные ученые республики, научные работники, учителя, литераторы, гости из других городов. Был заслушан ряд научных докладов. На секциях истории, археологии, народного хозяйства, фольклористики и этнографии, литературоведения и языкознания были обсуждены вопросы истории Подольского края.

◆ «Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. 1883—1917» выпустило в свет Южно-Уральское книжное издательство. Авторы изучили и широко использовали опубликованные документы, материалы, хранящиеся в Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР, исторических архивах Москвы и Ленинграда, в партийных и государственных архивах Свердловска, Челябинска, Перми, Оренбурга, Уфы, Златоуста и других городов Урала. В книге на большом фактическом материале показан процесс формирования большевистских организаций на Южном Урале (в бывших Оренбургской, Уфимской и частично Пермской губерниях) в непосредственной связи с ростом рабочего класса, его революционной борьбы.

◆ Книга А. Лихолата и Д. Чугаева «Великое единение», изданная Политиздатом, посвящена 50-летию образования Союза ССР. В ней показываются истоки нерушимой дружбы и братства советской семьи народов, основные этапы развития всенародного объединительного движения трудящихся национальных республик под руководством Коммунистической партии за создание единого Советского многонационального государства.

◆ «Волонтеры свободы» — так называется книга генерал-лейтенанта В. Ветрова, выпущенная Политиздатом. Автор — участник боев в Испании в 1936—1939 годах. Будучи тогда майором бронетанковых войск Красной Армии, он являлся заместителем командира Интернационального полка республиканской армии. В своих воспоминаниях В. Ветров пишет о мужестве однополчан добровольцев-антифашистов из 16 стран Европы и Америки, об их жестоких схватках с фашистами под Сарагосой, при штурме неприступной Теруэльской цитадели, в сражениях у р. Эбро.

◆ Монография В. Н. Увачана «Путь народов Севера к социализму» (изд-во «Мысль». 1971) посвящена обширной группе народностей, занимающих громадные просторы Енисейского Севера. В дореволюционное время эта огромная территория называлась Туруханским краем. В нем проживали эвенки, ненцы, долганы, селькупы, кеты и якуты, принадлежавшие к различным этническим и языковым общностям. Автор, используя архивные источники, широко привлекая материалы советской и дореволюционной историографии народов Севера, прослеживает исторический путь народов Енисейского Севера. Он анализирует конкретные, специфические условия, приемы и методы, при помощи которых народы Севера вовлекались в социалистическое строительство. Приведенные в книге материалы и краткая историко-этнографическая справка о народах Енисейского Севера дают представление о прошлой их жизни, о коренных социальных преобразованиях в крае, осуществленных за годы Советской власти.

◆ «Пестель — идеолог и руководитель декабристов» — под таким названием вышла в свет книга Н. М. Лебедева (изд-во «Мысль». 1972). Автор отражает в ней не только яркую жизнь и деятельность декабриста, но и раскрывает истоки движения, показывает формирование в России первых тайных обществ, характеризует революционную программу Пестеля. Особое внимание Н. М. Лебедев уделяет показу республиканских традиций декабристов и значения их для истории освободительного движения в России.

◆ Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР выпустил сборник работ чувашского ученого-самородка — этнографа, историка, географа, статистика, фольклориста и литератора С. М. Михайлова. Название сборника — «Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов». Многие работы этого автора публиковались в 1851—1861 гг., многие остались в рукописях. В сборник включено 40 произведений, 28 из них были опубликованы при жизни автора, 5 — уже в советское время, 7 публикуются впервые. Эти работы были выявлены и собраны П. Г. Григорьевым, тексты подготовлены к печати В. Д. Дмитриевым. Большинство работ С. М. Михайлова посвящено быту и культуре чувашей, их хозяйственным занятиям, поселениям, пище, одежде, украшениям, семейному и общественному быту. Он оставил также ценные сведения по статистике, по физической и экономической географии Чувашии. В «Труды» включена и автобиография С. М. Михайлова. В приложении даются списки его опубликованных и выявленных неопубликованных работ, приведен указатель литературы о нем.

◆ Южно-Уральское книжное издательство выпустило книгу Л. Н. Большакова «Отыскал я книгу славную...». Особый интерес представляет ее первый раздел, составляющий основную часть работы. Это пересказ одной рукописной книги под названием «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821-го года и соприкосновенных оным обстоятельств», обнаруженной автором в Оренбургской центральной научной библиотеке. В рукописи изложены предыстория и начало восстания греков в Молдавском княжестве. Л. Н. Большаков приходит к заключению, что рукописная книга — первый русский источник о начале греческой революции 1821 г., а ее автором является глава Южного общества декабристов П. И. Пестель.

◆ Рукописный атлас 1800 г., хранящийся в историческом музее Москвы, оказался оригинальным «путеводителем» по старинным городам центра России XVIII века. Специалисты, изучившие этот фолиант, обнаружили в нем неизвестные материалы по истории русского деревянного зодчества, описание памятников Москвы, Коломны, Рузы, Звенигорода и других городов Подмосковья. На страницах атласа приведены сведения о народных промыслах, сделана перепись деревянных церквей Московской губернии. Ученые установили, что этот своеобразный свод составлен в связи с работами по генеральному межеванию губерний (определению границ, которое проводилось с 1766 по 1861 год).

◆ Описывая фонды научной библиотеки Академии наук УССР во Львове, ее сотрудник Р. Я. Луцик обнаружил старую книгу небольшого формата. Заставка, открывающая первую страницу, бумага и шрифт свидетельствуют о том, что это — издание русского первопечатника Ивана Федорова. Название ее — «Книжка собрание вещей нужнейших вкратце скорого ради обретения в книзе Нового завета по словесем азбуки». В 1580 г., готовясь к изданию Острожской библии, Иван Федоров выпустил «Псалтырь» и «Новый завет». Для удобства пользования «Новым заветом» он и издал это «Собрание вещей нужнейших...».

◆ Большой исторический интерес представляет находка, сделанная Б. Ахундовым. Он обнаружил в фондах Института языка и литературы АН Туркменской ССР считавшийся утраченным рукописный оригинал книги «Капли из источника жизни», датированный концом XV века. Ее автор, средневековый историк Али Сафи, посвятил свой труд жизнеописаниям 140 выдающихся личностей своего времени — поэтов, ученых, просветителей. В рукописи собран интереснейший для историков справочный материал о деятелях культуры Средней Азии, упоминавшихся в памятниках узбекской, таджикской и персидской литературы. Особенно ценны до сих пор неизвестные исследователям восточных литератур сведения о великом персидско-таджикском поэте Абдуррахмане Джами, близким другом которого был автор рукописи. Известные до сих пор варианты этой книги были сделаны переписчиками столетия спустя после смерти Али Сафи и страдали неполнотой и неточностями.

◆ Хранители фондов К. Э. Циолковского искали следы утраченной переписки ученого, относящейся к 30-м годам. Было известно, что Циолковский, живший в ту пору в Калуге, адресовал корреспонденцию в Москву на имя своего секретаря Г. И. Солодкова, который позднее переехал в Ленин-

град. Главному хранителю Ленинградского отделения архива АН СССР Н. С. Карейша удалось разыскать уникальные подлинники. То, что специалисты именовали «подлинниками», выглядело пачкой полуистлевших обрывков бумаг с едва заметным карандашным текстом. Переписка была передана в лабораторию консервации и реставрации документов АН СССР. После трудной и кропотливой работы реставраторов 15 листов-писем обрели облик, близкий к первоначальному. По свидетельству работников архива, письма представляют большую ценность для науки. Они пополнили основной фонд К. Э. Циолковского, который находится в Москве.

◆ Майшягала — одно из самых старых поселений в Вильнюсском крае. Судя по письменным источникам, здесь находился двор князя Литовского и замок, который в 1365 г. разрушили крестоносцы. Спустя 22 года, во время нового крестового похода, они разорили окрестности. Я. Длугош отмечал, что в Майшягале жил и похоронен по языческим обрядам в 1377 г. великий князь литовский Альгирдас, но неизвестно месторасположение его могилы. Во второй половине XVI в. Майшягала и деревянный замок, который в то время именовался замком королевы Боны, сгорели. Под руководством археолога Р. Куликаускене в этом сезоне здесь начались археологические раскопки. Были обнаружены обуглившиеся толстые бревна — остатки бывшего замка, осколки керамики, смесь обугливших колосовых и бобовых зерен, железные орудия земледелия и пр. Эти находки относятся к XIV—XVI векам.

◆ Закончила работу Онежская археологическая экспедиция. Она была организована Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. В ее работе участвовали также сотрудники Ленинградского университета и искусствоведы из Москвы. Руководитель экспедиции — археолог Ю. А. Савватеев. На судне «Нептун» ученые обследовали восточное побережье Онежского озера в районе мыса Бесовнос. Этот мыс известен скоплением петроглифов — наскальных рисунков. Неведомые художники оставили здесь 4 тыс. лет назад своеобразную памятную летопись жизни, труда и быта далеких времен. Целью научной экспедиции была проверка гипотезы о том, что «экспозиция» каменной художественной галереи не определяется ныне известными границами. Так оно и оказалось. На расстоянии около 30 км обнаружено несколько новых групп петроглифов. С помощью специального высвечивания новые рисунки выявлены и в обследованных ранее местах. Но особенно интересны находки, сделанные на дне озера у мыса Кладовец. Это несколько уникальных подводных петроглифов. Ученые предполагают, что они оказались на дне озера вследствие деформации берегов. Впервые непосредственно под водой сняты копии рисунков. Изображают они главным образом птиц.

◆ В Кетемень-Тюбинской долине Киргизии Токтогульским археолого-этнографическим отрядом Института истории АН КиргССР (руководитель И. Кожомбердиев) обнаружены памятники, относящиеся к различным периодам — от эпохи бронзы до XVI в. включительно. Они дают представление о материальной и духовной жизни кочевников-саков. К уникальным находкам относятся золотой петушок, лев из листового золота, золотая серьга, изображающая двух соколов с инкрустацией и зернью, золотой брактеат с изображением головы человека в зубчатой короне и серебряная бляшка с изображением двух коней-грифонов. Из предметов вооружения найдены боевой железный чекан, меч, кинжалы, бронзовые и железные наконечники стрел, крючки от колчанов. Довольно многочисленны также предметы конской сбруи. Научный интерес представляют найденные предметы так называемого скифского «звериного» стиля, изготовленные из золота и серебра. Изображения зверей и хищных птиц на предметах были связаны с определенными религиозно-мифологическими представлениями. Скульптурные изображения фигурки льва, петушка из двух самостоятельно отлитых и спаянных половинок являются редчайшими находками на территории Средней Азии. Эти находки свидетельствуют о высоком развитии сакского искусства и подтверждают древние историко-культурные связи Средней Азии с Алтаем и Передней Азией.

◆ Хорошо сохранившиеся срубы IX—X вв. обнаружили ученые Института археологии АН УССР, проводившие раскопки в районе Подола (прилегающая к Днепру часть города). Такие древние деревянные постройки, впервые выявленные в Киеве, дают богатый научный материал. Первый сруб был обнаружен на глубине 10 метров. В расположении жилищ угадывается определенная система. Можно даже предположить, что дальше идут еще какие-то усадьбы, улицы. Находки в основном из дерева. Здесь различные поплавки для рыболовных сетей, фрагмент лодки, лопата для подсаживания хлеба в печь, следы забора вокруг сруба, часть лестницы, крюки, клинья для бороны — все из дуба или сосны. Очень много керамики полулепной, полугончарной, характерной для IX века. Ее вообще до этого очень мало находили во время раскопок в Киеве. На основании этих и других находок археологи делают вывод, что здешние жители занимались рыболовством, садоводством, разводили домашних животных, охотились.

◆ На юге Тувы, в степях Монгун-тайги, научные сотрудники одного из отрядов Саяно-Тувинской археологической экспедиции обнаружили уникальную галерею древней скульптуры Тувы. Ее сходство с другими предметами, найденными археологами при раскопках, позволило определить возраст произведений искусства — 1 300 лет.

Рецензии

«Cesta k Leninismu». Prameny k dejinám KSČ v létech 1921—1929. Vydal Vaclav Král. Praha. Academia. 1971. 393 str.

«Путь к ленинизму». Документы к истории КПЧ в 1921—1929 гг.

В книгу вошли документы и материалы, характеризующие процесс становления КПЧ как политического руководителя чехословацкого пролетариата. 1921 — 1929 годы были крайне сложным периодом формирования в Чехословакии революционной партии ленинского типа, временем острых классовых схваток трудящихся масс с буржуазией, наступившей затем частичной стабилизации капитализма, сменившейся мировым экономическим кризисом. Внутри самой партии этот период характеризовался острой борьбой революционных сил за создание партии ленинского типа, против оппортунистов-ревизионистов, пытавшихся столкнуть партию на прежние позиции социал-демократизма и тем лишить пролетариат страны перспектив на социальное освобождение. Ожесточенная борьба против оппортунистов закончилась, как известно, полной победой революционного крыла на V съезде КПЧ (1929 г.), когда к руководству партии пришли коммунисты-ленинцы во главе с Клементом Готвальдом.

Составитель сборника — известный чехословацкий историк-марксист Вацлав Краль, автор монографий, публикаций документов и других работ по отечественной и мировой истории новейшего времени [1]. Широкому кругу советских читателей известны две его книги, переведенные на русский язык [2].

Данная публикация отличается от прежних опубликованных по этому периоду сборников [3] охватом всех важнейших материалов и, в частности, всех главных документов Коммунистического Интернационала, имеющих отношение к КПЧ и свидетельствующих о большом внимании и помощи чехословацким коммунистам-ленинцам со стороны Коминтерна. Документальное отражение органической связи истории КПЧ с историей международного коммунистического и рабочего движения — большое достоинство книги.

Первая группа материалов, включенных в публикацию, характеризует процесс выделения левых революционных элементов из социал-демократии и их консолидации в коммунистическое движение. В обстоятельном предисловии составителя подчеркивается, что этот процесс протекал под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Среди последних наря-

[1] V. Král. Otázky hospodařského a socialního vývoje v Českých zemich 1938—1945. Sv. I—III. Praha. 1957—1959; e j u s d. O Masarikove a Benešove kontrevoluční protisovětské politice. Praha. 1953; e j u s d. Intervenční válka československé buržoasie proti Mad'arské Sovětské republice v roce 1919. Praha. 1954; e j u s d. Pravda o okupaci. Praha. 1962; e j u s d. Zločiny proti Evropě. Praha; 1964; e j u s d. Politické strany a Mnichov. Dokumenty. Praha. 1961; V. Král a K. Fremund. Chtěli nás vyhubit. Dokumenty. Praha. 1961; V. Král. Cestou k únoru. Dokumenty. Praha. 1963; e j u s d. Spojenectví československo-sovětské v evropské politice 1938—1939. Praha. 1970.

[2] В. Краль. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М. 1955; е г о ж е. Преступления против Европы. М. 1968.

[3] См., например: «Za bolševistskou orientaci KSČ». Sborník dokumentů k I svazku spisů Klementa Gottwalda. Praha. 1953; «Založení Komunistické strany Československa». Sborník dokumentů ke vzniku a založení KSČ 1917—1924. Praha. 1954.

ду с влиянием революционных событий в России автор отмечает участие чехословацкой буржуазии в интервенции против двух социалистических республик — Советской России и Советской Венгрии. Это обстоятельство способствовало разоблачению чешской буржуазии как антинародной и контрреволюционной силы, росту классового самосознания трудящихся, а следовательно, и процессу выделения революционных сил в социал-демократии. Однако разгром оппортунизма далеко еще не был закончен. Его корни глубоко проникли в рабочее движение, что достаточно хорошо иллюстрируют материалы сборника.

Можно упрекнуть составителя в том, что ему не удалось в достаточной мере документально отобразить влияние большевистской революционной практики на рабочее движение Чехословакии накануне создания КПЧ. Очевидно, это вызвано тем, что для сборника были установлены определенные хронологические рамки: 1921 — 1929 гг., и, следовательно, автор ставил своей целью освещение деятельности КПЧ после создания партии. Укажем, что существенным дополнением данной публикации может служить вышедший одновременно сборник документов под названием «Как создавалась КПЧ»[4], в котором документально отражен предшествующий период.

Большое внимание в публикации уделено документам, характеризующим оппортунизм всех оттенков — от занесенного в партию при ее основании из социал-демократии до развившегося в обстановке давления на рабочий класс буржуазной идеологии и политики в Чехословацкой буржуазной республике. В этой связи большое внимание в предисловии уделено разоблачению идеологии масарикизма, которая была призвана воспрепятствовать распространению ленинского учения в Чехословакии, удержать массы в плену буржуазной идеологии. Именно Масарик, как отмечает В. Краль, проявлял необычайное рвение в своем стремлении ошельмовать чехословацкие рабочие массы, доказать, что диктатура пролетариата, а следовательно, и ленинизм неприемлемы для Чехословакии и других европейских стран. Цель Т. Масарика состояла в том, чтобы удержать рабочий класс страны от разрыва с реформизмом и от принятия ленинских принципов революционного движения.

Как показывают документы сборника, неоценимую помощь чехословацкому рабочему классу оказало международное рабочее движение в лице Коминтерна и лично В. И. Ленина. Документы фиксируют огромное значение ленинских условий приема в Коминтерн, ставших для революционных сил КПЧ прочной платформой борьбы против оппортунизма в партии и разрыва с ним. Вместе с тем принципиальное значение имели ленинские выступления против уклонов в партии слева, которые были порождены недостаточной опытностью некоторых радикально настроенных представителей рабочего класса в борьбе против буржуазии. Эти ленинские выступления имели чрезвычайно важное политическое значение, особенно для создания партии массовой, имеющей мощное влияние на рабочий класс.

В предисловии к сборнику подчеркивается непосредственное значение ленинских указаний, касающихся принципов создания единой интернациональной Коммунистической партии в Чехословакии, в противовес проектам федерализации партии, то есть создания отдельных национальных организаций, что, естественно, привело бы к нарушению принципов демократического централизма, а следовательно, и единства партии (стр. 17). Здесь также подчеркивается значение ленинских работ как теоретической базы борьбы против оппортунизма. Интересны опубликованные в сборнике воспоминания Карела Крейбиха о встречах с В. И. Лениным. К. Крейбих пишет, что В. И. Ленин проявлял огромный интерес к положению в чехословацком коммунистическом движении, и справедливо констатирует, что «Ленин принадлежал к наиболее выдающимся основателям единой коммунистической партии в Чехословакии» (стр. 77).

Материалы сборника показывают вместе с тем, что связь с социал-демократией, откуда КПЧ почерпнула 75% своих членов, не могла не наложить существенного отпечатка на партию. В КПЧ получили широкое распространение иллюзии в отношении возникшего в 1918 г. Чехословацкого государства как государства демократического, устранившего национальный гнет и т. п. Эти заблуждения порождали вывод о возможности создания рабоче-крестьянского правительства на базе парламентской

[4] Č. Amort, V. Sýkora. Jak vznikala KSČ. Sborník dokumentů o bojich za třídní charakter Československa v údobí 1917—1921 a o vzniku KSČ. Praha. 1971.

коалиции коммунистов с социал-демократами. Подобные взгляды делали особенно острой проблему борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом в партии. Положение осложнялось тем, что оппортунизмом были заражены и руководящие деятели. Кадры коммунистов-руководителей надо было создавать заново, в процессе непосредственной классовой борьбы пролетариата.

Давление буржуазной идеологии и в особенности оппортунизма на партию проявлялось в периодических идеологических и организационных кризисах. До своего V съезда партия пережила два особенно тяжелых кризиса, порожденных выступлениями оппортунистических фракций. Первый был связан с выступлением группы Бубника в 1925 году. Бубнику и его сторонникам удалось дезинформировать ряд областных и городских партийных организаций, добиться поддержки с их стороны ошибочной оппортунистической оценки характера стабилизации капитализма. Документы сборника свидетельствуют о том, какую напряженную борьбу пришлось выдержать коммунистам-ленинцам с оппортунистами этого толка. Они характеризуют и ту неоценимую помощь, которую чехословацким коммунистам оказывал Коммунистический Интернационал, неоднократно обсуждавший положение в КПЧ. Анализ положения в КПЧ и выводы, которые Коминтерн делал на его основе, имели принципиальное значение и для других компартий, многие из которых испытывали тогда серьезное воздействие социал-демократизма.

Оценивая значение помощи Коминтерна его отдельным секциям в борьбе с оппортунизмом и в процессе большевизации, В. Краль подчеркивает: «Позитивный характер помощи Коммунистического Интернационала заключался в том, что Интернационал представлял собой коллективный опыт и коллективный разум всего международного революционного движения и был квалифицированным органом, советы, критика и рекомендации которого существенно облегчали отдельным секциям путь к революции. Отдельные секции, таким образом, могли избежать в своем развитии излишних блужданий или даже попятного движения, излишних потерь и поражений» (стр. 31—32).

Вместе с тем по документам сборника можно проследить демократический характер взаимоотношений руководящих органов Коминтерна с его отдельными секциями, опровергающий лживые утверждения антикоммунистов о «приказах из Москвы». Видно, например, что решения конгрессов Коминтерна или заседаний ИККИ, в которых критиковались ошибки КПЧ, неоднократно обсуждались в ходе общепартийных дискуссий и партийные массы выражали свое одобрение этим решениям. Такие дискуссии усиливали действенность решений Коминтерна и его авторитет среди коммунистов.

Большая группа документов характеризует обстановку в КПЧ накануне V съезда партии и острую борьбу в ней против оппортунизма, достигшую высшего накала накануне и в ходе съезда, когда оппортунистам было нанесено сокрушительное поражение. В числе этих документов представлены материалы обсуждения положения в КПЧ в специальной чехословацкой комиссии ИККИ, членами которой являлись такие выдающиеся деятели международного коммунистического движения, как Э. Тельман, О. Куусинен, И. Копленинг, В. Ульбрихт, открытое письмо Исполкома Коминтерна членам КПЧ с обстоятельным анализом положения в партии и оппортунистической опасности, резолюция ЦК КПЧ в связи с обсуждением чехословацкого вопроса в комиссии Исполкома Коминтерна, открытое письмо Исполкома Коминтерна V съезду КПЧ, статьи видных деятелей КПЧ А. Запотоцкого, Я. Швермы с обстоятельным анализом причин внутрипартийного кризиса и другие. Все они позволяют представить, с одной стороны, серьезнейшую опасность, в которую в 1928—1929 гг. ввергли партию оппортунисты, с другой — уяснить историческую роль нового руководства КПЧ во главе с Клементом Готвальдом, которое, опираясь на братскую помощь международного коммунистического движения, вдохнуло в партию новые силы и повело чехословацких коммунистов по пути революционной борьбы за дело рабочего класса.

Документы сборника дают возможность представить всю остроту длительной борьбы, проходившей в партии в 1921 — 1929 гг., против идейных противников ленинизма, за ее превращение в партию ленинского типа. Они позволяют увидеть ту неоценимую интернациональную помощь, которую оказало марксистам-ленинцам в КПЧ международное коммунистическое движение. Опираясь на опыт РКП(б) и других братских партий, революционные

силы в КПЧ смогли разоблачить порочные методы правого оппортунизма в своих рядах, укрепить партию организационно, принять правильную тактику единого фронта и применить ее в практической классовой борьбе и повседневной работе в массах.

Материалы сборника особенно актуально звучат сегодня, когда КПЧ развернула острую идейную борьбу против современных носителей оппортунизма и ревизионизма, во многом пытавшихся воскресить идеи и методы своих идеологических предшественников.

А. И. Недорезов

FRANÇOIS BILLOUX. *Quand nous étions ministres*. Editions sociales. Paris. 1972, 190 p.

ФРАНСУА БИЙУ. *Когда мы были министрами.*

Автор рецензируемой книги Франсуа Бийу — видный деятель Французской коммунистической партии, член Политбюро ФКП. В апреле 1944 г. он в качестве национального комиссара вошел во Французский комитет национального освобождения (ФКНО), а впоследствии занимал посты министра здравоохранения, реконструкции, национальной экономики и национальной обороны в правительствах Франции с 1944 по 1947 год. «Очевидно, никто квалифицированнее его не смог бы написать об этом»,— отметил в предисловии к книге заместитель Генерального секретаря ФКП Ж. Марше. Достоинство книги состоит в том, что она — исторический труд, богатый документальными фактами.

В отличие от буржуазных авторов, в той или иной степени затрагивающих вопрос об участии французских коммунистов в правительстве [1], Ф. Бийу освещает его с классово противоположных позиций, показывая значение и опыт деятельности коммунистов в государственном аппарате Франции.

В книге дается марксистский анализ политической обстановки и расстановки классовых сил во Франции в период освобождения и в первые послевоенные годы, партийная оценка причин и принципов участия представителей ФКП в управлении государственными делами страны. Различные аспекты деятельности министров-коммунистов автор показывает как непосредственное воплощение политики партии, как осуществление программы ФКП в соответствии с теми этапами, через которые проходило развитие политической жизни страны.

Следует отметить, что автор не нуждался в специальном сборе тех многочисленных конкретных фактов, которые приводятся в книге. Анализ событий, основанный на научной программе партии, дается не только современником, но и активным участником этих событий, поэтому книга имеет уникальный характер. Она отвечает на весьма актуальный вопрос, могут ли коммунисты, активно защищающие права трудящихся, принимать участие в управлении Францией. Положительно отвечая на этот вопрос, раскрывая опыт такого участия, автор убедительно показывает его значение для истории страны. Центральное место в книге отводится принципам и позиции Французской компартии в отношении участия в правительстве, тому вкладу, который внесла компартия и ее представители в правительстве в дело сплочения прогрессивных сил страны, демократизации политической жизни, возрождения разрушенной войной экономики, борьбы за улучшение условий жизни и труда народа Франции. Большой интерес представляет материал, посвященный формам и методам работы коммунистов в государственном аппарате. Подробно рассматривая причины участия компартии в управлении страной, автор подчеркивает, что оно было обусловлено, с одной стороны, объективным развитием политической обстановки, с другой — самим положением ФКП — национальной партии, пользующейся поддержкой широчайших масс, как правительственной партии. Решающая роль, которую играли коммунисты в борьбе за национальное освобождение, определила тот факт, что в рассматри-

[1] А. Верт. Франция. 1940—1945. М. 1959; Y. Fauvet. La IVe République. P. 1959; A. Siegfried. De la IIIe à la IVe République. P. 1956.

ваемый период их представители входили в правительства, олицетворявшие подлинную Францию в глазах всего мира.

Политика партии, пишет Ф. Бийу, являлась логическим продолжением всей ее борьбы за интересы рабочего класса в довоенный период. Центральной задачей партии в эпоху Сопротивления, отмечается в книге, была задача широкого объединения патриотических сил страны в борьбе за ее независимость. Именно поэтому ФКП заявила о своей готовности поддержать любое правительство, любые организации и любых людей, усилия которых были бы направлены на борьбу против последствий поражения, которое потерпела Франция (стр. 36). Следует учитывать, и автор это особо подчеркивает, что до конца войны партия не отходила от этой линии, считая первостепенной задачей национальное освобождение страны.

Поэтому коммунисты участвовали во Французском комитете национального освобождения, возглавлявшемся де Голлем, считая, что это участие является не только желательным, но и необходимым в интересах Франции (стр. 46). При этом компартия, отмечает автор, учитывала два обстоятельства. Во-первых, необходимость объединения всех патриотических сил без учета различия взглядов. Во-вторых, реальную опасность возможного установления американского диктата над Францией. Создание французского правительства должно было предотвратить угрозу новой оккупации страны (стр. 47).

Однако, высказываясь в пользу участия в ФКНО, а затем и во Временном правительстве, партия выдвигала требование твердого и решительного осуществления таких мер, как мобилизация всех средств страны на военные цели, наказание предателей и чистка государственного аппарата, проведение демократической политики, максимальное участие Франции в совместной борьбе союзников с фашизмом (стр. 50). Важным моментом, характеризующим участие коммунистов в ФКНО, во Временном и последующих правительствах Франции, являлось то, что ФКП с самого начала проводила независимую политику, давала решительный отпор любым попыткам правых сил навязать свою волю ФКП в принципиальных вопросах (стр. 51—53).

Ф. Бийу делает обоснованный вывод об ошибочности позиции тех, кто полагал, что после освобождения во Франции было бы возможно установление социалистического строя. В качестве объективных факторов, препятствовавших этому, в книге указывается на опасность раскола внутри демократического фронта, жестокого подавления прогрессивных сил американскими войсками, которые были готовы вмешаться в случае их решительного выступления, а также существовавшая еще тогда возможность заключения фашистской Германией сепаратного мира с западными державами. ФКП не хотела брать на себя ответственность за подобную авантюру, которая привела бы к установлению в стране военной диктатуры под иностранным покровительством (стр. 60).

В книге прослеживается гибкая тактическая линия партии, которая разрабатывалась с учетом конкретной ситуации и политических требований момента. Именно политическая программа партии, как показано в труде, лежала в основе разносторонней деятельности министров-коммунистов. Так, после освобождения, входя в правительство, французские коммунисты опирались в работе на решения X съезда ФКП (июнь 1945 г.), которые предусматривали проведение национализации жизненно важных отраслей промышленности, подавление саботажа крупных трестов, чистку государственного аппарата, наказание предателей, развитие равноправного сотрудничества Франции со всеми державами антигитлеровской коалиции При этом министры-коммунисты неуклонно придерживались общей стратегии ФКП, направленной на сотрудничество со всеми партиями, поддерживавшими в целом демократическую и прогрессивную программу Национального Совета Сопротивления, принятую в марте 1944 г. (стр. 63, 65). Автор подробно освещает основные вопросы, по которым вели борьбу партия и ее представители в правительстве: о государственном устройстве, демократических свободах, создании стабильного правительства на основе союза демократических прогрессивных партий, восстановлении экономики и др.

В качестве одной из основных причин отсутствия эффективного единства действий демократических сил страны Ф. Бийу называет соглашательскую линию лидеров социалистической партии, которые не только отказывались от прочного союза с коммунистами, но и закономерно пришли к тому, что голосовали за удаление коммунистов из правительства в мае 1947 г. (стр. 79). В книге приводятся факты, свидетельствующие о том, что, стремясь помешать коммунистам занять ключевые посты в руковод-

стве страны, лидеры социалистов фактически предавали интересы рабочего класса, смыкаясь с лагерем открытой реакции. Такая позиция социалистов особенно проявилась после выборов в Национальное собрание в ноябре 1946 г., когда ФКП, собравшая наибольшее число голосов, могла возглавить правительство (стр. 73).

Ф. Бийу подчеркивает роль партии и освещает деятельность министров-коммунистов, добивавшихся проведения правительством прогрессивной внешней политики. Поскольку коммунистов пытались не допустить на основные министерские посты, в том числе на пост министра иностранных дел, партия активно действовала в парламенте. Когда правительство социалистов, возглавлявшееся Блюмом, развязало войну во Вьетнаме, министры-коммунисты выступили против такой политики, требуя строго соблюдать соглашения, заключенные с правительством ДРВ. Депутаты-коммунисты отказались от участия в голосовании по вопросу о кредитах, выделявшихся на продолжение войны в Индокитае. Представители ФКП заявили также решительный протест против репрессий на Мадагаскаре (стр. 77).

В книге неоднократно подчеркивается решающая роль Советского Союза в разгроме фашизма и создании благоприятных условий для борьбы за демократию и социализм во всем мире и, в частности, во Франции. Ф. Бийу отмечает важность поддержки Советским Союзом ряда справедливых требований Франции, например, в вопросе о репарациях, для возрождения французской экономики, улучшения положения трудящихся страны (стр. 37, 77).

Удаление французских коммунистов из правительства в 1947 году автор справедливо определяет как фактор, означавший поворот к политике «холодной войны» на внешнеполитической арене, к подавлению демократии внутри страны. «То, чего не смогли добиться американские империалисты в период освобождения, добилось правительство социалиста Рамадье и его сторонников» (стр. 79).

Хотя пребывание коммунистов в правительствах Франции было недолгим, вклад, который они внесли в восстановление экономики Франции, демократизацию политической жизни страны и улучшение положения трудящихся, был весьма значительным. Ф. Бийу пишет об этом во второй части книги (стр. 80—148). Находясь на постах заместителя премьер-министра, министров национальной обороны, труда, вооружений, национальной экономики, здравоохранения и других, французские коммунисты сыграли решающую роль в деле национализации ряда предприятий, банков, страховых компаний. Они постоянно отстаивали точку зрения, что трудящиеся и их профсоюзы должны принимать действенное участие в управлении государственными предприятиями. В частном секторе, где были созданы производственные комитеты, коммунисты добивались расширения их полномочий. Автор подчеркивает, что эффективность деятельности министров-коммунистов в правительстве подкреплялась тем, что другие коммунисты занимали ответственные посты в государственных учреждениях, на производстве, в армии и т. д.

Министры-коммунисты установили непосредственные и постоянные контакты с трудящимися массами, с представителями профсоюзов. Их отличали стремление к коллективной работе, сознание чувства личной ответственности при решении любых вопросов. Ф. Бийу прав, настаивая на этом новом в условиях Франции стиле работы министра, единственном, который способен обеспечить связь с народом (стр. 150—158). В то же время, действуя в общих интересах нации, решая вопросы государственного характера, министры-коммунисты никогда не упускали из виду насущных требований трудящихся. Добиваясь, например, увеличения роста производства продукции, они исходили из того, что при этом должна увеличиться и покупательная способность трудящихся, их жизненный уровень. Поэтому представители ФКП активно выступали в правительственных кругах за удовлетворение требований трудового населения страны. Демократические завоевания этого периода были настолько велики, что они не могли не сказаться на общем внутриполитическом положении Франции, на положении ее народа (стр. 179).

Автор делает важный вывод о том, что именно благодаря активным действиям ФКП империализм не сумел превратить Францию в оплот реакции. В книге правильно подчеркивается, что без правительственной деятельности компартии социальные завоевания трудящихся после освобождения вряд ли оказались бы столь значительными, а позиции рабочего класса и других демократических сил страны были бы такими прочными, как сегодня (стр. 180).

Этот вывод автора, как и вся книга, посвященная событиям 25-летней давности, находятся в тесной связи с современностью и имеют важное значение для глубокого по-

нимания и оценки деятельности французских коммунистов, выдвигающих на современном этапе программу демократического правительства народного единства. «Наша цель ясна,— подчеркивает в предисловии к книге Ж. Марше,— объединить рабочие, демократические и национальные силы, все силы нашего народа с тем, чтобы освободить страну от господства власти, находящейся на службе у крупного капитала, заменить ее режимом передовой политической и экономической демократии, открывающей путь к социалистическому обществу во Франции».

Книга, как указывается в предисловии к ней, является элементом широкой кампании, которую ведет ФКП по пропаганде программы демократического правительства народного единства. Не случайно в наши дни мы явились свидетелями предвыборного соглашения коммунистов и социалистов. Таким образом, наряду с историческим значением труда, полезного для тех, кто изучает современную историю Франции и историю Французской компартии, книга Ф. Бийу носит характер политического произведения, несущего в массы слово партии.

З. Н. Шаврова

P. JAKOBS. *Das Werden des französische-russischen Zweibundes 1890—1894*. Wiesbaden. 1968. 216 S.

П. ЯКОБС. *Становление франко-русского союза 1890—1894.*

Образование русско-французского союза 1891—1893 гг. явилось важной вехой как во внешней политике России, так и в международных отношениях конца XIX века. Однако история его создания исследована до сих пор довольно слабо. В советской историографии пока нет работы, специально посвященной проблеме образования русско-французского союза. Наиболее полно его история освещается А. З. Манфредом [1]. За рубежом, помимо ряда публицистических работ, появившихся еще в конце XIX — начале XX в., эта проблема специально рассматривается в ряде исследований, вышедших в 20—30-е годы [2]. Книга молодого западногерманского историка П. Якобса является, таким образом, новейшим зарубежным исследованием на эту тему. Автор ставит своей задачей «проследить последний отрезок пути» образования союза и на основе новых источников осветить запутанную игру «объективных причин, чувств и эмоций, которые, тесно переплетаясь, в конце концов привели к окончательному повороту России к Франции», а также «перепроверить результаты предыдущих исследований по этой проблеме» (стр. 3).

Источниковедческая база работы довольно широка и обновлена по сравнению с исследованиями О. Беккера, У. Лангера и Б. Нольда. П. Якобс использует все известные публикации французских и немецких дипломатических документов, воспоминания дипломатов, политических деятелей, материалы отдельных исследований. Особый интерес представляют впервые вводимые в научный оборот материалы за 1889—1893 гг. из французских архивов: министерства иностранных дел, военного министерства и личного архива генерала Буадефра, принимавшего деятельное участие в создании союза (копии 21 документа Буадефра приведены в приложении). Последний архив особенно важен, так как во время битвы на Марне в 1914 г. по приказу главнокомандующего французской армией генерала Жоффра было уничтожено досье франко-русского союза (стр. 5).

Характеризуя бисмарковскую систему союзов, автор справедливо считает, что в основе всех договоров Бисмарка лежало стремление изолировать Францию в целях сохранения результатов 1871 г. (стр. 13). Однако П. Якобс полагает, что политика Бисмарка была политикой мира, так как любой военный конфликт, по мнению авто-

[1] А. З. Манфред. Внешняя политика Франции в 1871—1891 гг. М. 1952.

[2] O. Becker. Bismarck und die Einkreisung Deutschlands. Bd. 2. Das französische-russische Bündnis. B. 1925; W. L. Langer. The Franco-Russian Alliance 1890—1894. L. 1929; B. Nolde. L'Alliance franco-russe. Les origines du système diplomatique d'avant-guerre. P. 1936.

ра, был невыгоден для Германии (стр. 8). В этом отношении концепция П. Якобса продолжает традицию буржуазной немецкой историографии, которая стремится поднять на щит внешнюю политику Бисмарка, приписывая ей миролюбивый характер [3]. Однако советские историки убедительно показали, что именно Германия, стремившаяся к окончательному разгрому Франции, была инициатором военных тревог 1875 и 1887 годов [4].

О факторах, определявших внешнюю политику Франции, автор не пишет ничего. Характеризуя же внешнеполитическое положение России, П. Якобс декларативно заявляет, что для нее существовали только две возможности: союз с Германией или с Францией. К факторам, говорящим в пользу союза с Германией, он относит: сходство государственного строя и родственные отношения императорских домов, якобы незаинтересованность Германии в вопросе о черноморских проливах и «важные экономические причины» (стр. 2) (очевидно, подразумевается русско-германская торговля). В пользу же союза с Францией, по мнению автора, говорило то, что интересы последней почти нигде не сталкивались с интересами России, а там, где это случалось (на Ближнем Востоке), взаимное соперничество с Англией перевешивало личные счеты. П. Якобс утверждает, что вопрос о выборе между этими комбинациями «занимал русскую политику доброе десятилетие», хотя «со всей неумолимостью» вопрос этот «встал на повестку дня» лишь после непродления «перестраховочного» договора (стр. 3).

П. Якобс совершенно не касается экономических факторов, считая, что предпосылки образования русско-французского союза уже достаточно исследованы «в многочисленных работах» и не нуждаются «в дальнейшем изучении» (стр. 3). Он ищет эти предпосылки в развитии русско-германских политических отношений, сводя их в конечном счете к невозобновлению «перестраховочного» договора 1887 года. Отсюда и невнимание к экономическим отношениям между Россией, Германией и Францией, и отсутствие интереса к французской политике 80-х годов XIX в., и недооценка обострения политических отношений между Россией и Германией в связи с балканскими событиями середины 80-х годов XIX века. Видимо, поэтому П. Якобс и начинает исследование становления русско-французского союза с 1890 года. А между тем союз России и Франции, знаменовавший собой значительный сдвиг в ориентации внешней политики царизма, явился завершением длительного процесса развития как политических, так и экономических отношений между Россией, Германией, Францией и Англией, причем большая часть этого процесса приходится на тот период, когда во главе германской политики стоял Бисмарк [5].

В начале исследования П. Якобс характеризует Александра III, Н. К. Гирса и генерала Н. Н. Обручева, которые, по его мнению, сыграли решающую роль в создании русско-французского союза. Уже структура работы говорит о методологии автора. Он подробно описывает происхождение, карьеру, положение в обществе Н. К. Гирса, его отношение к царю, к союзу трех императоров и к Франции; не менее детально повествует он о карьере, военных и политических воззрениях Обручева, о характере, симпатиях и антипатиях царя. П. Якобс повторяет утверждение других буржуазных историков о влиянии на Обручева жены-француженки, а на Александра III — жены-датчанки, ненавидевших Германию.

Рассматривая политические события, связанные с образованием русско-французского союза, П. Якобс привлекает материалы французского военного архива и архива генерала Буадефра. Это позволило ему проследить изменение французской военной концепции на случай войны с Германией, которое он относит к 1889 г., отмечая, что с этого времени она

[3] Подробнее критику этого положения см. Г. В. Павленко. Бисмарк — кумир западногерманских реакционных историков. «Новая и новейшая история», 1968, № 5; его же. Бисмарк, Германская империя и уроки истории (обзор западногерманской реакционной историографии). «Новая и новейшая история», 1971, № 5.

[4] См. Ю. В. Борисов. Русско-французские отношения после Франкфуртского мира 1871—1875 гг. М. 1951; А. З. Манфред. Указ. соч.; Г. П. Морозов. Франко-германский кризис конца апреля 1887 г. (инцидент Шнебеле). «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1961, № 1; В. М. Хвостов. Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г. «Исторические записки». Кн. 18.

[5] См. S. Kumpf-Korfes. Bismarck «Draht nach Russland». Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. B. 1968; З. Кумпф. К вопросу о причинах и следствиях запрещения Бисмарком приема в залог русских ценностей германскими банками (ноябрь 1887 г.) «Вестник» МГУ. Серия IX, история. 1968, № 3.

из оборонительной превратилась в наступательную (стр. 64). Приводимые автором материалы ясно показывают, что процесс русско-германского «отчуждения» начался еще задолго до Каприви, деятели Франции это видели и со своей стороны предпринимали шаги для закрепления столь выгодного для них положения вещей. С конца 1888 г. автор отмечает изменение характера донесений французского военного атташе в Петербурге Мулена: они становятся более подробными; Мулен сообщает план концентрации русских войск и ряд подробностей и уточнений к нему (стр. 66). Источник этих сведений неизвестен, но П. Якобс считает, что Мулен мог получить их только из окружения Обручева.

Оценивая русско-французский консультативный пакт 1891 г., П. Якобс приходит к выводу, что «неопределенность формулировок договора была направлена в первую очередь против французских желаний придать договору подчеркнуто антинемецкую формулировку, которой Гирс твердо решил избегать» (стр. 83, 84), и выражает несогласие с теми исследователями [6], которые видят в этой неопределенности желание придать договору антианглийскую направленность, ссылаясь на оценки соглашения, данные еще Рибо и Фрейане [7]. П. Якобс полагает, что если бы Гирс действительно видел угрозу в сближении Англии с державами Тройственного союза и хотел направить соглашение против Англии, то этот вопрос был бы затронут им или Ламсдорфом при переговорах с французами (стр. 83, 91). Поскольку прямых указаний на это автор не нашел, то сделал вывод, что в заключении соглашения «Англия не играла той роли, которую ей обычно приписывают» (стр. 91). Роль Англии, ее противоречия с Францией и Россией, позиция, занятая ею в 1891 г. по отношению к возобновлению Тройственного союза, игнорируются при оценке договора полностью, хотя в письме Гирса Моренгейму от 9(21) августа 1891 г. совершенно недвусмысленно указывается на возможность «присоединения Великобритании к политическим целям», преследуемым Тройственным союзом, как на одну из причин, заставивших в конце концов Францию и Россию прийти к соглашению о взаимных консультациях в случае угрозы «всеобщему миру» [8].

Оценивая значение консультативного пакта для России, Якобс признает, что соглашение ликвидировало опасность ее изоляции, но считает, что любой дальнейший шаг уже противоречил бы русским интересам (стр. 92). Таким шагом, по его мнению, явились переговоры о военной конвенции. Хотя в отличие от П. Ренувена, считающего русско-французскую военную конвенцию компромиссом между Парижем и Петербургом, Якобс полагает, что «договор защищал все русские интересы, французские же желания учитывались лишь в той мере, в какой они не противоречили обручевской концепции будущей войны» (стр. 130), общий вывод его сводится к тому, что соглашение 1891 г. открывало значительно большие возможности для России, чем «ориентированная исключительно на Тройственный союз военная конвенция», и что военный союз «в этот момент ни в коем случае не соответствовал собственным интересам царской империи» (стр. 179). В такой оценке русско-французского союза П. Якобс не является оригинальным; он повторяет основные положения концепции О. Беккера, изложенной им почти полвека назад [9]. По мнению Якобса, только «после поворота русской политики назад к Европе (после русско-японской войны 1904—1905 гг.— *И. Р.*) военный договор против Германии стал для России политически необходим» (стр. 180).

Как же объясняет автор причины, приведшие Россию к союзу, невыгодному с точки зрения ее собственных интересов? Все той же «игрой чувств и эмоций». «Сердечное согласие,— пишет он,— было результатом размышлений и опасений Гирса, конвенция — требованием высокоодаренного, но мыслящего только военными категориями Обручева, а ратификация — делом дрожащего от гнева царя» (стр. 179). Подобными оценками пестрят страницы работы П. Якобса (стр. 13, 84, 118, 152 и др.). В конечном счете, несмотря на желание автора «осветить запутанную игру объективных причин, чувств и эмоций», его аргументами зачастую становятся только «чувства и эмоции».

И. С. Рыбаченок

[6] W. L. Langer Op. cit., S. 21; Michon. L'alliance franco-russe. P. 1927, S. 21; Р. Тейлор. Борьба за господство в Европе. 1848—1918. М. 1958, стр. 350.

[7] «Documents diplomatiques français (1871—1914)». P. 1929—1957, série I, vol. 8, №№ 460, 480.

[8] «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917». М. 1952, стр. 278.

[9] O. Becker Op. cit., S. VII.

GRAHAM JONES. *The Role of Science and Technology in Developing Countries*. London. 1971. 174 p.

ГРЕМ ДЖОНС. *Роль науки и техники в развивающихся странах.*

Усиливающееся воздействие научно-технической революции, которая является важнейшим участком соревнования двух противоположных систем, на страны «третьего мира» вызвало в последние годы стремление широких кругов этих стран к использованию ее результатов.

На второй сессии конференции ООН по торговле и развитию в Дели (1968 г.) в выступлениях делегатов ряда государств (Мексика, Алжир, Чили и другие) подчеркивалось, что достижения науки и техники должны стать достоянием всего человечества и помочь народам развивающихся стран в решении важнейших национальных проблем (ликвидации экономической и культурной отсталости, повышении жизненного уровня, укреплении политической независимости).

Отражая эти стремления, Консультативный комитет ООН по применению достижений науки и техники в целях развития в докладе, представленном в апреле 1971 г., специально осветил экономические и социальные выгоды, которые страны «третьего мира» могли бы извлечь из использования достижений современной науки и техники, и в частности ядерной энергетики, освоения космоса и кибернетики [1].

Совершенно естественно, что опубликование Международным Советом научных союзов в 1971 г. книги Г. Джонса, которую он готовил в течение нескольких лет, вызвало значительный интерес. Автор, химик по специальности, проработал свыше двадцати лет в Восточной Африке, Пакистане, Индии, Египте и других развивающихся странах, поэтому значительное число его рекомендаций основывается не только на литературных данных, но и на личном опыте.

В оглавлении рецензируемой книги формально отражены основные вопросы темы. Наука и техника в экономическом развитии и научная политика — таково содержание первой и второй глав. Развитию сельского хозяйства посвящена третья глава. В четвертой главе освещены проблемы индустриализации и научных исследований и в пятой — образования и рабочей силы. В заключении кратко повторяются положения автора и определяется место и значение науки и техники в экономическом развитии стран «третьего мира».

Анализируя механизм передачи современной технологии, Г. Джонс правильно отмечает необходимость проведения в странах-получателях соответствующих мероприятий в целях эффективного приспособления этой технологии к местным условиям и нуждам (стр. 105—109). Заслуживают внимания рекомендации автора о расширении применения средств массовой информации в учебных заведениях (стр. 148—149), а также его высказывания о необходимости подготовки местного управленческого персонала (стр. 153—155), координации работ между научными, техническими учреждениями и производством (стр. 157). Однако в целом название книги не соответствует ее содержанию, так как в ней не показано, что дало и может дать использование достижений науки и техники «третьему миру». Между тем в предисловии лорда Блэккета, бывшего президента Королевского общества Англии, отмечается, что цель работы Г. Джонса — исследовать пути применения современной науки и техники для содействия экономическому и социальному росту развивающихся стран (стр. VII).

Объективные предпосылки для выполнения такой задачи имелись. В течение минувшего десятилетия (1961—1970 гг.) в результате значительного усиления роли государственного сектора, систематического расширения экономических и научно-технических связей с социалистическими странами, освоения опыта индустриальных государств произошли значительные перемены в «третьем мире». Помимо так называемой «зеленой революции», в ряде государств были созданы или расширены «наукоемкие» (нефтехимия, атомная энергетика, электроника) и другие прогрессивные отрасли промышленности. Увеличилось участие развивающихся стран в исследовании космоса и мирового океана. Наряду с этим происходил процесс общественных изменений во многих из этих стран, в первую очередь в странах социалистической ориентации. Многообразные сдвиги, происшедшие под влиянием научно-технического прогресса, не нашли соответствующего отражения в книге

[1] Документ E/4962 (Add I). Pt. XII.

Г. Джонса. За исключением третьей главы, из остальных четырех глав трудно получить представление о научно-техническом потенциале и его использовании в странах «третьего мира». Отмечая быстрое распространение «зеленой революции» и ее эффективность (стр. 53, 85), а также различные аспекты развития сельского хозяйства, автор нарочито не упоминает об аграрных преобразованиях. Вопрос о земельной реформе — настолько сложная и важная политическая проблема, пишет Г. Джонс, что она находится вне компетенции автора книги (стр. 87). Между тем решение продовольственной проблемы — ликвидация голода и недоедания сотен миллионов людей в «третьем мире» — невозможно без проведения аграрных преобразований. Это признают не только буржуазные ученые, но и представители правящих кругов западных стран. Так, президент Международного банка развития и реконструкции Макнамара, перечисляя основные компоненты так называемой «зеленой революции», в числе наиболее важных, отмечал проведение аграрной реформы [2].

Г. Джонс пытается доказать, что существует единственный путь освоения достижений науки и техники — импорт оборудования и покупка лицензий у иностранных монополий. Только последние являются, по его мнению, проводниками научно-технического прогресса в «третьем мире». Не случайно поэтому на протяжении всей книги не упоминается о деятельности национальных государственных научных и производственных организаций. Между тем значительная часть новых прогрессивных отраслей промышленности в большинстве развивающихся стран была создана на средства и под руководством государства и эксплуатируется полностью или преимущественно силами местных специалистов. Обойдены молчанием и результаты плодотворного длительного научно-технического сотрудничества стран «третьего мира» с государствами социалистического содружества, воплощенные не только в построенных гидроэнергетических комплексах, мощных машиностроительных и металлургических предприятиях, но и в новых научных учреждениях и учебных заведениях, в подготовке многих тысяч специалистов.

Довольно часто освещение событий и явлений носит односторонний характер; так, отмечая действительные и мнимые недостатки работы национальных научных учреждений и университетов, автор не упоминает об их достижениях. Причиной «утечки мозгов», приносящей огромный ущерб развивающимся странам, как известно, является переманивание американскими и западноевропейскими фирмами специалистов из развивающихся стран.

Существенное значение имеет и отсутствие соответствующих условий на родине специалистов. Многие из них не имеют возможности продолжать свою научную работу, так как университеты и предприятия не имеют современного оборудования и аппаратуры. Оплата труда инженеров в африканских и азиатских странах обычно значительно ниже, чем на Западе. В результате неудовлетворительного планирования подготовки специалистов в высших учебных заведениях значительное число лиц, окончивших университеты и институты, не может получить работу по специальности. В Индии к концу 60-х годов, по официальным данным, насчитывалось около 175 тыс. безработных дипломированных специалистов [3]. Г. Джонс подчеркивает только эти причины (стр. 149—150), умалчивая об организованном «оседании» студентов из развивающихся стран после окончания ими образования в США и Западной Европе, а также о том, что использование специалистов из развивающихся стран вдвойне выгодно империалистическим державам (экономия на затратах на подготовку и на заработной плате, значительно меньшей, чем у европейцев).

В некоторых случаях автор пытается показать свою объективность, всячески восхваляя деятельность международных корпораций, благодаря которой, по его мнению, усиливается не только приток капитала и современной техники в страны «третьего мира», но им прививаются также навыки управления. Он отмечает и теневые стороны деятельности этих корпораций, признавая, что она связана с нарушением суверенитета и что их коммерческие операции зачастую неблагоприятно отражаются на экономике развивающейся страны (стр. 109—111). Однако критика монополий не сказывается на общей оценке их политической и экономической роли.

В заключение Г. Джонс пишет: «Исследования менее полезны, чем помощь и торговля» (стр. 161). Это высказывание фор-

[2] «1969 Annual Meetings of the Boards of Governors». Summary Proceedings. Washington. 1969, p. 16.

[3] «Asian Survey», June 1971, vol. XI, № 6, p. 527.

мально не связано с содержанием книги, так как в ней не рассматривались вопросы помощи и торговли, по существу же такое противопоставление, да еще в начале 70-х годов, неверно. Можно сослаться на практику предшествующих лет и на перспективы ближайшего десятилетия. В течение 60-х годов, например, благодаря работам соответствующих научных институтов, Малайзии удалось повысить качество и сбор экспортируемого натурального каучука и успешно конкурировать на мировом рынке с синтетическим и т. д.

В докладе генерального секретаря ЮНКТАД третьей сессии конференции (1972 г.) подчеркивалось, что основным элементом долгосрочной стратегии вывоза сырья должна стать значительно расширенная программа научных исследований и разработок, направленная на улучшение технических характеристик конкретных, натуральных товаров, повышение производительности труда и нахождение новых областей его применения [4].

Нельзя согласиться с положением автора о роли внешней торговли как основы экономического роста стран «третьего мира», учитывая ту дискриминацию, которой они подвергаются в товарообороте с империалистическими государствами. Ухудшение условий торговли в течение 60—70-х годов принесло им миллиардные потери и падение доли в мировой торговле примерно на 10% [5]. Что касается помощи империалистических держав, то ее кризис был признан еще в докладе комиссии Пирсона «Партнеры по развитию», опубликованном в 1969 г., своеобразным приложением к которому является и рецензируемая книга (стр. X). Как известно, основной идеей доклада было сохранение новыми средствами экономической и политической зависимости «третьего мира» от империалистических держав. На долю Г. Джонса, по-видимому, выпала задача обосновать необходимость сохранения их научно-технической зависимости. Отсюда тенденциозное освещение состояния и перспектив развития науки и техники в странах «третьего мира», искажение подлинной роли, которую они призваны играть в решении сложных социальных и экономических проблем этих стран.

А. Ю. Шпирт

[4] «Международная стратегия развития в действии. Роль ЮНКТАД». Доклад генерального секретаря ЮНКТАД третьей сессии конференции, документ ТД/99, стр. 37.

[5] По подсчетам ЮНКТАД, в 1961—1967 гг. в среднем в год — 2,5 млрд. долларов.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

«Исторически преглед». София. 1972, № 3.

Т. Живков. Революционер, трибун, теоретик; В. Ат Василев. Болгаро-чехословацкие политические отношения (1926—1931); Хр. Христов. О жизненном пути и подвигах Паисия Хилендарского; Р. Попов. Болгария и железнодорожные проекты на Балканах в первой половине 1908 г.; Ел. Грозданова. Фискальные единицы и демографические исследования; Л. Ст. Каравелов. Снова о фамилии и дате рождения Л. Каравелова; Ф. Шашко. Иван Кишельский и его «Проект бессмертного общества».

«Ново време». София. 1972, № 3.

Т. Живков. Революционер, трибун, теоретик; Принципиальная политика мира, безопасности и сотрудничества в Европе; Об «Избранных сочинениях» Т. Живкова; Б. Персов. Новый этап развития коммунистического движения в арабских странах; П. Петков. Маоистские теории и «третий мир»; Н. Бехар. Сущность и цели американских военно-экономических прогнозов; Л. Н. Митрохин. Борьба против расизма в США; Г. Карасимеонов. Современные реформистские взгляды на буржуазное государство и их реакционная сущность.

«Ново време». 1972, № 4.

Ст Христов. Профессиональные союзы — школа коммунизма, школа управления; Т. Иорданов. Степень удовлетворения потребностей — важный критерий

развития материально-технической базы развитого социалистического общества; Э. Марков. Социально-экономические закономерности научно-технического прогресса и научно-технической революции; К 90-й годовщине со дня рождения Г. Димитрова. Ст. Продев. Обвиняемый № 2; Р. Велев. «Восточная политика» ФРГ и противодействие «картеля правых»; И. Боев. Принцип «баланса сил» во внешней политике правительства Никсона; Э. Станчев. Антисоветизм и национализм маоистов — фактор раскола в международном рабочем и коммунистическом движении; П. Караиванова. Основа «параллельных» китайско-американских интересов; С. Г. Стоев. «Нерепрессивное общество» Г. Маркузе.

«Századok». Budapest. 1972, № 1.

В. Зимани. Экономическая и социальная история Надьмартонского района с XVI в. по 1767 г.; И. Т. Беренд. Влияние планирования на рост экономики (венгерский опыт); Э. Фюреди. Нищенствующие ордена и развитие городов в Венгрии; К. Дока. Условия посвящения в цеховые мастера в Пеште в 40-х гг. XIX в.; Я. Захар. Внешняя политика конституционалистской партии в 70-х гг. XIX в. в отражении «Neue Freie Presse»; Г. Гаал. Преподавание венгерской истории в Югославии; XIII Международный конгресс исторических наук в Москве. Из выступлений венгерских историков. К. Бенда. Начало национального пробуждения народов, входивших в состав Габсбургской монархии; Э. Нидерхаузер. Отзвуки французской революции и наполеоновских войн на Балканах; Г. Сабад. К истории антифеодальной борьбы в Венгрии; Г. Шпира. Крестьянство и национальные устремления в Венгрии в период буржуазных преобразований; Э. Нидерхаузер. К типологии крестьянских движений в Восточной Европе; И. Пинтер. Рабочая сила в Венгрии и использование ее фашистами во время второй мировой войны.

«Militärgeschichte». Berlin. 1972, № 2.

Г. Ферстер, Х. Отто. О марксистско-ленинской концепции германской военной истории; К. Энгельхардт. Военный капитал и военно-промышленный комплекс ФРГ; Д. Фрикке. Милитаризм и народная школа (об уровне образования прусских рекрутов в начале империалистической эпохи); М. Малахов. Значение фактора соотношения сил в советской стратегии во время Великой Отечественной войны; В. Рошлау. Принципы управления и применения танков в бундесвере в 1956—1959 гг.; Документы. Х. Шперлинг, В. Штанг. Документы о положении с танками в фашистском вермахте в апреле 1945 г.

«Militärgeschichte». 1972, № 3.

Э. Кальбе. Г. Димитров о характере второй мировой войны и о развитии политики Народного фронта; Т. Неллес, Э. Штенцель. II конференция СЕПГ и укрепление обороны ГДР; Д. Винс. О влиянии Великой французской революции на прусскую военную систему; К. Грезе. Х. Зелинг. О создании первых подразделений военно-воздушных сил ПВО в ННА; А. М. Шевченко. Листовки Красной Армии и пропагандистская работа в войсках и населении противника.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1972, № 5.

В. Гутше. Планы «Срединной Европы» и внешняя политика германского империализма до 1918 г.; М. Беренд. К характеристике политического пути Франца-Йозефа Штрауса; Р Эйфлер Докапиталистические классовые общества и восходящая линия общественных формаций в трудах К. Маркса; К. П Мачка. XIV Международный конгресс по византиноведению в Бухаресте; Л. Н Гаранин. Симпозиум в Вологде по проблемам германской истории; Симпозиум комиссии историков СССР и ГДР.

«Śląski kwartalnik historyczny Sobótka» Wrocław. 1972, № 1.

К 50-летию 3-го Силезского восстания. М. Оржеховски, В. Вржезински. Традиции силезских повстанцев в польской политической мысли; М. Чаплински, Т. Кулак. Силезское повстанческое движение и польское общественное мнение; Ф. Бялы, К. Федор. Германская общественность о восстаниях и плебисците в Силезии; В. Навроцки. Польская литература о силезских восстаниях; И. Пржевлоцки. Польская историография о 3-м силезском восстании; Н Дэвис. Великобритания и силезский плебисцит 1919—1920 гг.; С. Михалкевич. Материалы к истории силезских восстаний.

«Československý časopis historický». Praha. 1972. № 3.

О. Гарна Чехословацкая социалистическая партия в правительстве и в парламенте (1918—1922); М. Шестак. Хорватская и чешская политика 1865—1866 гг.; Г. Полрейхова. Современные течения в историографии США.

«Historie a vojenství». Praha. 1971,. № 6.

XXIV съезд КПСС и военно-историческая наука. А. Грос. Интернациональные и национальные факторы в политике КПЧ и военном строительстве ЧССР; Д. Муриев. Битва под Москвой и ее влияние на развитие советского военного искусства; Ф. Ви-

ха Военно-телеграфная служба в 1918—1938 гг.; Ч. Аморт. О начале чехословацкого движения в России; Я. Ветнер. К вопросу о боях партизанской группы «Народный мститель» с гестапо.

«Historický časopis». Bratislava. 1972, № 2.

Я. Декан. Великая Моравия и проблема древнеморавской народности; Р. Марсина. Исследование истории средневековых городов в Словакии; В. Зуберец. Формирование словацкого аграрного движения в 1900—1918 гг.; Ф. Грбата. Путь испанской фаланги к власти; В. Крупа. Гениальность в истории цивилизации.

«Slovensky narodopis». Bratislava. 1972, № 1.

Б. Филова. К 70-летию Я. Мяртяна; Ш. Мрушкович. Словацкий музей народной архитектуры в г. Мартин; В. Урбанцова. Иконографический материал и пахотные орудия в Словакии; Э. Плицкова. О некоторых проблемах изучения словацкой керамики; М. Маркуш. Обрядовый сочельничный хлеб в Восточной Словакии; Д. Голый. О терминологии отношений между фольклористическими образованиями; Я. Мяртян. Участие Йозефа Л. Голубы в подготовке Этнографической выставки в Праге в 1895 г.

«Slovensky narodopis». 1972, № 2.

Ю. В. Бромлей. К вопросу об основных типах и внутреннем механизме этнических процессов; Фольклор и современность; М. Лешкач. Изучение современного состояния фольклора в Словакии (методы, проблемы, цели); Я. Ех. Современное состояние фольклора и его основные тенденции; Б. Бенеш. Древняя и новая традиции. Я. Михалек. К вопросу о народном повествовании и современности; С. Дужек. Заметки об изучении современных танцевальных традиций; С. Бурласова. Народная песня и современность; С. Швеглак. Новое песенное творчество и его отношение к традиционному репертуару; А. Сулитка. К проблематике изучения годовых обычаев и фольклора северного Спиша; О. Эшнек. Характерные признаки современной словацкой этномузыкологии; 25 годовщина основания Этнографического института САН.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Аксинас Я. и Добровольский О. Непокоренная Эллада. М. 1971. 120 стр. Рец.: — «Sprawy międzynar.». Warszawa. 1972, № 4, s. 153—154.

Баткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. М. 1965. Пер. на итал. яз.: Bari. 1970. Рец.: Marti M.— «Giorn. stor. della lett. ital». Torino. 1972, fásc. 465, pp. 112—115.

Гусаров В. И. и Семин Н. С. Страны социализма — верные друзья арабских народов. М. 1971. 109 стр. Рец.: «Sprawy międzynar.». Warszawa. 1972, № 4, s. 155—156.

«История Коммунистической партии Советского Союза». В 6-ти т. Т. 4, кн. I. М. 1970. 663 стр. Рец.: Bułat W. — «Z pola walki». Warszawa. 1972, № 1, s. 233—236.

«История Коммунистической партии Советского Союза». Учебник подгот. авторским коллективом в составе Б. Н. Пономарева, И. М. Волкова, М. С. Волина и др. М. 1971. Пер. на исп. яз.: Buenos Aires. 1972. Рец.: Moscovici M.— «Nueva era». Buenos Aires, 1972, № 2, pp. 183—187.

Калениченко П. М. Великий Жовтень і революційний рух у Польщі. (Листоп. 1917 — жовт. 1919 р.) Київ. 1971. 343 стор. Рец.: Iwański. G.— «Z pola walki». Warszawa. 1972, № 1, s. 258—261.

Киижалов Р. В. Культура древних майя. Л. 1971. 364 стр. Рец.: Proskouriakoff T. — «Amer. Antropologist». Washington. 1972, № 1—2, pp. 36—37.

Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв. (По материалам магнатских вотчин). Минск. 1969. 203 стр. Рец.: Niederhauser E.— «Agrártört. szemle». Budapest. 1971, № 3—4, 561—563. old.

Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л. 1969. 223 стр. Рец.: Piotrowski B.— «Z pola walki». Warszawa. 1972, № 1, s. 229—230.

Кухаренко Ю. В. Археология Польши. М. 1969. 238 стр. Рец.: Dąbrowski K.— «Z otchłani wieków». Wrocław—Poznań. 1972, № 1, s. 73—74.

«Ленин в борьбе за революционный Интернационал». М. 1970. 671 стр. Рец.: Kochański A.— «Z pola walki». Warszawa. 1971, № 2, s. 215—220.

«Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР». М. 1969. 259 стр. Рец.: Perlès C.— «Antropologie». P. 1971, № 7—8, pp. 665—668.

«Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония». М. 1970. 361 стр. Рец.: Jaśkiewicz L.— «Z pola walki». Warszawa. 1972, № 1, s. 225—228.

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М. 1971. 295 стр. Рец.: Гаген-Торн Н.— «Език и литература». София. 1972, № 2, с. 104—111.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации и Фундаментальную библиотеку по общественным наукам АН СССР в течение июня 1972 г.

«Советские архивы». М. 1970, №№ 1—6. Рец.: Tadić K.— In: «Glasnik Arhivá i Društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine». Kuj. 10—11. Sarajevo, 1970—1971, s. 547—552.

«СССР в борьбе за мир накануне войны». (Сент. 1938 — авг. 1939 г.). Документы и материалы. М. 1971. 736 стр. Рец.: Chiper J.— «Rev. de referate, recenzii si sinteze». Bucureşti. 1972, № 1, pp. 58—68.

«Третий мир». Стратегия развития и управление экономикой. М. 1971. 400 стр. Рец.: Rück G.— «Wirtschaftswiss.» B. 1972, № 3, S. 437—439.

«Эпоха Просвещения». Из истории международных связей русской литературы. Л. 1967. 362. стр. Рец.: Péter A. es Tétenyi M.— «Filológiai közlöny». Budapest. 1971, № 1—2, 301—304. old.

Яковлев Н. Загадка Пёрл-Харбора. М. 1963. 148 стр. Пер. на польск. яз.: Warszawa. 1971. Рец.: «Nowe drogi». Warszawa. 1972, № 6, s. 175—176.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ В ГДР к 90-летию со дня рождения Г. Димитрова пятым, дополненным изданием опубликован сборник «Процесс о поджоге рейхстага». В него вошли документы, письма, записки, речи Г. Димитрова на суде и другие материалы («Reichstagbrandprozess. Dokumente, Briefe und Aufzeichnungen». Berlin. «Dietz». 1972. 228 S.).

◆ Институт международных отношений при Германской Академии государства и права им. В. Ульбрихта выпустил книгу Вернера Хэниша «Внешняя политика и международные отношения ГДР». Т. I: 1949—1955. Автор делит указанный период на следующие рубрики: 1949—1950 гг., первые шаги ГДР на арене внешней политики; 1950—1952 гг., расширение сотрудничества ГДР с социалистическими странами, борьба за миролюбивое единое немецкое государство; 1952—1953 гг., внешняя политика ГДР в условиях перехода к строительству основ социализма и обострения «холодной войны»; 1954—1955 гг., переход к новому этапу внешней политики ГДР. Книга снабжена указателями (W. Hänisch. Aussenpolitik und internationale Beziehungen der DDR. Bd. I: 1949—1955. Berlin. «Staatsverlag der DDR». 1972. 400 S.).

◆ «Берлин во времена Бебеля и Бисмарка» — так называется книга Аннемари Ланге (ГДР). Автор дает очерк общественной истории города с 1871 г. до начала XX века. Особенно подробно останавливается он на ходе развития немецкого рабочего движения, деятельности В. Либкнехта, А. Бебеля и их товарищей (A. Lange. Berlin zur Zeit Bebels und Bismarcks. Zwischen Reichsgründung und Jahrhundertwende. Berlin. «Dietz». 1971. 928 S.).

◆ «Современные антикоммунистические доктрины на Западе» — коллективный труд польских историков, рассматривающих различные аспекты антикоммунистической деятельности западноевропейских центров буржуазной пропаганды, американскую «советологию» и работы «левых» авантюристов. Освещаются также проблемы психологической войны и идеологической диверсии («Współczesne doktryny antykomunistyczne na Zachodie». Warszawa. PWN. 1972, 250 str.).

◆ Тереза Венгжинович и Яцек Мискевич в своей книге рассказывают о наиболее интересных открытиях, сделанных польскими археологами. Они прослеживают этапы развития местной цивилизации от первых следов деятельности человека на территории Польши и вплоть до возникновения Польского государства. Работа хорошо иллюстрирована (T. Węgrzynowicz, J. Miskiewicz. Wędrówki po wykopaliskach. Warszawa. WP. 1972. 275 str.).

◆ В. Ливяну, Э. Чимпонерю, М. Русеняну и Т. Удря составили хронику повседневных событий в Румынии, начиная с 1 мая 1944 г. и кончая 6 марта 1945 года. Главное внимание уделено ими последствиям Августовского антифашистского восстания. Эта работа выпущена Институтом истории им. Н. Иорги при Академии общественных и политических наук СРР («Din cronica unor zile istorice». Bucureşti. EARSR. 1971. 239 p.).

◆ Штефан Паску в первом томе монографии «Воеводство Трансильвания» (S. Pascu. Voievodatul Transilvaniei. Vol. I. Cluj. «Editura Dacia». 1971. 595 p) описывает историю местного общества IX—XIV веков: жизнь и быт славянских, венгерских, румынских, хазарских, секуйских и печенегских племенных образований IX—X вв., развитие феодальных отношений, связи ранних местных государств с Киевской Русью, Византией и Священной Римской империей, мадьяризацию провинции (особенно после венгерской победы 1068 г.), немецкую колонизацию XII в., борьбу с половцами, татаро-монгольское нашествие, торжество дворянского строя со второй половины XIII в., рост городов, закрепощение части крестьян, повинности населения, эволюцию сельского хозяйства, социальные движения (в том числе восстание Богдана 1342—1359 гг.), образование гайдукских отрядов, переселение марамурешцев в Молдову. Книга снабжена резюме на русском, английском, французском и немецком языках и указателем.

◆ Нидерландская группа аграрных историков, экономистов и демографов, объединившаяся во главе со Слихером ван Батом вокруг «Landbouwhogeschool», выпускает серию научных исследований «A. A. G. Bijdragen». Ее т. 16 составили трехчастные очерки Ван дер Вауде по демографической и экономической истории Западных Нидерландов от конца средневековья до XIX столетия: социолого-географическое описание провинции, исследование роста населения в 1514—1900 гг., различных демографических процессов, урбанизации, капиталистической индустриализации и развития сельского хозяйства (A. M. Van der Woude. Het Noorderkwartier. Deel I—III. Wageningen. 1972. 858 blz.). Работа снабжена десятками таблиц, схем, графиков, указателем, библиографическими примечаниями, приложениями и историографией. Автором использованы, в частности, труды советских историков.

◆ Арнальдо д'Аддарио (Италия), в качестве т. 77 серии публикаций Государственного архива, дал монографию о Контрреформации во Флоренции (A. d'Addario. Aspetti della controriforma a Firenze. Roma. G. I. 1972. 670 p.). Она состоит из 11 частей. Первая касается духовной жизни Флорентийской коммуны в целом в периоды раннего и развитого феодализма, причем особое внимание уделено Пьероцци и Савонароле; вторая — государственно-политической истории; третья — судеб архидиаконства, монашества, епископства и реформы 1545 года; четвертая — работы синодов и литургическо-культовых вопросов; пятая — деятельности кардинала Александра Медичи; в шестой — одиннадцатой помещены документы по пяти вышеуказанным сюжетам, а также о ходе Контрреформации и деятельности инквизиции, охватывающие 1529—1603 годы. Книга хорошо иллюстрирована и имеет подробнейшие указатели.

◆ Жак Поль Минь в середине прошлого столетия начал издание своей «Патрологии» — многотомного сборника источников, касающихся христианской церкви от ее возникновения до XIII—XV вв.,—в двух сериях: латинской («Patrologiae cursus completus». Series latina. Tt. 1—221. Paris. 1844—1864; nov. ed.: 1865—1880) и греческой (Idem. Series graeca. Tt. 1—168. Paris. 1857—1866). В Бельгии предпринято переиздание обеих серий. К первым 96 томам латинской серии Р. Хамман подготовил «Приложение» из 4-х томов, куда вошли тексты, отсутствовавшие у Миня: сочинения Коммодиана, Викторина, Илария, Тихония, Максимина Арианского, Аппония, Пелагия, Присциллиана, Иоанна Томитанского, Фауста, Евсевия Галликанского, Геласия I, Епифания Латинского, Драконтия и других авторов времен древности и раннего средневековья. К греческой серии приложены указатели, составленные ныне Ф. Каваллерой («Patrologia latina». 222 vol.; «Patrologia graeco-latina». 168 vol. «Brepols». Turnhout). Выпуск в свет последних томов нового издания продолжается.

◆ «Сирийская и восточная патрология»— многотомное издание источников по истории христианства и тематически прилежащим сюжетам в странах Ближнего Востока, насчитывающее 168 выпусков («Patrologia syriaca et orientalis»). Увидели свет четыре очередных выпуска: т. 35, тетр. 4 — коптские тексты относительно Клавдия Антиохийского; т. 36, тетр. 1 и 3 — проповеди Севера Антиохийского; т. 36, тетр. 2 — армянский кодекс № 121 из Иерусалима («Textes coptes relatifs à saint Claude d'Antioche, copte et français». Par G. Godron. Turnhout. «Brepols». 1971. 270 p.; «Les Homiliae cathedrales de Sévère d'Antioche, syriaque et français». Par M. Brière et F. Graffin. №№ XL—XLV. 1971; №№ XXXII—XXXIX. 1972; «Le codex arménien Jérusalem 121». Pt. II: édition comparée du texte et deux autres manuscrits, avec traduction française et notes. Par A. Renoux. 1971. 246 p.).

◆ В 1971 г. началось издание журнала «Античная Испания», выпускаемого университетом в г. Витория, провинция Алава, Испания («Hispania antiqua. Revista de historia antiqua». Año I, 1971). В числе важнейших опубликованных статей: Х. М. Алонсо «Сообщения источников об истории императора Юлиана», Х. М. Бласкес «Иберия по Страбону», Х. Мангас «О римских надписях в Испании», А. Прието «Социальная структура Гадийского конвента», М.-Б Вижиль «Общественный строй у кантабров», Л. Гарсия Морено «Аспекты истории фиска на Иберийском полуострове VI в.», А. Монтенегро «Происхождение басков», Х. де Хос «Греческие надписи», историографические работы Ф. Преседо, Марии Луизы Санчес, М. А. Рабанала.

◆ Институт им. М. Планка в Гёттингене (ФРГ) издает серию «Сообщения по истории». 37-м выпуском в ней явился сборник материалов, представляющих собой доработанные доклады, сделанные на коллоквиуме 1970 г., посвященном проблеме соотношения и взаимосвязи форм собственности и государственно-политического устройства в XVIII столетии («Eigentum und Verfassung». Hrsg. von R. Vierhaus. Göttingen. «Vandenhoeck und Ruprecht». 1972. 257 S.). Сюда вошли следующие статьи: Г.-К. Шрёдер Проблема собственности и конституция штата Массачузетс в 1775—1787 гг.; Х. Бакхауз. Крестьянское сословие и право собственности в период «шведской свободы»; Э. Хинрикс. Изъятие права собственности. (К дискуссии о феодальном праве во Франции в конце старого режима и в период революции); Г. Бирч. Свобода и собственность (К освещению вопроса о государстве в немецкой публицистике под влиянием Французской революции); Рудольфина Фрайин фон Эр Трактовка собственности в дискуссии о секуляризации на исходе существования Священной Римской империи германской нации; Р. Фирхаус. Право собственности и отчуждение. (Борьба сословия имперских рыцарей за свои права в 1803—1815 гг.)

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В истории Советской Родины имеется немало примеров того, как военные специалисты старой русской армии честно и добросовестно служили рабоче-крестьянскому государству и его Вооруженным Силам. Будучи верными патриотами Отчизны, они сыграли свою, порой заметную роль в строительстве нашей армии и флота, оставив существенный след в их истории. Среди первых строителей Красной Армии, тех, кто по зову сердца в годы социалистической революции и гражданской войны стал отдавать народу все свои силы и знания, мы с гордостью называем имя Бориса Михайловича Шапошникова, 90 лет со дня рождения которого исполняется в сентябре 1972 года. 23 апреля 1918 г., сразу же после выдвинутого Республикой Советов призыва о привлечении к строительству Красной Армии военных специалистов, он подал заявление на имя начальника штаба Приволжского военного округа, в котором писал: «Как бывший полковник Генерального штаба, я живо интересуюсь вопросами создания новой армии, и как специалист желал бы принести посильную помощь в этом серьезном деле»[1]. Переход Б. М. Шапошникова на сторону социалистической революции явился результатом твердого решения, что «преданная и неустанная служба делу пролетарской революции есть лучшая жизненная дорога»[2].

Службу в Красной Армии Шапошников начал в Высшем военном совете, а осенью 1919 г. он был назначен в Полевой штаб Реввоенсовета Республики, где и проработал до конца гражданской войны. Обладая глубокими знаниями и немалым боевым опытом, он успешно справлялся с должностью начальника Разведывательного отдела Оперативного управления Полевого штаба, а затем начальника Оперуправления. Сохранились свидетельства, ярко характеризующие его деятельность на этих постах: «Кипучая энергия Шапошникова и проникновение в события на фронтах вскоре дали ему фактически ведущую роль среди всех других ответственных работников Управления. Не было ни одного доклада Главкому [С. С. Каменеву], на котором Борис Михайлович не высказал бы оригинальных, смелых предложений по организации разгрома белых. И, понятно, в самый короткий срок ему поручается ведение всей оперативной работы в качестве начальника Управления»[3].

Как известно, боевые действия в годы гражданской войны проходили в условиях обычно невысокой тактической плотности войск и часто при отсутствии сплошного фронта, причем отличались исключительной маневренностью. На фронтах гражданской войны закладывались основы военного искусства Красной Армии, сильно отличавшегося от военного искусства буржуазных армий. Особенности войны требовали новых приемов вооруженной борьбы. Разрабатывая боевые планы и организуя оперативное руководство фронтами и армиями, Б. М. Шапошников стремился создавать и всемерно использовать такие формы и методы военных действий, которые соответствовали бы классово-политическому характеру войны и социально-экономическим возможностям молодой Республики Советов. Особое внимание уделял он оперативно-организационным мероприятиям с целью создания на том или ином направлении нужных группировок войск. С исключительной четкостью им были разработаны сравнительные таблицы соотношения наших сил и сил противника на Южном стратегическом направлении, явившиеся важным документом для принятия решений по разгрому Деникина и Врангеля.

---

[1] ЦГАСА, ф. 25883, оп. 4, д. 275, лл. 24—25.

[2] «Красная Звезда», 4.IX.1933.

[3] «За ударные темпы» (газета Щелковского района, Московской области), 21.XI 1937.

Для улучшения оперативной работы на фронтах важное значение приобретало правильное использование офицеров Генерального штаба старой армии, добровольно перешедших на службу в Красную Армию. По указанию Главкома Шапошников составил список таких офицеров с рекомендациями по наиболее рациональному их использованию. Первыми он назвал А. А. Самойло, В. Ф. Новицкого, Н. Н. Петина, Н. Г. Корсуна, Ф. П. Шафаловича и ряд других, вкладывавших затем до конца своих дней много труда в строительство Советских Вооруженных Сил. Борясь за четкость и высокую дисциплину работы штабов фронтов и армий, без чего невозможно было добиться должных успехов в боевой деятельности войск, Борис Михайлович сумел поставить эту работу на необходимую высоту. Он постоянно требовал, чтобы штабы представляли «более точные сведения»[4] и чтобы в оперативных сводках помещались «все имеющиеся данные о всех частях фронта»[5]; обращал внимание на «недопустимость сообщения сведений о предполагаемых действиях в незашифрованном виде открытыми почто-телеграммами»[6]. За активное участие в оперативной работе Полевого штаба Республики, проявленную инициативу и твердое проведение им лично разработанных операций Красной Армии[7] Б. М. Шапошников в октябре 1921 г. был награжден орденом Красного Знамени.

После гражданской войны Борис Михайлович был первым помощником начальника штаба РККА, командовал войсками нескольких военных округов, возглавлял Военную академию имени М. В. Фрунзе, был начальником Генерального штаба. В 1930 г. он вступил в ряды ВКП(б) и был принят в нее, согласно решению Секретариата ЦК партии, без прохождения кандидатского стажа. За год до начала Великой Отечественной войны Б. М. Шапошникову было присвоено звание Маршала Советского Союза, и он был назначен заместителем наркома обороны. На этом посту ему было поручено ведать оборонительным строительством, которое в связи с изменением наших государственных границ приобрело тогда особую значимость. Еще будучи начальником Генерального штаба, Шапошников предлагал держать основные силы наших западных пограничных округов возле старых государственных границ, а во вновь освобожденные области Западной Белоруссии, Западной Украины и в Прибалтику выдвинуть лишь те части прикрытия, которые обеспечили бы развертывание главных сил в случае нападения на СССР. Как отмечал в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, мнение опытного военачальника не было принято, и многие соединения выдвинули почти к самой новой границе, включая находившиеся в стадии формирования. Это привело в июне 1941 г. к тому, что «войска наших западных округов не смогли выполнить полностью возлагавшуюся на них задачу»[8].

Вероломное нападение фашистской Германии на СССР не позволило завершить большую и сложную работу по техническому оснащению и реорганизации наших Вооруженных Сил. Возведение оборонительных рубежей на новых государственных границах тоже не было закончено. Спустя месяц после начала войны по решению Государственного Комитета Обороны (ГКО) Б. М. Шапошников был вновь назначен начальником Генерального штаба. То было время, когда, используя временные преимущества, немецко-фашистская армия нанесла серьезный урон нашим войскам, глубоко вклинившись на территорию СССР. Необходимо было остановить врага, стабилизировать фронт, восстановить связь и управление войсками, мобилизовать все силы на разгром захватчиков, сорвать его план «молниеносной войны». Б. М. Шапошникову было предоставлено право отдавать войскам любые распоряжения от имени Ставки Верховного Главнокомандования (СВГ). Они подписывались так: «По поручению Ставки Верховного Главнокомандования Б. Шапошников». Основную причину неудач наших войск в тот период Шапошников видел в разобщенности их действий, слабом обеспечении флангов и стыков, плохой организации противотанковой и противовоздушной обороны. И он напряженно работает над ликвидацией этих недостатков.

Считая, что гитлеровцы намереваются добиться решающих результатов прежде всего на Западном стратегическом направлении, Б. М. Шапошников в своих докладах Верховному Главнокомандующему предлагал именно туда направлять основную часть стратегических резервов.

Развернувшиеся летом и ранней осенью 1941 г. на Западном направлении кровопро-

[4] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 310, л. 71.
[5] Там же, д. 979, л. 124.
[6] Там же, л. 168.
[7] ЦГАСА, ф. 7, оп. 2, д. 7, л. 68.

[8] См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 18.

литные бои, вошедшие в историю Великой Отечественной войны под названием Смоленского сражения, которому Шапошников уделил особое внимание, продолжались более двух месяцев. В ходе сражения удалось сковать крупные силы врага и тем самым обеспечить возможность подхода новых стратегических резервов Красной Армии и их развертывания. Достигнутый в результате выигрыш времени позволил эвакуировать из угрожаемых районов на Восток важнейшие промышленные предприятия и осуществить подготовку для ввода в сражение необходимых военных резервов.

Трудно переоценить значение оперативных и организационных мероприятий, проведенных Генеральным штабом под руководством Шапошникова в начальный период войны. Его распоряжения, разработанные им на основе данных об успешности самого первого залпа реактивной артиллерии возле Орши директивы о формировании гвардейских минометных частей и направлении их на фронт, об обеспечении флангов и стыков армий и фронтов, о создании высокоманевренных противотанковых соединений, об усилении и укреплении ПВО, о недочетах при ведении наступательных боев и путях их устранения, о введении в штаты стрелковых полков рот автоматчиков, об улучшении управления войсками, об усилении разведки, о преобразовании тяжелой бомбардировочной авиации в Авиацию дальнего действия, о формировании саперных армий имели непреходящее значение. Большая проницательность Б. М. Шапошникова, его умение по отдельным отрывочным и часто противоречивым сведениям представить ход боевых действий, дать правильную оценку сложившейся стратегической обстановке и наметить перспективы ее развития сыграли важную роль в преодолении неимоверных трудностей начального периода войны. Так, даже недруги нашей державы отмечали, что «Маршал Шапошников еще задолго до Сталинградского сражения предвидел его роковой исход для немецко-фашистской армии»[9]. Серьезное значение имело «Наставление по полевой службе штабов», утвержденное Шапошниковым через несколько месяцев после начала войны. Оно сразу же дало возможность установить единые методы работы оперативных и войсковых штабов, позволило улучшить систему управления войсками. Этому же способствовала и проведенная им перестройка центрального аппарата Наркомата обороны и разработка нового положения о Генеральном штабе, утвержденного Верховным Главнокомандующим 10 августа 1941 года. Как отмечал Маршал Советского Союза М. В. Захаров, «в период Великой Отечественной войны Маршал Шапошников внес неоценимый вклад в дело разгрома фашистских захватчиков. В эти тяжелые дни нашей Родины с особой силой проявились полководческий талант Бориса Михайловича, его непреклонная воля к победе и безмерная вера в правоту нашего дела»[10]. Огромное напряжение сил, сложная работа почти без отдыха не прошли бесследно для здоровья Шапошникова: оно резко ухудшилось. Еще в конце 1941 г. Борис Михайлович докладывал о разгроме немцев под Москвой и дальнейших планах вооруженной борьбы с гитлеровцами. Но вскоре вследствие тяжелого заболевания Шапошникову разрешили работать не более 4 часов в сутки, а в июне 1942 г. из-за болезни он вынужден был оставить пост начальника Генерального штаба. Верховный Главнокомандующий дал указание сменившему его на высоком посту А. М. Василевскому «не беспокоить, не утруждать Б. М. Шапошникова, а обращаться к нему за советом лишь в исключительных случаях» и каждый раз с особого разрешения[11]. Тем не менее Шапошников, человек с высоким чувством ответственности, продолжал неустанно трудиться, внося свою лепту в общее дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Каждый, кто знал Б. М. Шапошникова, помнит его как человека большой культуры. Он всегда отличался своим умением подойти к человеку, был исключительно тактичен, никогда не унижал достоинства подчиненных. С Шапошниковым было приятно совместно трудиться. То был начальник, который никогда не уклонялся от работы, никогда не пытался свалить какую-то вину на подчиненного. Неизменно вежливый и внимательный, он вместе с тем оставался исключительно требовательным к себе и к другим, особенно когда шла речь о точности и своевременности выполнения задания. Вспоминается такой случай. Во второй половине 1942 г. Борису Михайловичу было поручено руководство разработ-

[9] «Роковые решения». М. 1958, стр. 117.

[10] «Красная Звезда», 20.IX.1962.

[11] См. «Освобождение Белоруссии, 1944». М. 1970, стр. 48.

кой новых боевых уставов и проекта Полевого устава. С целью обобщения боевого опыта, который следовало положить в основу уставов, с фронтов были вызваны несколько командиров батальонов, полков и дивизий. По мере их прибытия Б. М. Шапошников обстоятельно беседовал с ними. Среди других к нему в кабинет должен был войти один из командиров батальонов. Краснея от волнения, он нервно одергивал гимнастерку, не зная, что ожидает его у «высокого начальника». И вдруг комбат, войдя в комнату, увидел, как худощавый, сравнительно высокого роста, гладко причесанный на пробор, с бледноватым лицом, высокий начальник, встав с кресла и выйдя из-за стола, идет навстречу посетителю, затем, вытянувшись, выслушивает его рапорт, с улыбкой жмет его руку и просит «сделать милость, присаживаться». Расспрашивая его о семье, быте и службе, Борис Михайлович спокойно ожидал, пока комбат не пришел в себя. И уж тогда приступил к делу. Так было с каждым посетителем, какое бы служебное положение он ни занимал.

«Голубчик,— говорил он, обращаясь к собеседнику и рассматривая его рабочую карту, на которой порою путано и небрежно была нанесена боевая обстановка,— по вашей карте не только ничего не разберешь, но и себя самого можно ввести в заблуждение. Работа с картой требует большого внимания. Нужно наносить обстановку так, чтобы она была, во-первых, понятна и, во-вторых, соответствовала бы действительному положению вещей». И тут же показывал, как следует это делать. Обладая большим и разносторонним опытом штабной службы, Шапошников хорошо знал, к чему приводит небрежное нанесение обстановки на карту, несвоевременное отражение происходящих изменений, употребление произвольных условных знаков, и всегда строго журил за это. Настойчиво борясь за четкость и высокую дисциплину в работе штабов, Борис Михайлович постоянно требовал точности и аккуратности. Большое значение придавал он «культуре документа» и, если находил ошибки, терпеливо объяснял исполнителю возможные последствия неточности и как следует ее избегать.

Одной из характерных черт стиля работы Шапошникова было редкое умение вникать в детали дела. Обладая хорошей памятью, он за короткое время узнавал каждого исполнителя и любил заслушивать личные доклады тех людей, кто готовил документы и знал мелочи дела. А чтобы не нарушить служебной субординации, он обычно заслушивал такой доклад непосредственного исполнителя в присутствии его прямого начальника и тут же давал необходимые указания. Его замечания никогда не вызывали какой-либо обиды или раздражения у подчиненного. И в то же время он был особенно требователен к малейшим упущениям, которые не ускользали от его внимания. Часто давал он добрые советы, и они оказывались исключительно полезными в практической работе штабных командиров. Работа под его руководством была для всех большой и полезной школой.

Трудно переоценить заслуги Б. М. Шапошникова в строительстве Советской Армии, в развитии отечественной военной науки, в подготовке командных кадров. Его перу принадлежит много военно-научных трудов. Одним из наиболее известных является трехтомная книга, посвященная исследованию деятельности Генерального штаба, «Мозг армии» [12]. В ней сказались все черты Бориса Михайловича как крупнейшего военного специалиста: пытливый ум, чрезвычайная тщательность в работе и четкое определение ее перспектив, глубина обобщений [13]. Этот труд не только сохраняет доныне теоретическое значение, но и представляет значительный интерес как военно-историческое исследование, обильное фактическими данными. Высокую оценку он получил как в советской, так и в зарубежной печати [14], а его автору было присвоено звание профессора. Будучи уже больным, Шапошников начал писать мемуары. Однако завершить их ему не удалось. Он успел довести записи лишь до 1916 года. Незадолго до кончины на титульном листе первой тетради мемуаров он сделал надпись: «Публикуется через двадцать лет после моей смерти». Этот срок сейчас истек, и рукопись передана в издательство [15].

---

[12] Б. Шапошников. Мозг армии. Кн. I. М. 1927; кн. II. 1927; кн. III. 1929. В 1964 г. эта работа вышла в Югославии, в 1970 г. — в Венгрии.

[13] См. «Правда», 21.XI.1935.

[14] См. «Deutscher Offizier-Bund», 1930, № 11, S. 373—377; № 12, S. 422—424; «Militärwissenschaftliche und technische Mitteilungen», 1929, November—Dezember, S. 753. etc.

[15] Рукопись охватывает период с 1882 года. Острая наблюдательность и исключительная память помогли автору проанали-

В последние годы жизни Борис Михайлович возглавлял Высшую военную академию. Не одну сотню высококвалифицированных генштабистов и военачальников высших званий получили фронты из этой академии. О том, сколь высоко было развито у Шапошникова чувство ответственности за порученное дело, свидетельствует, в частности, такой факт. Когда болезнь уже приковала его к постели, он требовал, чтобы к нему на квартиру с подробной информацией о ходе дел в академии ежедневно являлся его заместитель генерал-лейтенант В. К. Мордвинов. Не имея возможности лично присутствовать на очередном выпуске слушателей, их начальник обратился к выпускникам со специальным письмом: «Товарищи генералы и офицеры! Сегодня вы заканчиваете учебу в стенах Высшей военной академии. Не имея возможности из-за болезни быть вместе с вами в этот памятный для вас день, прошу принять мое горячее поздравление с успешным окончанием курса Высшей военной академии... Подводя итоги 10 месяцев нашей общей с вами работы, можно сказать, что академия помогла вам систематизировать и более глубоко осмыслить полученный вами боевой опыт, усовершенствовать знания тактико-технических свойств всех родов войск, привить проверенные опытом войны навыки в организации взаимодействия родов войск в различных видах общевойскового боя и операции. В день вашего выхода из стен академии я хотел бы, однако, напомнить вам, товарищи генералы и офицеры, что те знания, те теоретические основы, которые вы получили в академии, не могут служить непререкаемыми догмами и постоянным шаблоном на любой случай в вашей дальнейшей боевой деятельности и что эти знания необходимо постоянно обогащать боевым опытом Отечественной войны» [16].

Вся многогранная деятельность Маршала Шапошникова имела единственную цель — всемерное укрепление боевой готовности Советских Вооруженных Сил. «Для решения грандиозных задач новой эпохи, в которую мы вступили,— эпохи постепенного перехода от социализма к коммунизму,— говорил Б. М. Шапошников в 1939 г.,—трудящиеся Советской страны в своем мирном труде должны быть гарантированы от нападения агрессоров. Поэтому дальнейшее усиление обороноспособности нашей социалистической Родины, укрепление Красной Армии и Красного Военно-Морского Флота является необходимейшей, важнейшей задачей» [17]. И он делал все, что мог, для этого, оставив заметный след в истории нашей страны и ее Вооруженных Сил.

Я. М. Горелик

зировать важнейшие события тех лет в строгой последовательности. Небольшие отрывки из мемуаров Шапошникова были опубликованы в «Военно-историческом журнале», 1966, №№ 6—9; 1967, №№ 1, 3, 6.

[16] См. Я. М. Горелик. Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников. (Краткий очерк жизни и деятельности.) М. 1961, стр. 97.

[17] «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет». М. 1939, стр. 423.

ОБЩЕСТВО ПОПЕЧЕНИЯ О РУССКОМ МУЗЕЕ В ЖЕНЕВЕ

К началу XX в. в различных городах Европы значительно активизировалась жизнь эмигрантских русских колоний. В частности, в кругах революционеров-эмигрантов на рубеже нового века возникла мысль о создании в Женеве особого Русского музея, целью которого было бы «предоставить возможно более полную и всестороннюю картину русской жизни во всех ее проявлениях—в области искусства, литературы, науки, быта, религии, в общественно-политических, экономических и прочих отношениях» [1]. При этом подчеркивалось, что «особенное внимание должно быть обращено на собирание материалов, которые могут оказаться, по тем или дру-

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 168, оп. 1, д. 2, л. 2. До сих пор в литературе эта тема почти не освещалась. Некоторые сведения, касающиеся зарождения идеи организации Русского музея, можно найти в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича (см. В. Д. Бонч-Бруевич. Библиотека и архив РСДРП в Женеве. «Красная летопись», 1932, № 3 (48), стр. 106—134).

гим причинам, не доступными в России для лиц, интересующихся ими»[2]. Для осуществления этого начинания, среди инициаторов которого были такие представители русской интеллигенции, как биограф Л. Н. Толстого П. И. Бирюков, известный социал-демократ, впоследствии первый управляющий делами Совета Народных Комиссаров РСФСР В. Д. Бонч-Бруевич, профессор Московского университета, живший в то время в Швейцарии, Ф. Ф. Эрисман и другие, было решено учредить общество по созданию музея и избрать его комитет.

Собрания, на которых обсуждались вопросы организации Русского музея, состоялись 25 и 30 июля (7 и 12 августа) 1901 г. в доме П. И. Бирюкова, вблизи Женевы[3]. Здесь избрали комитет, выработали и подписали устав общества[4]. Комитет решил разослать этот устав как за границей, так и в России. Было составлено также уведомление для лиц, которым предлагалось вступить в члены общества, с тем чтобы запросить их мнение об уставе, а также пригласить на собрание общества, назначенное на 9 (22) сентября 1901 года[5]. Уведомление и устав разослали более чем ста адресатам[6], в том числе Г. В. Плеханову, В. И. Засулич, революционному деятелю 70-х годов XIX в., а затем издателю В. К. Дебагорию-Мокриевичу, видному русскому историку и социологу М. М. Ковалевскому, известному революционеру-анархисту П. А. Кропоткину, а также В. В. Стасову, Л. Н. Толстому, И. Е. Репину, Н. Н. Ге, А. М. Горькому, А. П. Чехову, В. Г. Короленко и многим другим[7].

Первоначально предполагалось, что Русский музей будет ставить перед собой только культурно-просветительные задачи и не служить целям «политической или религиозной пропаганды и агитации»[8]. Но не все члены общества соглашались с этим положением. Выступая на общем собрании, В. К. Дебагорий-Мокриевич подчеркивал, что эмигранты, лишенные права въезда в Россию, обязаны быть политическими пропагандистами[9]. Он предлагал отразить в уставе «только ту сторону русской жизни, которую запрещено представить внутри самой России... Собирать мы должны такие материалы, которые запрещено собирать в России. Сохранять то, чего нельзя сохранять внутри России...»[10]. В итоге было решено слова о запрещении политической пропаганды из устава исключить[11].

Членские взносы позволяли обществу лишь снять помещение для музея, возможность же получения других средств была крайне ограничена. Поэтому комитет решил «обратиться ко всем известным русским ораторам за границей с просьбой прочесть рефераты в пользу Русского музея» и с «подписными листами как к русским людям, случайно проживающим за границей, так и к русскому обществу в самой России»[12]. Что касается литературы, то ко времени созыва первого годичного общего собрания Русский музей уже имел и рассчитывал на получение различных легальных и нелегальных изданий[13]. Было решено наиболее редкие материалы хранить в несгораемых шкафах, которые хотели арендовать в женевском отделении банка «Лионский кредит»[14].

Управление обществом являлось компетенцией собрания, его членов и комитета, при котором могли создаваться разнообразные комиссии. Комитету поручалось выпускать «Ежегодник Русского музея» и, по мере накопления материала, «Листок Русского музея»[15]. Набросок содержания первого номера листка был сделан В. Д. Бонч-Бруевичем[16].

Документальные материалы, характеризующие деятельность «Общества попечения», сохранились только за 1901 г. и сравнительно немногочисленны. А к 1903 г. деятельность музея прекратилась. Именно то-

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 168, оп. 1, д. 2, л. 2.
[3] Там же, д. 1, л. 2, а также: В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч., стр. 107.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 168, оп. 1, д. 1, лл. 4—4 об.
[5] Там же, д. 3, лл. 3—6, 10.
[6] Там же, д. 9, л. 8.
[7] Там же, д. 1, лл. 4 об., 7; д. 3, л. 6. В уведомлении, в частности, говорилось: «С целью сохранить в целости и сделать достоянием для научных занятий многочисленный литературный материал, как напечатанный, так и рукописный, подвергающийся всякого рода ограничению, искажению и уничтожению русской цензурой и полицией, в окрестностях Женевы учреждается Русский музей. Заведование этим музеем берет на себя вновь учредившееся Общество попечения о Русском музее в Женеве, которое на учредительном собрании 12 августа 1901 года выбрало комитет и выработало устав» (там же, д. 3, л. 5).

[8] Там же, д. 2, л. 2 об.
[9] Там же, д. 6, л. 4 об.
[10] Там же, д. 6, л. 3 об.
[11] Там же, д. 6, л. 5.
[12] Там же, д. 3, л. 55—55 об.
[13] Там же, лл. 54 об.—55.
[14] Там же, д. 5, лл. 4 об.—5.
[15] Там же, д. 3, л. 55 об.
[16] Там же, д. 9, лл. 7—12.

гда в среде социал-демократов ленинского направления возникла мысль о необходимости организации за границей своих библиотеки и архива [17]. Начало этой работе было положено вскоре после II съезда РСДРП. В этой связи материалы общества, относящиеся к начальному этапу его деятельности, и те практические шаги, которые были им осуществлены, составили отчасти опыт, который помог впоследствии большевикам создать свою библиотеку и архив в Женеве. С другой стороны, сохранившиеся документы позволяют не только дополнительно осветить некоторые стороны начального периода деятельности РСДРП, но и продолжить поиски новых материалов о нем.

Н. И. Кузнецов

[17] В. Д. Бонч-Бруевич. Указ. соч. стр. 107.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ДЕКАБРИСТОВ

Май 1888 года. В альбоме историка М. И. Семевского оставлен лаконичный автограф «Петр Свистунов — последний из декабристов». А через несколько месяцев Свистунов скончался. Друг семьи А. И. Герцена Т. А. Астракова сообщала из Москвы Н А. Тучковой-Огаревой: «На днях похоронили последнего декабриста — Свистунова; вот люди — и каторга не сломила их» [1]... «Блестящий некогда представитель гвардии и высшего русского общества эпохи Александра I, человек богатый, с отличной предстоявшей карьерой — Петр Николаевич Свистунов, увлеченный потоком идей своего времени, вошел в тайное общество» [2].

Родился П. Н. Свистунов в Петербурге 27 июля 1803 года. Отец — камергер, представитель старинного дворянского рода. Мать — дочь сенатора, наследница имения с 5 тыс. крепостных. Обучался он в дорогих частных пансионах, в Пажеском корпусе, служил в Кавалергардском полку. 14 декабря 1825 г. застало его 22-летним корнетом. «Я заимствовал свободный образ мыслей в конце 1823 года,— заявил Свистунов на следствии.— К ускорению сих мыслей способствовали разговоры с Матвеем Муравьевым и Ватковским» [3]. В 1824 г. произошла его встреча с П. И. Пестелем, после чего Свистунов вошел в петербургскую группу членов Южного общества и склонил к вступлению в нее И. А. Анненкова, Д. А. Арцыбашева, Н. А. Васильчикова, А. С. Горожанского, А. С. Гагенблова. Свистунов одобрял программу декабристов, однако срок и планы восстания вызвали у него возражения. «Хотя по летам и по чину я был весьма незначительное лицо, находясь у него (Трубецкого.— Н. Р.) дня за три до 14 декабря, я в качестве представителя петербургских членов Южного общества откровенно высказался при нем и при Оболенском против готовившегося восстания в надежде отклонить их от предприятия, предвещающего лишь гибель. Из 11 членов Южного общества нас было тогда шесть налицо, не соглашающихся принять участие в восстании» [4]. Позднее это обстоятельство спасло ему жизнь. Тем не менее следственная комиссия по делу декабристов квалифицировала действия Свистунова «как участие в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием и в умысле бунта принятием в общество товарищей» [5]. П. Н. Свистунов был осужден на 20 лет каторги. В Алексеевском равелине молодой человек пережил припадки отчаяния, искал смерти. «Я был в Петропавловской крепости,— писал позднее ему Л. Н. Толстой,— и там мне рассказывали, что один из преступников бросился в Неву и потом ел стекло. Не могу выразить того странного и сильного чувства, которое я испытал, зная, что это были вы» [6].

П. Н. Свистунов отбывал каторгу в Читинском остроге, Петровском заводе, а затем жил на поселении в Ильинском (Ир-

[1] Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Рукописный отдел, ф. 69, п. 9, д. 24 (далее — РОБИЛ).

[2] «Русская старина», 1889, № 3, стр. 669.

[3] «Декабристы. 86 портретов». М. 1906, стр. 225—226.

[4] «Русский архив». 1870, стр. 1665 — 1666.

[5] «Восстание декабристов». Т. 8. Л. 1925, стр. 173.

[6] Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 62. М. 1953, стр. 395.

кутской губернии), в г. Кургане, наконец, в Тобольске, женился на дочери курганского земского исправника, служил в небольшой должности в губернском управлении и административно-статистическом комитете Тобольска. У Свистунова, любителя музыки и отличного виолончелиста, собирались музыкальные вечера. «Заезжие артисты находили у него всегда радушный прием и сочувствие к их таланту»[7],— писала в воспоминаниях его современница. Всю жизнь музыка была его страстью и отдохновением. Он хорошо играл, пел, сам сочинял, кроме того, дирижировал в Тобольске церковным хором. Петру Николаевичу принадлежит весьма значительная роль в деле музыкального просветительства в Сибири.

30 лет участники событий 1825 г. пребывали в Сибири, и многие из них нашли там вечный покой. Но П. Н. Свистунов дожил до амнистии 1856 г., выехал с семьей из Тобольска и поселился в Калуге. Он вступил во владение частью родового имения в Лихвинском уезде, Калужской губернии, и вскоре вместе с декабристами Е. П. Оболенским, Г. С. Батеньковым и петрашевцем Н. С. Кашкиным принял участие в деятельности губернского крестьянского комитета по освобождению крестьян. Там он возглавил левую группу депутатов и подготовил выкупной проект, встреченный в штыки местными «твердолобыми». «Свистунов и Кашкин закабалили себя на обязательную работу уже не по 3 дня в неделю, а, кажется, по 30 часов в сутки»,— писал Г. С. Батеньков М. И. Муравьеву-Апостолу[8]. Декабриста Свистунова и петрашевца Кашкина правительство Александра II отказалось допустить в Петербург на заседания Главного крестьянского комитета как лиц, возвращенных из ссылки. Калужские же дворяне злобно обвиняли автора выкупного проекта в «предательстве дворянских интересов». На обеде у губернатора «губернский предводитель, сидевший возле губернатора за обеденным столом, вскочил и закричал Свистунову: «Каторжник!»[9]. Подобные эксцессы происходили не раз.

Е. И. Якушкин, сын декабриста, сообщал Свистунову из столицы о настроениях в официальных кругах: «Из Петербурга вести такие: дело освобождения идет, но партия реакции набирает силу и вопрос уже поставлен не так широко, как вначале»[10]. По мере сужения постановки крестьянского вопроса и усиления реакционной струи, от деятельности по крестьянскому делу отстранялись неугодные правительству левые элементы. В 1862 г. был отозван в Москву «красный» калужский губернатор В. А. Арцимович, отставлен от должности председателя калужской палаты гражданского суда племянник декабриста А. В. Оболенский, вслед за ними подал в отставку П. Н. Свистунов. Деятельность последнего в административной сфере была пресечена, и он занялся преподаванием французского языка в женской гимназии.

В мае 1863 г. начинается московский период жизни декабриста. Проживал он в Гагаринском и Большом Афанасьевском переулках, на Девичьем поле. В доме на Гагаринском (ныне ул. Рылеева, д. 25) у Свистунова бывали М. И. Муравьев-Апостол, М. А. Бестужев, Н. Д. Фонвизина, Е. И. Якушкин, внук А. В. Суворова А. А. Суворов.

С воспоминаниями и раздумьями о декабрьских днях 1825 г. П. Н. Свистунов выступил в печати, причем официальные круги не без некоторых оснований увидели в этом выступлении апологию декабризма. Две большие статьи П. Н. Свистунова появились в журнале «Русский архив» в 1870 и 1871 годах. Они оказались заметной вехой в изучении истории декабризма и его проблем, примечательным явлением в политической публицистике того времени. Первая статья — «Несколько замечаний по поводу книг и статей о событии 14 декабря и декабристах», вторая — «Отповедь». Автор ратовал за глубокое изучение предыстории и истории восстания 1825 г., выступал против верхоглядства и сообщения непроверенных фактов. Он настаивал на «русских корнях» движения декабристов; подчеркивал, что изучение тогдашних событий должно слагаться из освещения сложной суммы вопросов, касавшихся этого движения: «Следовало выставить причины, его породившие, его деятельность в течение 10 лет, превратности, его постигшие, видоизменения, которым оно подвергалось, убеждения, чувства, стремления, в нем господствовавшие, наконец, вследствие каких обстоятельств тайное общество превратилось в заговор, разрешившийся открытым возмущением... Все то, из чего слагается

[7] «Исторический вестник», 1888, май, стр. 407.

[8] Государственный исторический музей. Отдел письменных источников, ф. 297, д. 10, лл. 1—13.

[9] В. А. Арцимович. Воспоминания, характеристики. СПБ. 1904, стр. 243.

[10] РОБИЛ, ф. М. 5792, п. II, д. 4.

дух времени, характер эпохи,— вот чего станет доискиваться будущий историк, вот материалы, которые следует ему доставить для воспроизведения минувшего периода времени» [11].

Впервые в русской литературе П. Н. Свистунов подверг подробному, хотя и пристрастному разбору важнейшие документы декабристов — «Русскую правду» П. И. Пестеля и «Конституцию» Н. М. Муравьева. Автор статьи замечал о членах общества: «Лишь пламенная любовь к отечеству и желание возвеличить его, доставив ему все блага свободы, могут объяснить готовность пожертвовать собой и своей будущностью». Он восторженно отзывался о декабристах И. Д. Якушкине, М. С. Лунине, подробно рассказал о жизни этих замечательных людей, а о записках первого заметил: «В них все верно...» [12]. Однако Свистунова отличала некоторая узость взглядов: он пытался отрицать, что Пестель требовал автономии Польши, а Никита Муравьев провозглашал в «Конституции» необходимость создания федерации в России. Даже по прошествии 45 лет, оправдывая С. П. Трубецкого, не явившегося на Сенатскую площадь, и защищая свою позицию перед 14 декабря 1825 г., Свистунов настаивал: «Не безначалию следует приписать неуспех восстания, а незрело обдуманному и отчаянному предприятию. Будь тут сам Наполеон, что бы он сделал с горстью людей и без пушек против окружавшего его со всех сторон многочисленного войска, состоявшего из пехоты, кавалерии и артиллерии» [13].

В обеих статьях автор не выступает против необходимости революционного действия как такового, но заявляет о несвоевременности избранного момента. Правда, в позиции Свистунова заметна непоследовательность. «Что до меня касается, я считаю безрассудным малодушием винить кого-либо, кроме самих себя, в постигшей нас участи... Вступая в тайный союз, всякий знал, на что он себя обрекает, и постигший нас разгром рано или поздно был неизбежен» [14]. В этих статьях причудливо смешиваются мотивы жертвенности, неверия и героизма. А взялся Свистунов за перо для того, чтобы доказать, что декабризм был закономерным явлением русской политической истории и что его нельзя рассматривать как некий «изолированный факт, без связи с обстоятельствами, его породившими» [15].

Е. И. Якушкин, один из тайных корреспондентов «Полярной звезды» [16], горячо одобрял обе публикации и сообщал их автору: «Ваша статья доставила мне большое удовольствие. Заметки Ваши... совершенно справедливы» [17]. Публицистический талант и полемический задор автора, личность Свистунова, дело, о котором он писал, привлекли внимание читателей. Опомнившийся вдруг цензор пытался в панике остановить выход в свет «Русского архива». И, видимо, недаром позднее Л. Н. Толстой, приступая к роману о декабристах, обратился именно к Свистунову как к одному из «первоисточников». А в 5-й главе «Бесов» Ф. М. Достоевский дал характеристику декабриста Л-на, заимствованную им из «Отповеди» Свистунова, его рассказов о М. С. Лунине.

Л. Н. Толстой бывал в московских домах Свистунова — в Большом Афанасьевском, на Девичьем поле. Известны четыре письма Льва Николаевича к Свистунову в Москву. «Многоуважаемый Петр Николаевич, когда вы говорите со мной, вам кажется, вероятно, что все, что вы говорите, очень просто и обыкновенно, а для меня каждое ваше слово, взгляд, мысль кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны; и не потому, чтобы я особенно дорожил теми фактическими сведениями, которые вы сообщаете, а потому, что ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня». В других письмах Толстой сообщал: «Я дорожу моими отношениями к вам столько же по той помощи, которую вы оказывали и можете оказать мне, сколько по искреннему и глубокому уважению к вашей личности... Тысячу раз благодарю вас за вашу ласку ко мне и снисходительность; вы не поверите, какое всегда сильное и хорошее впечатление оставляет во мне каждое свидание с вами» [18]. Изъявления любви и восторга со стороны такого человека, каким был Л. Н. Толстой, нельзя воспринимать как проявление простой вежливости. Корреспондент великого писателя был на-

---

[11] «Русский архив», 1870, стр. 1633—1668.
[12] Там же, стр. 1643—1644.
[13] Там же, стр. 1667.
[14] «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг.». Т. 2. М. 1933, стр. 296.
[15] «Русский архив», 1870, стр. 1634.
[16] Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М. 1967.
[17] «Летописи Государственного литературного музея». Кн. 3. М. 1938, стр. 311—312.
[18] Л. Н. Толстой. Собрание сочинений. Т. 62, стр. 460, 417.

делен не только музыкальным даром и политической страстностью, но большим личным обаянием.

«В характере Свистунова было очень много живости, что делало его впечатлительным и активным до самой глубокой старости... Свистунов отличался замечательной честностью, постоянством в дружбе, великодушием... Одарен был восприимчивым и светлым умом» [19],— рассказывал его биограф. «Петр Николаевич,— вспоминала его современница М. Д. Францева,— был отлично образованный и замечательно умный человек, у него в характере было много веселого, что называется по-французски caustique, что делало его необыкновенно приятным в обществе... Всегдашнее расположение к людям при утонченном воспитании и учтивости большого света располагали к нему всех, кто только имел с ним какое-либо общение» [20]. Племянница П. Н. Свистунова Е. Н. Головинская, передавшая в Рукописный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина архив декабриста, писала: «Петр Николаевич ценил в людях не происхождение, а человека, его качества, свойства души и знакомился с людьми на этих основаниях, так что в доме у него бывали только идейные люди» [21]. Внучка И. А. Анненкова М. В. Брызгалова рассказывала о приезде с отцом к старику-декабристу: «Послышались легкие быстрые шаги, и мы увидели перед собой маленького сухого старика с белой бородой, одетого в черный костюм... Меня поразили элегантность и изящество его манер и изысканная вежливость» [22].

Острота ума, блестящая образованность, развитое чувство товарищества, честность, обязательность и, наконец, интеллигентность в сочетании со светскостью, по всей видимости, импонировали такому сердцеведу, каким был Толстой. Его волновало прошлое старого декабриста. Великий писатель в одном из писем отметил: «Довелось мне видеть возвращенных из Сибири декабристов и знал я их товарищей и сверстников, которые изменили им и остались в России и пользовались всякими почестями и богачеством. Декабристы, пожившие в каторге и в изгнании..., вернулись после 30 лет бодрые, умные, радостные, а оставшиеся в России и проведшие жизнь в службе, обедах, картах были жалкие развалины, ни на что никому не нужные, которым нечем хорошим было помянуть свою жизнь. Казалось, как несчастны были приговоренные и сосланные, и как счастливы спасшиеся, а прошло 30 лет и ясно стало, что счастье было не в Сибири и не в Петербурге, а в духе людей, и что каторга и ссылка и неволя были счастье, а генеральство и богатство и свобода были великие бедствия» [23]. И, наверное, приходил Толстому на память Петр Свистунов, когда он таким образом оценивал жизненный подвиг первых русских революционеров.

Н. А. Рабкина

[19] «Декабристы. 86 портретов», стр. 225.
[20] «Исторический вестник», 1888, май, стр. 408.
[21] РОБИЛ, ф. М. 5792, п.I, дд. 3, 4.
[22] «Тайные общества в России в начале 19 столетия». М. 1926, стр. 179—180.
[23] Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 54. М. 1935, стр. 446—447.

ШОТА АМБАКОВИЧ МЕСХИЯ

Советская историческая наука понесла большую утрату. 15 мая 1972 г. после тяжелой болезни скончался член КПСС с 1945 г., заслуженный деятель науки Грузинской ССР, член-корреспондент АН Грузинской ССР, доктор исторических наук, профессор Шота Амбакович Месхия.

Ш. А. Месхия родился в 1916 г. в семье служащего. Среднее образование он получил в Зугдидском лесном училище, в 1937 г. окончил Исторический факультет Тбилисского университета, после чего работал директором сельской школы, а затем учился в аспирантуре. С начала Великой Отечественной войны Ш. А. Месхия находился в действующей армии и был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

С 1942 г. Ш. А. Месхия работает в Институте истории АН Грузинской ССР. В том же году он успешно защитил кандидатскую диссертацию. В 1951—1953 гг. Ш. А. Месхия находился в докторантуре Института истории АН СССР, где в начале 1955 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Города и городской строй феодальной Грузии (XVII—XVIII вв.)». В 1956 г. Ш. А. Месхия был избран заведующим кафедрой истории Грузии Тбилисского университета, где уже до этого ряд лет вел преподавательскую работу, а с 1961 г. являлся деканом Исторического факультета.

Перу Ш. А. Месхия принадлежит свыше ста опубликованных работ. Тематический и хронологический диапазон их весьма широк: он охватывает социально-экономическую, политическую и культурную историю Грузии от античного времени до XX века. Однако главным направлением его научных изысканий была история феодальной Грузии. В его трудах «Дидгорская битва» (1958 г.), «Эпоха Шота Руставели» (1966 г.) и др. получил основательную разработку ряд узловых вопросов истории Грузии X—XIII веков. Значительное место в исследованиях Шота Амбаковича занимали проблемы развития средневековых городов Грузии. Его монографии «Города и городской строй феодальной Грузии» (1959 г.), «Городская коммуна в средневековом Тбилиси» (1962 г.) раскрывают общественный строй, формы собственности, хозяйственную жизнь, историю цехов, классовую борьбу в грузинских городах. Большое внимание Ш. А. Месхия уделял истории русско-грузинских отношений. Им выявлены и опубликованы многие ценные документы по экономической и социальной истории позднесредневековой Грузии, в том числе «Памятник эриставов». Ш. А. Месхия написал также работы о ряде грузинских феодальных историков (Л. Мровели, историки Давида Строителя и Тамары, В. и Т. Багратиони, Н. Дадиани) и монографию «Выдающийся исследователь истории Грузии» (1960 г.) — об акад. С. Н. Джанашиа. Ш. А. Месхия был одним из авторов многотомных «Очерков истории Грузии», ряда вузовских и школьных учебников по истории Грузии, а также многотомных «Очерков истории СССР», «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» и «Хрестоматии по истории СССР». В 1967 г. Ш. А. Месхия был избран членом-корреспондентом Академии наук Грузинской ССР.

Много сил отдал Шота Амбакович подготовке научно-педагогических кадров и научно-редакторской работе. Он был председателем методического совета по истории при Министерстве просвещения Грузинской ССР, методического совета по истории Грузии при Главной редакции Грузинской Советской Энциклопедии, вице-президентом Грузинского исторического общества и т. д.

Ш. А. Месхия ушел из жизни в расцвете творческих сил. Принципиальный коммунист, талантливый исследователь, отзывчивый товарищ — таким он останется в сердцах тех, кто работал с ним, учился у него, знал его.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Якубовская София Иосифовна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется в области истории советского общества, автор монографий «Объединительное движение за образование СССР», «Строительство Советского союзного социалистического государства. 1922—1925» и ряда статей.

Мстиславский Павел Сергеевич — доктор экономических наук, заведующий сектором Института экономики АН СССР, автор книг «Народное потребление при социализме», «Научные основы планового ценообразования» (в соавторстве), «К полному благосостоянию и всестороннему развитию человека» и ряда брошюр и статей.

Винтер Эдуард — действительный член Германской Академии наук в Берлине, специалист по истории Восточной Европы, автор двухтомного труда «Папство и царизм» и других работ.

Гутнова Евгения Владимировна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, профессор, автор книги «Возникновение английского парламента», ряда статей и разделов в коллективных трудах по истории средневековой Англии, а также по истории медиевистики.

Барг Михаил Абрамович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР, специалист по истории Англии в средние века и первый период нового времени, автор монографий «Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв.», «Народные низы в английской революции XVII в.» и др.

Пах Жигмонд Пал — академик, директор Института истории Венгерской Академии наук, член президиума ВАН, профессор кафедры экономической истории Экономического университета имени Карла Маркса (Будапешт), главный редактор журнала «Acta Historica Academiae Scientarum Hungarical». Основные труды: «Первоначальное накопление капиталов в Венгрии», «Аграрное развитие Западной Европы и Венгрии в XV — XVII веках», «Роль Средней и Восточной Европы в международной торговле XVI—XVII вв.», «Проблемы развития марксистской исторической науки в Венгрии» и др.

Мещерякова Надежда Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета МГУ. Специализируется по проблемам генезиса капитализма, формирования пролетариата в Англии, истории рабочего движения в новое время; автор раздела в коллективной монографии «Первый Интернационал» и статей.

Воронин Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, лауреат Ленинской премии, автор двухтомной монографии «Зодчество Северо-Восточной Руси» и многих других книг и статей по археологии, истории русской культуры и проблемам российского феодализма.

Кузьмин Аполлон Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент, автор книг «Рязанское летописание» и «Русские летописи как источник по истории Древней Руси», а также ряда статей по отечественной истории, источниковедению и историографии.

Федотов Борис Федотович — старший научный сотрудник ЦГАОР СССР, специализируется по истории революционного движения в России XIX — начала XX века. Автор статей и публикаций по этой тематике.

Андросов Игорь Юрьевич — научный сотрудник. Специализируется по проблемам политических теорий и зарубежной «советологии».

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

S. I. YAKUBOVSKAYA. **The Role of the Soviet Union in the Development of Soviet Nations and Nationalities (1922-1928).**

The formation of the USSR—a voluntary state union of the equal in rights and sovereign nations—had opened broad prospects for all-round development and cooperation of all nations and nationalities. The article reviews the Soviet State activities in 1922-1928, directed at the consolidations and development of a national statehood of peoples, as well as at the overcoming of their economic and cultural backwardness inherited from tsarism. Consistently fulfilling the Leninist national policy, party and Soviet bodies offered all necessary facilities for the development of all nations and nationalities; it was one of the most decisive factors in the process of unity of working people of all nations on the basis of proletarian internationalism.

P. S. MSTISLAVSKY. **Present Stage of Development of the Soviet Economy.**

On the basis of materials of 1940-1971 the article analyses the changes in standards and structure of production, in productive forces and labour equipment, in proportions of reproduction on an expanded scale, in quality of production, in structure of social property and in class composition of population in the USSR. The author points out at a high level of utilization of labour resources, views changes in the system of planning and management of the national economy, in the use of commodity-money relations, as well as in the system of payment and organization of labour. The article draws a special attention to the development of harmonious and friendly relations as well as social and cultural drawing closer together classes, social groups, nations and nationalities. The author analyses the following regularities in the process of improving of living standards of the Soviet people that takes place nowadays: precipitation of the rate of growth of real incomes, obliterating differences between urban and rural living conditions, rapid development of social consumption funds, bettering of living standards of groups of population with moderate means, improvement of dietary structure of the people, sharp rise in providing with consumer goods, rapid development of service facilities, switch-over to the universal secondary education, better social care for children, the flowering of culture of all Soviet nations and nationalities.

E. WINTER. **The Vatican's Attitude to the Soviet Union.**

The article examines the basic propositions set forth by the author in Volume Three of his fundamental work "Russia and Papacy."

E. Winter's attention is focussed on the Vatican's attitude to Soviet Russia for the period since the victory of the Great October Socialist Revolution to our days. Drawing on a wealth of factual material, the author shows how and under what circumstances the policy pursued by the Vatican for over half a century gradually underwent an evolution from open hostility and engineering a crusade against the USSR to normalizing relations with the Soviet Union and other socialist countries.

The author also underlines that it is only the Vatican's tactics that undergoes changes according to circumstances that take place; as far as its strategy, it remains unchanged.

E. V. GUTNOVA. **Eugeny Alexeievich Kosminsky.**

The article characterizes scientific and pedagogical activities as well as of scientific heritage of Academician E. A. Kosminsky, one of the most prominent Soviet historians of elder generation and a well-known medievalist (1866-1959). Analysing the contribution of the prominent scientist to the working out of history of medieval England, historiography of the Middle Ages, the Marxist-Leninist conceptions of the Middle Ages history as a whole, the author shows the significance of E. A. Kosminsky's works for a present

stage of development of Soviet medievalistics; the author also views research methods and creative style of this prominent scholar and enlightner.

M. A. BARG. **Problems of Methodology in Contemporary Bourgeois Historiography.**

The article observes the influence of such phenomena as social and political changes taking place in the post-war world, and success of the Marxist historical science, as well as progress outlined in the post-war period in linguistics, economy, psychology—contiguous "sciences about man" on bourgeois historiography. After a universally recognized bankruptcy of the neo-Kantian methodology in history, bourgeois historiography resorted to empiric sociology—in search of a new methodological orientation. The latter, in its turn, being in the same need of an integral historiosophic theory, turned to historiography looking for "a way" to overcome a statical character which prevails in this science—that of a structural-functional picture of the world. However, the author writes, while following this path, bourgeois historiography will meet only with new disappointments. The analysis of attempts of bourgeois historians to overcome methodological crisis in bourgeois historical science makes it possible to reveal the trend and essence of the tendencies characteristic of modern development in historical science in Western countries.

Zh. P. PAKH. **Corvée and Hired Labour in the Hungarian Domain Country Estate, 16-17th centuries.**

The author writes that in the first half of the 16th century various forms of hired labour were used along with corvée in Hungarian country estates. However, beginning from the 60-70-ies of the 16th century hired labour was being rapidly forced out by corvée labour. As the result of the so-called revolution of prices, a considerable devaluation which embraced Hungary as well after 1560-1570, led to a rapid depreciation of peasant money conscription. This latter was the leading form of pheudal land-rent. These circumstances made land-owners compensate the reduction of their money income with natural rent forms, first of all with a considerable increase of labour rent. The revolution of prices, which incited the use of hired labour in capitalist tenants' leaseholds in England, had a quite opposite effect on the development of the same process in Hungarian country estates, in particular, and in the Central and the Eastern Europe as a whole. The consolidation of the system of hereditary serfdom in these areas in the first half of the 17th century had become an obstacle in the way of the development of hired labour.

N. M. MESHCHERYAKOVA. **To the Condition of British Proletariat at an Early Stage of Capitalism.**

The author considers the effect of the Law of Settlement of 1662 on the conditions of developing proletariat. This Law had been in force in Britain for more than a century. The article shows an attempt to find an answer to the principal question of historiography of this period: how to combine the needs of capitalism in mobility of labouring population with the settlement of workers and paupers ordered by the above-mentioned Law. The analysis of Quarter Sessions Records showed that the Law ensured an effective system of control over the great mass of expropriated people. The Law met also the employers' demands for manpower. In the interests of bourgeoisie the system of certificates permitted the migration of workers and paupers. The Law of Settlement had an extremely baneful effect on the conditions of proletarians. They were deprived of the right to choose freely a place of residence and a job, and to look for better working conditions. The author comes to a conclusion that the Law of Settlement was a striking demonstration of non-economic compulsion, since it was necessary for young British bourgeoisie at the stage of early capitalism.

CONTENTS

of the journal "Problems of History", No. 9, 1972

Articles: **S. I. Yakubovskaya.** The Role of the USSR in the Development of Soviet Nations and Nationalities (1922—1928); **P. S. Mstislavsky.** Present Stage of Development of the Soviet Economy; **E. Winter, Member of the German Academy of Sciences in Berlin.** The Vatican's Attitude to the Soviet Union; **E. V. Gutnova.** Eugeny Alexeievich Kosminsky; **M. A. Barg.** Problems of Methodology in Contemporary Bourgeois Historiography; **Academician Zh. P. Pakh.** Corvée and Hired Labour in Hungarian Domain Country Estate, 16th-17th centuries; **N. M. Meshcheryakova.** To the Condition of British Proletariat at an Early Stage of Capitalism; Historical Essays: **N. N. Voronin, A. G. Kuzmin.** Spiritual Culture of Ancient Russia; **I. Yu. Androsov.** On the Eve of the Second World War; **B. F. Fedotov.** At the Distant Approaches to Red Petrograd; Historical science in the USSR and abroad; **Surveys: I. P. Kozlitin.** Publications on History of Industry and that of Development of Economical Methods in the USSR; **Book Review.** V. D. Esakov. Soviet Science in the Years of the First Five-Year Plan. Basic Trends of State Management in Science; "Results and Tasks of Studying the History of Siberia of Pre-Soviet Period"; F. P. Sergeyev. Russian Diplomatic Terminology of the 11th-17th centuries; N. Yu. Kolpinsky. F. Engels' Activities During the Years of the First International; A. S. Kan. History of Scandinavian Countries (Denmark, Norway, Sweden); "Road to Leninism", Documents for the History of the Communist Party of Czechoslovakia in 1921-1929; François Billoux. When We Were Ministers (Paris); Graham Jones. The Role of Science and Technology in Developing Countries (London); Facts, events, people: Articles in Soviet and Foreign Historical Magazines. New Books in the USSR and Abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire », 1972, N 9

Articles: **S. I. Yakoubovskaïa.** Le rôle de l'U.R.S.S. dans l'évolution des nations et nationalités soviétiques (1922-1928); **P. S. Mstislavsky.** L'étape contemporaine du développement de l'économie soviétique; **E. Winter, membre titulaire de l'Académie allemande des sciences à Berlin.** La position du Vatican à l'égard de l'Union Soviétique; **E. V. Goutnova.** Evguéni Aléxéevitch Kosminsky; **M. A. Barg.** Questions de la méthode dans l'historiographie bourgeoise d'aujourd'hui; **J.-P. Pakh, de l'Académie.** La corvée et le travail salarié dans les domaines seigneurales de l'Hongrie des XVI—XVIIe siècles; **N. M. Méchtchériakova.** La condition du prolétariat britannique à l'époque du premier capitalisme. Etudes historiques: **N. N. Voronine, A. G. Kouzmine.** La culture intéllectuelle de l'ancienne Russie; **I. Y. Androssov.** A la veille de la Seconde guerre mondiale; **B. F. Fédotov.** Aux approches lointaines de Pétrograd rouge. Sciences historiques en U. R. S. S. et à l'étranger. **Revue: I. P. Kozlitine.** Publications sur l'histoire de l'industrie et du développement des méthodes de gestion de l'économie en U.R.S.S. **Comptes rendus des livres:** V. D. Essakov. Les sciences soviétiques dans les années du premier quinquennat. Axes fondamentaux de la direction des sciences par l'Etat; «Les bilans et les tâches des études de l'histoire de la Sibérie de la période préhistorique; F. P. Serguéev. La terminologie diplomatique russe des XI—XVIIe siècles; N. Y. Kolpinsky. L'activité de F. Engels dans la période de la Ie Internationale; A. S. Kan. L'histoire des pays scandinaves (Danemark, Norvège, Suède); «La voie vers le léninisme». Documents relatifs à l'histoire du Parti communiste de Tchécoslovaquie des années 1921-1929; François Billoux. Quand nous étions ministres; Graham Jones. Le rôle des sciences et techniques dans les payes en voie de développement. Faits, événements, hommes. Sommaires des revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres parus en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

de la revista «Cuestiones de historia» № 9. 1972.

Artículos: **S. I. Yakubovskaya.** Papel de la URSS en el desarrollo de las naciones y nacionalidades soviéticas (1922-1928); **P. S. Mstislavskiy.** Etapa actual del desarrollo de la economía soviética; **E. Winter, miembro de número de la Academia de Ciencias Alemana en Berlín.** Posición de Vaticano frente a la Unión Soviética; **E. V. Gutnova.** Eugenio Alexéevich Kosminskiy; **M. A. Barg.** Problemas del método en la historiografía burguesa actual; **Académico G. P. Paj.** Azofra y trabajo asalariado en la economía latifundista de Hungría en los siglos XVI—XVII; **N. M. Mescheriakova.** Sobre la situación del proletariado inglés en la época del capitalismo temprano. Ensayos históricos: **N. N. Voronin, A. G. Kusmin.** Cultura espiritual de la Rusia Antigua; **I. Y. Androsov.** En vísperas de la Segunda guerra mundial; **B. F. Fedotov.** En los accesos lejanos del Petrogrado Rojo. La ciencia histórica en la URSS y en el extranjero. **Revistas: I. P. Kozlitin.** Publicaciones en materia de historia de la industria y del desarrollo de los métodos de administración económica en la URSS. **Reseñas de libros:** V. D. Esakov. Ciencia soviética en los años del primer quinquenio. Direcciones principales de la administración estatal en el campo de la ciencia; «Conclusiones y tareas del estudio de la historia de Siberia del período presoviético»; F. P. Sergueev. Terminología diplomática rusa de los siglos XI—XVII; N. Y. Kolpinskiy. Actividad de F. Engels en los años de la I Internacional; A. S. Kan. Historia de los países escandinavos (Dinamarca, Noruega, Suecia) ; «Camino hacia el leninismo». Documentos de historia del PCCh en los años 1921—1929; François Billoux. Cuando éramos ministros; Graham Jones. Papel de la ciencia y técnica en los países en vías de desarrollo. Hechos, acontecimientos, personalidades. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el extranjero.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Р. Т. АХРАМОВИЧ, В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ, Н. Н. ДЕМОЧКИН, И. В. ДУДИНСКИЙ, Е. М. ЖУКОВ, М. П. КИМ, А. Г. КУЗЬМИН (заместитель главного редактора), Л. Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, А. Н. САХАРОВ, С. Д. СКАЗКИН, И. В. СОЗИН (ответственный секретарь), И. А. ФЕДОСОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Адрес редакции: 103781, Москва, ГСП, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 228-96-21.

Сдано в набор 26/VII 1972 г.
А 00966. Подписано к печати 4/IX 1972 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆.
Объем 19,60 усл. печ. л. 22,29 учетно-изд. л. Тираж 29 000 экз. Изд. № 2070. Зак. № 3296.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В КОНЦЕ 1972—1973 гг. В ЖУРНАЛЕ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОПУБЛИКОВАТЬ:

По отделу отечественной истории

Ленин и история советского общества
Советский народ — новая историческая общность
Проблема образования СССР в новейшей буржуазной историографии
Коммунистическая партия — организатор победы в годы военной интервенции и гражданской войны
Изменения в социальной структуре советского общества
РСФСР и советская государственность народов России
Советское государство и церковь
История советско-американских экономических отношений
Рабочий класс Москвы в конце XIX — начале XX века
Крестьянское движение в России во второй половине XIX века
Студенческое движение в России в XIX — начале XX века
Эволюция самодержавия в эпоху империализма
Россия и война испанского народа за независимость (1808—1814)
Русская община как социальная группа
Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII века
Феодальная рента в России в эпоху оформления крепостного права
Формирование исторической проблематики в древнерусском искусстве
Методология изучения русских летописей
Система подготовки «советологов» в США

По отделу зарубежной истории

Международное значение образования и развития СССР
Образование СССР и развитие процесса социалистической интеграции
Складывание предпосылок образования СССР и народы зарубежного Востока
Периодизация истории международного рабочего движения
Актуальные вопросы методологии исторических исследований
Современные национально-освободительные революции
Общая теория и история научно-технических революций
Коминтерн и образование Компартии Великобритании
Основание Компартии Индии
Единство рабочего класса — основа союза демократических и антиимпериалистических сил в Чили
Движущие силы некапиталистического развития в странах Африки
Вопросы метода в современной буржуазной историографии
Типологизация историографических исследований
Динамика классовых сил в ранних буржуазных революциях XVI—XVIII вв.
Образование Малой Антанты
Особенности развития капитализма в США
Негритянский вопрос в истории США
Распространение и становление католицизма в Америке
Португальская разновидность фашизма
Военный переворот на Кубе 1952 года
Историография западноберлинского вопроса
Обмен и торговля в первобытную эпоху

(Окончание см. на 3-й стр. обложки).

(Окончание. Начало см. на 2-й стр. обложки).

По отделу публикаций

а) ВОСПОМИНАНИЯ

В Венгрии (1945—1947)
Авиационная промышленность СССР накануне войны

б) ПУБЛИКАЦИИ

Под знаменем Пугачева
Записка о состоянии России середины XIX века
Письмо Нельсона в Россию

в) ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура Галицко-Волынской Руси
Культура Владимирско-Суздальской Руси
Культура народов Закавказья V—XI вв.
Культура народов Средней Азии IX—XIV вв.
Культура Московской Руси
Новгородская культура

г) ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Нефтепровод «Дружба»
На Волховском фронте
Герои Сталинграда
Ополченцы Великой Отечественной войны
«Большая земля» и партизаны
Ладожская «дорога жизни»
Пищевая промышленность СССР перед войной
Володарский — комиссар по делам печати, агитации и пропаганды
Съезды Советов 1922 года
Партизанская война в Приморье
Военная организация народовольцев
Дегаевщина
Наполеоновские солдаты в русском плену
Хаджи-Мурат и Лев Толстой
Антони Иден и страницы английской дипломатии
Тред-юнионизм и современность
Религиозная пропаганда в средние века
Индуизм
«Черные бунты» в США
Масоны

д) ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Как начиналось РОСТА
Первый советский следователь
«Декада обороны»
Октябрь 1917 г. в Ревеле
Первый советский памятник
Большевики в вологодской ссылке
Женщины в российских университетах
Бестужевские курсы
Православная инквизиция
Русский исследователь Алеутских островов
Последний из декабристов
Карьера братьев Орловых
Петр I — член Французской Академии
Семибоярщина
Первый марксист в Перу
Колумб и Сан-Сальвадор

е) У ИСТОРИЧЕСКОЙ КАРТЫ НАРОДОВ МИРА

Ижора
Припамирцы
Коми
Вепсы
Манси
Селькупы
Баконго
Юкагиры

Цена 70 коп. Индекс 70145

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ XIX и начала XX века»

(ВТОРАЯ СЕРИЯ В 7—8 ТОМАХ)

Издательство политической литературы, продолжая публикацию дипломатических документов России из государственных архивов СССР, готовит к печати новую серию издания **«Внешняя политика России XIX и начала XX века»**.

Вторая серия состоит из семи-восьми томов и охватывает период с 1815 по 1830 г. — от Венского конгресса до июльской революции 1830 года во Франции

Большое количество уникальных и неизвестных до сих пор документов проливает свет на важнейшие проблемы внешней политики России и других европейских государств, отражает деятельность «Священного Союза», отношения России с Англией, Францией, США, Австрией, Пруссией, Испанией, Швецией, Данией, Голландией, Швейцарией и др. Издание раскрывает роль России в воссоздании независимости Греции, влияние политики России на освободительное движение ряда других народов Балканского полуострова и Закавказья, позицию русского правительства в связи с национально-освободительными революциями в Латинской Америке. Публикуемые материалы характеризуют деятельность ряда дипломатов и государственных деятелей, игравших крупную роль в политике своих стран: Каподистрии, Нессельроде, Гурьева, Строганова, Кочубея, а также Меттерниха, Каслри, Ришелье и др.

Документы печатаются на языке подлинника (большинство на французском) с переводом их на русский язык. Каждый том снабжен подробными комментариями и указателями.

Издание, рассчитанное на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов-историков и всех интересующихся историей внешней политики России и международных отношений, будет осуществлено в 1973—1980 гг. (по одному тому в год).

Ориентировочная цена тома — 3 р. 60 к. При подписке взимается задаток в размере стоимости одного тома.

Подписка принимается книжными магазинами, распространяющими подписные издания.

«СОЮЗКНИГА»